

А. А. БОКЩАНИН

ИМПЕРАТОРСКИЙ
КИТАЙ
В НАЧАЛЕ
XV
ВЕКА

Annotation

Работа основана на оригинальных китайских источниках. Она посвящена рассмотрению наиболее типичных для позднесредневекового Китая направлений и методов внутриполитической деятельности императорского правительства. На примере конкретной деятельности центральной власти в самых разнообразных областях раскрывается, как традиционные китайские политические доктрины приспособлялись к реальным потребностям государственного управления. Автор прослеживает основные сдвиги, происшедшие в начале XV в. в политике Китая, и определяет место и значение этого периода в истории страны.

- [Алексей Анатольевич Бокщанин](#)
  - [Введение](#)
  - [Глава I](#)
    - [Политическая обстановка в стране во времена царствования Чжу Юань-чжана](#)
    - [Реформаторские начинания правительства Чжу Юнь-вэня](#)
    - [Обострение конфликта между центральной властью и удельными ванами и начало междоусобной войны](#)
  - [Глава II](#)
    - [Обоснование враждующими сторонами своих идеологических позиций](#)
    - [Укрепление военно-стратегической базы Чжу Ди на севере страны и разгром первого похода правительственных войск](#)
    - [Дипломатические маневры сторон. Разгром второго похода правительственных войск и рейд армии Чжу Ди в Шаньси](#)
    - [Разгром третьего похода правительственных войск на север и неудачные попытки северян развивать](#)

- наступление на юг
  - Дальнейшие попытки Чжу Ди перейти в наступление
  - Заключительный этап войны и падение правительства Чжу Юнь-вэня
- Глава III
  - Внешние проявления переворота и его основная направленность
  - Формирование новой правящей верхушки
  - Особенность позиции императора в ходе переворота
- Глава IV
  - Укрепление системы уделов и выработка правительством Чжу Ди общих норм взаимоотношений с ванами
  - Новое обострение конфликта между центральной властью и уделами
  - Период умеренных трений в отношениях двора с удельными властителями
  - Дальнейшее развитие конфликта между двором и уделами и попытки правительства Чжу Ди смягчить отношения с ванами
  - Заключительная стадия конфликта — попытка развязать новую междоусобную войну
  - Результаты политики императорского двора в отношении удельных властителей в первой четверти XV в.
- Глава V
  - Попытка правительства опереться на военную силу
  - Комплектование, обучение и поддержание боеготовности армии во времена Чжу Ди
  - Проблема снабжения войск и система военных поселений в начале XV в.
  - Начало разложения минской армии
- Глава VI
  - Нейтрализация титулованной знати
  - Попытки правительства Чжу Ди усилить контроль над бюрократическим аппаратом и усовершенствовать его работу в целях стабилизации положения в стране

- Политика «раздвоения власти» и усиление роли дворцовой администрации
- Прецедент «двух столиц и двух правительств» и создание Чжу Ди своей опорной базы на Севере
- Характер императорской власти в начале XV в. и ее опора
- Глава VII
  -
  - Некоторые моменты аграрной политики Чжу Юань-чжана
  - Основная направленность аграрной политики Чжу Ди
  - Концепция «заботы о народе» и методы ее реального воплощения
  - Налоговая политика
  - Малоэффективность мероприятий, отвечавших понятию «заботы о народе»
  - Укрепление экономических позиций районов, прилегающих к Пекину
- Глава VIII
  -
  - Общий уровень и особенности организации ремесленного производства в Китае к началу XV в.
  - Развитие различных отраслей ремесла в первой четверти XV в.
  - Политика имперских властей в области внутренней и внешней торговли
  - Финансовое положение в империи в начале XV в.
- Глава IX
  - Основные методы борьбы правительства Чжу Ди с социальным протестом народных масс
  - О характере народных движений в первой четверти XV в.
  - Общие принципы китайской национальной политики в начале XV в.
  - Политика китайского правительства в северо-западных окраинных районах империи
  - Национальная политика в южных и юго-западных провинциях страны
- Заключение
- Библиография

- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)

- [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - [47](#)
  - [48](#)
  - [49](#)
  - [50](#)
  - [51](#)
  - [52](#)
  - [53](#)
  - [54](#)
  - [55](#)
  - [56](#)
  - [57](#)
  - [58](#)
  - [59](#)
  - [60](#)
  - [61](#)
  - [62](#)
  - [63](#)
  - [64](#)
  - [65](#)
-

Алексей Анатольевич Бокщанин
Императорский Китай в начале XV
века
(внутренняя политика)

Введение

Предлагаемая работа посвящена внутривполитической истории Китая в один из острых моментов — междоусобной войне на рубеже XIV–XV вв. и последующему периоду так называемого процветания. Последнее проявлялось в некоторой стабилизации внутривполитического положения в стране, укреплении ее внешних позиций, военной и политической экспансии, культурном подъеме. Внешние проявления этого «процветания» отмечались всеми историками, так или иначе касавшимися истории Китая в период правления династии Мин (1368–1644). Однако вопрос, на чем зиждилось это «процветание», насколько глубоки были его корни, остался неразрешенным. Ответ на него может быть дан лишь после тщательного и всестороннего изучения внутривполитической ситуации, сложившейся в китайской империи в интересующий нас период.

Что касается хронологических рамок предлагаемого исследования, то нужно отметить следующее. Как китайские, так и западноевропейские ученые в своих схемах внутренней периодизации истории Китая во второй половине XIV — середине XVII в. принимали начало XV столетия за определенный рубеж [131, 9–10; 130; 33; 227, 95]. При этом нижней границей отделяемого периода, как правило, служат 1402–1403 гг., т. е. время междоусобной войны и воцарения императора Чжу Ди (1402–1424), узурпировавшего престол. Не отрицая важности этих событий в политической истории страны и в целом присоединяясь к рассмотрению начала XV в. как определенного этапа истории, будет, однако, более рациональным взять за его нижнюю границу момент резкого обострения внутривполитических противоречий в стране, которые привели к отмеченной внутренней борьбе. Такой момент наступает в 1398 г., после смерти основателя династии Мин — Чжу Юань-чжана, когда накопившиеся за бурный период его царствования (1368–1398) искусственно подавляемые трения бурно прорываются наружу и когда новое правительство, на словах декларируя верность линии предшественника, на деле пошло на существенные перемены в политике.

В свою очередь, вспыхнувшая в стране на рубеже XIV–XV вв. внутренняя война наложила отпечаток на многие стороны

политической линии, принятой правительством Чжу Ди в начале XV в., правительством, пришедшим к власти на гребне этой войны по праву победившей стороны. Таким образом, внутривнутриполитические катаклизмы 1398–1402 гг. представляются неразрывно связанными с последующим историческим этапом и органически вписываются в рамки предпринятого исследования.

Принимая 1398 г. за начальный рубеж своего исследования, автор вполне сознает определенную его условность, ибо означенные катаклизмы уходят своими корнями в предшествующие десятилетия. Однако тем не менее есть основания сосредоточить внимание именно на последующих за указанным рубежом событиях. Нужно отметить, что первые три десятилетия в истории династии Мин — время правления ее основателя — уже неоднократно были объектом пристального изучения как зарубежных, так и советских ученых [см. 47; 49; 55; 96; 105; 106; 108; 126; 137; 145; 149; 152; 174; 181; 230]. Это неудивительно, ибо конец XIV в. представляет собой время, когда после широкого народного движения и свержения монгольского господства в стране закладывались социальные, законодательные, идеологические и экономические основы новосозданной империи. Вопросы же о том, какие изменения произошли в результате внутривнутриполитических катаклизмов конца XIV в. и политики правительства Чжу Ди в начале следующего века, практически не поднимались. Между тем они представляют несомненный интерес. Настоящее исследование можно рассматривать как прямое продолжение того, что уже сделано для освещения первых трех десятилетий минской истории.

Несколько сложнее с определением верхней границы исследуемого периода. Здесь нет столь четких вех, какими могут служить 1398 или 1402 г. для нижней границы. Период «процветания» минской империи обычно продлевается историками до 1434–1435 гг. [131, 9; 130, 37; 210, 109–112]. Однако некоторые исследователи отмечают, что существенные изменения во внутренней и внешней политике страны начинают сказываться уже где-то около 1425 г. Например, О. Б. ван дер Шпренкель считает, что приблизительно с этого момента империя Мин вступает в полосу постепенного «истощения сил» [227, 95–96]. Ч. О. Хакер, наоборот, полагает, что в 1424 г. только еще начинается «эра процветания» страны [210, 109–112]. Но определенный рубеж на грани первой четверти XV в. усматривается обоими исследователями. С. П.

Фицджеральд также констатирует существенные внутривластные изменения, начинающиеся после 1425 г. [201, 27].

Заметные изменения в середине 20-х годов XV в. можно проследить и во внешней политике Китая. После 1424 г. прекращаются походы китайцев в Монголию; в 1425 г. императорское правительство отказывается (хотя пока еще временно) от широкой дипломатической и торговой экспансии в заморские страны, практиковавшейся в начале века; наконец, в 1427 г. китайские войска под давлением народного сопротивления покидают оккупированный с 1407 г. Вьетнам.

Во внутренней политике, в связи с тем что в 1424–1425 гг. дважды происходят перемещения в правящей группировке, также намечаются некоторые сдвиги. Не предваряя конкретных выводов настоящего исследования, отмечу, что в общем и целом первая четверть XV в. представляется как некий имеющий самостоятельное значение этап в политической истории Китая.

Таким образом, предлагаемое исследование охватывает 1398–1425 гг. Это, однако, не мешает в случае необходимости совершать исторические экскурсы в предшествующее или последующее время.

Основная цель исследования — показать место очерченного периода во внутривластной истории Китая, а также проследить на этом примере наиболее характерные методы действия правительства в сфере внутренней политики как во время острой вспышки междоусобной борьбы в стране, так и в сравнительно спокойные годы. В связи с этим объектом изучения были избраны самые разнообразные вопросы: происхождение и характер внутривластного кризиса в последние годы XIV в., война 1399–1402 гг., методы разрешения конфликта победившей группировкой, взаимоотношения центральной власти с властителями удельных держаний, политика правительства в отношении армии, отдельных слоев господствующего класса, крестьянства, отношение властей к развитию ремесла и торговли в стране, национальная политика, методы подавления народных движений. Круг охваченных вопросов в значительной мере определяется данными китайских исторических источников, использованных в работе.

Что же касается чисто познавательного интереса, то начало XV в., по словам Ван Гэн-у, представляется одним из «наиболее насыщенных событиями» периодов истории Китая [231, 377].

Основным источником для написания работы послужила наиболее подробная хроника, охватывающая события 1398–1424 гг., — «Мин Тай-цзун ши лу» («Записи о свершившемся при Минском Тай-цзуне») [1]. Она была составлена в 1430 г. придворными историками во главе с Ян Ши-ци, Хуан Хуаем и Ян Жуном — видными политическими деятелями начала XV в. Хронологически она служила продолжением аналогичной хроники, охватывающей правление Чжу Юань-чжана («Мин Тай-цзу ши лу»), составленной в 1418 г. В свою очередь, такие же записи о событиях в годы правления минских императоров делались и в последующие царствования. Все вместе они составляют обширнейшую хронику минской эпохи, сокращенно называемую «Мин ши лу».

Ценность «Мин Тай-цзун ши лу» как исторического источника состоит в том, что он создавался на основе ежедневных записей придворных летописцев о всех событиях политической и придворной жизни и что в него включены почти все решения двора, императорские указы, а также многие доклады, поступавшие от различных сановников и с мест на имя императора. Материалы, которые можно почерпнуть из этого источника, чрезвычайно разнообразны. Они охватывают вопросы внутренней и внешней политики, отдельные аспекты экономической жизни страны, жизнь императорского двора и положение в провинциях, вопросы идеологии и культуры.

Однако весь этот поток самых разнородных по характеру данных размещен лишь по хронологическому принципу. Никакой другой системной группировки фактов нет. Поэтому использование данного источника имеет немалые трудности. Но зато строгая подневная датировка событий дает возможность воссоздать их последовательность, представить историческую канву.

Отмечая непреходящую ценность «Мин Тай-цзун ши лу» как исторического источника, следует иметь в виду и некоторые его слабые стороны. Во-первых, в нем преимущественно отображена официальная, придворная точка зрения. При отборе включаемого материала, несомненно, учитывалась существовавшая политическая ситуация. Однако этот недостаток присущ и всем прочим китайским «официальным» источникам, составленным историками, находившимися на государственной службе. «Мин ши лу» даже в меньшей степени, чем все другие официальные источники, подвержен

этому недостатку, ибо предполагалось, что труд будет доступен лишь ограниченной части политических деятелей высшего круга. Во-вторых, предпочтение при изложении отдается самому факту. Побудительные же мотивы, объясняющие данный факт, либо вообще отсутствуют, либо приводятся весьма кратко или же в нужном для двора свете. В-третьих, некоторые события в хронике опущены, отдельные документы помещены: в пересказе или с сокращениями и иногда также опускаются, что связано с субъективными расчетами составителей, а также упомянутыми конъюнктурными соображениями. Последнее особенно относится к помещенному в источнике описанию событий 1398–1402 гг. Недаром даже китайские ученые старой школы отмечали, что «военные дела», составляющие основное содержание событий этих лет, в «Мин ши лу» весьма приукрашены [24, цз. 12, 559].

Отмеченные недочеты объясняют, почему, несмотря на всю универсальность «Мин Тай-цзун ши лу», наряду с ним для изучения исследуемого периода можно и нужно привлекать и другие исторические источники^[2].

Для изучения событий, следующих за 1424 г., были также привлечены «Ши лу» двух преемников Чжу Ди «Мин Жэнь-цзун ши лу» (хроника составлена в 1430 г. под руководством Ян Ши-ци, Хуан Хуая и Ян Жуна) и «Мин Сюань-цзун ши лу» (составлена в 1438 г. под руководством Ян Ши-ци и Ян Жуна).

Из прочих многочисленных исторических хроник, охватывающих события периода Мин, были использованы такие, как «Го цюе» Тань Цяня (1653), «Мин да чжэн цзуань яо» Тань Си-сы (1619), «Цзяньвэнь сунь го чжи цзи юэ бяо» Лю Тин-луаня (1643), «Мин цзянь ган му» Инь Луань-чжана (1746), «Мин цзи» Чэнь Хао (1757–1811), «Мин тун цзянь» Ся Се (1870), а также французский перевод хроники XVIII в. «Юй чжуань тун цзянь ган му сань бянь», выполненный Деламарром [38], и русский перевод неозаглавленной хроники, исполненный С. Липовцевым [13].

Все эти хроники менее подробны, чем «Мин ши лу», и использованы главным образом для справок, сравнения и отдельных дополнений описываемых событий. Среди них следует выделить труд Тань Цяня — одну из довольно ранних и весьма полных хроник «частного» характера, т. е. составленных не под непосредственным контролем государственных чиновников. В связи с этим многие

события здесь имеют несколько иное звучание, чем в «официальных» историях. Это особенно относится ко времени междоусобной войны и смежных с ней событий (1398–1402). Этот факт отмечался У Ханем, давшим высокую оценку источника [148, 173]. Сопоставление данных Тань Цяня с «Мин ши лу» весьма полезно и интересно. В его труде отразились также те события, которые были нарочито опущены при составлении «Мин ши лу». В связи со всем этим В. Франке характеризовал «Го цюе» Тань Цяня как наиболее важную работу хроникального типа для изучения периода Мин [202, 38].

Из работ нехроникального типа следует отметить «Мин ши цзи ши бэнь мо», составленную Гу Ин-таем (1658). Это история периода Мин, составленная по тематическому принципу. Но внутри каждой тематической рубрики соблюдается строгий хронологический принцип изложения. Гу Ин-тай пользовался для составления своей работы большим числом оригинальных источников минского времени, многие из которых уже утрачены. Данные обстоятельства повышают ее ценность. Кроме того, в труде не так ярко, как в официальных историях, отразились конъюнктурные соображения при описании событий. В связи с этим работа особенно ценна для понимания событий 1398–1402 гг., которые не получили самостоятельного отображения и были наиболее искажены в «Мин Тай-цзун ши лу».

Нами использованы также хроникальные записи (*бэнь цзи*), таблицы (*бяо*) и различные разделы тематического характера из официальной общей истории периода Мин «Мин ши» (составлена правительственными историками во главе с Чжан Тин-юем между 1678–1739 гг.), ее прототипа «Мин ши гао» (составлена также придворными историками во главе с Ван Хунсюем в 1678 г.), а также «неофициального» варианта, подобного общей истории «Мин шу» (составлена Фу Вэй-линем в 60-х годах XVII в.). Для уточнения отдельных моментов привлекался сокращенный вариант общего труда по истории Мин — работа Лун Вэнь-биня «Мин хуй яо» (1887), а также списки высших сановников минского времени — «Мин ци цин као люе» (составлены на рубеже XIX–XX вв. Хуан Да-хуа).

Из источников энциклопедического характера были использованы «Гу цзинь ту шу цзи чэн» (составлена в начале XVIII в. под руководством Чэнь Мэн-лэя), куда в виде тематически подобранных разделов вошли отрывки из многих исторических и географических

трудов минского времени (в частности, «Да Мин хуй дян»», «Да Мин и тун чжи», «Да Мин чжэн цзи» и др.), и «Сюй вэнь сянь тун као» (составлена к 1749 г. под руководством Цзи Хуана), также основанная на многих более ранних исторических трудах.

Для сверки текстов некоторых императорских указов привлекался сборник избранных указов минского времени — «Хуан Мин чжао лин», составленный Фу Фэн-сяном в середине XVI в.

В работе были частично использованы материалы раннеминского кодекса законов «Да Мин люй» как в переводе Н. П. Свистуновой [14], так и в оригинале, а также сводного труда по законодательному и административному устройству минского Китая — «Хуан Мин чжи шу» (составлен Чжан Лу около 1579 г.).

Специальной научной литературы, посвященной всему комплексу проблем, которые затрагиваются в настоящем исследовании, практически нет. Однако рассматриваемые ниже вопросы находили частичное отражение либо в общих трудах по истории, экономике и культуре Китая, либо в работах, затрагивающих отдельные аспекты этих проблем. Остановимся на некоторых из этих вопросов.

Во-первых, это общая оценка исследуемого периода. Китайские авторы, в частности Ли Гуан-би и Ли Сюнь, посвятившие специальные работы истории Китая конца XIV — середины XVII в. и конца XIV—XIX в., выделяют 1403–1435 гг. как этап «экономического процветания» страны [130, 37–41; 131, 9]. В свою очередь, американский исследователь Ч. О. Хакер, как упоминалось, склонен относить «эру процветания» империи Мин лишь к 1424–1434 гг. Предшествующую четверть столетия он считает периодом становления и консолидации порядков новой империи, сближая тем самым по своему значению время правления Чжу Ди (1402–1424) с первыми десятилетиями минской истории. Аналогичное сближение прослеживается у другого американского автора — Р. Хуана, который считает, что в 1368–1425 гг. империя «управлялась мечом» [209, 105].

В советской исследовательской литературе высказывалось мнение, что начало XV в., как и предшествующие десятилетия минской истории, было отмечено экономическим подъемом в стране, на котором базировались внешнеполитические успехи Чжу Ди [45, 61; 113, 90]. Однако советские авторы не склонны переоценивать упомянутое «процветание». К. А. Харнский еще в 1927 г. отмечал, что к концу

первой четверти XV в. империя Мин процветала лишь внешне [118, 225].

Как видим, оценки исследуемого периода в целом весьма различны, что не удивительно в свете указанной неразработанности проблемы. Это лишний раз говорит о необходимости предлагаемой работы.

Второй проблемой, получившей частичное отражение в научной литературе, можно считать междоусобную войну «Цзиннань» («За устранение кризиса») 1399–1402 гг., вернее, моменты, связанные с оценкой ее причин и результатов. В общеисторических трудах эта война рассматривается обычно как борьба различных претендентов на императорский престол [77, 534]. Эта точка зрения проводится и в упомянутой работе Ли Гуанби, хотя и с оговоркой, что война «возникла в результате внутренних противоречий в самых верхах правящей клики и вылилась в борьбу за престол» [130, 34]. Сходную позицию занимает и Ли Сюнь. Однако, касаясь содержания отмеченных «внутренних противоречий», он поясняет, что борьба шла между придворной группировкой и группировкой сторонников усиления власти удельных властителей — ванов [131, 46–47]. Тем самым внутренние противоречия увязываются с проблемой распределения власти в стране, хотя сам автор не акцентирует эту мысль. Авторы коллективного труда по истории Китая под редакцией Шан Юэ подчеркивают, что война «Цзиннань» явилась прямым результатом попыток центрального правительства упразднить систему удельных ванов, насажденную Чжу Юань-чжаном [98, 412].

Заслуживает внимания позиция виднейшего исследователя истории Китая XIV–XVII вв. У Ханя — автора одной из первых специальных работ о войне «Цзиннань». Возникновение междоусобной борьбы на рубеже XIV–XV вв. он склонен связывать с противоречиями и соперничеством между северокитайскими и южнокитайскими феодалами. Отсюда упомянутая война непосредственным образом увязывается с последующим переносом столицы победившей северной группировкой из Нанкина в Пекин [143]. При этом У Хань рассматривает борьбу между северокитайскими и южнокитайскими феодалами не как специфическую черту периода Мин, а как явление, прослеживающееся в истории страны с X по XVII в. [147]. Точка зрения У Ханя на характер внутривнутриполитических противоречий в конце

XIV — начале XV в. поддерживается современным китайским автором, работающим на Тайване, Чэнь Лунь-сюем [173].

Наиболее подробно вопрос о возникновении войны 1399–1402 гг. через призму противоречий между удельными ванами и центральным правительством рассматривается американскими синологами Э. Фэрмером и Д. Чэнем [189; 200]. Касаясь причины насаждения Чжу Юань-чжаном удельных властителей из числа своих сыновей, оба автора приходят к выводу, что побудительным мотивом императора было в этом случае стремление эффективно защитить северную границу страны от нападения монголов. Если Э. Фэрмер в какой-то мере допускает иные побуждения, например стремление Чжу Юань-чжана укрепить позиции нового правящего дома в стране, то Д. Чэнь настаивает исключительно лишь на военных целях. Концентрация военной власти в руках ванов, как согласно считают оба автора, и привела в конечном счете к конфликту с центральным правительством.

Отмеченная точка зрения поддерживается также китайским буржуазным историком У Ци-хуа. Однако последний ставит проблему несколько шире, чем Э. Фэрмер и Д. Чэнь. Передача военной власти ванам рассматривается У Ци-хуа не как утилитарная мера по обороне границ, а как результат борьбы Чжу Юань-чжана за концентрацию всей власти (и гражданской и военной) в руках монарха и правящего дома [154, 10]. Тем самым затрагивается проблема общей трансформации государственной власти в Китае в конце XIV — начале XV в. Это весьма важно. Однако У Ци-хуа недостаточно развивает эту мысль. Весьма симптоматично, что в другой своей работе, специально посвященной упомянутой трансформации власти, о войне «Цзиннань» он упоминает лишь вскользь [153, 7].

Д. Чэнь посвятил также небольшое исследование роли монаха Дао Яня в развитии конфликта между ваном удела Янь-Чжу Ди и императорским двором, т. е. основными противниками в войне 1399–1402 гг. [190]. Действительно, Дао Янь был одним из близких помощников Чжу Ди накануне и во время войны. Но преувеличение роли первого ведет к затушевыванию объективной закономерности развития конфликта между центральной властью и удельными властителями.

Среди китайских авторов еще в 20-е и 30-е годы настоящего столетия началась дискуссия о судьбе свергнутого в 1402 г. императора

Чжу Юнь-вэня. Не вдаваясь в ее подробности, отметим, что одни авторы, как, например, Мэн Сэнь более склонялись к версии ухода Чжу Юнь-вэня в монахи [138]. Другие, как Ху Ши, настаивали на гибели императора в 1402 г., а версию о его последующей жизни считали литературным вымыслом [164]. Нужно сказать, что обе отмеченные версии нашли отражение в китайских источниках, и поэтому разрешить этот спорный вопрос со всей определенностью трудно. Другие же вопросы, связанные с результатами войны «Цзиннань», в научной литературе почти не поднимались.

Говоря о работах, посвященных бурным политическим событиям 1398–1402 гг., следует упомянуть интересную попытку китайского буржуазного автора Шэнь Ган-бо проанализировать идеологические позиции одного из ведущих политических деятелей того времени — Фан Сяо-жу [178]. Такого рода работа — пока единственная — может повести к более углубленному подходу в исследовании интересующего нас периода.

Имеется также ряд работ «сквозного» по времени характера, где затрагиваются отдельные проблемы, относящиеся и к исследуемому периоду. Это работы по организации армии, некоторым аспектам аграрной политики, ремеслу, экономике, государственному устройству и другим вопросам, касающимся периода Мин в целом [см., например, 107; 109; 116; 119; 121; 122; 125; 133; 135; 140; 141; 142; 144; 147; 150; 155–157; 158; 166; 167; 179; 180; 187; 188; 194; 205–207; 209–213; 226; 228; 232]. В этих работах в большей или меньшей степени отражены события начала XV в. Но выделить в них какой-либо проблемный подход к этим событиям нет возможности.

Пожалуй, единственной широкой проблемой, дискутируемой в общих работах и непосредственно связанной с тематикой предлагаемого исследования, является социальное, государственное устройство и характер власти в средневековом Китае. Здесь имеются в виду работы советских историков Л. С. Переломова, Л. С. Васильева, А. В. Меликсетова и зарубежных исследователей Е. Балаша, В. Эберхарда, С. Эйзенштата, К. Витфогеля, В. Т. де Бари, Дж. Б. Парсенса и др. [см. 58; 60–63; 91; 100; 103; 123; 124; 182–186; 195–198; 222, 233, 234]. Советские исследователи отмечают важность хозяйственно-организаторской функции китайского государства на различных этапах его развития. В их работах также отразилась та специфическая роль,

которую играла бюрократия — обособленный слой господствующего класса страны в жизни китайского общества. Нашли отражение и сложные проблемы взаимоотношений императорской власти с бюрократией.

Западноевропейские и американские синологи акцентируют внимание на традиционности китайской социальной и государственной структуры, избегая термина «феодализм». Однако это не исключает различного подхода к некоторым важным теоретическим проблемам. Например, В. Эберхард называет «традиционный» Китай «Обществом джентри», подчеркивая тем самым преобладающие позиции господствующих слоев в стране на внутривластной арене [195]. В свою очередь, К. Витфогель считает, что в Китае существовал деспотический режим в полном смысле этого слова и государственный аппарат империи, контролируемый правителем, был сильнее каких-либо социальных сил [234].

К последователям К. Витфогеля можно отнести В. Т. де Бари и отчасти Ч. О. Хакера [186, 163–164; 213, 38–39], к тем, кто разделяет мнение В. Эберхарда — американского исследователя Ло Юн-бана. Последний, в частности, доказывает, что любые решения, исходившие от императора, были на деле плодом коллективного творчества и отражали интересы многих заинтересованных слоев [218, 51, 70–72].

Отмеченные проблемы ставятся учеными в широком историческом и социологическом плане без применения к какому-либо узкому конкретному периоду. Но в той или иной степени — как общее к частному — они имеют отношение и к истории Китая начала XV в. Выявление конкретных особенностей социального строя и специфики деятельности государственной машины в рассматриваемое время может быть полезным для уточнения поднятых выше спорных вопросов.

Считаю своим приятным долгом выразить благодарность сотруднику Отдела Китая Института востоковедения АН СССР Ду И-сину, оказавшему мне помощь при трактовке наиболее сложных мест в переводе староязычных китайских текстов, а также всем товарищам, принявшим участие в обсуждении рукописи данной работы.

Глава I

Обострение внутриполитической борьбы в Китае в конце XIV в.

Политическая обстановка в стране во времена царствования Чжу Юань-чжана

Ночью 24 июня 1398 г. в покоях императорского дворца в Нанкине умер Чжу Юань-чжан^[3] — основатель династии Мин. После того как всей стране было предписано плакать по усопшему и семидневные траурные церемонии завершились погребением его тела в заранее подготовленной гробнице Сяолин под Нанкином, 30 июня был обнародован манифест о вступлении на престол внука старого императора — Чжу Юнь-вэня^[4].

Чжу Юань-чжан

Внешне все выглядело вполне традиционно: кандидатура наследника была избрана заранее, что оговаривалось в манифесте-завещании, составленном еще при жизни Чжу Юань-чжана, ритуал погребальных процедур осуществлен согласно древним образцам, манифест 30 июня содержал положенные для данной ситуации статьи и

славословия. Однако в этом манифесте, обнародование которого само по себе являлось данью сложившейся в Китае традиции, обращает на себя внимание одно интересное обстоятельство. Среди стандартных фраз, возвеличивавших покойного монарха, и обещаний наследника следовать его наказам и наставлениям своеобразным диссонансом звучат слова: «Я начну вводить преобразования в политике» [16, цз. 11, 787]. Конкретный смысл этого обещания в документе не раскрывается. Вместо этого идут весьма расплывчатые сентенции: «Всегда подходили [в политике] и щедрость, и строгость... Добродетельна лишь хорошая политика. Политика [же] заключается в пестовании народа. Нужно уважать слова древних мудрецов и тогда можно достичь процветания...» [16, цз. 11, 787]. Эти фразы выдержаны полностью в традиционном духе и скорее затушевывают намерение преобразований.

Чжу Юнь-вэнь

Может возникнуть подозрение, что обещание перемен попало в манифест о вступлении на престол Чжу Юнь-вэня случайно. Чтобы установить, так это или нет, нужно обратиться к вопросу: назрела ли к 1398 г. какая-либо потребность в «преобразованиях в политике»? Для этого необходимо вкратце представить себе ситуацию, сложившуюся в стране в конце XIV в. и особенно к концу царствования Чжу Юань-чжана.

Как известно, до середины XIV в. в Китае сохранялась власть монгольских завоевателей. Их господство пало в результате широкого народного движения, продолжавшегося в общей сложности около 20 лет (1350–1368). Чжу Юань-чжан — выходец из крестьян, позже бродячий монах, затем солдат и начальник повстанческого отряда, ставший вождем группировки повстанцев в районе нижнего течения р. Янцзы, — пришел к власти на гребне этого движения. В 1368 г. его войска, овладев Пекином, изгнали из страны последнего монгольского властелина. Одновременно Чжу Юань-чжан был провозглашен императором новой династии — Мин. Столицей Китая стал Интянь (Нанкин).

Описанные обстоятельства прихода к власти нового правительства делали его положение в стране весьма сложным. Во-первых, окончательное изгнание монгольских феодалов и верных им китайских сатрапов из окраинных провинций продолжалось в течение почти 20 лет после основания династии Мин. Кроме того, силы монгольских ханов за пределами Китая еще не были сломлены и существовала постоянная угроза нового вторжения. Иначе говоря, во внешнеполитическом плане наблюдалась определенная неустойчивость. Во-вторых, вне зависимости от того, была ли сильна или слаба антифеодальная струя в общем потоке национально-освободительного движения середины XIV в. (данный вопрос является спорным), это движение, благодаря своей широте и длительности, не могло не накалить социальную обстановку в стране. В-третьих, Чжу Юань-чжан и его сподвижники на пути к победе преодолели сопротивление не только монгольских завоевателей и их приспешников, но и других, соперничавших группировок повстанцев. Иными словами, нельзя упускать из виду, что наряду с освободительным движением, параллельно с ним, в стране шла острая борьба за власть. Последствия этого не могли исчезнуть сразу, и внутривнутриполитическое единство страны вряд ли могло быть восстановлено актом провозглашения нового императора.

Последние два обстоятельства обуславливали внутривнутриполитическую неустойчивость правительства Чжу Юань-чжана.

Тот факт, что в первое время своего существования минское правительство не пользовалось полной поддержкой своих подданных и было вынуждено добиваться их лояльности, отмечался американским

исследователем Э. Фэрмером [200, 2–3]. В этих условиях закрепление у власти стало одной из кардинальных линий в политике Чжу Юань-чжана. Меры, направленные на удержание захваченных позиций, можно проследить в течение всего 30-летнего периода его царствования. Они шли в основном по трем направлениям: укрепление армии и военной мощи, налаживание экономической жизни страны, усиление императорской власти.

Наиболее ярко эти меры прослеживаются на примере последнего из указанных направлений. В 1380 г. были ликвидированы посты канцлеров (*цзайсян*), обладавших наиболее широкими, после императора, полномочиями в делах управления. Одновременно был упразднен Центральный правительственный совет (*Чжун шу шэн*), служивший высшим совещательным органом при императоре. Ставшие после этого высшими правительственными органами шесть ведомств (*лю бу*) были непосредственно подчинены императору. Начальники этих ведомств и другие высшие сановники могли произвольно смещаться и назначаться им.

Чжу Юань-чжан активно пользовался этим правом: в конце XIV в. неоднократно наблюдается полная и почти единовременная смена начальников всех ведомств и их помощников. Иногда кресла начальников пустовали по несколько лет. Во всем этом можно проследить определенную систему, направленную на ослабление реальной власти и влияния шести ведомств.

В 1382 г. был отменен взятый с образцов X–XIII вв. институт «увещателей» императора, в обязанности которых входило указывать последнему на его ошибки и промахи. Цель усиления личного контроля императора над деятельностью государственного аппарата преследовала и реформа такого органа, как Цензорат (*Юйшитай*), который был призван нести надзор за чиновными властями в центре и на местах. Высшее военное командование также находилось в руках императора.

В конце XIV в. можно проследить и стремление императора усилить контроль в провинциях. Широкие полномочия губернаторов провинций, существовавшие при монголах, были ликвидированы. Их полномочия отныне распределялись среди трех сановников, ведавших отдельно административно-финансовой, судебной и военной властью на местах. Такое распределение функций вело к усилению в

провинциях позиций центральной власти, которая с 80-х годов в большой степени контролировалась лично императором.

В плане борьбы императора за укрепление своего положения можно рассматривать и такое мероприятие, как создание Чжу Юань-чжаном своеобразных удельных княжеств, управляемых его сыновьями, которых к 80-м годам XIV в. было уже 25. Они торжественно титуловались ванами^[5]. Им предоставлялась резиденция в одном из крупных городов, становившихся столицей их уделов (*фэн*, иначе *го*). Здесь в распоряжении ванов имелся особый штат чиновников, повторявший, как мыслилось, императорский двор в миниатюре. Однако право назначения и смещения этих чиновников оставалось за императором.

Властитель удела имел в своем собственном распоряжении войска — так называемые охранные гарнизоны (*ху вэй*). Общая численность их могла колебаться от 3 до 19 тыс. латников [29, цз. 116, 7373 (2)]. Во время военных действий под начальство ванов поступали все расквартированные поблизости и переброшенные из других районов войска.

Четких территориальных границ уделы не имели. Подразумевалось, что в удел входили районы, издавна тяготевшие к городу — резиденции вана в административном и хозяйственном отношении. Чаше столицы ванов совпадали с центрами древних китайских княжеств, и поэтому уделы именовались названиями этих давно не существующих территориальных делений^[6]. Специально установленными для регулирования всей жизни уделов правилами предполагалось, что ваны и подчиненные им чиновники не должны вмешиваться в административную и хозяйственную жизнь территорий, входящих в уделы. Другое дело, что практически это было трудно осуществить, так же как и контролировать военную силу ванов. Но об этом речь пойдет ниже. Здесь же отметим, что основу материального благосостояния держателей уделов, по мысли правительства, должно было составлять щедрое жалованье из казны, а также феодальные поместья, предоставлявшиеся им вне пределов удельных владений.

Введение системы уделов осуществлялось Чжу Юань-чжаном в три этапа: 1369–1370, 1378 и 1391–1392 гг. (подробнее см. табл. 1). Однако назначение своих родичей на важные посты с целью усиления непосредственного контроля на местах он начал проводить на

подведомственной ему территории еще до воцарения — с 1356 г. [49, 123]. Надо сказать, что система уделов в той или иной форме не была нововведением Чжу Юань-чжана. Нечто подобное практиковалось в императорском Китае и ранее, в частности во II в. до н. э., в III в. н. э. и при непосредственных предшественниках династии Мин — монгольских правителях. Но для исследуемой проблемы главное не в этом, равно как и не в тех отличиях, которые имели уделы конца XIV в. от своих более ранних образцов, а в назначении системы уделов, в целях, преследовавшихся Чжу Юань-чжаном при ее насаждении.

Нет сомнения, что обращение к этой системе явилось прямым следствием сложной социальной и политической обстановки в стране, перед лицом которой оказалась новосозданная императорская власть. Предоставлением особых прав ближайшим родственникам Чжу Юань-чжан рассчитывал укрепить свое положение. Как не без оснований отмечали китайские историки, многолетний опыт внутривластной борьбы привел первого минского монарха к мысли, что «в стране нет никого надежнее детей и внуков» [98, 411–412]. В них он надеялся найти одну из прочных и постоянных опор.

Введение системы уделов, по замыслам ее вдохновителей, должно было обеспечить укрепление центральной власти сразу по нескольким линиям. Во-первых, это поднимало первенствующее положение всего царствующего дома, закрепляло его династические претензии. В условиях недостатка у Чжу Юань-чжана легитимных прав на престол это обстоятельство играло немалую роль. Во-вторых, появление в отдаленных от центра районах особ, непосредственно связанных с императором и обладавших достаточным политическим влиянием (хотя и без четких прав), служило определенным противовесом местным властям. Искусственно создавалась двойственность управления в провинции, что при желании могло использоваться центром в своих интересах. В-третьих, расположение многих уделов на окраинных территориях империи свидетельствует и об их оборонительном предназначении на случай внешней опасности.

Последнюю из перечисленных функций системы уделов нельзя сбрасывать со счетов. Отмеченное выше внешнеполитическое положение империи Мин в конце XIV в. является лишним тому свидетельством. В некоторых источниках прямо говорится о военном назначении этой системы [32, цз. 15, 1]. Однако было бы ошибкой

видеть в этом единственную цель насаждения уделов, как это делают некоторые историки [189; 200]. В указанном мероприятии нашло отражение тесное переплетение внутривластных и внешнеполитических расчетов центральной власти. В источниках есть этому прямые свидетельства, до сих пор не привлекавшие внимания исследователей. В частности, в «Мин Тай-цзу сюнь» («Заветы Минского Тай-цзу»), призванных играть определенную законодательную роль при Чжу Юань-чжане, перед держателями уделов ставилась следующая задача: «[Когда] при дворе нет честных сановников и внутри [страны] появляется вероломство и зло, то цинь-ваны^[7] должны отдать [своим] войскам приказ и, в соответствии с тайным указом императора для всех ванов, под его главным командованием повести карающие войска и усмирять этих [вероломных и злобных]» [32, цз. 16, 9].

Симптоматично, что эта инструкция, как здесь отмечено, была тайной. Центральная власть, конечно, не желала афишировать это назначение системы, выдавая тем самым свои опасения за неустойчивость внутривластного положения в стране. Между тем если учитывать всю сложность ситуации в Китае в конце XIV в., то можно предположить, что именно это, рассчитанное на решение внутренних затруднений, предназначение уделов и было определяющим.

Имя	Титул	Степень родства (по отношению к Чжу Юань-чжану)	Резиденция (город и про- винция по современному административному деле- нию)	Год титулова- ния
Шуан	Цинь-ван	2-й сын	Сиань (Шэньси)	1370
Гуан	Цзинь-ван	3-й »	Тайюань (Шаньси)	1370
Ди	Янь-ван	4-й »	Пекин (Хэбэй)	1370
Су	Чжоу-ван	5-й »	Кайфын (Хэнань)	1370, пов- торно 1378
Чжэнь	Чу-ван	6-й »	Учан (Хубэй)	1370
Бо	Ци-ван	7-й »	Цзинчжоу (Шаньдун)	1370
Цзы	Тань-ван	8-й »	Чанша (Хунань)	1370
Ци	Чжао-ван	9-й »	—	1370
Тан	Лу-ван	10-й »	Яньчжоу (Шаньдун)	1370
Шоу- цань	Цзинцзян-ван	внучатый племянник	Гуйлинь (Гуанси Чжу- анский автономный район)	1370
Чунь	Шу-ван	11-й »	Чэнду (Сычуань)	1378
Бо	Сян-ван	12-й »	Цзинчжоу (Хубэй)	1378
Гуй	Дай-ван	13-й »	Датун (Шаньси)	1378, пов- торно 1392
Ин	Су-ван	14-й »	Ганьчжоу (Ганьсу)	1378, пов- торно 1392
Чжи	Ляо-ван	15-й »	Гуаннин (Ляонин)	1378
Чжань	Цин-ван	16-й »	Нинся (Нинся-Хуэй- ский автономный район)	1391
Цюань	Нин-ван	17-й »	Даннин (Внутренняя Монголия)	1391
Пянь	Минь-ван	18-й »	Миньчжоу (Ганьсу)	1391
Хуй	Гу-ван	19-й »	Сюаньфу (Хэбэй)	1391
Сун	Хань-ван	20-й »	Кайюань (Ляонин)	1391
Мо	Шэнь-ван	21-й »	Лучжоу (Шаньси)	1391
Ин	Ань-ван	22-й »	Пинлянь (Ганьсу)	1391
Цзин	Тан-ван	23-й »	Наньян (Хэнань)	1391
Дун	Ин-ван	24-й »	Аньму (Хубэй)	1391
И	И-ван	25-й »	Лоян (Хэнань)	1391

Таблица 1. Удельные ваны в конце XIV в.^[8]

Создание системы уделов было лишь одним из многих мероприятий Чжу Юань-чжана, преследовавших в конечном итоге одну

общую цель — упрочение императорской власти. Другой вопрос, насколько оно оправдывало ожидаемые результаты. Но об этом ниже.

Экономическая политика правительства Чжу Юань-чжана также была в известной мере подчинена общей цели укрепления его позиций в стране. Здесь нет возможности подробно останавливаться на вопросах экономической жизни Китая в конце XIV в., тем более что основная направленность аграрной политики того времени остается дискуссионной [53; 55; 96; 105; 106; 108]. Необходимо лишь отметить, что исследователи сходятся на следующем: усилия Чжу Юань-чжана были сосредоточены на расширении фондов государственных (казенных) земель, увеличении мелкого крестьянского держания земли, а также ограничении крупного частнофеодального землевладения^[9]. В этих мероприятиях нетрудно проследить стремление укрепить финансово-экономическую мощь чиновно-бюрократической государственной машины, нити управления которой сходились в конечном итоге к императору.

Шаги, направленные к восстановлению и развитию хозяйства после монгольского господства и волнений середины XIV в., также предпринимались новым правительством отнюдь не с филантропическими целями. Авторы «Очерков истории Китая» небезосновательно подмечают: «Все... мероприятия, прямо направленные на налаживание и улучшение производства, Чжу Юань-чжан осуществлял с целью упрочения своей власти» [98, 408].

В результате описанной внутривластной деятельности и дальнейших успехов в борьбе с монгольской опасностью Чжу Юань-чжану удалось закрепить свое положение и удерживать основные нити управления страной. При этом наблюдалось усиление централизации власти и шла все большая концентрация ее в руках императора. Согласно мнению исследователей, в период Мин подобная централизация и концентрация была осуществлена наиболее полно [125, 1]. И решающие сдвиги в этом направлении произошли именно в конце XIV в.

Однако значило ли это, что внутривластное положение в стране полностью стабилизировалось? Можно вполне определенно ответить — нет. Прослеживаемое усиление императорской власти явилось реакцией на неуверенность новосозданного минского правительства в прочности своих позиций. Это усиление, будучи одним

из проявлений внутривластной борьбы, не могло не встретить сопротивления среди определенных слоев и группировок китайского феодального общества. Постоянная двойственность в отношениях правящего класса феодалов к центральной власти — существование в их среде как силы притяжения к центру, так и силы отталкивания от него — отмечалась основоположниками марксизма [6, 411]. В периоды усиления централизации неизбежно активизировались и противоположные тенденции. Эта общая закономерность нашла проявление и в Китае.

Все 30-летнее царствование Чжу Юань-чжана заполнено раскрытием «заговоров», террористическими кампаниями, охватывавшими десятки тысяч человек, сменой лиц на командных постах государственной машины и армии, литературной инквизицией [47; 149; 152]. Мотивы, которыми руководствовался император, прибегая к подобным действиям, хорошо раскрываются в следующем его высказывании: «В прежние времена сановники могли идти с государем одним путем... Ныне сановники не таковы, они затуманивают государю разум, вызывают государев гнев. Группировки с коварными замыслами действуют без перерыва одна за другой...» [126, 457].

Нужно также учитывать, что борьба за усиление императорской власти происходила на фоне противоречий между различными силами в среде самого господствующего класса Китая. Это обстоятельство, с одной стороны, облегчало укрепление позиций правящего дома, а с другой — осложняло внутривластную ситуацию в стране. Ян Го-чжэнь, например, выделяет такие три основных слоя господствующего класса, интересы которых сталкивались друг с другом: 1) сторонники свергнутой монгольской власти; 2) «старые» китайские феодалы-помещики; 3) «новые» представители господствующей верхушки, выдвинувшиеся во время становления империи Мин. Кроме того, существовали и боролись между собой различные «локальные» политические группировки, объединившиеся вокруг отдельных лидеров или же по земляческому принципу. В качестве примера Ян Го-чжэнь называет противоборство чжэунской группировки во главе с Лю Цзи против хуайсиской, возглавлявшейся Ли Шань-чаном [181, 4].

В этой связи следует упомянуть и о противоборстве между феодалами севера и юга страны, отмечаемом У Ханем [147, 20–21].

Уточняя позицию Чжу Юань-чжана в данном вопросе, некоторые исследователи говорят о его связи с южнокитайскими имущими слоями [49, 34, 175–176; 173, 250].

Определенное недовольство должны были вызывать в стране и мероприятия Чжу Юань-чжана в аграрной политике. Как отмечает Л. А. Боровкова, общество бурно реагировало на них [55, 169]. Такие шаги, как ограничение крупной земельной собственности, сопровождавшееся физическим уничтожением части землевладельцев и разорением десятков тысяч богатых семейств, а также изъятие в 1392 г. угодий, пожалованных сановникам за службу, не могли не встретить тайного или же явного сопротивления в среде соответствующих слоев господствующего класса [55, 162–163; 105, 62]. В то же время фактическое прикрепление крестьян к земле, заново произведенное в конце XIV в. с помощью переписи и кадастров, и быстрое нарастание норм эксплуатации приводили к усилению недовольства широких масс. Последнее выразилось в целом ряде крестьянских восстаний.

К концу царствования Чжу Юань-чжана обозначились противоречия между центральным правительством и удельными властителями. Ваны стремились получить большую полноту власти на местах, стать менее зависимыми от центра. Опасность возникновения сепаратистских тенденций в уделах осознавалась некоторыми китайскими политическими деятелями того времени. Они в привычной для Китая форме — подаче докладов на имя императора — предупреждали о возможных отрицательных последствиях системы уделов. Примером этого могут служить доклады Е. Бо-цзюя (1376) и Чжо Цзина (1388) [13, 126–127; 25, цз. 4, 52; 29, цз. 139, 7422 (3)]. Но император весьма неблагоприятно отнесся к такого рода критике. Система уделов оставалась неприкосновенной. Однако Чжу Юань-чжан был вынужден прибегнуть к предупредительным мерам. Уже вскоре после раздачи уделов он обвинил в «злоупотреблениях» пятерых сыновей: Чжоу-вана, Ци-вана, Сян-вана, Дай-вана и Минь-вана [24, цз. 11, 541]. Еще одно предупреждение о недопустимости нарушений установленных правил ваны получили в 1392 г. [189, 186]. Есть также данные, что Чжоу-ван в виде наказания в 1389–1392 гг. временно был лишен удела [29, цз. 160, 7374 (2)].

Острастка со стороны императора в лучшем случае могла несколько ослабить сепаратистские настроения держателей уделов, но

не решала возникшей в связи с появлением ванов проблемы.

Таким образом, положение, сложившееся в Китае к концу правления Чжу Юань-чжана, оставалось весьма напряженным. Недовольство и противоречия проявлялись во многих областях внутренней политики. Деспотические методы управления, практиковавшиеся первым минским императором, сдерживали указанное недовольство, загоняли противоречия вглубь. Но подспудная внутривластная неустойчивость не исчезла. В этих условиях смерть самодержца, сосредоточившего в своих руках основные нити управления, могла послужить толчком к новому обострению внутренней борьбы в стране, выходу накопившихся противоречий наружу.

В этом свете отмеченное выше обещание правительства Чжу Юань-чжана «начать преобразования в политике» представляется отнюдь не случайным. Оно было продиктовано необходимостью внести некоторые коррективы в политическую линию предшественника, чтобы попытаться разрядить взрывоопасную ситуацию. Можно сказать, что к 1398 г. назрела потребность в преобразованиях, явившаяся закономерным результатом определенных аспектов деятельности Чжу Юань-чжана.

Реформаторские начинания правительства Чжу Юнь-вэня

Одного намерения вводить изменения было мало для того, чтобы стабилизировать политическое положение в стране. Гораздо сложнее было решить вопрос, какие требуются преобразования и как их осуществить. Успех во многом зависел от этого. Отсюда весьма важно проследить конкретную деятельность правительства, оказавшегося у власти в середине 1398 г. Это тем более интересно, что исследователи почти не обращали внимания на данную проблему. Между тем события 1398–1399 гг. могут пролить дополнительный свет на причины и характер разразившейся затем междоусобной войны.

Назревшая необходимость поворота в политике требовала и новых исполнителей. Поэтому можно сказать, что обещанные преобразования начались с перемен в правящих верхах. Ведущее положение среди окружения Чжу Юнь-вэня заняли три деятеля: Ци Тай, Хуан Цзы-дэн и Фан Сяо-жу.

Ци Тай был военным чиновником. Его выдвижение относится к самым последним годам правления Чжу Юань-чжана. Старый император, как отмечается в источниках, стал «высоко ценить» его с 1395 г., назначив помощником начальника Военного ведомства [24, цз. 11, 540]. Поводом к выдвижению согласно официальным биографиям Ци Тая, послужило образцовое ведение им служебных бумаг. Однако нужно учитывать, что после широкой волны гонений на старые командные кадры в 1392–1393 гг. создались благоприятные условия для выдвижения новых лиц. Поэтому появление таких «нобилей», как Ци Тай в 90-х годах XIV в., не представляется удивительным. Неизвестно, чем он оправдал доверие Чжу Юань-чжана, но за несколько дней до смерти императора его назначили старшим помощником начальника Военного ведомства. В своем последнем устном наставлении наследнику престола Чжу Юань-чжан рекомендовал поручить Ци Таю «заботу о судьбах страны» [16, цз. 10, 783].

Хотя Ци Тай был креатурой покойного императора, в этом деятеле можно видеть нового человека на политической арене, ибо он

практически не был связан с претворением в жизнь основных мероприятий старого правительства.

Возвеличение Хуан Цзы-дэна связано с тем, что он учился вместе с новым императором [24, цз. 11, 540]. Официально он занимал пост тайчанцина в Академии Ханьлинь^[10]. Юридически обязанностью тайчанцина было ведать обрядами в храме предков императора. Но в источниках прямо сообщается, что на Хуан Цзы-дэна были возложены отнюдь не жреческие функции: он должен был управлять военными делами государства совместно с Ци Таем [29, цз. 4, 7103 (4)].

Фан Сяо-жу, занимавший до 1398 г. должность преподавателя в одном из провинциальных училищ, был вызван в столицу меньше чем через месяц после кончины Чжу Юань-чжана. Фан Сяо-жу сделали членом Академии Ханьлинь, состоящим в императорской свите. Каких-либо конкретных полномочий он не получил, но имел прямой доступ к императору и ежедневно беседовал с ним «о пути древних», т. е. о самых различных политических делах. Есть данные, что Чжу Юань-чжэн обращался к Фан Сяо-жу за советом при разрешении всех сложных вопросов [38, 116]. Последнему принадлежало также решающее слово в случае спора сановников на придворных аудиенциях [38, 116]. Как отмечается в источнике, Фан Сяо-жу и его доверенные люди «самоуправно» обсуждали все государственные дела [33, цз. 4, 51].

Четкого распределения обязанностей между названными советниками не было. Можно лишь документально проследить, что в 1398 г. в их руки практически попали все важнейшие дела управления. В условиях отсутствия канцлеров и Центрального правительственного совета, а также подчиненного положения Цензората, что сохранялось и после смерти Чжу Юань-чжана, их деятельность ничем и никем, кроме императора, не контролировалась. По источникам прослеживается, что разработкой и осуществлением политических мероприятий в большинстве случаев занимались Ци Тай и Хуан Цзы-дэн, а Фан Сяо-жу выступал как теоретик, определяя общие направления политики.

Фан Сяо-жу оставил после себя ряд трудов, которые дают представление о его идеологических позициях. Анализируя его взгляды, современный исследователь Шэнь Ган-бо приходит к заключению, что в них можно выделить три основных момента. Во-первых, прославление идеального монарха, соответствующего своему положению и ответственного за свои поступки перед чиновниками и

народом. Во-вторых, намерение упразднить имущественное неравенство с помощью введения системы «равных полей» и натурализации экономики (упразднение самостоятельной роли ремесла и торговли). В-третьих, желание реорганизовать социальную структуру общества, сделав основой ее кровнородственные объединения (*цзу*), а также десяти-, сто- и тысячедворные общины, возложив на старейшин этих объединений и общин административно-управленческие функции на местах [178, 16–19].

Легко заметить, что на всей этой теории лежит печать утопизма. Она в значительной мере обращена к идеалам древности. В одном из своих стихотворений Фан Сяо-жу писал:

Я человек ушедших поколений,
О временах теперешних горюю [40, 185].

При этом возвращение к древним порядкам служило для него не только манерой принятого в Китае «хорошего тона» или же маскировкой истинных намерений, но и прямым руководством к действию. Это отразилось, как увидим, в деятельности Фан Сяо-жу после получения им широких полномочий.

Но наряду с утопичностью взглядов Фан Сяо-жу нужно отметить следующее. Его идеальный монарх должен был придерживаться принципа «недеяния», а также ценить канцлеров, слушать советы «мудрецов» и уважать общественное мнение [178, 16–17]. В этом нетрудно усмотреть полный антипод Чжу Юань-чжану. Исходя из отмеченного, Шэнь Ган-бо считает, что Фан Сяо-жу не одобрял реформы 1380 г. и иносказательно, с помощью исторических аналогий, осуждал подобные действия императора [178, 17].

Этот факт весьма примечателен. Он свидетельствует, что по крайней мере один из трех вершителей судеб страны после 1398 г. был сторонником изменения прежнего курса, стоял за «преобразования в политике». Что же касается двух других, то об их умонастроениях судить сложнее. Но их действия (особенно попытка ликвидировать существующую систему уделов), как будет показано ниже, говорят за их солидарность с линией на «преобразования».

Выдвижение новых лиц, возглавивших руководство страной, повлекло за собой и значительные перемещения в верхах чиновно-

бюрократического круга. Например, в 1398 г. был назначен новый начальник и два его помощника в Ведомстве чинов, начальник и один из помощников в Ведомстве обрядов, начальник Судебного ведомства. Кроме того, добавили по второму начальнику в Ведомство налогов и Ведомство работ, а также назначили новых их помощников [16, цз. 11, 788–793; 29, цз. 111, 7360 (3)]. Если учесть, что руководство Военным ведомством было передано Ци Таю, а оба его помощника тоже были заменены, то увидим почти полную перемену командных кадров во всех шести ведомствах.

Помимо того можно проследить перемещения руководящих лиц и в других учреждениях: сменились оба начальника Столичного цензората (*Дуюйши*), назначен новый глава Государственной школы (*Гоцзыцзянь*) и т. д. [16, цз. 11, 789; 29, цз. 111, 7360 (3)].

Надо полагать, что, окружая себя новыми людьми, император и его ближайшие приспешники рассчитывали найти в их лице благодарных исполнителей своих замыслов. В этом плане показателен следующий пример. Новый глава Государственной школы Ван Шэнь упрекал начальника Ведомства чинов Цзянь И за неучастие в разработке мероприятий, предлагаемых Ци Таем и Хуан Цзы-дэном [29, цз. 149, 7439 (3)].

Каковы же были намерения группировки, оказавшейся в середине 1398 г. у власти? Вкратце они сводились к следующему: «Двинуть за пределы страны большое войско, [а во внутренних делах] изменить систему» [29, цз. 149, 7439 (3)]. Первое подразумевало проведение активной внешней политики. Однако осуществить это не удалось из-за начавшейся вскоре междоусобной войны. Единственным внешнеполитическим военным актом правительства Чжу Юнь-вэня был поход против Бирмы в октябре 1398 г. Китайские войска под командованием Хэ Фу разбили отряд одного из бирманских полусамостоятельных князьков в районе Цзиньчи (ныне уезд Юнчан в провинции Юньнань), захватили пленных, взяли несколько мелких крепостей и в феврале 1399 г. вернулись обратно [16, цз. 11, 791–792, 794; 24, цз. 11, 545]. Каких-либо значительных последствий этот поход не имел.

Второе намерение — «изменить систему» — выглядит довольно абстрактно, но зато вполне согласуется с обещанными с самого начала «преобразованиями в политике». Весьма интересно и важно

проследить, в чем выразились изменения в последующей деятельности правительства Чжу Юнь-вэня на внутривластной арене. Прежде всего здесь можно увидеть ряд шагов, которые в совокупности определяются как стремление реформировать структуру государственного аппарата. Однако при этом не преследовалась цель коренной ломки бюрократической машины, издревле сложившейся в Китае. Управленческий аппарат пытались усовершенствовать с помощью различных полумер. Одни из них должны были иметь, несомненно, положительное влияние на политическую жизнь страны, другие же были чисто поверхностными или носили утопический характер.

Положительными мероприятиями такого рода можно считать увольнение в отставку всех чиновников, находившихся при провинциальных, областных и уездных правлениях, но не занимавших определенных должностей (конец июля 1398 г.); введение единоначалия (вместо «старшего» и «младшего» начальников) в провинциальных правлениях (17 октября 1398 г.); упразднение административно-военных единиц (*вэй*), не имевших приписанных к ним «военных дворов» (март 1399 г.); изгнание со службы всех «неграмотных и малолетних чиновников» (20 сентября 1401 г.); ограничение вмешательства евнухов в государственные дела (конец 1401 г.), а также восстановление упраздненного в 1382 г. института «увещателей» императора (что в какой-то мере могло ограничивать монарший произвол) [16, цз. 11, 791, 827; 29, цз. 4, 7103 (4); 33, цз. 4, 56; 210, 521].

Однако в целом правительство не проводило кардинальных изменений в области административного аппарата, оно в основном лишь бесконечно преобразовывало одни учреждения в другие, перемещало чиновников и целые отделы из одних органов в другие, изменяло штат служивших в учреждениях сановников, беспорядочно вводило новые и отменяло старые должности, переименовывало, изменяло территориально-административное деление.

Сразу же после смерти Чжу Юань-чжана был издан указ не производить замену начальников областей и уездов, а также чиновников, находящихся на государственной службе от 5-го ранга и выше [29, цз. 4, 7103 (4)]^[11]. Однако уже в следующем месяце начались отдельные должностные перемещения и изменения, принявшие довольно значительные масштабы в конце октября — начале ноября

1398 г. [16, цз. 11, 791–792]. Аналогичные мероприятия проводились, хотя и менее интенсивно, в конце 1398 — начале 1399 г. Резюмируя итоги этой деятельности правительства в 1398 г., источники отмечают: «В разное время сильно изменили систему чиновных должностей» [33, цз. 4, 51].

Однако настоящая административная горячка охватила страну в мае 1399 г., когда были преобразованы и переименованы многие государственные учреждения и должностные посты [16, цз. 11, 797]. Оживление такого рода деятельности наблюдается затем в январе-марте и июле-сентябре 1400 г. [16, цз. 11, 812–815]. Отдельные отголоски административного реформаторства можно проследить до сентября 1401 г. [16, цз. 11, 827]. Несмотря на то что сведения об отмене одних и введении других учреждений и должностей в 1398–1401 гг. перемежаются, можно все же проследить преобладание тенденций к увеличению административного аппарата в стране.

Сохранились прямые указания, что инициатором отмеченных административных преобразований (в частности, в начале и середине 1399 г.) был Фан Сяо-жу [24, цз. 12. 549, 27, цз. 2, 71]. Он преследовал весьма утопические цели — улучшить государственный аппарат приданием ему стародавних форм, надеясь таким образом вернуться к считавшемуся по традиции «золотым» веку древности. Последнее наиболее ярко отразилось в попытке перестроить управленческий аппарат соответственно порядкам, описанным в «Чжоу ли» — древнем конфуцианском трактате об идеальном состоянии общества, якобы существовавшем в Китае в XI–IX вв. до н. э. [27, цз. 2, 71]. Для этого выборочные места из «Чжоу ли» были размножены и разосланы по стране как руководство к действию. Но даже у составителя источника, описывающего данные мероприятия, возникла потребность прокомментировать: «Но это не годилось для [свершения] реальных дел!» [27, цз. 2, 71].

В целом можно констатировать, что попытка правительства Чжу Юнь-вэня изменить государственный аппарат империи не имела успеха. Характерно, что пришедшие к власти в 1398 г. деятели так и не решились восстановить институт канцлеров и Центральный правительственный совет, сохраняя тем самым основную суть введенных Чжу Юань-чжаном порядков управления. Можно, однако, предположить, что они не решились осуществить это сразу, а в

дальнейшем их деятельность была прервана войной. Но каких-либо весомых доказательств этому нет.

Говоря об изменениях в административном аппарате и смене лиц в правящих верхах после 1398 г., следует отметить одно интересное сопутствовавшее этому явление. Новое правительство стало возвращать из ссылки и восстанавливать на государственной службе сановников, подвергшихся гонениям при Чжу Юань-чжане. Например, в 1398 — начале 1399 г. из ссылки были вызваны Чжэн Цы, назначенный начальником Ведомства работ, и Суп И, восстановленный в Академии Ханьлинь [16, цз. 11, 793; 24, цз. 11, 545]. Несколько позже была возвращена целая группа военных во главе с военачальником Фу Юном. Все они получили прежние чины и звания [16, цз. 11, 808]. Затем 17 октября 1400 г. было «даровано прощение» всем ранее (до 1398 г.) уволенным чиновникам, а их сыновья и внуки получили возможность поступать на государственную службу [16, цз. 11, 820]^[12].

Отмеченное явление нельзя недооценивать. Оно в полной мере отвечало обещанным правительством преобразованиям. В то же время оно лишний раз показывает неразрывную связь событий 1398 г. и последующих лет с внутривластной борьбой времени правления Чжу Юань-чжана. Здесь обнаруживается реакция на террористическую политику основателя династии в отношении сановно-бюрократических слоев.

Из административных шагов, предпринятых правительством Чжу Юнь-вэня, следует назвать резкое ограничение вмешательства в политические дела придворной касты евнухов, начавшей приобретать в конце XIV в. все большее влияние. Чжу Юань-чжан не был склонен предоставлять евнухам чрезмерных полномочий. Он ограничивал их число, пытался пресечь превышение ими власти и незаконные способы обогащения. Но с другой стороны, не доверяя традиционному государственному аппарату, основатель династии Мин использовал эту приближенную к трону касту в делах управления. Евнухи получали так называемые добавочные поручения. Действовали же они во многих случаях совершенно бесконтрольно. Как отмечают источники, они «[всюду] вторгались и притесняли чиновников и народ» или же просто «свиристествовали» [37, 8545 (3); 33, цз. 4,56].

В конце 1401 г. было издано два императорских указа, одним из которых евнухам запрещалось выполнять правительственные

поручения, помимо своих прямых обязанностей, а вторым разрешалось местным властям хватать, связывать и направлять в столицу для расправы нарушителей данного постановления [33, цз. 4, 56; 16, цз. 11, 829]. Эти шаги вполне согласуются с намерением изменить положение, сложившееся к концу царствования Чжу Юань-чжана в системе административного управления.

Некоторые преобразования были осуществлены правительством Чжу Юнь-вэня и в области аграрной политики. Были приняты меры к облегчению положения крестьянства. В конце августа 1398 г. были сняты все недоимки в налогах [29, цз. 4, 7103 (4)]. В январе 1399 г. был издан императорский указ, предписывавший снизить наполовину размер поземельного налога в этом году [29, цз. 4, 7103 (4)]. Проводились и снижения налогов в отдельных районах, в частности в центральных областях к северу от р. Янцзы (в связи с потравой посевов саранчой) и в провинциях Цзянси и Чжэцзян [16, цз. 11, 806; 24, цз. 12, 565]. Помимо того, в марте 1399 г. был издан указ, запрещающий местным властям брать налоги с владельцев неводеланных полей [29, цз. 4, 7103 (4)]. Тогда же было отменено взимание с народа арендной платы за жилье [16, цз. 11, 796]. Местным властям также повелевалось ввести своеобразное пенсионное обеспечение: людям старше 80 лет, не имеющим детей, выдать из казны по 1 даню риса (60 кг), 10 цзиней мяса (около 6 кг) и 2 доу вина (около 21 л) [16, цз. 11, 795]. Тем же указом предписывалось оказывать помощь рисом вдовам, сиротам и больным.

Эти мероприятия имели в известной мере традиционный характер. Они предпринимались и более ранними китайскими правителями, в частности Чжу Юань-чжаном. Подобные меры не вносили ничего принципиально нового в аграрную политику. Несомненно, они могли способствовать упрочению позиций пришедших к власти в 1398 г. политических деятелей. Однако нужно учитывать, что положение крестьянства к описываемому времени снова было тяжелым, о чем свидетельствуют отмеченные указы. Упомянутые же меры могли лишь частично или временно улучшить положение, но не предусматривали сколько-нибудь существенного его изменения. В этом отношении характерно, что после всех снижений налогов в 1398–1399 гг. правительству уже в сентябре 1400 г. пришлось вновь прощать задолженность населения казне и упразднять долги частным лицам [16,

цз. 11, 819]. Характерно также, что в апреле 1399 г. на границе провинций Хунань и Гуандун вспыхнуло народное восстание под руководством Чжун Цзюнь-дао. Для его подавления были посланы карательные войска [16, цз. 11, 797].

Весьма интересна политика правительства Чжу Юнь-вэня в отношении церковного землевладения. Опираясь на ортодоксальных конфуцианцев, группировавшихся вокруг Академии Ханьлинь, оно встало на путь ограничения привилегий буддийских и даосских церковников. В июне 1399 г. императорским указом на каждого монаха обеих церквей предписывалось оставлять не более 5 му земли (5/16 га). Остальные же принадлежавшие им земли конфисковывались и передавались народу (*минь*) [33, цз. 4, 52]. Однако осуществить это мероприятие было, очевидно, не легко. Уже осенью 1400 г. один из чиновников налогового управления района Цзяннань докладывал, что «буддийские и даосские монахи захватывают много тучных полей и постепенно поглощают имущество народа» [16, цз. 11, 819]. В результате правительство вновь ограничило эти действия монахов [16, цз. 11, 819]. Наконец, 5 сентября 1401 г. был вновь повторен указ 1399 г. об ограничении церковного землевладения из расчета 5 му на человека [16, цз. 11, 827].

Следует отметить, что борьба между конфуцианцами и представителями других религий наблюдалась еще при Чжу Юань-чжане [13, 151–152]. Ограничения имущества буддийских и даосских монастырей можно рассматривать как продолжение этой борьбы. Если Чжу Юань-чжан в общем и целом не оказывал предпочтения кому-либо из противников, то новое правительство, как видим, решительно приняло сторону конфуцианцев.

Наиболее интересным шагом правительства Чжу Юнь-вэня в области аграрной политики была попытка реформировать всю систему землепользования. Здесь нашли прямое отражение описанные выше идеалы Фан Сяо-жу, который, получив достаточную власть, попытался осуществить свои планы. Весной 1399 г. он выдвинул предложение ввести в стране систему «колодезных полей» (*цзин тянь*) — идилический образец землевладения и землепользования, якобы существовавший в глубокой древности в Китае [16, цз. 11, 800]. В основе этого предложения лежало стремление уравнивать земельные наделы и ликвидировать крупную частнофеодальную собственность на

землю. При дворе начались дебаты. Противники Фан Сяо-жу считали, что подобная система была пригодна лишь для древности и осуществить ее невозможно. Однако дальнейшее развитие событий было прервано начавшейся вскоре войной.

Все сказанное убеждает, что правительство Чжу Юнь-вэня приступило к осуществлению обещанных «преобразований». Другое дело, что реформаторские шаги 1398–1401 гг. страдали непоследовательностью и в известной мере имели утопический характер. В настоящем исследовании более важно подчеркнуть, что реформаторская деятельность новой правящей группировки, протекавшая в условиях и без того накаленной внутривластной атмосферы конца 90-х годов XIV в. и являвшаяся продолжением предшествовавшей внутренней борьбы, неминуемо должна была еще более обострить накопившиеся противоречия. Усиление внутреннего недовольства правительством, в частности в господствующих слоях китайского общества, было в данной ситуации почти неизбежно. Ликвидировать его мог лишь успех проводимых реформ.

Однако шансов на такой успех было не много. Отмеченная половинчатость предпринятых шагов, утопичность их исходных посылок предопределили их неудачу. Радикальной перемены общего положения после 1398 г. не произошло. Но попытки реформ еще больше обострили внутривластную ситуацию. Действительно, указанная хаотичность изменений в административном аппарате, нереальность конечных целей его преобразований должны были вызвать недовольство в чиновно-бюрократической среде. Отзвуки такого неудовлетворения можно найти в источниках, в частности в комментариях более ранних авторов, помещенных Тань Цянем в свой труд. Один из комментаторов — Чжу Лу — прямо обвиняет Чжу Юнь-вэня в том, что административная горячка лишила политику необходимого спокойствия и принесла «народу» несчастье вместо задуманных улучшений [16, цз. 11, 815]. Другой источник — «Мин цзянь ган му» — также отмечает, что деятельность Чжу Юнь-вэня и его ближайших соратников давала повод их противникам для разжигания антиправительственных настроений [27, цз. 2, 71]. Насколько широко было подобное недовольство в чиновной среде на рубеже XIV–XV вв., судить трудно, но сам факт его существования весьма примечателен.

В этом плане интересно еще одно сообщение Чжу Лу. Он пишет, что повышенное внимание Чжу Юнь-вэня и его окружения к делам административно-гражданского управления вызывало неудовлетворение военных чинов [16, цз. 11, 815]. Это очень важное обстоятельство, последствия которого отразились в войне «Цзиннань».

Перемещения в верхах правящих слоев и возвращение людей, подвергнутых ранее гонениям, должны были подливать масло в огонь старой борьбы в господствующих слоях. Еще большую остроту ей должно было придать решительное пресечение политического влияния евнухов. В источниках отмечается: «Император [Чжу Юнь-вэнь] очень строго относился к евнухам. Все они были недовольны и надеялись [на перемены]» [32, цз. 16, 27].

Имущественное ограничение монастырей, несомненно, вызывало недовольство правительством со стороны буддийских и даоских церковников.

Наконец, попытка введения уравнительного землепользования, хотя она и не была осуществлена, должна была обеспокоить широкие круги господствующего класса.

Все это неизбежно сужало опору правительства Чжу Юнь-вэня в стране. Внутриполитическая неустойчивость, которая в конечном итоге не была преодолена Чжу Юань-чжаном и проявление которой после его смерти было в какой-то мере предопределено, еще более усилилась в результате политики, избранной новой правящей группировкой после 1398 г. Отмеченное недовольство в среде господствующего класса и незатухающая внутренняя борьба в стране составляют неотъемлемую часть той обстановки, на фоне которой разразилась междоусобная война. Это необходимо учитывать при рассмотрении конкретных причин, приведших к началу военных действий.

Обострение конфликта между центральной властью и удельными ванами и начало междоусобной войны

Одной из причин войны, как отмечается большинством исследователей, была попытка правительства Чжу Юнь-вэня ликвидировать существовавшую к 1398–1399 гг. систему уделов. Данный шаг сам по себе вполне вписывается в общую схему реформаторской деятельности новой правящей группировки. Его можно и нужно рассматривать в неразрывной связи со стремлением изменить прежний внутривластный курс. В этом плане указанная попытка выглядит одним из проявлений все той же внутренней борьбы в стране.

Уместно поставить вопрос: была ли ликвидация уделов назревшим мероприятием или мы имеем дело опять-таки со стремлением воплотить далекую от жизни идеальную схему? Думается, что здесь правительство Чжу Юнь-вэня исходило из вполне реального положения вещей и трезвой оценки обстановки. Выше уже говорилось о трениях, возникших между Чжу Юань-чжаном и его сыновьями, получившими уделы. Это отнюдь не случайно. Совершенно очевидно, что цели создания минским правительством системы уделов не были оправданы теми последствиями, к которым привело появление на политической арене удельных властителей. Интересы держателей уделов были объективно противоположны усилению центральной власти. Поэтому введение указанной системы на определенном этапе неизбежно должно было стать тормозом в процессе централизации и усиления императорской власти, столь ясно обозначившемся при Чжу Юань-чжане. Отсюда можно определенно сказать, что появление уделов должно было неминуемо породить конфликтную ситуацию. Такая опасность в какой-то степени учитывалась при создании системы уделов. Отражением этого явилась определенная ограниченность в правах, юридически предоставлявшихся удельным ванами.

Административная и судебная власть, основной налоговый сбор, общественные работы и строительство, командование войсками, не входившими в состав «охранных гарнизонов» в уделах, не говоря уже о

праве центра в любое время ликвидировать удел, — должны были, согласно правилам, осуществляться императорским правительством. О намеренном ограничении Чжу Юань-чжаном прав удельных властителей говорит специальное разъяснение в одном из его указов, что ваны «получают титул, но не управляют народом, получают землю, но не ведают делами» [98, 411]. Однако могли ли эти ограничения быть вполне эффективными? Дальнейшие события показали, что нет. Обнаружился вполне определенный разрыв между тем идеальным образцом, который представлял себе и пытался осуществить создатель уделов, и фактическим положением дел.

Действительно, ограничения, ставившие ванов в стесненное положение, заставляли их лишь больше стремиться к самостоятельности в своих решениях и действиях в уделах. Эффективного же контроля сверху за действиями ванов на местах практически не было, так как приставленные из центра «советники» по своему положению были ниже ванов и не могли сами противостоять их произволу. Контроль же со стороны находившегося в далекой столице императора отнюдь не всегда мог оказаться достаточным. Относительная независимость ванов, появившаяся в результате удаленности их уделов от столицы и наличия собственного войска, создавала возможность постепенно расширять свою власть на местах. Само положение удельных ванов как представителей особы императора (а не императорского правительства, чьим представителем являлась местная администрация) создавало им определенный авторитет и придавало несомненный политический вес в глазах местного военного и гражданского чиновничества, а также всего населения. Если учесть при этом социальную психологию средневекового общества, содержавшую идею почитания монарха и членов царствующего дома, а также принять во внимание тот факт, что государственная машина минской империи в момент появления системы уделов не была устоявшейся и испытывала потрясения и изменения, то можно вполне осязаемо представить, как юридически ограниченные и кажущиеся расплывчатыми права удельных ванов при их определенном старании на практике приобретали вполне реальную политическую силу.

В этом плане следует упомянуть мнение Э. Фэрмера, что, несмотря на все ограничения, уже в начальный период правления династии Мин удельные ваны фактически обладали полной военной властью в своих

районах [200, 6]. Такое же превышение юридических норм де-факто, несомненно, происходило и в области гражданско-административного управления в уделах. Еще при жизни Чжу Юань-чжана удельные ваны приобретали все большие права в своих держаниях. Это отмечается, в частности, Д. Чэнем, а также Дэн Чжи-чэном [189, 185; 127, 22]. Примером могут служить такие факты, как выпуск в некоторых уделах собственной валюты и содержание Янь-ваном Чжу Ди 100-тысячной армии (вместо разрешенной 19-тысячной) [130, 33]. В одной из хроник удельные ваны прямо называются «самодержавными правителями» («*чжуань чжи*») [32, цз. 15, 1]. Такое положение не могло не вызывать опасений центральных властей.

Разногласия между удельными ванами и правительством еще более увеличились после того, как встал вопрос о престолонаследии. В 1392 г. неожиданно умер Чжу Бяо — старший сын императора. Только через пять месяцев Чжу Юань-чжан объявил наследным принцем своего внука Чжу Юнь-вэня (сына Чжу Бяо), которому к описываемому времени было 15 лет. При дворе возникли разногласия. Были мнения в пользу остальных старших сыновей императора [32, цз. 16, 5]. После же провозглашения Чжу Юнь-вэня наследником удельные ваны, как отмечается в источниках, упорствовали и не оказывали ему соответствующего уважения [32, цз. 15, 1]. Это была своеобразная форма непризнания.

Чжу Юань-чжан, очевидно, понимал неблагоприятные последствия спора о престолонаследии в императорском клане. Отсюда и колебания при выборе. Более того, старый император предупредил наследника о той угрозе трону, которая может возникнуть при усилении удельных ванов [189, 186]. В манифесте-завещании Чжу Юань-чжана еще раз нарочито подчеркивалась ограниченность прав властителей уделов: «Гражданские и военные чиновники и ученые, находящиеся в уделах ванов, [должны] подчиняться распоряжениям двора, и только лишь правительственные войска охранных гарнизонов [должны] подчиняться ванами» [33, цз. 3, 47]. Отметим попутно, что повторение данной сентенции из общих правил было бы не нужно, если бы не возникло беспокойства за сохранение такого порядка.

Наконец, умирая, Чжу Юань-чжан предупреждал наследника: «Нельзя не опасаться Янь-вана» [16, цз. 10, 783]. Эта персонализация станет понятной, если учесть, что еще в 1392 г. Янь-ван Чжу Ди во

время споров при дворе выдвигался кандидатом в наследники. С того времени умерли два старших сына Чжу Юань-чжана (в 1394 и 1397 гг.) и Чжу Ди остался старшим. Его амбиция и претензии в связи с этим, естественно, возросли.

Таким образом, к моменту смерти Чжу Юань-чжана отношения между двором и удельными ванами были достаточно накалены. Претензии старого императора к сыновьям и предупреждение наследника об опасности со стороны уделов дают возможность предположить, что к концу царствования Чжу Юань-чжан уже не видел твердой опоры императорской власти в лице держателей уделов. Д. Чэнь идет еще дальше и высказывает мнение, что в последние годы основатель династии мог планировать радикальное ограничение полномочий ванов. Но, продолжает Д. Чэнь, документальных подтверждений этому нет, а на практике все осталось по-прежнему [189, 186].

Проблема нарушения ванами установленных норм привлекла внимание Чжу Юнь-вэня еще до его воцарения. Он обратился за советом, как обуздать рост их военной мощи, к Хуан Цзы-дэну. Но последний успокоил наследника, сославшись на численное превосходство императорской армии по сравнению с войсками ванов [24, цз. 11, 540; 16, цз. 11, 788].

С восшествием на престол Чжу Юнь-вэня вопрос об удельных ванах возник вновь. Манифест-завещание Чжу Юань-чжана запрещал сыновьям прибыть на похороны отца в столицу [33, цз. 3, 47]. Это отвечало установленным правилами, что в момент смены монарха удельные ваны должны обеспечивать спокойствие на местах. Но они восприняли данное распоряжение как ограничение их прав [33, цз. 4, 50]. Была пущена в ход версия, что Ци Тай подделал завещание императора и нарочито оговорил в нем запрет на выезд в столицу [29, цз. 141, 7425 (2); 32, цз. 15, 2]. Чжу Ди демонстративно выехал из Пекина, служившего его резиденцией, в Нанкин. Специальный гонец двора остановил его в г. Хуайань (пров. Цзянсу) [16, цз. 11, 787]. Этот шаг Чжу Ди был рассчитан как на поднятие своей популярности, так и на разжигание недовольства среди всех удельных ванов. И последнее, как отмечают источники, было достигнуто: принудительное возвращение Чжу Ди в Пекин еще более подогрело оппозиционные настроения прочих ванов [24, цз. 11, 541]. Ко двору стали поступать

сведения, что ряд удельных властителей, в частности Чжоу-ван, Ци-ван, Сян-ван, Дай-ван и Минь-ван, готовят заговор с целью свержения императора [29, цз. 141, 7425 (2)].

Как видим, сразу же после смерти Чжу Юань-чжана вокруг вопроса об уделах начала складываться конфликтная ситуация. Это было вполне закономерным результатом развития отмеченных выше сепаратистских тенденций в уделах. Личные взаимоотношения здесь играли лишь второстепенную, дополнительную роль. Д. Чэнь пишет: «В целом второй император династии Мин столкнулся с крайне опасной ситуацией в провинциях, что было результатом политики его деда» [189, 192–193]. Думается, что здесь хорошо выражена обусловленность конфликта, его предопределенность. Сама сложившаяся ситуация побуждала правительство Чжу Юнь-вэня к действиям.

Когда до нового императора дошли слухи о заговоре, он напомнил Хуан Цзы-дэну об их разговоре по поводу уделов. Последний признал свою недальновидность. Вслед за тем он совместно с Ци Таем стал готовить решение о ликвидации существующих уделов [24, цз. 11, 541]. Их планы начали приобретать конкретные очертания в августе-сентябре 1398 г. Предлагалось два варианта действий. Ци Тай стоял за то, чтобы в первую очередь покончить с Чжу Ди, как наиболее сильным и опасным противником [32, цз. 15, 2]. Хуан Цзы-дэн предлагал начать с более слабых в военном отношении уделов, чтобы лишить Чжу Ди союзников и предотвратить совместное выступление ванов против правительства. Первый удар он намеревал нанести по Чжоу-вану Чжу Су — наиболее близкому по духу и по крови к Чжу Ди (считалось, что у них общая мать) [16, цз. 11, 789; 24, цз. 11, 541]. В результате остановились на втором варианте.

В резиденцию Чжоу-вана Кайфын были посланы войска под командованием Ли Цзин-луна. Официально они шли через Кайфын к границам. Но Ли Цзин-лун имел тайный приказ об аресте Чжоу-вана [24, цз. 11, 541]. Характерно, что последний был схвачен не по обвинениям в измене, о чем поступали ко двору доносы, а под предлогом обнаружения у него чрезмерного количества золота и драгоценностей [16, цз. 11, 788].

Специальный указ предлагал всем ванам осудить Чжу Су [16, цз. 11, 788]. Однако это не возымело действия. Чжу Ди даже прислал

реляцию с просьбой помиловать брата [16, цз. 11, 788].

Вслед за тем Чжоу-ван был лишен титула, низведен в «простолюдины» и сослан в Юньнань. За его сыновьями был установлен надзор [16, цз. 11, 788]. Спустя некоторое время его перевели в столичную тюрьму [26, цз. 6, 19a]. Войска, находившиеся ранее под его личным командованием, были распущены [23, цз. 1, 7]. Так начала осуществляться политика ликвидации существующих уделов.

Есть данные, что уже вскоре после расправы с Чжоу-ваном был издан приказ об аресте еще трех держателей уделов: Ци-вана, Дай-вана и Минь-вана [24, цз. 11, 542]. Однако, очевидно, из осторожности осуществление этого приказа было отложено. Лишь в конце 1398 г. Дай-ван Чжу Гуй был обвинен в «корыстолюбии и жестокости» и схвачен. По предложению Фан Сяо-жу его сослали в Сычуань под присмотр одного из братьев — Шу-вана [16, цз. 11, 792]. Этот факт показывает, что Фан Сяо-жу также не оставался в стороне от мероприятий по борьбе с удельными властителями.

Одновременно в столицу был вызван Ци-ван. Здесь его задержали, обвинив в подготовке государственного переворота [16, цз. 11, 792]. По дошедшим до столицы сведениям, Ци-ван строил в своем уделе крепости, усиливал войска и сговаривался с Янь-ваном о совместных действиях [27, цз. 2, 72].

Окончание дел Дай-вана и Ци-вана относится уже к следующему, 1399 г. [13]. Сановник Чэнь Чжи «вскрыл тайные дела» сосланного Дай-вана, после чего последний был низведен в простолюдины и заточен в тюрьму в г. Датуне.

С новыми обвинениями против Ци-вана выступил придворный Цзэн Мин-шэнь [33, цз. 4, 52]. В чем они заключались, не говорится. Важно, что результатом этого было низведение Ци-вана в простолюдины и казнь одного из подчиненных ему в прошлом военных чинов [16, цз. 11, 799].

В 1399 г. дошла очередь и до Минь-вана. О его «беззакониях» донес крупный сановник Му Шэн. Вследствие этого Минь-ван был лишен титула и сослан в Чжанчжоу (пров. Фу-цзянь). Его «охранные гарнизоны» были распущены, а «наставник во зле» Цзун Линь — казнен [32, цз. 15, 3; 24, цз. 12, 551] [14].

В первой половине того же года императорское правительство нанесло удар еще по одному из держателей уделов — Сян-вану. Его обвинили в намерении поднять мятеж, в выпуске собственной валюты и жестокости [16, цз. 11, 798; 29, цз. 101, 7325(2); 32, цз. 15, 3]. В его резиденцию — Цзинчжоу (пров. Хубэй) были направлены эмиссары двора. Помимо письменного выговора вану они имели полномочия допросить его, а по некоторым данным — арестовать [29, цз. 101, 7325(2); 32, цз. 15, 3]. Вслед за ними на Цзинчжоу шли войска «в карательный поход» [33, цз. 4, 52]. В этой ситуации Сян-ван предпочел покончить жизнь самоубийством [29, цз. 101, 7325 (2); 38, 120]. Его удел был ликвидирован.

Меры, предпринятые против удельных ванов, не могли не иметь резонанса в стране. Они не затрагивали непосредственно интересов народных масс, но в условиях внутренней борьбы в среде господствующего класса должны были получить здесь определенный отклик. Документально трудно проследить, насколько широкую поддержку или, наоборот, противодействие встретила политика ликвидации уделов. Несомненно только, что она нашла своих сторонников и противников в чиновно-бюрократических слоях как в столице, так и в провинциях.

Свидетельством этому служат доклады различных сановников, в той или иной форме высказывавших свое отношение к положению с уделами. В докладе Гао Вэя из Ведомства чинов, поданном в конце 1398 г., проводилась мысль, что система уделов — это установившийся порядок и не стоит его нарушать. Но вместе с тем Гао Вэй признавал, что удельные ваны опасны для центрального правительства. Он возражал лишь против крайних мер. Докладчик предлагал упразднить наследование уделов сыновьями ванов и тем самым превратить такие держания во временные. Сыновьям удельных властителей он рекомендовал предоставлять самостоятельные резиденции вдали от отцов. Тем самым, писал Гао Вэй о ванах, «[мы] уничтожим их [силу], не уничтожая [их самих]» [24, цз. 11, 543]. В докладе также предлагалось уменьшить размеры уделов и стараться распылять военную силу в пределах их территории. Что же касается нарушения ванами установленных нормативов, то Гао Вэй считал это неизбежным явлением и рекомендовал правительству смотреть на это сквозь пальцы [24, цз. 11, 543–544; 32, цз. 15, 3].

Другой докладчик — помощник начальника Ведомства налогов Го Жэнь — в 1399 г. писал, что «карательные походы», подобные вторжению войск в уделы Чжоу-вана и Сян-вана, приводят к разорению местности, подвергшейся нашествию, а следовательно, разорению страны. В аллегорической форме Го Жэнь выступал против подобной политики [16, цз. 11, 799].

Наряду с возражениями против активной борьбы правительства с удельными ванами в конце 1398 — первой половине 1399 г. в столицу поступало много докладов с «разоблачением» действий ванов [16, цз. 11, 792; 24, цз. 11, 543; 27, цз. 2, 72; 29, цз. 101, 7325(2); 33, цз. 4, 51]. Предупреждая правительство об опасности и рекомендуя принимать различные меры по ограничению ванов, податели этих докладов проявляли себя сторонниками принятого курса на ликвидацию существующей системы уделов. Таким образом, инициатива Ци Тая, Хуан Цзы-дэна и Фан Сяо-жу по борьбе с удельными властителями находила определенную поддержку. Для примера можно перечислить ряд лиц, в той или иной форме выступавших против удельных ванов: Му Шэн, Чэнь Чжи, Цзэн Мин-шэнь, Чжо Цзин, сановный аристократ Сюй Хуй-цзу, начальник Судебного ведомства Бао Чжао, помощник начальника Ведомства налогов Ся Юань-цзи, цензор Цзэн Фэн-шао, провинциальные чиновники Чжан Бин, Се Гуй, Юй Фэн-чэнь, Гу Чэн, ученый-преподаватель из Сычуани Чэн Цзи, сотники Ни Лян и Дэн Юн и многие другие.

Однако были и противники борьбы с ванами, и даже активные помощники последних в противостоянии правительству. Помимо упомянутых Го Жэня и Гао Вэя здесь уместно вспомнить «наставника во зле» Минь-вана Цзун Линя, безымянного офицера, казненного по делу Ци-вана, а также назвать столичного аристократа Сюй Цзэн-шоу (брата Сюй Хуй-цзу), военных чинов Чжан Юя, Чжу Нэна, Юй Ляна и Чжоу До, провинциальных чиновников Цао Юя и Чжан Ляня, буддийского проповедника Дао Яня, его подручного Юань Гуна и многих других.

Естественно, эти списки далеко не полны и в известной степени случайны, ибо источники дают крайне скупые и необычайно разбросанные сведения по интересующему нас вопросу. Но приводимые данные свидетельствуют, что в господствующем классе, и прежде всего в его чиновно-бюрократической прослойке, шло

определенное размежевание на сторонников и противников принятого правительством Чжу Юнь-вэня курса на борьбу с удельными властителями.

Закономерность такого размежевания, в частности среди гражданских и военных чинов в самих уделах, вполне обоснованна. Нужно учитывать, что последние (как присланные из центра, так и занимавшие здесь ранее определенные должности) были поставлены в весьма сложное положение «слуг двух господ». Призванные служить центральной власти, они в то же время зависели от местного вана, влияние которого определялось уже тем, что он находился не далеко, в столице, а непосредственно рядом с ними. Поэтому при обострении противоречий между ванами и центральным правительством они должны были делать выбор и ориентироваться на одну из противоположных сторон. Такое явление хорошо прослеживается на примере всей истории назревания конфликта между уделом Янь и центром, о чем будет сказано ниже. Надо полагать, что и в других уделах в 1398–1399 г. наблюдалось нечто подобное, хотя данные источников здесь гораздо беднее.

Возвращаясь к приведенным персональным спискам, нужно отметить, что прослеживаемое размежевание коснулось не только местных чиновных и военных кругов, но и представителей столичной аристократии и бюрократии.

Не преувеличивая размах означенного размежевания, следует, однако, сказать, что в условиях и без того довольно острой после 1398 г. внутривластной борьбы в стране и сохранения известного недовольства действиями правительства в других областях жизни подобное явление имело немаловажное значение. Именно на общем фоне сложившегося в 1398–1399 гг. политического положения борьба вокруг вопроса об уделах неминуемо должна была вести к еще большей, чем прежде, поляризации внутренних противоречий. Иначе говоря, размежевание на сторонников и противников ликвидации существующих уделов определялось не только позицией отдельных группировок и лиц в связи с данным мероприятием, но и отражало их отношение к политике правительства Чжу Юнь-вэня в целом^[15]. Именно в этом плане можно говорить об определенном катализирующем воздействии, которое оказала попытка ликвидации уделов на расстановку сил во внутривластной борьбе.

Этот вывод весьма важен для правильного, всестороннего подхода к выявлению причин возникшей в 1399 г. вокруг вопроса об уделах междоусобной войны. В свете этого становится понятной та поддержка, которую, как констатирует Д. Чэнь, мятежный Чжу Ди получил в среде провинциальных военных и гражданских властей страны после начала вооруженной борьбы с правительством [189, 193].

Вернемся, однако, к фактической стороне возникновения военного конфликта. Предпринимая шаги против названных выше пятерых ванов, центральное правительство не упускало из виду подготовку удара по уделу Янь. На фоне общей линии, взятой на ликвидацию существующих уделов, намерение покончить с Янь-ваном Чжу Ди, обладавшим сильной армией и амбицией старшего из оставшихся сыновей Чжу Юань-чжана, не представляется удивительным. Еще осенью 1398 г. можно проследить целый ряд перемещений армейских подразделений и командующих в северных районах страны, а также воинские маневры, что в целом создает общую картину военных приготовлений правительства против Чжу Ди [16, цз. 11, 792–793; 29, цз. 4, 7103(4); 33, цз. 4, 50–51]. Одновременно в Пекин начинают засылаться сановники со специальными тайными заданиями следить за Янь-ваном и обеспечить в его столице «внутреннюю поддержку» правительству на случай столкновения. Среди них можно назвать Чжан Бина, Се Гуя, Чжан Синя, Гэ Чэна, Гэн Сяня и Цзин Цин-шу [24, цз. 11, 545; 29, цз. 4, 7103(4); 32, цз. 16, 6].

В начале 1399 г. Ци Таем был выдвинут конкретный план ликвидации удела Янь. Под предлогом беспокойного положения на северных границах предполагалось двинуть туда правительственные войска, сосредоточив их в Кайпине^[16]. Под тем же предлогом намечалось вывести из Пекина и направить к границам войска, подчиненные Чжу Ди. После этого армию из Кайпина предполагалось бросить на практически беззащитный Пекин [24, цз. 12, 550]. Общее командование операцией поручалось Сюй Хуй-цзу и Ли Цзин-луну [32, цз. 16, 6]. Однако осуществление этого плана затягивалось.

Возможно, что это было связано с сомнениями императора относительно поддержки в стране курса на ликвидацию удельных ванов. Обращаясь к Хуан Цзы-дэну, он говорил: «Я еще так недавно взошел на престол, но беспрерывно искореняю различных ванов. Если уничтожить еще и Янь, то какое самооправдание [смогу] я представить

Поднебесной?» [26, цз. 7, 26]. Ближайшие советники убеждали Чжу Юнь-вэня продолжить начатую линию. Во всяком случае, промедление отнюдь не было следствием какого-либо улучшения отношений между столицей и Янь-ваном. На последнего продолжали поступать все новые доносы с обвинениями в подготовке мятежа [16, цз. 11, 799; 24, цз. 11, 543, 545; 32, цз. 16, 6].

Лишь в апреле-июне 1399 г. план начал осуществляться. Военачальнику Сун Чжуну было приказано сформировать армию в районе Пекина, вербуя местное население и забирая себе солдат и офицеров из войск Чжу Ди; другой генерал — Сюй Кай должен был привести в боевую готовность войска в Линь-цине (пров. Шаньдун), а третий — Гэн Сюань — армию в Шаньхайгуане (крепости в узком проходе между горами и морем, ведущем из Собственно Китая в Маньчжурию) [16, цз. 11, 797]. Вскоре Сун Чжун сосредоточил в Кайпине около 30 тыс. солдат. В то же время часть войск из Пекинского и близлежащих гарнизонов была переведена в другие места [16, цз. И, 797; 24, цз. 12, 549]. Но решительного удара не последовало.

Все эти промедления Чжу Ди использовал для подготовки вооруженной борьбы с правительством. Сразу же после падения Чжоу-вана он начал увеличивать численность своей армии под предлогом замены беглых солдат новобранцами [32, цз. 16, 5–6]. Чжу Ди вербовал к себе на службу также отряды монгольской конницы. Проводилось обучение солдат. На территории дворцового комплекса в Пекине были устроены подземные мастерские, где днем и ночью ковалось оружие. Чтобы шум не привлек внимания соглядатаев, мастерские были облицованы специальным кирпичом, а сверху для маскировки устроены птичники [27, цз. 2, 70]. В результате к июлю 1399 г. Чжу Ди располагал запасами зерна на 10 лет для армии и населения удела и арсеналами в 300 тыс. доспехов [16, цз. 11, 800]. Военными приготовлениями в Пекине по поручению Чжу Ди ведали Дао Янь, Юань Гун, Чжан Юй и Чжу Нэн [27, цз. 2, 72].

Наконец, в июле 1399 г. после допроса и казни двух военачальников, служивших Чжу Ди, императорский двор решился на арест последнего. Представление об аргументах, выставленных для ареста, можно составить по письму Чжу Ди в столицу, направленному много позже (6 декабря 1399 г.). В письме содержатся ответы на выдвинутые обвинения. Чжу Ди обвиняли в восьми правонарушениях:

1) в превышении установленного числа офицеров и генералов в его «охранных гарнизонах»; 2) в слишком частом проведении военных учений; 3) в переманивании к себе на службу офицеров и генералов из других воинских соединений; 4) в содержании на своей службе татарской конницы; 5) в содержании в своей резиденции иностранных специалистов (т. е. иноземных военачальников); 6) в превышении принятых норм в охране своей резиденции; 7) в неумеренной роскоши; 8) в нарушении норм правопорядка его сыном Чжу Гао-суем [23, цз. 5, 45–48]. Основное, как видим, сводилось к превышению Чжу Ди его военных полномочий. Произвести арест было поручено Чжан Бину, Се Гую, Чжан Синю и специально посланному Ци Таем из столицы евнуху (имя не указано) [16, цз. 11, 800; 32, цз. 16, 7]. Однако в последний момент Чжань Синь испугался и сообщил обо всем Янь-вану [16, цз. 11, 800].

После этого Чжу Ди собрал в Пекине совет, где было решено пойти на открытое выступление против правительства. Дао Янь даже предложил план похода на Нанкин: направиться в Шаньдун, а оттуда, переправившись через р. Хуайхэ, двинуться далее на юг. [16, цз. 11, 800]. Но для этого нужно было подтянуть в Пекин верные Чжу Ди войска, рассредоточенные ранее правительством.

Тем не менее, когда правительственные войска под командованием Чжан Бина и Се Гуй заняли внешние городские стены Пекина и начали продвигаться к стенам дворцового комплекса, то, несмотря на предупреждения, в распоряжении Чжу Ди для обороны оказалось лишь около 800 солдат. Однако Чжан Бин и Се Гуй не решились на штурм дворца. Они вступили в переговоры с Чжу Ди. Он хитростью заманил их во дворец, якобы для переговоров, затем схватил их и казнил [16, цз. 11, 802]. Правительственные войска, оставшись без руководства, стали отступать. В атаку на Чжу Ди пошел лишь один офицер — Пэн Эр с отрядом приблизительно в тысячу солдат. Он принял бой у ворот Лимэнь, но был убит, а его солдаты рассеяны [24, цз. 12, 552]. Дольше других не сдавались Чжу Ди защитники ворот Сичжимэнь внешней стены города. На третий день после начала боев Пекин был полностью в руках Чжу Ди.

Между тем в стане правительственных войск сказывалась полная несогласованность действий и отсутствие единого руководства. Отряды под командованием Юй Чжэня, который ранее поддерживал планы Се

Гуя, не приняли участия в попытке захватить резиденцию Чжу Ди. Затем Юй Чжэнь отдал своим солдатам приказ уйти из Пекина и обосноваться в крепости Цзюйюнгауань (недалеко от города по северо-западной дороге) [32, цз. 16, 8]. Другой полководец, поддерживавший Чжан Бина и Се Гуя, — Ма Сюань со своими отрядами попытался снова атаковать резиденцию Чжу Ди. Завязались уличные бои. Вскоре войска Ма Сюаня были разбиты и вытеснены из города. Они отошли в Сучжоу (приблизительно в 80 км восточнее Пекина) [32, цз. 16, 8].

Наконец, Сун Чжун, который по согласованию с Чжан Бином и Се Гуем выступил из Кайпина на Пекин с 30-тысячным войском, дошел лишь до Цзюйюнгауаня. Надо полагать, что здесь он встретил отступавшие войска Юй Чжэня.

Из Цзюйюнгауаня Сун Чжун повернул обратно и стал лагерем в Хуайлае (на скрещении двух дорог между Пекином и Сюаньхуа) [32, цз. 16, 8]. Таким образом, положение Чжу Ди и его приверженцев в Пекине упрочилось. Они получили передышку и возможность самим перейти в наступление.

События в Пекине положили начало междоусобной войне «Цзиннань» (1399–1402). Непосредственно ее причиной, как видим, послужило столкновение Янь-вана Чжу Ди с правительством Чжу Юнь-вэня. Но это столкновение было в известной мере обусловлено политикой ликвидации существующей системы уделов, проводимой центральной властью в 1398–1399 гг. Чжу Ди оказался лишь более подготовленным к сопротивлению. В свою очередь, политика ликвидации уделов не была случайной. Она выросла из противоречий, существовавших между центральным правительством и удельными властителями. Противоречивость их интересов обуславливалась не столько субъективными моментами (династические претензии дядей к племяннику), сколько объективным стремлением института удельных держаний к сепаратизму. Конфликтная ситуация вокруг уделов подогревалась враждебностью обеих сторон — и ванов, и центральной власти. Поэтому говорить о сопротивлении Чжу Ди правительству в июле 1399 г. можно лишь условно, так как императорский двор первым перешел в наступление против представлявших для него потенциальную угрозу удельных держаний.

Конфликт между правительством и уделами не был лишь результатом деятельности Чжу Юнь-вэня и его окружения.

Напряженность в отношениях противоборствующих сторон нарастала постепенно вслед за установлением системы уделов основателем династии Мин. Поэтому можно с полным основанием сказать, что междоусобный конфликт 1399 г. явился опосредованным результатом политической деятельности Чжу Юань-чжана. Правительство Чжу Юнь-вэня лишь довело столкновение уделов с центральной властью до логического конца. При этом его действия в значительной мере диктовались обстановкой, возникшей в стране после смерти Чжу Юань-чжана.

Обращение Чжу Юань-чжана к такому институту, как система удельных держаний, в свою очередь, проистекало из реального политического положения в Китае в конце XIV в. Эта система явилась следствием определенной внешнеполитической и, что самое главное, внутривластной неустойчивости новой империи. Создание уделов в данный период было одним из проявлений внутренней борьбы в среде господствующего класса Китая, основным стержнем которой служило усиление императорской власти. Последнее мыслилось как средство преодоления внутривластной неустойчивости. Отмеченная борьба составляла неотъемлемую часть общеполитической ситуации, на фоне которой назревала междоусобная война. Деятельность правительства Чжу Юнь-вэня, во многом обусловленная сложившейся в стране ситуацией, дала новый импульс внутривластной борьбе.

Итак, конфликтная ситуация в Китае в последние годы XIV в. была шире, нежели узел противоречий вокруг уделов. Ее составляли различные слагаемые, проистекавшие из внутривластных коллизий, и она была подготовлена конкретной политической обстановкой предшествующих первых десятилетий существования империи Мин. Именно в этом свете можно говорить об определенной социальной базе, на основе которой разразилась война «Цзиннань».

Глава II

Война «Цзиннань»

Обоснование враждующими сторонами своих идеологических позиций

Сразу же после событий в Пекине Чжу Ди, по свидетельству источников, стал «сам управлять подчиненными чиновниками» [24, цз. 12, 553]. На высшие военные посты были выдвинуты верные ему военачальники Чжан Юй, Чжу Нэн и Цю Фу [16, цз. 11, 802]. Вместе с Дао Янем, Цзинь Чжуном, Го Цзы и сыновьями Чжу Ди они образовали нечто вроде высшего совета при Янь-ване.

Переворот Чжу Ди в Пекине почти не встретил сопротивления у местных гражданских властей и населения. Правда, есть данные об отказе некоторых представителей чиновничества служить новому повелителю. Они либо подавали в отставку, либо скрывались [26, цз. 7, 36]. Но это была лишь чисто пассивная форма сопротивления. Нужно учитывать, что обеспечение лояльности местных властей было в какой-то мере подготовлено Чжу Ди заранее. Еще до открытого столкновения с правительством он приказал тайно схватить неугодных ему чиновников из административного аппарата в Пекине [16, цз. 11, 801]. Главные же противники Чжу Ди, находившиеся в его резиденции, погибли в ходе переворота.

Реакция же основной массы населения города, естественно, не нашла отражения в источниках. Во всяком случае, она была скорее пассивной, чем враждебной. В свою очередь, Чжу Ди, понимая важность настроения местного населения, еще во время боев отдал приказ по армии поддерживать в городе порядок и не причинять ущерба народу [32, цз. 16, 8].

Одержав победу в Пекине, Чжу Ди и его сторонники в первую очередь позаботились об идеологическом обосновании своих действий. Их позиции и требования нашли отражение в первых же трех официальных документах, изданных от имени Янь-вана. 6 августа 1399 г. он обратился с воззванием и манифестом к своим войскам, а также направил письмо в Нанкин. Сопоставление содержания этих документов весьма интересно.

Воззвание было зачитано перед строем верных Чжу Ди войск. В нем были кратко сформулированы основные причины конфликта и

конечные цели борьбы, официально провозглашавшиеся группировкой Чжу Ди. Воззвание гласило: «Я — сын императора Тай-цзу Гаохуанди (Чжу Юань-чжана. — А. Б.). Ныне [в стране] объявились лукавые сановники, замыслившие зло. В «Заветах Тай-цзу» сказано, что [когда] при императорском дворе нет честных сановников, а внутри страны появляется вероломство и измена, то нужно начать войну, чтобы покарать [виновных] в этом и обезопасить императора от зла, находящегося рядом с ним. Командиры и солдаты! [Я] возглавлю вас, чтобы наказать этих преступников, поскольку [они] уже обнаружили себя!» [32, цз. 16, 9]. Вслед за тем войска были приведены к клятве верности. Провозглашалось, что война ведется «За устранение кризиса» («Цзиннань»), а ее конечной целью объявлялась казнь Ци Тая и Хуан Цзы-дэна [32, цз. 16, 8].

Примечательно, что Чжу Ди и его сторонники воспользовались положением из «Заветов Тай-цзу» для оправдания своих действий. Однако трактовка его была прямо противоположна истинному смыслу. Как отмечалось в предыдущей главе [см. стр. 17], это положение обязывало удельных ванов оказывать поддержку трону в случае возникновения в стране мятежа. Здесь же, наоборот, оно казуистически оправдывало восстание против императорского двора.

В манифесте от 6 августа 1399 г., так же как и в воззвании, обращенном к армии, причины возникшего конфликта конкретизированы. От имени Чжу Ди манифест провозглашал: «Ныне молодой император [оказывает] доверие лукавым наветам, наносящим ущерб кровнородственным отношениям [в императорском доме]. Мой покойный отец и покойная мать, [ввиду] трудности основанного ими дела, наделили всех [своих] сыновей вассальными владениями. [Эти владения должны] передаваться извечно по наследству [и служить] защитой Поднебесной. Теперь же уничтожены и отобраны [владения] у пятерых ванов. [Очередь] дошла и до меня... Мой долг объявить смертельную вражду коварным злодеям...» [23, цз. 2, 19–20].

Как видим, Чжу Ди выступает здесь как защитник интересов всех удельных ванов. Под огонь критики брошена политика ликвидации уделов, проводившаяся правительством Чжу Юнь-вэня. При этом обвиняются не только «коварные злодеи», но и сам император, оказавший им покровительство. Прибегая к такой аргументации, группировка Чжу Ди, несомненно, рассчитывала на определенную

поддержку со стороны недовольных политикой ликвидации уделов и опосредовано всей деятельностью правительства.

Вместе с тем в манифесте отчетливо прослеживается стремление Чжу Ди оправдать свои действия, изобразить противную сторону виновником возникшего конфликта. В этом плане весьма примечательно начало документа: «Я — сын императора Тай-цзу Гао-хуанди и [его] первой [по старшинству] супруги-императрицы Сяо-цзы и [поэтому] близкий родственник царствующего дома. Со времени получения [моего] поста, [я] лишь выполняю [свой] долг: соблюдая законы, охраняю полученный удел» [23, цз. 2, 19]. Самооправдание здесь более глубокое, чем может показаться на первый взгляд. Дело в том, что до нас дошло шесть различных версий происхождения Чжу Ди, три из которых не признают его родным сыном Чжу Юань-чжана^[17]. Отсюда постулирование в манифесте законности происхождения Чжу Ди отнюдь не случайно и имеет глубокий смысл.

В послании, направленном 6 августа из Пекина в столицу, аргументация группировки Чжу Ди представлена еще более полно, чем в воззвании и манифесте к войскам. Если первые два документа были рассчитаны на «внутреннее пользование», т. е. обращены к сторонникам и подчиненным Чжу Ди, то послание, адресованное противнику, налагало на составителей большую ответственность. Отсюда стремление более четко и мотивированно представить свою позицию, а также смещение некоторых смысловых оттенков по сравнению с двумя другими документами.

Во-первых, в послании всячески развивается и подчеркивается мысль о том, что Чжу Ди выступает от имени всех удельных ванов и что причина конфликта — политика ликвидации уделов. Текст послания гласил: «Различные сыновья [Тай-цзу], получившие уделы, укрепляли престол. На [них] можно было положиться, как на скалу. Денно и ночью [они] думали о подведомственных [им] районах и никогда не [сетовали] на несчастье быть [далеко] от Нанкина... Но лукавые сановники Ци Тай и Хуан Цзы-дэн, [принадлежащие] к категории [тех, кто] не в состоянии придерживаться [истинного] пути и добродетели, чтобы помогать совершенному управлению [страной], а также затаившие в душе злобу, безудержно клеветующие в [своих] обманных речах и восплававшие ненавистью, [подобно] шакалам и титрам, заменили [собой] авторитет и власть Вашего

Величества и отсекают живые ветви императорской семьи. За короткий срок были лишены [титулов] пятеро братьев — Су, Бо [Ци-ван], Бо [Сян-ван], Гуй и Пянь... Особой жалости и сочувствия заслуживает Бо [Сян-ван], который заперся во дворце и сжег себя... Ныне... [к гонимым] присоединили и меня» [23, цз. 2, 16–171].

В отличие от манифеста к армии, послание от 6 августа содержит прямое оправдание опальных ванов. «Хотя все они имели проступки, но [мне] не приходилось слышать, чтобы они замыслили встать на путь измены», — утверждал Чжу Ди [23, цз. 2, 16]. Более того, в послании предлагалось императорскому двору соблюдать определенные нормы во взаимоотношениях с удельными ванами: «За серьезные [проступки ванов] можно уменьшать [число солдат их] охранных гарнизонов. За легкие — можно посылать указы с наставлениями. При старании [ванов исправиться] гуманность императорского двора [должна проявиться] в еще большей щедрости и любви [к ним]. После справедливых наставлений это второй [способ вести] их к полному совершенству. Не подобает из-за этих [проступков] сразу лишать ванов [их] титулов, отнимать у ванов землю и ссылая их в захолустные места со случайными попутчиками» [23, цз. 2, 16–17].

Во-вторых, самооправдание занимает в послании гораздо больше места, чем в других цитированных документах. На этот раз подробно излагается в нужном для Чжу Ди свете вся история обострения конфликта удела Янь с правительством. «Неправедными действиями» последнего мотивируются и события в Пекине. Вместе с тем Чжу Ди не упускал случая упомянуть о своих верноподданнических чувствах: «Ныне [я] служу Вашему Величеству, как служу Небу... Ведь путь [дао] для меня — это знать только лишь одного государя» [23, цз. 2, 18]. Надо полагать, что последнее являлось данью издревле практиковавшейся в Китае форме «вежливости» и не могло никого обмануть.

В-третьих, в отличие от приводимого выше манифеста, в послании не только ни в чем не обвиняется император, но содержится своеобразное оправдание для него. В нем дважды повторяется мысль, что политика ликвидации уделов — это результат деятельности «коварных сановников», а никак не намерений и повелений самого Чжу Юнь-вэня. Такие сентенции согласуются с цитированным выше утверждением, что Ци Тай и Хуан Цзы-дэн оттеснили от власти

императора. Во всем этом можно усмотреть определенный дипломатический прием. Ценой отказа от проводимой политики императору предлагалась возможность предотвратить дальнейшее развитие вооруженного конфликта.

В заключительной части послания двору предъявлялось нечто вроде ультиматума. Чжу Ди выражал надежду, что Чжу Юнь-вэнь «прогонит злодеев, чтобы очистить императорский двор, дать вечное успокоение родине, сохранить полностью все вассальные владения родичей, дать счастье и покровительство людям, [ибо] в этом не только мое (Чжу Ди) счастье, но и счастье всей страны и всей Поднебесной». В самом конце документа повторялось изречение из «Заветов Тай-цзу» о праве удельных ванов подавлять внутреннюю крамолу и высказывалось предположение, что император одобрит действия Чжу Ди и санкционирует его «карательный поход» против «лукавых сановников» [23, цз. 2, 19].

Через четыре дня после издания трех описанных документов, 10 августа, Чжу Ди вновь обнародовал программный манифест. На этот раз обращение имело всеобъемлющий адрес — к генералам, чиновникам, армии и народу. В целом здесь повторялись те же доводы, что и прежде: оправдывались собственные действия, а правительство изображалось виновником конфликта. Но были и новые моменты, наиболее существенные из них следующие.

Чжу Ди представлял себя как единственную и последнюю опору всех остальных удельных ванов. Он грозил, что в случае его падения будет уничтожена вся система уделов. Манифест предостерегал: «Ныне, как только те, кто опасается вассальных владений императорской семьи, уберут меня, так [сочтут более] не нужным беспокоиться обо всех остальных [вассальных ванах], как о [некой] сломленной и гнилой [вещи]» [23, цз. 2; 21]. Это можно расценить как призыв к другим властителям уделов присоединиться к мятежу.

Весьма примечательна характеристика всей деятельности правительства Чжу Юнь-вэня, даваемая в манифесте. Он гласил: «Ведь то, что сделали наставники молодого императора, это все, как правило, поступки, идущие вразрез с путем (*дао*), против добродетели, [продиктованные стремлением] к безудержным удовольствиям. К явлениям природы [они относятся] без должного внимания, законоустановления Тай-цзу не соблюдают, при ропоте народа [не

оказывают ему] поддержки. [Они] мчатся безостановочно, [закусив удила]. Как же при этом не взбунтоваться Поднебесной? Как же при этом не погибнуть правящему дому?» [23, цз. 2, 21]. Такая характеристика, хотя она, несомненно, тенденциозна и несколько утрирована, служит подтверждением, сделанным в первой главе выводам о причинах, породивших междоусобицу 1399 г. Она свидетельствует, что за острым противоречием вокруг вопроса об уделах незримым фоном стояло определенное недовольство в среде господствующих слоев всей деятельностью правительства Чжу Юньвэня. Манифест от 10 августа учитывал и разжигал это недовольство.

В манифесте также излагалась четкая программа дальнейших действий пекинской группировки. При этом возможность договориться с правительством мирным путем оценивалась весьма пессимистически. Текст документа звучал так: «Я (Чжу Ди) уже направил императору послание с подробным изложением просьбы о наказании коварных сановников. [Однако] ныне коварные сановники все утаивают от молодого императора. [Поэтому] боюсь, что не получу ответа. В таком случае единственное, что следует [предпринять], — это послать вас обезопасить государя от зла, [притаившегося у него] под боком, помочь стране искоренить гниль, защитить династию от гибели, с почтением нанести визит к подножью императорского престола, к могиле [Тай-цзу] и [алтарю] храма предков императора, а затем уйти обратно охранять [свои] старые вассальные владения» [23, цз. 2, 22].

Изложенная программа носит, конечно, пропагандистский характер. Но она примечательна тем, что Чжу Ди в начале войны не выдвигал иных целей, кроме смены ближайшего окружения императора, изменения политического курса и сохранения за собой прежнего удела. Насколько она отражала истинные намерения Чжу Ди и его окружения, сказать трудно. Но вполне возможно, что в условиях большого перевеса сил правительственной стороны в начале конфликта выдвигать слишком далеко идущие цели сочли нерациональным. Во всяком случае, провозглашение подобной программы действий отнюдь не было непродуманным шагом. Аналогичные цели ставились еще в одном программном документе начала войны — воззвании к войскам Янь от 22 августа 1399 г. Оно, в частности, гласило: «Сегодня я, как и все вы, спешно направляюсь [в поход]. [Мы идем] не для того, чтобы искать богатства, знатности и покровительства у императора, [а чтобы]

защитить династию, избавить императорский двор [от коварных сановников], а затем уже защитить себя и свои семьи, только и всего» [23, цз. 2, 24].

В том же воззвании содержался призыв ко всему населению страны помочь покончить с политикой ликвидации уделов и всеми начинаниями нового правительства вообще. Оно гласило: «Живущие в Поднебесной, солдаты и народ Поднебесной Тай-цзу, дети Тай-цзу! Власть имущие злодеи посеяли смуту. Подделав распоряжение государя, [они] уничтожают вассальные владения родственников [императора], [создают] угрозу для династии. [Надо] поспешить поправить [их] оружием, отменить все, ими достигнутое» [23, цз. 2, 24]. Этот мотив вполне созвучен той негативной характеристике правительства Чжу Юнь-вэня, которая имеется в манифесте от 10 августа.

Воззвание от 22 августа примечательно также и тем, что в нем значительное место уделено призывам к армии воздерживаться от грабежей и насилий над мирным населением в ходе военных действий. Война ведется, говорилось здесь, против «коварных сановников», а не против народа. Причем мотивы подобных призывов были отнюдь не филантропические. «Утрата сочувствия народа ведет к утрате основы основ», — констатировалось в воззвании [23, цз. 2, 24]. Тот факт, что группировка Чжу Ди не упускала из виду заботу о «сочувствии народа», представляется весьма важным в свете развития дальнейших событий.

Итак, в приводимых выше документах четко вырисовывается позиция пекинской группировки. Ее идеологическая платформа была выработана в августе 1399 г. и отражала программу Чжу Ди и его ближайшего окружения в самом начале войны. Основное положение указанной платформы сводилось к следующему: Чжу Ди выступал от имени всех удельных ванов против политики ликвидации уделов; целью войны объявлялось устранение инициаторов этой политики — ближайших советников Чжу Юнь-вэня, а заодно осуждалась вся политика его правительства; виновником возникновения конфликта объявлялось центральное правительство; сам император обвинялся лишь косвенно и изображался как пассивная фигура, нуждающаяся в помощи, а вопрос о его замене не поднимался.

При всем этом пекинская группировка предприняла все же один шаг, который можно трактовать как прямое осуждение императора и отказ признавать его. Еще 6 августа 1399 г. в Пекине было приказано упразднить девиз царствования Чжу Юнь-вэня — Цзяньвэнь и все официальное делопроизводство вести под девизом умершего императора — Хуньу [32, цз. 16, 8]. Это можно расценивать и как выражение все того же отрицательного отношения ко всему, что было сделано правительством Чжу Юнь-вэня. Возможно, Чжу Ди рассчитывал таким путем добиться большей популярности как продолжатель курса прежнего императора. Но так или иначе, отмена девиза была выпадом против царствующего монарха.

Идеологическая позиция императорского двора в начале войны «Цзиннань» освещена в дошедших до нас источниках значительно хуже, чем пекинской группировки. Это объясняется тем, что Чжу Ди после победы фальсифицировал многие исторические материалы, освещающие подлинные обстоятельства его прихода к власти. В первую очередь пострадали документы и аргументация противной ему стороны. Но, несмотря на минимум информации, позиция двора в начале конфликта с Чжу Ди представляется довольно ясной: она определялась взятым курсом на ликвидацию существующих уделов.

Получив письмо Чжу Ди, в столице на совете у императора решили публично объявить о преступлениях Янь-вана и послать против него войска. Однако были и противники этого решения. Некоторые сановники «считали это затруднительным» [27, цз. 2, 74]. Ци Таю пришлось убеждать их, доказывая, что Янь-ван сам нарушил мир, стал открытым врагом императорского двора и поэтому с ним даже легче совладать, чем прежде [24, цз. 12, 554–555]. В результате Чжу Ди был официально вычеркнут из списков императорской семьи, а по всей стране разослана следующая декларация: «Императорский двор в высшей степени доверяет «лукавым сановникам». [Если] разрушение кровнородственных связей называется исполнением заветов императора Гаохуанди, [то] воля Неба — предпринять карательный поход и искоренить [виновных]. Под предлогом искоренения «лукавого сановника» Ци Тая [они] отказались от [признания] годов правления Цзяньвэнь и поставили [под своим письмом] лишь циклический год... [Янь-ван] выступил с войсками [в поход]...» [16, цз. 11, 803]. Это было равносильно открытому объявлению войны.

Развернутая позиция двора в отношении конфликта с Чжу Ди была дана в манифесте от 25 августа 1399 г. Мятеж Чжу Ди рассматривался здесь в тесной связи с взаимоотношениями правительства и ванов в целом. «Мои кровные родичи многократно вынашивали коварные замыслы превзойти власть и поднять мятеж», — говорилось в манифесте от имени императора [16, цз. 11, 805]. Далее излагалась история столкновений с пятью опальными ванами. При этом Чжоу-вану и Ци-вану вменялся в вину сговор с Янь-ваном Чжу Ди в подготовке восстания. Обвинения в адрес последнего были довольно резки: «[Я] не вмешивался в его дела. Ныне же [он], однако, забыв [заветы] предков и наперекор Небу, начал войну и навлек [на страну] беду. В [своих] помыслах и намерениях он идет против императора, создает угрозу государству. [Поэтому он и] поднял этот мятеж. Кто не встревожится, услышав об этом? Еще раньше, при прежнем императоре, [Чжу] Ди затаил в душе зло. Долгое время он печатал фальшивые ассигнации, завязывал тайные отношения с влиятельными людьми при дворе, злодейски укрывал преступников. Прежний император разгневался [на него] и из-за этого заболел. Дошло до того, что [император] покинул [этот мир]... Ныне [Чжу Ди] не раскаивается. Он вновь совершил ужасное злодеяние. Хотя и хочется простить его, но этим [будет нанесен] ущерб государству. Небо и Земля не позволят простить» [16, цз. 11, 805].

Таким образом, императорский двор видел в выступлении Чжу Ди угрозу для себя и государства. Попытки Чжу Ди оправдать свои действия не принимались в столице. Более того, ему приписывали ответственность за смерть отца, для чего вряд ли были реальные основания.

В конце манифеста содержался красноречивый призыв: «Этой бумагой сообщаю вам — гражданским и военным сановникам, находящимся в Китае и за его пределами, что все должны, преисполняясь честностью и соблюдая долг, выполнять обязанность по усмирению Янь-вана и единодушно, всей страной, стремиться к установлению вечного спокойствия» [16, цз. 11, 805].

Таким образом, идеологическая позиция правительства в отношении Янь-вана была бескомпромиссной. Нужно также учитывать, что открытое выступление последнего против центральной власти давало императорскому двору (по крайней мере на первых порах)

несомненный моральный выигрыш. Поэтому надо полагать, что в начале войны пекинская группировка была гораздо более озабочена обоснованием своих действий, нежели ее противник.

Укрепление военно-стратегической базы Чжу Ди на севере страны и разгром первого похода правительственных войск (август — ноябрь 1399 г.)

В августе 1399 г. не только определились идеологические позиции сторон, но и произошли заметные изменения в соотношении сил враждующих сторон. Овладев Пекином, Чжу Ди и его сторонники первым делом укрепили город: заполнили водой рвы вокруг стен, приступили к формированию ополчения из горожан и сбору запасов продовольствия на случай осады [16, цз. 11, 802; 24, цз. 12, 553]. Но отсиживаться за городскими стенами не входило в планы мятежников. Видя пассивность противника, они перешли в наступление. Первый удар был нанесен на восточном направлении. Здесь войска Янь овладели последовательно городами Тунчжоу, Сучжоу (пров. Хэбэй) и Цзуньхуа, разбив отошедший на восток из Пекина отряд Ма Сюаня [32, цз. 16, 9]. 19 августа на сторону Чжу Ди перешел гарнизон г. Юнпина близ Бохайского залива [32, цз. 16, 10].

Второй удар был направлен к северу и северо-западу от Пекина. 12 августа солдаты Юй Чжэня были выбиты из горного прохода Цзюйюнгуань [32, цз. 16, 9]. Через пять дней, 17 августа, произошло первое крупное сражение между правительственными войсками, возглавляемыми Сун Чжуном, и войсками Янь под г. Хуайлаем. Оно закончилось полной победой мятежников [32, цз. 16, 10]. После этого на сторону Чжу Ди перешло сразу несколько воинских гарнизонов, расквартированных к северу и северо-западу от Пекина вдоль границы с монголами [32, цз. 16, 10].

Таким образом, через две недели после начала боевых действий (с 6 по 19 августа) в руках Чжу Ди и его приверженцев оказалась значительная часть современной провинции Хэбэй от р. Луаньхэ на востоке до г. Сюаньфу (совр. Сюаньхуа) на западе и вплоть до северных рубежей (схема 1). Вблизи Пекина не осталось сколько-нибудь крупного соединения правительственных войск, которые могли бы угрожать столице Янь.

Численность армии Чжу Ди за те же две недели достигла нескольких десятков тысяч человек [27, цз. 2, 73]. Чем можно объяснить столь быстрые успехи восставших? Нам кажется, здесь было несколько причин. Во-первых, сказалась настроенность целого ряда военачальников и, очевидно, чиновничества близлежащих к Пекину городов в пользу Янь-вана. Большинство из них сдалось без боя или же добровольно присоединилось к Чжу Ди. Единственный крупный бой произошел под Хуайлаем. Остальные сражения не были продолжительными и упорными. Здесь, несомненно, сыграла свою роль подготовительная работа по вербовке сторонников Чжу Ди в войсках, расквартированных на севере страны. Сказалась и упомянутая выше двойственность положения чиновничества северных районов, для которого Чжу Ди представлял вполне реальную политическую и военную силу в противовес далекой южной столице.

Схема 1. Начало войны «Цзиннань»

Второй причиной можно считать полную несогласованность и разобщенность действий оставшихся верными правительству военачальников. Это проявилось, как отмечалось, уже во время переворота в Пекине, а в дальнейшем еще больше усугубилось. Действительно, гарнизон Сучжоу и войска Ма Сюаня непошли на помощь Тунчжоу, а гарнизоны Цзуньхуа, Юнпина и других восточных городов не оказали помощь Сучжоу. В момент выхода основных сил Чжу Ди на восток ни Юй Чжэнь с севера, ни Сун Чжун с запада не попытались нанести быстрый удар по Пекину.

Полнейшая несогласованность действий каждого военачальника объяснялась не только недостатками организации китайской армии, но и отсутствием руководства со стороны центрального правительства. Хотя в течение долгого времени подготовлялся удар против Янь-вана Чжу Ди, все же правительство оказалось совершенно не подготовлено к началу военных действий: не было ни инструкций для борьбы с войсками Янь, ни единоначалия в северных войсках. В некоторых источниках недостаточное внимание к военным приготовлениям на севере связывается с увлеченностью правительства отмеченными выше планами реформ системы гражданского управления страной. Гу Ин-тай, например, писал: «В то время император задумывался лишь над делами гражданского управления. Он ежедневно обсуждал с Фан Сяо-жу и другими [сановниками] порядки, описанные в «Чжоу гуань» (древние трактаты. — *А. Б.*) и недостаточно заботился о северной армии» [32, цз. 16, 10]. Неподготовленность и просчеты центральных властей можно считать третьей причиной, способствовавшей быстрым успехам Чжу Ди и его сторонников.

К тому моменту, когда правительство двинуло против мятежников свои основные силы, Чжу Ди уже располагал определенной базой для сопротивления. Решение о походе главных сил на север было принято в столице 25 августа. Войска численностью в несколько сотен тысяч человек должны были двигаться к Пекину разными дорогами — через Шаньдун, Хэнань и Шаньси [32, цз. 16, 10–11]. Командовал походом Гэн Бин-вэнь — один из немногих старых генералов, оставшихся со времени Чжу Юань-чжана.

Армия Янь, узнав о приближении противника, вышла навстречу ему на юг. 15 сентября она внезапным ударом разгромила авангард

противника у городов Сюнсяня и Мочжоу (близ оз. Байянтин в пров. Хэбэй), а 24 сентября появилась перед главными правительственными силами у г. Чжэньдина (на р. Хутохэ в пров. Хэбэй). В происшедшей здесь битве армия Гэн Бин-вэня потерпела полное поражение. Есть данные, что только убитыми, не считая утонувших в реке и разбежавшихся, она потеряла 90 тыс. человек [16, цз. 11, 806]. Однако северянам не удалось овладеть Чжэньдином, за стенами которого укрылись остатки разбитой правительственной армии. Через три дня безуспешной осады Чжу Ди повел войска обратно на север. На это имелись свои основания.

Во-первых, северяне учитывали, что «побочные» правительственные войска, шедшие другими, нежели Гэн Бин-вэнь, дорогами, могли почти беспрепятственно подойти к Пекину, пока шла осада Чжэньдина. Во-вторых, в конце сентября верная центральным властям армия из Ляодуна атаковала и осадилась Юнпин [16, цз. 11, 809]. Кроме того, близ р. Луаньхэ, в горном проходе Сунтингуань, еще раньше сосредоточились правительственные войска, выведенные из удела Нин-вана (вокруг г. Данина, к северо-востоку от Пекина) [32, цз. 16, 10]. Все это создавало угрозу для столицы Янь-вана с востока. Не обезопасив себя на восточном фронте, Чжу Ди не мог быть уверенным за тылы во время борьбы с основными силами противника на юге.

Поэтому уже 4 октября, т. е. через неделю после отхода от Чжэньдина, войска Янь появились под Юнпином и сняли осаду с города. Ляодунская армия отошла в Шаньхайгуань [32, цз. 16, 13]. После этого Чжу Ди повел своих солдат на Данин. Город не ждал нападения. К тому же основная часть гарнизона ушла в Сунтингуань. После короткого боя оставшиеся в Данине солдаты сдались Чжу Ди [32, цз. 16, 14]. Надо полагать, что быстрая капитуляция была обусловлена также позицией Нин-вана Чжу Цюаня, находившегося в городе. Отношения последнего с правительством и с Чжу Ди имели следующую предысторию.

После начала войны Нин-ван и Ляо-ван из опасений их перехода на сторону Чжу Ди были вызваны в Нанкин. Ляо-ван дал письменное согласие приехать. Нин-ван — отказался. Тогда император издал указ, предписывавший распустить охранные гарнизоны Нин-вана [24, цз. 12, 557]. Узнав об этих событиях, Чжу Ди направил последнему письмо с просьбой оказать ему военную помощь. Нин-ван, как отмечается в

источниках, «был рад» получению письма, но помощи не оказал [24, цз. 12, 557]. Возможно, это было связано с тем, что после упомянутого указа и вывода из Данина основного гарнизона он не в состоянии был сделать это. Но выступить против Янь-вана он тоже не собирався.

Тем не менее Чжу Ди не был склонен доверять брату. После взятия Данина они пировали несколько дней, а войска Янь быстрым маршем шли к Сунтингуаню. 8 ноября 1399 г. стоявшие здесь правительственные войска, которые ранее подчинялись Нин-вану, перешли на сторону Чжу Ди [16, цз. 11, 810; 24, цз. 12, 560]. После этого 10 ноября Нин-ван был арестован и под стражей отправлен в Пекин [32, цз. 16, 14]. Чиновники в Данине и почти все остальные воинские соединения в уделе Нин без боя подчинились Чжу Ди (за исключением трех небольших крепостей, безуспешно пытавшихся сопротивляться) [32, цз. 16, 14].

Овладение уделом Нин было крупным успехом Чжу Ди и его сторонников. Здесь насчитывалось около 90 военных укреплений, где содержалось 80 тыс. латников и 6 тыс. военных повозок [16, цз. 11, 810]. Потенциальная угроза Пекину с северо-востока была ликвидирована, ляодунская армия была изолирована, а ее действия более чем прежде затруднены. Характерно, что Чжу Ди предпочел стратегический выигрыш некоторому моральному ущербу, связанному с арестом Нин-вана. Последнее должно было отразиться на отношении остальных ванаов к Чжу Ди. Доказательством служит поспешное бегство Ляо-вана в столицу после описанных событий. Но здесь следует учесть, что Чжу Ди не получил ответа на свой несколько завуалированный призыв к остальным ванам поддержать его, прозвучавший в его манифестах и воззваниях в начале войны. Те ваны, на поддержку которых он мог прочно рассчитывать, были репрессированы. Остальные заняли выжидательную позицию: не поддерживая правительства, они в то же время не оказывали активной поддержки Чжу Ди. Примером этого могут служить действия Нин-вана до его ареста, Ляо-вана, а также Гу-вана, бежавшего в Нанкин из своей резиденции в Сюаньфу еще в самом начале военных действий [24, цз. 12, 554]. Поэтому пекинская группировка почти с начала войны стала рассчитывать исключительно на свои силы. События в Данине отчетливо свидетельствуют об этом.

Благодаря присоединению войск из удела Нин армия Янь значительно увеличилась. В середине ноября 1399 г. она была переформирована и разделена на пять соединений [24, цз. 12, 560]. Таким образом, к тому времени, когда императорский двор оправился после первых поражений и двинул армию в новый поход на север, позиции Чжу Ди и его сторонников значительно окрепли.

Дипломатические маневры сторон. Разгром второго похода правительственных войск и рейд армии Чжу Ди в Шаньси (ноябрь 1399 — март 1400 г.)

Второй северный поход правительственных войск на Пекин проходил в несколько иной обстановке, чем первый. Хотя подготовка к новому удару по Чжу Ди началась в столице почти сразу же после получения известия о бое под Чжэньдином, а Гэн Бин-вэнь был отстранен от командования, понесенное поражение имело определенный резонанс в стране. Ко двору стали поступать доклады, ратовавшие за скорейшее прекращение военных действий ценой уступок. Наиболее показателен доклад цензора Хань Юя, поданный сразу же после разгрома императорских войск под Чжэньдином — 30 сентября 1399 г.

Докладчик, чтобы не вызвать гнев адресата, вначале оправдывал меры, принятые в 1398–1399 гг. против пятерых опальных ванов. Он считал их падение результатом их собственных действий. Но вместе с тем Хань Юй предлагал двору отказаться в дальнейшем от политики ликвидации уделов, а опальных ванов — реабилитировать. Он призывал: «Освободите из-под ареста Ци-вана, Дай-вана и Минь-вана. Титулуйте [почетным титулом] могилу Сян-вана. Верните в столицу Чжоу-вана!» [16, цз. 11, 808]. Необходимость этого докладчик видел в бесперспективности войны с Янь-ваном, в предопределенности дальнейших поражений правительственных войск. «Руководим [мы военными действиями] уже давно, но еще в самом начале этих действий [чувствовалось] утомление. Вывести генералов и солдат из поражений [можно] лишь только указом [о создании] новорожденного Китая», — писал он [16, цз. 11, 808].

Хань Юй призывал императора направить Чжу Ди предложение прекратить войну на условии, что в его распоряжении останется удел Янь, объявить о том, что в дальнейшем двор будет любовно относиться к прочим ванам и встанет на «правильный» политический путь. Последнее является еще одним доказательством того недовольства,

которое вызывала у некоторых представителей господствующих слоев политика правительства Чжу Юнь-вэня в целом.

Весьма характерно, что Хань Юй выступал не только от своего имени, но и от лица многих других недовольных. И такое недовольство, по мнению докладчика, могло иметь самые серьезные последствия. Он писал: «Я говорю, что пока не прекратятся несчастья среди родственников [императора], докладчики и далее не будут скупиться [на подачу докладов двору]. Боюсь, что если Ваше Величество не вникнет в [их предложения], то не пройдет и десяти лет, как [Вы будете] раскаиваться в этих раздорах» [16, цз. И, 808].

К голосам сторонников установления мира ценой уступок: Янь-вану присоединился и Гэн Бин-вэнь. В своих «советах» императору он пошел еще дальше Хань Юя. «Лучше уж пойти навстречу честным и искренним родственным отношениям, сделать Янь-вана регентом и поручить ему ведение государственной политики. Ваше Величество могло бы [тогда] спокойно восседать на троне, пользуясь уважением, а любящие слуги оказывали бы [Вам] всемерную поддержку, приумножая [Ваши] заслуги» [16, цз. 11, 810]. Разбитый полководец обрушивался на политику ближайших советников императора: «Исполнение планов тех, кто недавно выдвинулся, поведет к захвату [ими] руководства армией и всей полноты власти [Они] посмеют [возложить на себя] огромную ответственность и встать у власти в государстве... Они не прекратят кровавой резни, пока не будет опустошена вся страна» [16, цз. 11, 810].

Недовольство «теми, кто недавно выдвинулся», выраженное докладчиком от имени «старых слуг» императора, само по себе не удивительно, ибо отражает один из отмеченных моментов во внутриполитической борьбе в Китае того времени (см. гл. I, стр. 20, 30). Может лишь вызвать удивление, что это недовольство появилось у человека, назначенного правительством Чжу Юнь-вэня главнокомандующим, т. е. призванного защищать политику «недавно выдвинувшихся».

Насколько значима была реакция в стране на поражение первого похода на север, можно судить по тому, что вслед за ним правительство предприняло первую попытку пойти на мирные переговоры с Чжу Ди. Правда, шаг к переговорам был половинчатым. Гао Вэй — представитель правительства, принимавший не последнее участие в

обсуждении проблемы уделов, — отрекомендовался в Пекине сановником, не состоящим на службе. Тем самым миссия приобретала неофициальный характер. Но предложения и доводы, которые имелись у Гао Вэя для Чжу Ди, были вполне реальны.

В послании, привезенном Гао Вэем в Пекин, возникновение войны изображалось чистой случайностью на фоне всеобщего удовлетворения в стране новым политическим курсом правительства: «Нынешний Сын Неба объявил о [проведении] новой политики. Все в Поднебесной испытывали радость [от этого]. Неожиданно возникла ссора между великим ваном (Чжу Ди. — *А. Б.*) и императорским двором. [Вы] развернули свою армию и выступили неизвестно во имя чего» [16, цз. 11, 809]. В связи с этим предлагалось уладить «недоразумение» пока не поздно. Мир обставлялся следующими условиями: Янь-ван должен письменно признать свою вину и просить прощения у императора; северяне должны прекратить военные действия; войска Янь, включая охранные гарнизоны, подлежат роспуску. В обмен на это Чжу Ди и его приверженцам было обещано прощение и сохранение жизни. Заканчивалось послание угрозой, что если сейчас Чжу Ди откажется от этих условий, то впоследствии вступать в переговоры будет уже поздно [16, цз. 11, 809].

Большой интерес представляет аргументация, с помощью которой делалась попытка склонить Чжу Ди к миру. Посол пугал последнего безнадежностью борьбы: «С начала военных действий прошло уже несколько месяцев, а [ван] еще не может выйти за пределы очень небольшого района, который едва ли составит пятнадцатую часть Поднебесной. Командиры и солдаты великого вана гибнут и получают ранения [в боях]. Сравнимо ли [все] это с тем, что императорский двор располагает неограниченной по численности армией во всей Поднебесной! Великий же ван располагает лишь ограниченным числом людей из одного удела, которые пойдут за ним. Число приверженцев великого вана среди учено-служилого сословия (*ши*), вероятно, не превышает 30 тыс. человек» [16, цз. 11, 809].

Последняя фраза чрезвычайно интересна как единственная, хотя и весьма приблизительная попытка определить число приверженцев «мятежников» в стране. Судя по общей направленности послания, Гао Вэй, вероятно, приуменьшил число оппозиционно настроенных к правительству людей. Но даже указанная цифра — 30 тыс. человек —

говорит о значительности оппозиции, если учесть, что она относится лишь к одному определенному слою китайского общества — учено-служилому сословию.

Доводы Гао Вэя не возымели действия. Чжу Ди, если бы даже и захотел, не мог пойти на одностороннее разоружение и признание своей вины без каких-либо встречных шагов со стороны двора. Поэтому посол не был удостоен в Пекине официального приема и отбыл ни с чем на юг [27, цз. 2, 70].

Пока Гао Вэй пытался завязать переговоры о мире, новый главнокомандующий правительственной армией Ли Цзин-лун в октябре выступил во второй поход на север. Узнав о действиях главных сил противника в районе Данин — Сунтингуань, он двинулся прямо к Пекину и в начале ноября 1399 г. осадил город. Но взять укрепленную столицу Янь не удалось. Защитникам помогало население города. Осада затягивалась. 3 декабря к Пекину подошли основные силы армии Янь. В трехдневных боях войска Ли Цзин-луна были разбиты и отброшены на юг. Сам главнокомандующий бежал в Дэчжоу (пров. Шаньдун) [16, цз. 11, 813]. Второй северный поход закончился неудачей.

Свой военный успех Чжу Ди попытался дополнить дипломатическим наступлением. 6 декабря 1399 г. он направил в столицу письмо, которое пунктуально опровергало все обвинения, выдвинутые против него двором еще до войны или в самом начале военных действий. Одновременно в письме содержалось обвинение противной стороны как зачинщика междоусобной войны. Чжу Ди требовал казни Ци Тая и Хуан Цзы-дэна. Никаких принципиально новых требований, по сравнению с августовскими документами, здесь двору не предъявлялось. Пожалуй, единственное, что обращает внимание, — это претензия на неправомотность двора устанавливать число чиновников и войск в уделах ванов [23, цз. 5, 46]. Но на фоне общих претензий и контрпретензий это лишь деталь.

Интересно не столько само письмо от 6 декабря, сколько реакция на него в столице. Крупные военные неудачи заставили правительство пойти на создание видимости уступки Янь-вану. 23 декабря было объявлено о снятии Ци Тая и Хуан Цзы-дэна с должностей и о высылке их из столицы [16, цз. 11, 812]. Однако на деле они остались при дворе и продолжали выполнять свои функции [29, цз. 141, 7425(2); 32, цз. 16,

15]. К Чжу Ди же направили гонца с сообщением об устранении от дел ненавистных ему сановников. Обман был настолько явным, что в Пекине даже не сочли нужным как-либо реагировать на него. Военные действия продолжались.

Правительственные армии готовились к новому походу на север: Ли Цзин-лун переформировывал и пополнял войска в районе Дэчжоу, с юга страны к театру военных действий подтягивались резервы [16, цз. 11, 811]. Видя эти приготовления, ставка Чжу Ди решила нанести отвлекающий удар в Шаньси. 15 января 1400 г. войска Янь выступили в поход. Овладев несколькими крепостями в северной части провинции, они после короткой осады взяли Датун — столицу провинции. Местные власти пограничных районов на севере Шаньси перешли на сторону Чжу Ди и обязались платить ему налоги [33, цз. 4, 53]. Последнее сообщение свидетельствует об административно-хозяйственном освоении пекинской группировкой подчиненных ей районов. Подобные сведения в источниках очень редки, ибо военная сторона заслоняла от летописцев все остальные аспекты политики Чжу Ди во время войны.

Не опасаясь более за тылы, армия Янь двинулась на юг провинции Шаньси. Ли Цзин-лун, прервав подготовку к походу на Пекин, пошел ей навстречу. Северяне же не приняли боя. По мере приближения противника они уходили все дальше на север, а затем вернулись в Пекин. Провинция Шаньси была отвоевана Ли Цзин-луном. Но его войска были измотаны тяжелым зимним походом по гористой местности, тщетно преследуя врага. Поход на Пекин пришлось отложить. В военных действиях наступила передышка, длившаяся с февраля по апрель 1400 г.

Затишье ознаменовалось новой попыткой правительства вступить в переговоры с Чжу Ди. 23 марта 1400 г. в Пекин от имени Ли Цзин-луна было направлено письмо с предложением прекратить войну. Чжу Ди ответил отказом и выставил ультимативные требования: «Тот, кто хочет прекратить военные действия, должен сначала удалить [от власти] коварных власть имущих [сановников]... Удалив их, следует издать указ об установлении основ Политики]. Как только такой указ будет издан... и все будет восстановлено, как прежде при моем покойном отце, [я] сразу же вернусь... и вечно буду исполнять обязанности подданного» [23, цз. 6, 58–59].

Выставляя эти требования, Чжу Ди в том же ответном послании выражал сомнение, что они могут быть приняты: «Хотя император еще существует, власть захватили коварные сановники... Император не может не следовать за ними» [23, цз. 6, 56].

О том, что весной 1400 г. пекинская группировка была настроена на продолжение военных действий, свидетельствуют впервые появившиеся в упомянутом послании утверждения о военном превосходстве армии Янь над противником [23, цз. 6, 58]. Такие утверждения были не только методом дипломатического давления, но и следствием возросшей уверенности Чжу Ди и его сторонников в своих силах.

Переговоры не дали результатов. Обе стороны остались на прежних принципиальных позициях и готовились к дальнейшим боям.

Разгром третьего похода правительственных войск на север и неудачные попытки северян развивать наступление на юг (апрель 1400 — январь 1401 г.)

Зимой 1399 г. и весной 1400 г. правительство Чжу Юнь-вэня вновь предприняло наступление против сепаратизма удельных ванов. Правда, открытые гонения прекратились, но были введены существенные юридические ограничения прав ванов. Их военные полномочия, т. е. их основные права, ставились отныне под контроль Военного ведомства [16, цз. 11, 813]. Были также изменены штаты состоявших при ванах чиновников и запрещено обращаться с ними в уделах как со слугами [16, цз. 11, 816]. Вместе с тем продолжались следствия по делу опальных ванов. Свидетельством этому может служить казнь сановников из прежней резиденции Минь-вана на рубеже 1399–1400 гг. [16, цз. 11, 812].

Возможно, что именно пристальное внимание двора к ванам и дальнейшее ограничение их позиций не давали им возможности оказать активную поддержку Чжу Ди. На сторону последнего намеревался перейти лишь опальный Дай-ван, содержавшийся под стражей близ Датуна. Но с подходом к городу войск Янь в январе 1400 г. местные власти вывезли Дай-вана. Очевидно, после раскрытия его намерений он был казнен [16, цз. 11, 794; 26, цз. 7, 7а].

Внутренняя обстановка в правительственном лагере в начале 1400 г. была беспокойной. По-прежнему двор получал доклады с протестами против политики ликвидации уделов и продолжения войны [16, цз. 11, 814]. Многие военные чиновники, подвергавшиеся прежде гонениям со стороны правительства Чжу Юнь-вэня, переходили на службу в удел Янь [16, цз. 11, 815; 33, цз. 4, 53]. В марте на сторону Чжу Ди перешел управитель г. Баодина (пров. Хэбэй) [16, цз. 11, 815]. Сам главнокомандующий правительственной армией начал колебаться в своей ориентации. Некоторые источники отмечают, что после переговоров с Чжу Ди весной 1400 г. Ли Цзин-лун стал «екать способ тайно войти в соглашение с противником [16, цз. 11, 820; 24, цз. 12,

565]. Наконец, в январе того же года военачальник Ван Нин попытался поднять мятеж против правительства, но неудачно [16, цз. 11, 812].

Не было спокойствия и в лагере Янь: в январе 1400 г. генерал Цзэн Цзюнь поднял восстание против Чжу Ди в Сучжоу. Он даже пытался атаковать Пекин, но потерпел неудачу и был убит [32, цз. 16, 15]. Другой военачальник — Чжан Лунь, прежде переметнувшийся на сторону северян, теперь снова увел своих солдат к Ли Цзин-луну [32, цз. 16, 15].

Отмеченная неустойчивость в лагерях обоих противников служит одним из проявлений внутривластной борьбы, продолжавшейся в стране и после начала войны «Цзиннань».

Весенне-летнюю кампанию 1400 г. открыла в апреле неудачная попытка ляодунских войск овладеть Юнпином. В мае главные силы Ли Цзин-луна выступили в третий поход на Пекин. Несколько севернее оз. Байянтин они соединились с другой колонной правительственных войск, вышедших из Чжэньдина (схема 2).

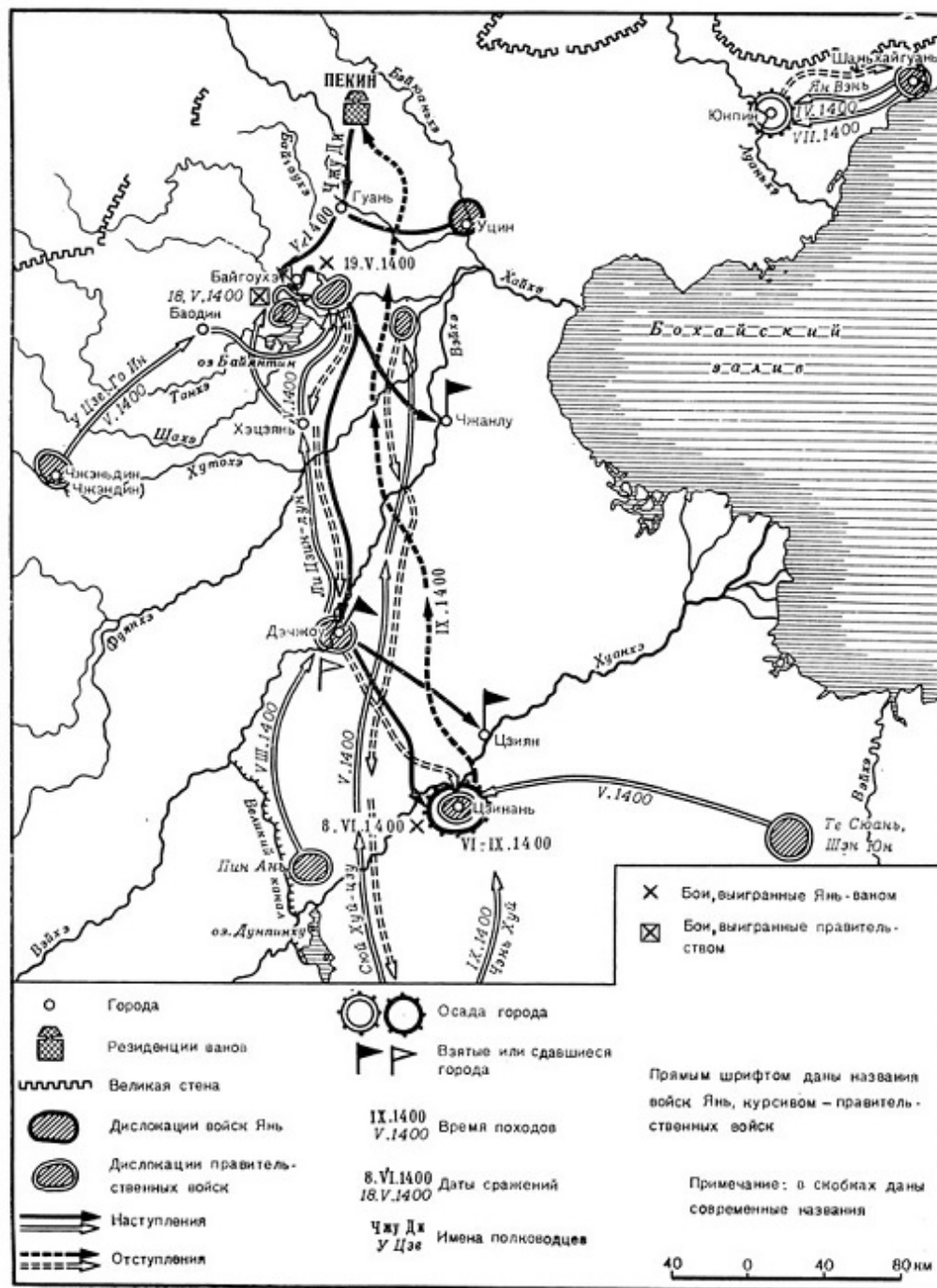

Схема 2. Летняя компания 1400 г.

Здесь, на р. Байгоухэ, у селения того же названия, произошла одна из крупнейших битв войны «Цзиннань». Подошедшие сюда из-под

Пекина северяне 18 и 19 мая атаковали противника. В результате правительственные войска потерпели поражение^[18]. Их потери составили около 200 тыс. человек убитыми, ранеными и разбежавшимися, около 100 тыс. солдат попало в плен [33, цз. 4, 54]. Чжу Ди овладел всеми обозами со снаряжением противника. Ли Цзин-лун, бросив остатки армии, бежал в Дэчжоу.

Результаты этой битвы сказались, по сообщению источника, следующим образом: «Солдаты из гарнизонов всех [близлежащих] городов стали разбегаться куда глаза глядят» [24, цз. 12, 568]. Путь на юг был открыт для Чжу Ди. Северяне перешли в первое крупное наступление. 21 мая они овладели Дэчжоу, а 8 июня подошли к Цзинани — крупному городу и крепости в пров. Шаньдун [32, цз. 16, 17–18]. Разбив здесь остатки армии Ли Цзин-луна, войска Янь осадили город. Но взять его не удалось. Местное население, мобилизованное одним из гражданских чиновников — Те Сюанем, и гарнизон крепости оказывали упорное сопротивление. Осада затянулась.

Разгром при Байгоухэ и последующее наступление армии Янь заставили императорский двор вновь вступить в переговоры с Чжу Ди. На этот раз к нему прибыл официальный посол из столицы — сановник Ли Дэ-чэн. Но в доставленном им императорском манифесте мятежному вану в обмен на предложение прекратить военные действия не обещалось ничего, кроме «прощения его вины» [24, цз. 12, 569]. Естественно, это не устраивало Чжу Ди. Но в своем ответе правительству он расценивал присылку официального посла как добрый знак. Ответное послание, в целом не содержащее каких-либо перемен в позиции Чжу Ди, знаменательно тем, что в нем наиболее отчетливо выражено требование к правительству Чжу Юнь-вэня полностью отойти от его нового политического курса. «Ныне при желании превратить зло в счастье в делах управления достаточно лишь наказать коварных клеветников; чтобы признать вину перед династией, [достаточно лишь] отойти от новой политики», — настаивал Чжу Ди [23, цз. 7, 69–70].

Миссия Ли Дэ-чэна окончилась безрезультатно. Но в описываемое время — летом 1400 г. — желание прекратить войну появилось и среди сподвижников Чжу Ди. Некоторые из них, предлагали после падения Цзинани прекратить дальнейшее наступление, наметить определенную

границу и защищать ее, отделив тем самым Северный Китай от Южного [32, цз. 16, 18].

Планы раздела страны были следствием трудностей военно-стратегического характера, вставших перед Чжу Ди и его приверженцами после быстрого и глубокого продвижения армии на юг.

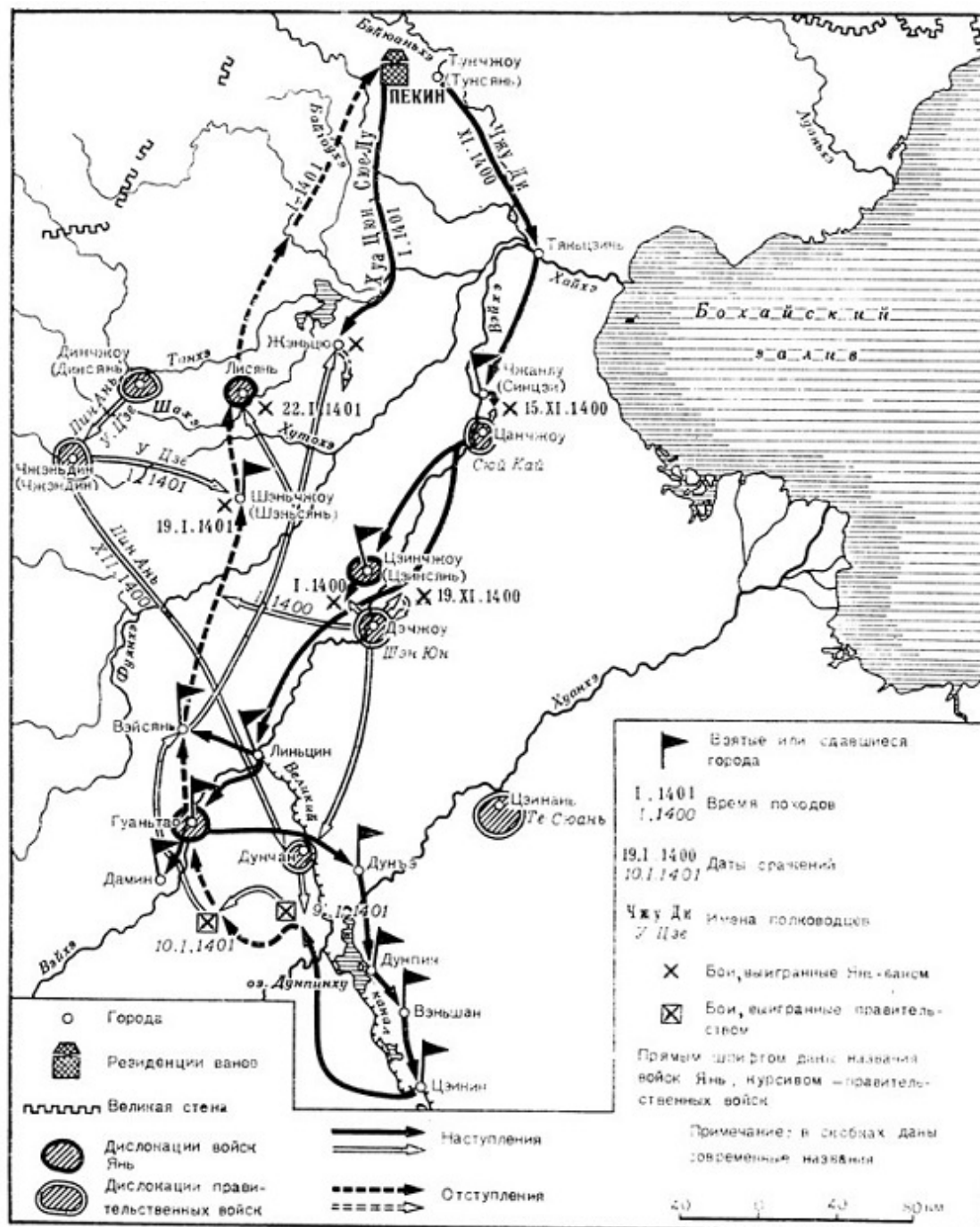
Они понимали необеспеченность своего тыла при неустойчивом пока настроении военных чинов, солдат и гражданских властей недавно подчиненных районов. Нужно было упрочить свое положение в захваченных районах. В этом направлении кое-что предпринималось. Например, есть данные о переписи населения в Чанлу и переписи «чиновников и народа» в Дэ-чжоу после взятия этих городов войсками Янь [24, цз. 12, 570; 23, цз. 6, 66]. Подобные переписи производились в Китае для налогообложения. Но судить по имеющимся данным источников, насколько полно осваивались захваченные пекинской группировкой районы в административно-хозяйственном плане, нельзя. Во всяком случае, такое освоение в условиях непрекращающихся боевых действий было затруднено. Это понимали сторонники раздела.

Но до конкретных и тем более официальных предложений раздела страны со стороны группировки Чжу Ди дело не дошло.

К осени 1400 г. положение армии Янь под Цзинанью осложнилось. Город по-прежнему не сдавался. С юга к нему подтягивались крупные резервы правительственных войск. Часть их под командованием генерала Пин Аня зашла осаждавшим в тыл и отрезала пути снабжения [16, цз. 11, 819; 24, цз. 12, 570]. К тому же ляодунская армия вновь осадила Юнпин [16, цз. 11 г 818]. Все это вынудило Чжу Ди в сентябре снять осаду с Цзи-нани и отступить к Пекину [16, цз. 11, 819]. Правительственные войска, преследовавшие отступавших, возвратили потерянные области и уезды и, как отмечают источники, воспрянули духом [16, цз. 11, 819]. Еще ранее, сразу после поражения при Баи-гоухэ, в правительственном лагере появились «максималисты», требовавшие смены военного командования и решительного наступления на север. Одни из них сосредоточивали огонь на Ли Цзин-луне, ратуя за его наказание [24, цз. 12, 572]. Другие предлагали провести широкую чистку армейского командования («казнить три тысячи военных») и немедленно начать новое наступление [16, цз. 11, 817]. После же отступления Чжу Ди от Цзинани эти настроения усилились. Некоторые генералы призывали к наступлению на Пекин.

Но Те Сюань, преследовавший отступающую армию Янь, понимал, что с имеющимися в его распоряжении силами это не реально. Поэтому, прекратив преследование, он закрепился севернее Дэчжоу [16, цз. 11, 817]. Летняя кампания 1400 г. закончилась, не дав решающего преимущества ни одной из сторон.

Новая, зимняя кампания 1400–1401 гг. отличалась тем, что впервые (если не считать похода в Шаньси) с самого начала войны «Цзиннань» инициатива крупного наступления принадлежала северянам. Выйдя из Пекина в ноябре 1400 г., войска Янь повели наступление вдоль Великого канала. Они уничтожили группировку противника у г. Цанчжоу, оттеснили к Дэчжоу основные силы нового правительственного главнокомандующего Шэн Юна и, обойдя этот город, устремились далее на юг (схема 3).

Схема 3. Зимняя компания 1400–1401 гг.

В декабре они вдоль канала дошли до г. Цзинина (пров. Шаньдун). Но Шэн Юн шел у них с тыла. Поэтому Чжу Ди повернул на север и

встретился с противником у г. Дунчана (пров. Шаньдун).

9 января 1401 г. здесь произошло еще одно генеральное сражение. На этот раз войска Янь были разбиты и обращены в бегство. На другой день правительственные войска догнали беглецов и завершили их разгром. Чжу Ди, бросив остатки армии, бежал в Пекин. Лишь с помощью подошедших из столицы Янь резервов северянам удалось остановить наступление императорской армии несколько южнее оз. Байянтин [32, цз. 16, 20].

Таким образом, если раньше Чжу Ди и его сподвижникам удалось последовательно отразить три наступления противника, попытка самим перейти в наступление закончилась для них неудачей. Но и правительственным войскам не удалось добиться решающего изменения положения в свою пользу. Снова создалось определенное равновесие.

**Дальнейшие попытки Чжу Ди перейти в наступление
(февраль — декабрь 1401 г.)**

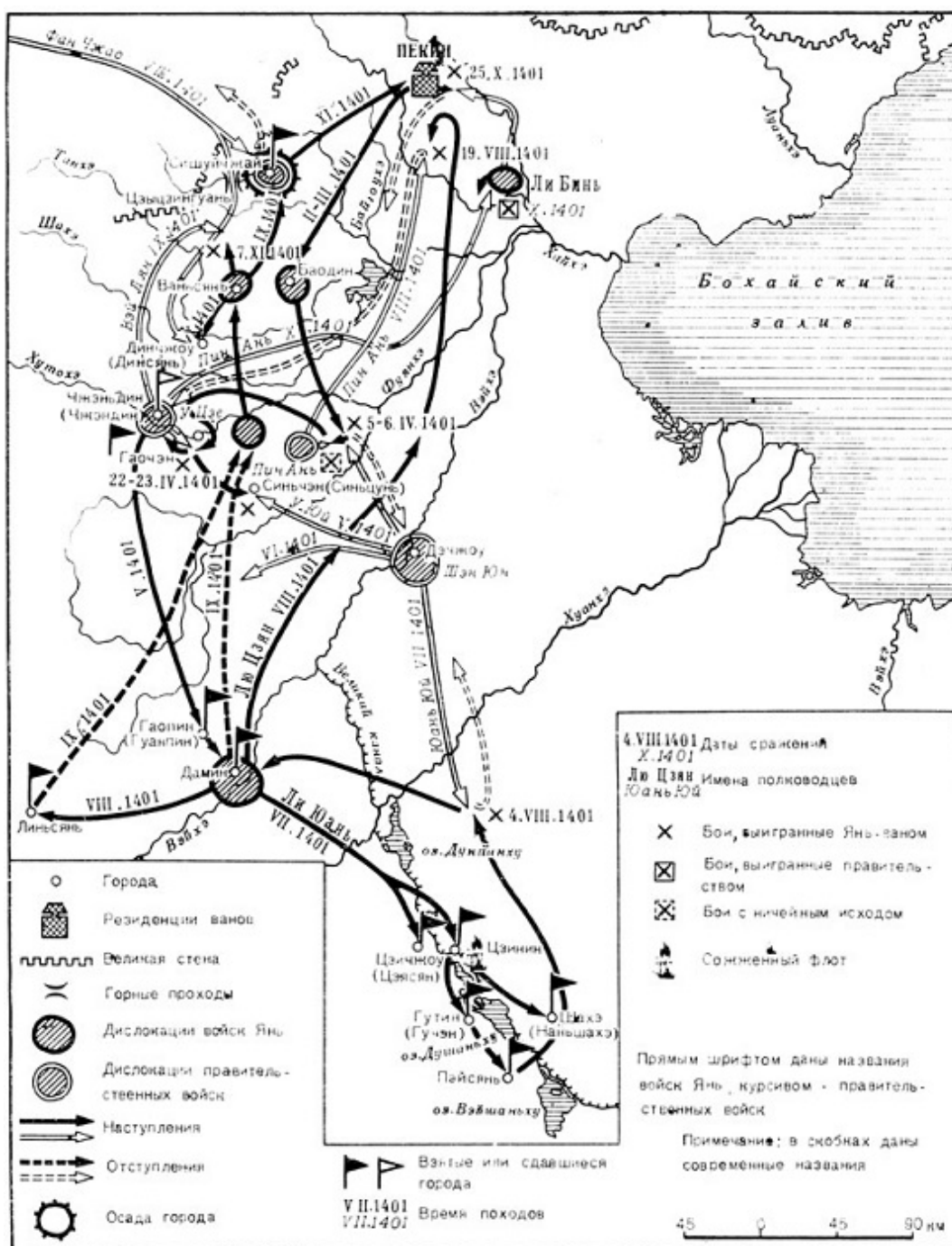

Схема 4. Военные действия весной, летом и осенью 1401 г.

Первая крупная победа (под Дунчаном) вызвала ликование в столице. Ци Тай и Хуан Цзы-дэн были официально возвращены на

прежние посты [32, цз. 16, 21]. В Пекине же это поражение не вызвало растерянности. Сразу же был проведен новый набор солдат в армию Янь. На совете в ставке Чжу Ди было решено не ждать наступления противника и самим начать военную кампанию.

В результате уже 18 февраля 1401 г. Чжу Ди вновь повел свои войска на юг. Расчет северян строился на том, чтобы разбить поодиночке рассредоточенные в Дэчжоу и Чжэньдине группировки южан. В упорном двухдневном бою 5 и 6 апреля войска Янь разбили армию Шэн Юна между реками Сяхэ и Хутохэ (пров. Хэбэй) [32, цз. 16, 21–22]. Затем, отразив атаку соединения Пин Аня, они двинулись на Чжэньдин (схема 4). Недалеко от этого города, под Гаочэном, 22–23 апреля была разбита и вторая крупная группировка южан под командованием У Цзе [32, цз. 16, 23]. После этого сражения войска Янь двинулись на юг. 7 мая они достигли г. Дамин (на крайнем юге пров. Хэбэй) и здесь были остановлены по приказу Чжу Ди.

Приостановка продвижения на юг была связана с новым туром мирных переговоров с правительством. В ставку северян прибыл гонец с предложением прекратить военные действия и с сообщением о повторном увольнении в отставку Ци Тая и Хуан Цзы-дэна [24, цз. 12, 575; 26, цз. 7, 106]. Чжу Ди не поверил в реальность их отставки, но решил вступить в переговоры и остановил войска. Неверие в искренность действий императорского двора было прямо выражено в ответном послании Чжу Ди. Он писал: «Ваше Величество для виду, номинально удалил коварных сановников, а на деле по-прежнему претворяет их замыслы. Все это не [позволяет мне] односторонне ослабить [военные действия]» [23, цз. 8, 91]. В доказательство искренних намерений правительства Чжу Ди требовал отвести с севера войска Шэн Юна, У Цзе и Пин Аня, оставшиеся там после поражения и снова начавшие концентрацию. В этом же послании повторялись прежние самооправдания Чжу Ди и прежние обвинения «коварных сановников» в намерении отстранить императора от власти и самими захватить ее.

Сомнения в отношении отставки Ци Тая и Хуан Цзы-дэна были вполне обоснованны. Формально все было соблюдено с большей осторожностью, чем в первый раз: советники императора были высланы из столицы, а их семьям назначено скудное содержание. Но на деле их отъезд из Нанкина был временным. С одной стороны, он был

рассчитан на обман Чжу Ди, а с другой — имел целью ускорить вербовку рекрутов в новую армию [27, цз. 2, 80].

Получив послание Чжу Ди, императорский двор, где главную роль после отъезда из столицы двух советников играл Фан Сяо-жу, решил продолжить переговоры. При этом преследовалась цель не столько прийти к соглашению с Чжу Ди, сколько оттянуть начало дальнейшего наступления северян [32, цз. 16, 23–24]. Императорский посол Сюе Янь отвез в ставку противника новую бумагу. В ней обещалось вернуть Чжу Ди его прежние титулы и удел при условии, что он вместе с войском вернется в Пекин и впредь не будет вмешиваться в «военную политику» страны. Устно, через посла, эти требования были дополнены повелением Чжу Ди без свиты и оружия прибыть в Нанкин [32, цз. 16, 24]. Ни то ни другое, естественно, не могло устроить Чжу Ди. Сюе Яню было велено передать двору те же требования, что уже выдвигались в первом послании.

Между тем в июне 1401 г. правительственные войска получили пополнение и начали боевые действия. Тогда из ставки северян в столицу прибыл посланец с обвинениями правительства в нарушении негласного перемирия и с предложением продолжить переговоры [23, цз. 8, 96]. Но при дворе было решено, что нужное время уже выиграно. Посланец Чжу Ди был брошен в тюрьму. Война возобновилась.

Летне-осенняя кампания 1401 г. характеризовалась действиями отдельных отрядов и соединений, имевших переменный успех. Военные операции в этот период охватили обширные пространства западной и южной части пров. Хэбэй, восточной части пров. Шаньдун и вышли в пределы провинций Хэнань и Аньхой. В ходе этой кампании не произошло ни одной решающей битвы между главными силами обеих сторон. Боевые действия закончились в ноябре отходом основных сил армии Янь к Пекину. Наступило новое почти двухмесячное затишье.

В целом летне-осенняя кампания 1401 г. закончилась неудачно для северян, ибо их наступление было отбито. В труде Гу Ин-тая сохранилась весьма любопытная характеристика этой кампании: «К тому времени [шел] уже третий год войны, начатой Янь-ваном, а [он] захватил лишь Юнпин, Данин и Бао-дин. [Да и эти города] то захватывал, то оставлял. [В его армии] погибших в боях было очень много. Южные же войска были распределены [по различным городам],

приведены в порядок и пополнены. Большинство дворцовых советников считало, что [если армия Янь] выступит в новый поход, то не трудно будет [справиться с ней]» [32, цз. 16, 27]. Однако эта характеристика отражала скорее мнение «дворцовых советников», нежели реальное положение дел.

Отступление армии Янь в Пекин в ноябре 1401 г. было вызвано не поражениями, а измотанностью войск, необходимостью дать солдатам отдых. Проведенная кампания показала несостоятельность стратегического плана, принятого северянами, когда бои велись на разных направлениях силами отдельных отрядов. Тактическое же преимущество войск Чжу Ди выявилось в ходе этой кампании вполне отчетливо: большинство сражений, происшедших в этот период, было ими выиграно.

К тому же общая наступательная инициатива, перейдя к северянам в конце 1400 г., по-прежнему оставалась в их руках. В этом плане симптоматично, что в приводимой цитате из труда Гу Ин-тая дворцовые советники думают лишь об обороненном случае нового наступления противника, но не об активизации своих действий. Эти моменты сознавались в правительственном лагере. Поэтому не удивительно, что в том же труде Гу Ин-тая помещена другая, уже отнюдь не «придворная» характеристика положения, сложившегося в конце 1401 г. Он пишет: «Теперь, когда войска Янь постепенно одолевали, многие генералы [правительственной армии] трусливо выжидали» [32, цз. 16, 26].

Осознание «постепенного одолевания» северянами южан вызывало упаднические настроения в правительственном стане. Еще Сюе Янь, вернувшись из ставки Чжу Ди, в беседе с Фан Сяо-жу с глазу на глаз говорил, что не видит возможности победить в войне [32, цз. 16, 24]. В Нанкине распространялись слухи о «критическом положении дел» [33, цз. 4; 55; 37, 8545(2)]. В высшем командовании правительственной армии начались разногласия и интриги [26, цз. 7, 96]. Не доверяя силе регулярных войск, двор в конце 1401 г. предпринял попытку сформировать своего рода добровольческую армию: в обе провинции Чжэ (Чжэси и Чжэдун — совр. пров. Чжэцзян) были направлены эмиссары для вербовки солдат и офицеров, «обладавших чувством долга и храбростью» [16, цз. 11, 828]. Характерно, что объектом формирования такой армии был избран

именно район провинции Чжэцзян, который при Чжу Юнь-вэне получил определенные налоговые льготы, а выходцы из местных господствующих слоев имели преобладающие (в сравнении с другими провинциями) позиции в административно-бюрократическом аппарате империи.

В конце 1401 г. в придворной касте евнухов окончательно возобладали тенденции в пользу Чжу Ди. Они тайно направили доверенного человека в Пекин. В привезенном им послании сообщалось, что имперская столица «пуста» — в ней нет крупных воинских соединений. Поэтому евнухи советовали Янь-вану нанести прямой удар по Нанкину и обещали со своей стороны тайную внутреннюю поддержку [16, цз. 11, 829; 24, цз. 12, 581; 32, цз. 16, 27].

Этот совет учли в ставке Чжу Ди. При разработке стратегического плана нового наступления на юг возобладало мнение Дао Яня, который говорил: «Не следует [ждать] сдачи городов и уездов. [Нужно] быстро идти к столице. Это будет политика взятия [противника] за горло, удар по пустому месту» [24, цз. 12, 581]. Надо полагать, что принятие такого плана было обусловлено не только советом тайных сторонников Чжу Ди из столицы, но и трезвым учетом опыта летне-осенней кампании 1401 г. Последняя кампания показала, что отсутствие четкого направления главного удара и распыление сил на осаду отдельных крепостей не дали ощутимого успеха. Кроме того, при разработке новой кампании в ставке Чжу Ди, очевидно, учитывалась отмеченная выше Гу Ин-таем «распределенность» (т. е. разбросанность) правительственных сил по различным городам и крепостям.

Заключительный этап войны и падение правительства Чжу Юнь-вэня (январь — июль 1402 г.)

5 января 1402 г. армия Янь выступила из Пекина в поход на юг. Она продвигалась приблизительно тем же путем, что и во время зимнего похода 1400–1401 гг., но только пошла еще дальше (схема 5). Придерживаясь своего плана, командование северян брало лишь те города, которые легко сдавались. Крепости, оказывающие сопротивление, армия Чжу Ди обходила, и они оставались в тылу. Через десять дней после начала похода войскам был обнародован манифест Чжу Ди, где содержались призывы и строгий наказ не причинять вреда мирному населению [23, цз. 8, 104–105]. В условиях продвижения армии далеко на юг вопрос о настроениях основной массы населения в районах близ театра военных действий приобретал немалое значение и был по достоинству оценен ставкой Чжу Ди.

Правительство решило начать новые переговоры (в апреле 1402 г. к северянам был отправлен цензор Цзэн Фэн-шао) для того, чтобы задержать продвижение противника. Но эта попытка не дала положительных результатов [16, цз. 12, 832].

В мае наступательный порыв северян все же был приостановлен: в двух боях севернее р. Хуайхэ они были разбиты [32, цз. 16, 29–30]. Но войска Янь быстро оправались и 28–29 мая нанесли решительный удар по одной из крупных группировок правительственных войск при Линби (пров. Аньхой) [32, цз. 16, 30]. Вслед за тем гарнизоны близлежащих крепостей на северном берегу р. Хуайхэ либо разбежались, либо перешли на сторону Чжу Ди [16, цз. 12, 833–834; 32, цз. 16, 31]. Армии Шэн Юна не удалось остановить продвижение северян на таком водном рубеже, как р. Хуайхэ. В 20-х числах июня войска Чжу Ди вышли к р. Янцзы, сосредоточив основные силы несколько ниже Нанкина по течению [32, цз. 16, 32]. На другом берегу им противостояла армия Шэн Юна. Но несмотря на трудность форсирования Янцзы, положение столицы империи было тяжелым.

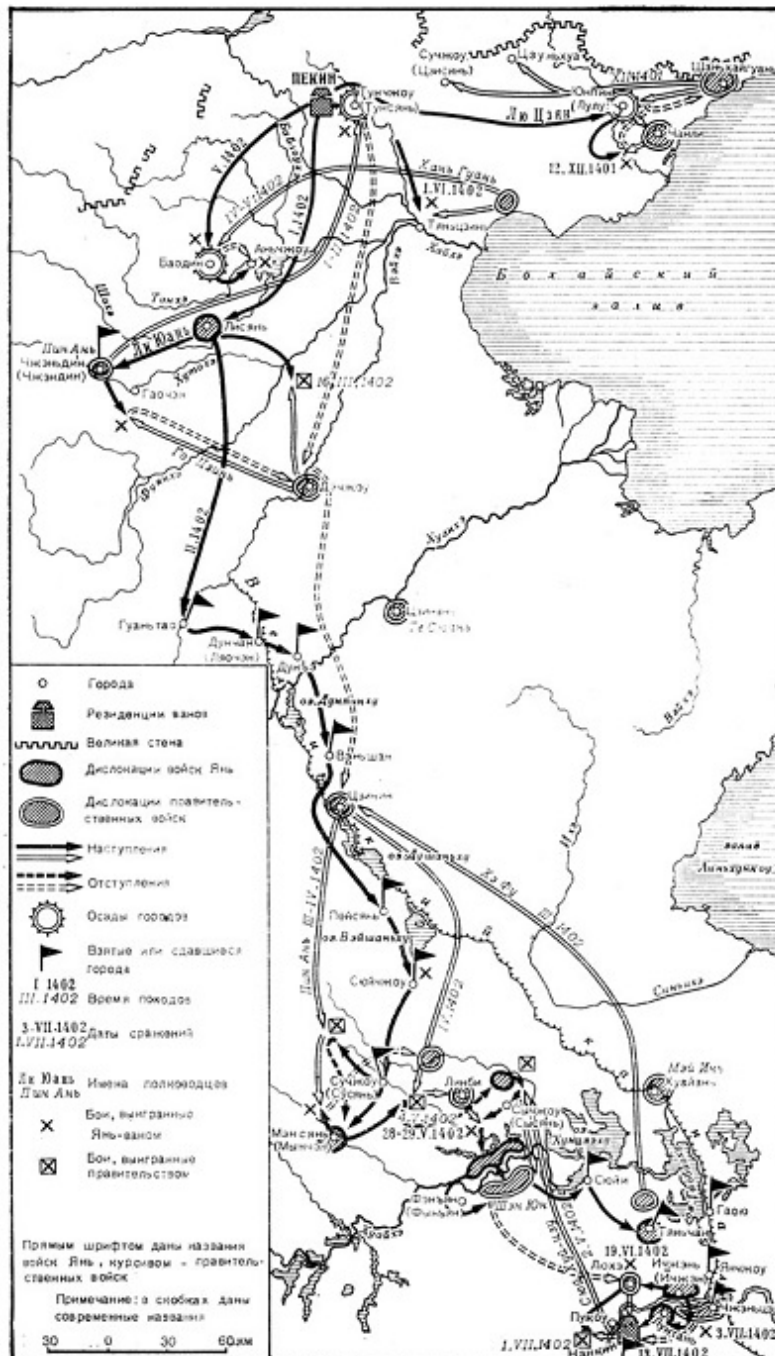

Схема 5. Кампания 1402 г., окончание войны

Во-первых, правительственные войска, оставшиеся в тылу армии Янь (среди них самая крупная группировка под командованием Мэй

Иня в Хуайане), практически бездействовали. Столица была прикрыта лишь солдатами Шэн Юна и собственным гарнизоном.

Во-вторых, само появление войск Янь на берегах Янцзы оказало большое моральное воздействие на настроения в правительственном лагере. Многие крупные сановники стали направлять своих доверенных лиц к Чжу Ди с изложением возможных планов перехода через Янцзы и взятия столицы [32, цз. 16, 33]. Усилилось брожение и в армии, защищавшей столицу. Сдался со всеми кораблями и солдатами генерал Чэнь Сюань, посланный на помощь Шэн Юну [32, цз. 16, 33]. Во флоте, стоявшем на р. Янцзы, вспыхнул мятеж, приведший к переходу кораблей на сторону Чжу Ди [32, цз. 16, 33]. Колебался в своих дальнейших намерениях командир гарнизона г. Чжэнь-цзяна — наиболее сильной крепости напротив района концентрации северян [24, цз. 13, 589].

Наконец, в-третьих, формирование добровольческой армии к концу июня 1402 г. так и не было закончено. Резервы с юга запаздывали. В связи с этим 22 июня император обратился к стране с призывом создать новую добровольческую «армию верности государю». Это была своего рода крайняя мера. Призыв гласил: «Силы войск Янь настолько [велики, что] скоро [можно ожидать] нападения на императорский дворец. Чиновники и народ в столице и провинциях! Почему же вы сидите и смотрите на мои трудности и не оказываете мне помощи? Всем гражданским и военным чиновникам и неслужилым ученым следует тотчас же [вступить в армию] верности государю. Совместными усилиями искореним великие трудности и снова [установим] спокойствие в отечестве!» [33, цз. 4, 56].

Призыв был услышан: в отдельных районах провинций Цзянсу, Чжэнцзян, Аньхой и Цзянси начали формироваться добровольческие отряды [16, цз. 12, 835; 24, цз. 13, 588; 26, цз. 7, 156]. Но было уже слишком поздно. Эти отряды не подоспели к столице вовремя.

Призыв императора свидетельствует о том, что в столице царило подавленное настроение, двор был в растерянности. Ци Тай и Хуан Цзы-дэн были срочно вызваны в Нанкин. Но они, очевидно, сочтя положение безнадежным, не явились в столицу и бежали [24, цз. 13, 588; 32, цз. 16, 34].

По совету Фан Сяо-жу, к Чжу Ди была направлена двоюродная сестра последнего с предложением разделить Китай пополам. Но Чжу

Ди понимал, что всякое примирение или промедление будет играть не в его пользу. И он дал ответ: «Это, предложение, вероятно, [вызвано] намерением коварных сановников удержать мои войска, пока не подойдут солдаты из далеких районов» [32, цз. 16, 32].

3 июля корабли с поднятыми флагами, под бой барабанов и звуки боевых флейт понесли солдат Янь на противоположный берег Янцзы. Армия Шэн Юна, растянувшаяся вдоль берега примерно на 100 км, не устояла. Много солдат сдалось северянам, сдался и гарнизон Чжэньцзяна [32, цз. 16, 33].

Последнее сопротивление Чжу Ди на пути к Нанкину оказала армия под командованием Сюй Хуй-цзу [26, цз. 7, 156]. Это вынудило северян остановиться в Лунтане — в 30 км к востоку от столицы. Сюда 9 июля прибыло новое посольство императора: Ли Цзин-лун и начальник Военного ведомства Жу Чан. Но они по-прежнему предлагали разделить Китай между Чжу Юнь-вэнем и Чжу Ди [32, цз. 16, 33–34]. Последними послами двора были Гу-ван и Ань-ван, которые не стремились отговаривать Чжу Ди от штурма столицы [32, цз. 16, 34].

13 июля 1402 г. Ли Цзин-лун и Гу-ван открыли ворота Нанкина войскам Янь [32, цз. 16, 34]. После непродолжительных уличных боев город пал. Императорский дворец сгорел. Император исчез. По одной версии, он сгорел во время пожара [26, цз. 7, 1.66]. По другой — бежал и долгое время (до 1440 г.) скрывался под монашеской рясой, не претендуя на престол [37, 8547(1)–8565(3); 32, цз. 17, 39–48]. Так или иначе, престол оказался пуст, а столица — в руках Чжу Ди.

Взятие Нанкина само по себе еще не означало полного поражения противников Чжу Ди. В различных провинциях страны еще имелись крупные военные силы, возглавляемые прежними приверженцами правительства. В непосредственной близости от столицы Шэн Юну удалось собрать разбитые и разрозненные правительственные войска. Но дальнейшего сопротивления Чжу Ди не встретил. В конце июля 1402 г. сдался на милость победителя Мэй Инь [16, цз. 12, 864; 33, цз. 5, 61]. Вслед за этим капитулировал Шэн Юн с остатками правительственных войск [26, цз. 5, 16]. Война «Цзиннань» завершилась победой группировки Чжу Ди.

Чем же объясняется столь внезапное прекращение длительной вооруженной борьбы? Ответ нужно искать в общих причинах поражения правительства Чжу Юнь-вэня в войне «Цзиннань». Главной

из них было отсутствие в стране достаточной поддержки его новому политическому курсу. Правительство пало, по выражению Д. Чэня, не столько от военных поражений, сколько от внутренней подрывной деятельности [189, 193]. О причинах, питавших недовольство политикой Чжу Юнь-вэня и его советников в среде господствующего класса страны, уже говорилось в предшествующей главе. Это недовольство, усилившееся в результате военных неудач, привело к своеобразной изоляции нанкинского двора в решающий для него момент. Император не нашел своевременной поддержки даже в районах по нижнему течению р. Янцзы, на которые более всего он рассчитывал.

Война «Цзиннань», возникшая как закономерный результат внутривластной борьбы в господствующих слоях китайского общества, не затронула коренных интересов народных масс. Она ничего не принесла народу, кроме дополнительных тягот и ущерба в хозяйстве. Поскольку ее цели были чужды и непонятны народу, он оставался пассивным на протяжении всех трех лет вооруженной борьбы. Война была столкновением генералов, чиновников, членов царствующего дома, претендентов на власть, регулярных армий. Это усугубило изоляцию правительства Чжу Юнь-вэня.

Нужно отметить, что Чжу Ди также не пользовался поддержкой народа. Но в условиях пассивности масс особое значение приобретали колебания настроения в господствующих слоях общества. И если самих сторонников Чжу Ди здесь было не так уж много, то противников правительства, оказывавших Чжу Ди поддержку тайно или явно, — значительно больше.

При всем сказанном нельзя сбрасывать со счета и чисто военные успехи пекинской группировки. Однако эти успехи явились не столько результатом силы и полководческого искусства северян, сколько организационной слабости правительственного лагеря. Здесь сказались и неподготовленность к началу военных действий, и несогласованность действий правительственных армий, и отсутствие твердого руководства военными операциями из центра, и бездарность и половинчатость настроений генералитета. Военные поражения правительства в условиях непрекращавшейся внутривластной борьбы в стране усиливали его неустойчивость.

Наконец, в быстром прекращении войны после падения Нанкина и исчезновения императора немалую роль сыграла и социальная

психология описываемого исторического периода. Царистские, верноподданнические моменты определяли преданность многих чиновников, военных чинов и солдат правительству Чжу Юнь-вэня лишь до тех пор, пока был сам император. Когда же его не стало, у многих прежних приверженцев правительственного лагеря исчез стимул к сопротивлению. В этом плане весьма характерно высказывание Мэй Иня перед сдачей Чжу Ди: «Император жив — и [я] с ним; император умер — и [мне следует] умереть с ним, но я опоздал» [16, цз. 12, 864]. Помимо известной доли самооправдания здесь отразились и типичные умонастроения того времени.

Результаты войны «Цзиннань» сказались по-разному. Одни были реализованы непосредственно вслед за окончанием военных действий, другие продолжали сказываться в течение всего царствования Чжу Ди (1402–1424), отражаясь в тех или иных гранях политики его правительства. Освещение этих вопросов будет дано в следующих главах.

Глава III

Переворот 1402 года

Внешние проявления переворота и его основная направленность

Вопрос о том, как победившая в войне «Цзиннань» группировка воспользовалась своим успехом, представляет самостоятельный интерес. Как отмечалось в предшествующих главах, Чжу Ди и его приверженцы выступали от имени недовольных деятельностью правительства Чжу Юнь-вэня. В соответствии с этим пекинская группировка выдвинула в начале войны определенную политическую программу. Теперь представилась возможность осуществить ее. Рассмотрим, насколько эта программа была реализована, и с этих позиций попытаемся оценить значение и характер происшедших в 1402 г. перемен в правящих кругах.

Внешним проявлением переворота явилось устранение с престола Чжу Юнь-вэня и его наследников и восшествие на императорский трон Чжу Ди. 13 июля 1402 г. был обнародован «траурный указ», оповещавший страну о смерти императора и императрицы [23, цз. 9 (II), 131]. Чиновникам, ведавшим ритуалом, предписывалось похоронить их, соблюдая все изложенные формальности. Тем самым Чжу Ди и его сподвижники твердо становились на позиции версии о гибели императора. 20 июля состоялась церемония похорон. Чжу Ди и царедворцы на ней не присутствовали. Был лишь послан дворцовый чиновник, чтобы вознести традиционные заупокойные жертвы [23, цз. 9 (II), 138]. Это лишний раз свидетельствует, что в опознании трупа императора не было уверенности. Тем не менее большинство формальностей было соблюдено и в стране объявлен трехдневный траур. Но практически он не соблюдался.

Если принять версию гибели Чжу Юнь-вэня, то Чжу Ди не получал еще законных прав на престол, который должен был перейти наследному принцу или братьям покойного. И здесь Чжу Ди и его сторонники уже не заботились о формальностях. В первые же дни после взятия Нанкина был схвачен и убит законный наследник престола Чжу Вэнь-куй [26, цз. 7, 166]. Затем последовало снятие императорского титула с Чжу Бяо — отца Чжу Юнь-вэня, — пожалованного не царствовавшему наследнику Чжу Юань-чжана

посмертно [24, цз. 13, 594]. Наконец, 10 августа были понижены в рангах братья Чжу Юнь-вэня. Один из них был выслан в г. Чжанчжоу (пров. Фуцзянь), другой — в г. Цзяньчан (пров. Цзянси), а третий — поселен подле гробницы их отца [23, цз. 10 (I), 158]. Позже их всех разжаловали в простолюдины, а затем убили [33, цз. 5, 61].

Тем временем в столице была разыграна традиционная церемония прощения нового претендента на престол о вступлении на трон. С 14 по 16 июля удельные ваны, столичные сановники, военачальники и «народ» трижды просили Чжу Ди стать императором. Официальное восшествие на престол состоялось 17 июля [23, цз. 9 (II), 131–135].

Чжу Ди^[19]

Таким образом, вопреки всем своим заверениям, что война ведется лишь против «коварного» окружения прежнего императора, а не против самого монарха, Чжу Ди прибег к дворцовому перевороту и утвердился на троне. В официальных документах такая перемена объяснялась чисто случайным стечением обстоятельств. Манифест о вступлении Чжу Ди на престол, датированный 30 июля, в частности, гласил: «[Я] стремился приблизиться к идеалу друга... А [император], не разобравшись в моих душевных чаяниях, заперся во дворце и сжег

себя. [Он] сам отказался от престола... Небо и Земля, злые и добрые духи не допустят того, чтобы дела [управления государством] остановились... Престол не может долго пустовать, а священные реликвии не могут быть без хозяина» [23, цз. 10 (I), 144–145]. Однако, как свидетельствует уничтожение семьи Чжу Юнь-вэня, приход Чжу Ди к власти был обдуманной и запланированной акцией.

Можно ли на этом основании предполагать, что захват престола с самого начала междоусобной войны являлся целью Чжу Ди? Отмеченный в первой главе династийный спор в 90-х годах XIV в. и последующее старшинство Чжу Ди в императорском роду позволяют думать, что такая цель могла ставиться. Но, в интересах престижа изображая себя обиженной правительством стороной, Чжу Ди не мог выставлять открыто столь далеко идущие планы. Вместе с тем соотношение сил в начале войны и последующая длительная борьба с переменным успехом не позволяли Чжу Ди и его сторонникам с уверенностью надеяться, что подобная цель осуществима. Иначе говоря, перспектива захвата престола учитывалась пекинской группировкой, но в зависимости от хода борьбы не отвергались и более скромные успехи — полное или частичное исполнение требований, предъявленных правительству.

Элемент борьбы за престол, несомненно, присутствовал в войне «Цзиннань». Но не он определял ее причины и характер. Социальная база, на которую полагался Чжу Ди, начиная войну с центральным правительством, была, как отмечалось, гораздо шире, чем круг его личных приверженцев, желавших возвести его на престол. Группировка Чжу Ди не смогла бы выстоять и победить, если бы она не опиралась на сравнительно широкий фронт недовольства, образовавшийся в результате внутривластной борьбы в стране. Династический спор лишь сопутствовал развитию конфликта, вливаясь в него как одна из струй в многоплановый поток противоборствующих интересов^[20].

Поскольку это было так, то смена императора сама по себе не могла ликвидировать внутренние противоречия, приведшие к войне. Отсюда рамки переворота 1402 г. не могли ограничиться одной лишь сменой монарха. Группировка Чжу Ди должна была осуществить обещанные изменения в политическом курсе предшественников. Здесь мы подходим к основному содержанию переворота 1402 г.

В упомянутом манифесте от 30 июля прослеживается мысль, что смена монарха была лишь средством к изменению порочной, с точки зрения составителей документа, политики правительства Чжу Юнь-вэня. Манифест гласил: «Молодой император по причине незрелости и мягкости своего характера, по своим природным качествам не подходил для наследования и сохранения великого дела. [Он] возвысил коварных [сановников] и [оказал им] доверие, [а они] изменили старые законы, загубили ванов, изгнали [прежних] наставников, поручили политику мелким чиновникам, служившим на чужбине, без меры предавались разврату... Молодой император в свое время не осознал своей вины» [23, цз. 10 (I), 144]. Как видим, необходимость смены монарха предстает здесь отнюдь не случайностью. Тем самым в одном манифесте приводились две по существу противоречившие друг другу версии, объяснявшие перемены на троне. При этом последняя более точно отражала смысл происшедших событий.

Направленность переворота 1402 г. против всей политики предшествующего правительства нашла проявление и в развиваемой в манифесте от 30 июля мысли о неизбежности внутреннего военного конфликта в стране после 1398 г. даже в том случае, если бы Чжу Ди остался в стороне от него. В документе провозглашалось от имени Чжу Ди: «Если бы я и не начал войны, то и тогда в Поднебесной нашлись бы [люди], которые, прослышав о преступных [сановниках], ополчились бы против них» [23, цз. 10 (I), 144]. В этом заявлении отразилось понимание объективного характера внутривластных противоречий в стране на рубеже XIV–XV вв. Иначе говоря, на первый план здесь выдвигалась необходимость отстранения от власти проводников прежнего политического курса, а какими путями этого достигнуть — это уже другой вопрос.

Изменение политической линии было провозглашено сразу же после восшествия Чжу Ди на престол. Первым его указом от 18 июля правительственным учреждениям предписывалось «восстановить по старому порядку все указы, нормативы и статьи [законов] годов Хунъю, измененные в годы Цзяньвэнь» [23, цз. 9 (II), 136]. Тем же указом упразднялось наименование периода правления Чжу Юнь-вэня — Цзяньвэнь. Текущий год предписывалось именовать в официальном делопроизводстве 35-м годом эры правления Хунъю. Одновременно

приказывалось восстановить названия всех дворцовых палат, переименованных при Чжу Юнь-вэне.

Распоряжение об изменении существующих порядков было повторено в манифесте от 22 июля, адресованном высшим сановникам страны. Здесь же обосновывалась необходимость данного шага: «В документах периода Цзяньвэнь [отразилось] полное изменение старых порядков коварными сановниками, которые пользовались доверием [императора]. [Они] сделали так, что сановники и народ в Поднебесной не имели законоустановлений, которые можно было бы уважать... Все измененные законоустановления и порядки моего покойного отца [повелеваю] восстановить в прежнем [виде]» [23, цз. 9, 138]. Обращает внимание утверждение о полном изменении «старых порядков» при Чжу Юнь-вэне. Если даже учесть, что здесь допущена некоторая гиперболизация, данная сентенция доказывает серьезность перемен, происшедших после 1398 г.

Наконец, изменение политического курса было широковещательно объявлено в манифесте от 30 июля примерно в тех же словах, как и в документе, цитированном выше [23, цз. 10 (I), 145].

Таким образом, события, последовавшие за победой и воцарением Чжу Ди, с первых же дней рисуются в виде контрпереворота. Настойчивое провозглашение восстановления существовавшего до 1398 г. положения показывает, что данный переворот явился прямым продолжением предшествующей внутривластной борьбы.

Победившая группировка не только отменила все преобразования 1398–1402 гг., но и приступила к уничтожению проектов реформаторских начинаний, которые правительство Чжу Юнь-вэня не успело осуществить. 25 июля 1402 г. по распоряжению императора были сожжены все найденные доклады высших сановников с изложением «политических планов», представленных Чжу Юнь-вэню. Некоторые приближенные Чжу Ди советовали сначала ознакомиться с этими докладами, а затем уже решать их участь. Но император отверг такое предложение [23, цз. 9 (II), 140].

Выявление «крамольных» докладов продолжалось и после сожжения первой партии. К 12 сентября во дворце было найдено более тысячи подобных докладов. На этот раз решили их просмотреть. Члену Академии Ханьлинь Се Цзиню и переданным в его распоряжение людям предписывалось отобрать те из них, которые касались вопросов

экономики: о деньгах, продовольствии и разведении лошадей. Все остальные доклады по-прежнему приказывалось сжигать [23, цз. 11, 186].

Вместе с декларированием общего изменения политического курса издавались и распоряжения о конкретных, частных преобразованиях. После 19 июля началось преобразование претерпевших изменения в 1398–1402 гг. чиновных должностей и государственных учреждений [23, цз. 9 (II), 137]. 1 августа по представлению Ведомства обрядов были отменены все прежние нововведения в «табели о рангах» [23, цз. 10 (I), 151–153]. На следующий день приступили к восстановлению штатов, существовавших в государственных учреждениях до 1398 г. [23, цз. 10 (I), 155], 15 августа было предписано упразднить все изменения Чжу Юнь-вэня в области организации и размещения в стране военных гарнизонов [23, цз. 10 (II), 165]. Отменили также все последние нововведения в ритуалах — одной из важных сторон китайской официальной жизни в средние века [23, цз. 16, 298].

Контрреформаторская деятельность, предпринятая группировкой Чжу Ди, нашла теоретическое обоснование в словах самого нового императора. Оценивая предшествующие реформы, он говорил: «Зачем предпринимать изменения, если они не приносят ни выгоды, ни убытка военному и гражданскому населению? Если долгое время не случается бед, то зачем же предпринимать изменения? [Они] в этом случае [принесут] лишь разрушение и гибель. Все поспешные изменения следует [отменить] и вернуть [все] к старым порядкам» [23, цз. 10 (I), 153].

Подобно тому как после 1398 г. были возвращены из изгнания люди, подвергшиеся гонениям при Чжу Юань-чжане, после переворота 1402 г. были восстановлены в прежнем статусе и званиях все чиновники и военные, уволенные, пониженные и сосланные в годы Цзяньвэнь. Это декларировалось в указе об амнистии от 30 июля, обнародованном одновременно с манифестом о вступлении Чжу Ди на престол и составлявшем нечто вроде продолжения данного документа [35, цз. 4, 274–275]. Такая мера не выглядит простым освобождением «преступников», практиковавшимся при вступлении на трон каждого нового императора. В условиях острой внутривластной борьбы речь шла именно о противниках прежнего политического курса.

Тем же указом об амнистии гарантировалось восстановление прежнего положения и возвращение потерянного имущества людям всех сословий, пострадавшим при ликвидации уделов Чжоу-вана, Ци-вана, Сян-вана, Дай-вана и Минь-вана [35, цз. 4, 272]. Самим же опальным ванам начали возвращать титулы еще с 18 июля 1402 г. [23, цз. 9 (II), 136].

Как видим, меры по восстановлению системы уделов (подробнее коснемся этого вопроса ниже) были лишь одним из направлений в общем многогранном потоке контрреформаторских мероприятий новых властей. Это опять-таки наглядно свидетельствует, что группировка Чжу Ди в своей борьбе с императорским двором опиралась не только на сепаратистские силы в уделах, но и на общее недовольство различных слоев и представителей господствующего класса всей политикой правительства.

Формирование новой правящей верхушки

Переворот 1402 г. сопровождался существенными перестановками в правящих верхах. Отмечая насильственный характер восшествия Чжу Ди на престол, Ван Гэн-у пишет: «Отзвуки такого восшествия были велики. Двор потерял некоторых самых способных сановников и ни на кого нельзя было действительно положиться, кроме его (Чжу Ди) лояльных армейских офицеров и евнухов. Правительство нужно было создавать заново» [231, 378]. Действительно, сложность положения, в котором оказался Чжу Ди в первые дни после победы, не приходится отрицать. Однако нельзя согласиться с мыслью о вынужденной необходимости перемен в правительстве. Захват ключевых постов в управлении страной и соответственно отстранение от власти проводников и сторонников прежнего политического курса было одной из основных целей победившей группировки. Только так она могла реализовать плоды своей победы.

Перемены в верхах прежде всего коснулись наиболее приближенных к трону лиц, причастных к выработке и осуществлению основных политических мероприятий. На смену Ци Таю, Хуан Цзыдэну и Фан Сяо-жу пришли новые советники. Ван Гэн-у пишет по этому поводу следующее: «Он (Чжу Ди) отыскал семь молодых ученых, сделал их своими личными секретарями и с их помощью стал способен управлять непосредственно и самолично» [231, 378]. Насколько можно судить по источникам, в упомянутую семерку входили Се Цзинь, Хуан Хуай, Ху Гуан, Ху Янь, Ян Жун, Ян Ши-ци и Цзинь Ю-му. Обращаясь именно к этим лицам в конце 1404 г., Чжу Ди говорил: «Со времени моего восшествия на престол вы, семеро, днем и ночью вместе со мной трудитесь. [Вы] — новые приближенные» (23, цз. 34, 602]. Занимая посты государственных секретарей (да сюэ ши), все они считались членами Академии Ханьлинь и подчинялись непосредственно особе императора.

На основании имеющихся источников весьма трудно судить, сколь велика была на первых порах роль этих новых приближенных в решении политических дел. Во всяком случае, Чжу Ди не передоверял им своей высшей власти и скорее использовал их как помощников и советников. В этом плане их роль менее заметна, чем та, которую

играли Ци Тай, Хуан Цзы-дэн и Фан Сяо-жу при предшествующем монархе. О характере поручений, которые давал Чжу Ди своим новым приближенным, свидетельствуют лишь отрывочные данные. Ян Жун, например, участвовал в разработке процедурной стороны вступления Чжу Ди на трон. Се Цзинь руководил, как упоминалось, изысканием и ревизией политических проектов прежнего правительства, Ян Ши-ци осуществлял надзор за составлением новой версии хроники правления Чжу Юань-чжана («Мин Тай-цзу ши лу»), призванной оправдать Чжу Ди и изобразить события в нужном для него свете.

Упомянутых советников новый император использовал главным образом в сфере гражданского управления. Контроль над армией осуществлял он сам либо его соратники по войне «Цзиннань». Почти полная замена военной верхушки была естественным результатом победы группировки Чжу Ди. Вопрос о роли армии после окончания войны «Цзиннань» представляет самостоятельный интерес и будет рассмотрен особо. Здесь же следует отметить, что Дао Янь, сыгравший существенную роль накануне и во время войны «Цзиннань», после воцарения Чжу Ди не попал в число ближайших советников императора.

Широкие полномочия после прихода Чжу Ди к власти получили начальник личной стражи императора (цинь цзюнь сы) Ци Ган и столичный цензор Чэнь Ин. Оба они занимались искоренением оппозиционных новому правительству настроений. Чэнь Ин взял на себя функции главного обвинителя политических противников Чжу Ди. Обвинения Чэнь Ина неизменно принимались двором. Ци Ган называется в источниках «интимным другом» нового императора [26, цз. 8, 2а].

В 1402 г. произошли существенные изменения и в высших правительственных органах — шести ведомствах. Из всех начальников ведомств (в большинстве ведомств их было по два — старший и младший) на своих постах в 1402 г. остались лишь три — начальник Военного ведомства Жу Чан, начальник Ведомства налогов Юй Синь и начальник Ведомства работ Чжэн Цы. Однако последний не был оставлен на прежнем посту, а переведен в Судебное ведомство. Остальные посты заняли новые лица, выдвинутые Чжу Ди [29, цз. 111, 7360]. Интересно отметить следующую закономерность: оставленные Жу Чан и Юй Синь занимали свои посты еще во времена Чжу Юань-

чжана (Жу Чан временно был уволен со службы в 1398–1399 гг.). Сместались же в 1402 г. сановники, выдвинутые на свои посты при Чжу Юнь-вэне. Исключение представляет лишь один Чжэн Цы, занявший свой пост в 1398 г. Но это не может опровергнуть общей тенденции, свидетельствующей о том, что перемены 1402 г. носили окраску контрпереворота.

Перемены должны были охватить и более низкие ранги служилого сословия. Указы о повышении и выдвижении чиновников начинают издаваться уже с 19 июля 1402 г., т. е. через день после воцарения Чжу Ди [16, цз. 12, 852]. Новые лица появились во многих государственных учреждениях. В Академии Ханьлинь, например, наряду с упомянутой «большой семеркой» видную роль стали играть Ван Цзин и Ван Да. Новые люди заняли руководящие посты в столичном Цензorate [29, цз. 111, 7360]. В настоящей работе, однако, нет возможности детально проследить все персональные изменения. Необходимо лишь отметить, что выдвижение новых людей сопровождалось устранением с политической арены значительной части прежней элиты. Последнее происходило отнюдь не безболезненно.

Победители начали сводить счеты с поверженным противником с первого же дня после взятия Нанкина. Сохранилось следующее свидетельство о событиях, последовавших за вступлением войск Чжу Ди в императорский дворец: «Перебили почти всех дворцовых чиновников, мужчин и женщин, дворцовых евнухов. Оставили [в живых] лишь тех, кто признал перед императором свою вину» [33, цз. 4, 67]. 13 июля, в день взятия города, появился указ «О коварных сановниках». Основная его мысль сводилась к тому, что тех, «кто имеет вину, нельзя пощадить» [16, цз. 12, 848]. Правда, в указе победителей призывали к умеренности: предписывалось хватать лишь главных противников Чжу Ди. Указ сопровождался поименным перечнем лиц, причисленных к «порочной группировке коварных сановников». Этот перечень начинался именами Хуан Цзы-дэна, Ци Тая, Фан Сяо-жу, начальников ведомств — Чэнь Ди, Хоу Тая, Чжэн Цы, Чжан Чжэня, старшего цензора Лянь Аня и других высокопоставленных лиц. Здесь же фигурировали воевавшие против Чжу Ди генералы — Те Сюань, Се Шэн и многие другие сановники. Всего перечислялось 50 имен [16, цз. 12, 848].

14 июля в императорском дворце в Нанкине был вывешен первый проскрипционный список из 29 человек. Предлагалось этих людей хватать и доставлять во дворец [33, цз. 5, 60]. Затем последовали дополнительные списки. В различных источниках сообщается более 60 имен, вошедших в подобные списки. За поимку означенных лиц обещалась награда. Поиски «преступников» велись по всей стране. В этой связи надо упомянуть, что многие чиновники, оставив свои посты, бежали. По данным Тань Цяня, после бурных событий 1402 г. оставили службу и бежали 463 чиновника [16, цз. 12, 844]. Некоторые же, не надеясь на милость победителей, покончили с собой, например начальник Ведомства чинов Чжан Чжэнь, помощник начальника Ведомства работ Чжан Юнь-го, упоминавшийся выше Гао Вэй, ректор Академии Ханьлинь Ван Шу-ин и многие другие [32, цз. 18, 51–60].

Подытоживая результаты розысков «преступников» в 1402 г., в источнике отмечается: «С этого времени (после появления проскрипционных списков. — А. Б.) тех, кто стал чиновником благодаря поимке [разыскиваемых], стало очень много» [33, цз. 5, 60]. Были схвачены и главные противники Чжу Ди. Фан Сяо-жу захватили в Нанкине при штурме города. Ци Тая и Хуан Цзы-дэна арестовали во время неудачных попыток организовать сопротивление Чжу Ди в провинции. Всех троих допрашивал сам новый император. Официальная версия, изложенная в «Мин Тай-цзун ши лу», гласит, что они признали свою вину перед Чжу Ди [23, цз. 9 (II), 140]. Но в источниках менее официального характера говорится о том, что они «не покорились» и не признали себя виновными [26, цз. 7, 176]. Известно также, что Фан Сяо-жу отверг предложение Чжу Ди служить ему [32, цз. 18, 48]. 25 июля эти три бывших советника императора были публично четвертованы на столичном рынке.

В результате проведенных репрессий были ликвидированы почти все лица, перечисленные в проскрипционных списках, а также многие политические противники Чжу Ди, по тем или иным причинам не попавшие в списки.

Гу Ин-тай называет 67 человек, уничтоженных в результате переворота 1402 г. [32, цз. 18, 49–60]. Среди них служащие ведомств и других столичных учреждений, ханьлиньцы, цензоры, военные, служащие провинциальной администрации, преподаватели. Нужно учесть, однако, что Гу Ин-тай перечислил далеко не всех

пострадавших, а лишь тех, кого считал достойным упоминания. Подтверждением тому служит амнистия, объявленная участникам событий 1402 г. лишь в 1736 г. В списки амнистируемых вошло 144 пострадавших чиновника [26, цз. 7, 196].

Однако и эта цифра не включает всех подвергшихся репрессиям. Во-первых, в нее не вошли простолюдины, так или иначе связанные с лагерем противников Чжу Ди. Во-вторых, многие из перечисленных чиновников были главами так называемых группировок (*дан*), в которые входили десятки и сотни человек. Кроме того, нужно учесть, что для средневекового Китая было нормальным явлением казнить вместе с провинившимся его родственников (причем иногда самых отдаленных), друзей и даже знакомых.

Имеется много примеров того, что казни тех или иных «коварных сановников» в 1402 г. сопровождалась широкими репрессиями. Вместе с Фан Сяо-жу казнили 873 человека, с сановником Цзоу Цзином — 448 человек, с цензором Дун Юнем — 230 человек (казнены и высланы), с цензором Лян Цзы-ни-ном — 151 человек, с Хуан Цзы-дэном — 93 человека, с цензором Чжун Шао-цзянем — 80 человек и так далее [16, цз. 12 г 857; 32, цз. 18, 49–60]. Во многих случаях, как, например, с Ци Таем, число казненных точно не указывается, а говорится лишь об истреблении всех родственников или родственников до определенного колена.

Кроме того, многих высылали, подвергали телесным наказаниям, насильственному определению в солдаты, поруганию, конфисковывалось имущество, а некоторых даже обращали в рабов. Гу Ин-тай, заканчивая описание одного лишь дела Фан Сяо-жу, отмечал: «А сколько было уволено со службы, выслано на границы и там умерло в одиночестве — сосчитать невозможно» [32, цз. 18, 49]. По делу Хуан Цзы-дэна было выслано более 100 семейств, по делу сановника Ху Жуня — 270 человек, начальника Ведомства обрядов Чэнь Ди — 180 человек, по делу помощника Чэнь Ди — Хуан Гуаня и управителя округа Юаньчжоу Ян Жэня — более чем по 100 человек и так далее [16, цз. 12, 857; 32, цз. 18, 50–51, 56–57].

Ли Гуан-би дает следующую характеристику репрессиям 1402 г.: «Чжу Ди казнил многих чиновников из окружения императора Цзяньвэня... Тех, кто был связан или общался с осужденными, называли «лишними тыквенными отростками». Число уничтоженных

вместе с родственниками, казненных, отданных в солдаты и потерявших свои хозяйства достигло нескольких десятков тысяч человек» [130, 34]. Тот факт, что узурпация Чжу Ди престола сопровождалась массовыми «экзекуциями, изгнаниями и увольнениями со службы», отмечает также и Ван Гэн-у [231, 377]. Основной удар был направлен прежде всего против административно-бюрократических кругов, связанных с деятельностью предшествующего правительства. Описанные насильственные действия победившей группировки в отношении своих противников были закономерным следствием всей предшествовавшей внутривластной борьбы в стране. В этом плане переворот 1402 г. особенно четко предстает новым актом отмеченной борьбы, прослеживаемой в Китае в конце XIV в. и нашедшей наиболее яркое проявление на рубеже XIV–XV вв.

Однако формирование в 1402 г. новой власти имущей элиты происходило не только путем механического устранения одних деятелей и выдвижения на их посты других. С самого начала царствования Чжу Ди прослеживается также практика «привлечения старых людей» на службу интересам правительства. Стремление следовать такому курсу рельефно обозначилось в манифесте от 22 июля. В нем содержится следующее обращение к чиновным верхам: «Надеюсь, что вы, высшие сановники, приложите свой разум и силу для того, чтобы помочь мне в управлении... Если [кто-либо] в прошлом допустил ошибки в делах, то следует разъяснить им, что я не буду привлекать их к ответу. Если же [что-либо] будет утаено и не рассказано, то при выявлении [этого] дело будет приравнено к обману и [виновные] будут наказаны по закону... Я помню, что государь и подданные — это одно целое. Поэтому я с открытой душой и чистым сердцем спокойно предписываю вам и всем другим, чтобы вы с уважением поддерживали мои намерения» [23, цз. 9 (II), 138–139].

Естественно, что прекрасноречивое нового императора здесь несколько гиперболизировано. К «допустившим ошибки в делах» проявлялся весьма разный, дифференцированный подход, а сам манифест 22 июля совпадает по времени с отмеченной выше волной репрессий. Но сам факт санкционирования свыше возможного пути к примирению со «старыми людьми» весьма примечателен.

После обнародования манифеста началось паломничество к новому двору сановников и генералов для выражения своей

преданности. Эта процедура по сути явилась принесением присяги новому монарху. Первый прием для них был устроен 23 июля [23, цз. 9 (II), 140]. Для поощрения прибывавших на подобные аудиенции было приказано выдавать им из казны материальное вознаграждение [23, цз. 10 (II), 162–163].

О претворении курса на привлечение «старых людей» свидетельствует отмеченная выше попытка использовать в интересах новых властей Фан Сяо-жу, предоставление высоких постов в армии Шэн Юну и Ли Цзин-луну, восстановление на службе таких видных деятелей 1398–1402 гг., как Ся Юань-цзи, Чжэн Цы и многих других [24, цз. 13, 593, 610; 26, цз. 5, 16].

Следует также иметь в виду, что многие новые люди не были ранее приближенными Чжу Ди. Они служили прежнему правительству и получили повышение после переворота. Это относится, в частности, к семи государственным секретарям и таким деятелям, как Ван Цзин, Ван Да и многие другие. Естественно, все они были скрытыми сторонниками группировки Чжу Ди, но формально вплоть до падения столицы находились на службе в правительственном лагере.

Курс на привлечение «старых людей» диктовался реальной потребностью нового правительства закрепить свою власть в стране, не прибегая к коренному изменению издавна сложившейся системы управления. Полная замена административного аппарата отнюдь не входила в планы Чжу Ди. Этот момент можно проследить в его программных документах начального периода войны «Цзиннань». В этой связи становится понятным, что добровольный уход со службы расценивался в манифесте ОТ 11 июля как провинность [23, цз. 9 (II), 139].

Привлечение «старых людей» на службу встречало некоторое противодействие со стороны наиболее радикально настроенных приверженцев Чжу Ди, принадлежавших к его лагерю с самого начала борьбы против центрального правительства. Источники свидетельствуют: «Некоторые говорили, что всех служивших в период Цзяньвэнь следует уволить в отставку» [23, цз. 9 (II), 140]. Но Чжу Ди не разделял подобные мнения. Оправдывая избранный им курс, он говорил: «Все сегодняшние людские дарования — это результат многолетнего воспитания при моем покойном отце. Разве за 2–3 года Цзяньвэнь можно было [сколько-нибудь] существенно их изменить?»

[23, цз. 9 (II), 140]. Однако «радикалы» не хотели легко уступать свои позиции. Они предложили формально оставить прежних чиновников на их постах, но не допускать их к «главным участкам» управления. Но и это было отклонено императором [23, цз. 9 (II), 140].

Как видим, формирование новой правящей верхушки происходило не без внутренних трений. Такое явление отнюдь не удивительно, если учитывать, что переворот 1402 г. в известной степени продолжал собой внутреннюю борьбу в среде китайского господствующего класса.

Особенность позиции императора в ходе переворота

При рассмотрении вопроса о формировании правящей верхушки во время переворота следует обратить внимание на позицию императорской власти в сопровождавших данный процесс трениях: предпочтение умеренной линии в отношении основного костяка прежней администрации.

В этой связи представляют интерес попытки императора несколько ограничить размах репрессивной волны, последовавшей за переворотом. 2 августа он дал следующее устное предписание служащим Судебного ведомства: «Совершавшие преступления [либо] уже покорились, [либо] казнены. Невинные спокойно служат и занимаются своим делом. Но в столице и провинции [еще] много арестованных из военного и гражданского люда. Надеюсь, что невинные приобретут [наше] благоволение и уважение. С преступниками же нельзя [дольше] тянуть. Срочно [подготовить] императорский манифест, чтобы покончить с этим» [23, цз. 10 (1), 154]. Здесь, правда, еще нет намерений отказаться от насильственных мер, однако выражено стремление покончить с ними по возможности быстрее.

Определенную ограничивающую репрессии роль сыграл и указ об амнистии от 30 июля. С одной стороны, его появление было данью сложившейся традиции при вступлении на престол нового монарха и имело несколько формальный характер. Но с другой — в этом документе содержались статьи о прощении всех генералов, офицеров и солдат, воевавших на стороне прежнего правительства, а также всех чиновников, допускавших «преступные слова» в адрес Чжу Ди во время войны [35, цз. 4, 272–273, 277–278].

Дальнейшее развитие отмеченная выше позиция императора получила в резолюции от 15 августа, наложенной на представление Ведомства чинов о наказании очередной группы опальных чиновников. Ее текст гласил: «Когда я вступил на престол, в Поднебесной произошли перемены и обновление. Не следует снова припоминать старое зло. Нужно всех их освободить» [23, цз. 10 (II), 165].

Высочайшее прощение получили даже некоторые из попавших в проскрипционные списки, например Чжэн Цы, Вань Дунь, Хуан Фу, Инь Чан-лун и др. [24, цз. 13, 593].

В результате, несмотря на то что устранение отдельных прежних политических противников победившей группировки продолжалось в сентябре-октябре 1402 г. и позже, широкая волна репрессий в стране после августа была прекращена. В какой-то мере это объясняется боязнью нового двора, что чрезмерные насильственные меры могут вызвать общее недовольство и смуту в стране. Свидетельство о первых признаках такого недовольства, в частности в армии, мы находим в беседе императора с чиновниками Военного ведомства, датированной 12 августа 1402 г. «Все преступники, — говорил Чжу Ди, — [либо] уже покорились, [либо] казнены... [однако] недавно выяснилось, что в столичных войсках еще есть иносказательные намеки. Говорят, что я лелею в сердце намерения снова начать казни и истребление. Передавая друг другу [эти слухи, они] сеют смуту. Разве это не глупости?.. Вы о- [чиновники] Военного ведомства — срочно издайте и обнародуйте императорский манифест с приказанием успокоиться и с воодушевлением заниматься своим делом, не питая в душе подозрений» [23, цз. 10 (II), 164].

Но главная причина заключалась в том, что прекращение репрессивной волны отвечало интересам избранного новым двором умеренного курса. В следовании такому курсу проявилась особая самостоятельная позиция, занятая императорской властью во время переворота 1402 г. Это, в свою очередь, диктовалось объективными причинами. В борьбе против центрального правительства Чжу Ди опирался на известное недовольство различных групп и представителей из господствующего класса страны политикой императорского двора. В том числе немалую роль здесь играли сепаратистские силы, сосредоточившиеся вокруг удельных ванов. Если бы война «Цзиннань» закончилась победой группировки Чжу Ди без смены монарха, то можно было бы ожидать, что победители постарались бы обеспечить последовательное проведение в жизнь всех своих требований, и в частности гарантий для еще большей самостоятельности уделов. Но, узурпировав высшую власть, Чжу Ди стал выразителем и представителем интересов всей страны в целом, а не только группировки своих бывших приверженцев. А интересы центральной

власти во многом совпадали с целями, преследовавшимися прежним правительством, т. е. прежними противниками Чжу Ди.

В связи с этим новый монарх не был заинтересован в радикальном претворении в жизнь чаяний всех своих бывших приверженцев. Отсюда не удивительна та двойственность, которая наблюдается в политике императорского двора в ходе переворота. С одной стороны, он пошел навстречу некоторым требованиям оппозиционно настроенных к прежнему правительству представителей господствующего класса: отменил реформаторские начинания предшествующих лет, предпринял насильственное устранение части прежней элиты, декларировал возвращение к порядкам, существовавшим до 1398 г. С другой — пытался ограничить максималистские устремления победившей группировки: объявил амнистию участвовавшим в войне на стороне противника войскам, взял курс на привлечение «старых людей» к государственной службе, тормозил расширение репрессивной волны.

Характерно, что перемены, декларированные после переворота, никоим образом не предусматривали сколько-нибудь заметного усиления уделов и связанных с ними сепаратистских сил. Это опять-таки связано с тем, что интересы последних уже не могли отвечать укреплению единовластия Чжу Ди. Удельные властители и их доверенные не заняли руководящего положения в новом правительстве. Правящая элита, как было показано выше, складывалась из разнородных компонентов. Помимо подчиненных Чжу Ди по уделу Янь и примкнувших к его лагерю во время войны в нее вошли противники прежнего политического курса, остававшиеся в правительственном лагере, а также «старые люди» — служилая администрация прежних властей. Подобное положение, несомненно, ущемляло устремления бывших соратников и сторонников Чжу Ди, т. е. непосредственно его группировки.

Отсутствие каких-либо ощутимых шагов в сторону укрепления роли уделов, а также компромиссная линия, избранная императорской властью при формировании новой правящей верхушки, факт весьма примечательный. Он свидетельствует о том, что, несмотря на настойчивое провозглашение возвращения к «старым порядкам», т. е. положению до 1398 г., последовательной реализации этой программы не произошло. Такое возвращение было объективно невозможно. Бурные политические события, последовавшие за смертью Чжу Юань-

чжана, существенно изменили ситуацию в стране. Дальнейшее обострение борьбы в среде господствующего класса, перестановки в правящих верхах, сопряженные с реформаторскими попытками коллизии, и, наконец, сама трехлетняя война «Цзиннань», явившаяся сильнейшим потрясением для внутривластной и экономической жизни страны, — все это, вместе взятое, безвозвратно отодвинуло в прошлое эпоху Чжу Юань-чжана и многие из складывавшихся тогда в силу объективных и субъективных предпосылок «порядков».

Отсюда при всей направленности переворота 1402 г. против политики правительства Чжу Юнь-вэня возвращение к существовавшим до 1398 г. порядкам могло быть лишь частичным. Настойчивое провозглашение такого возврата в известной мере оставалось политическим лозунгом. Выставляя и частично осуществляя его, правительство Чжу Ди шло навстречу настроениям всего оппозиционного лагеря, на поддержку которого оно опиралось во время войны. Вместе с тем указанный лозунг подразумевал возвращение к политической стабильности, которая, как представлялось официальной пропагандой, существовала до начала реформаторской деятельности советников Чжу Юнь-вэня и войны. Такой подтекст провозглашения восстановления «старых порядков» весьма важен. В данном понимании этот лозунг мог найти широкий отклик в пострадавшей от междоусобной войны стране.

Подводя итоги всему сказанному, можно отметить, что переворот 1402 г. рисуется как сложный сплав, образованный взаимодействием различных сил на внутривластной арене. Переворот знаменовал собой кульминационный момент во внутренней борьбе в Китае в конце XIV — начале XV в. Победившая группировка реализовала свое преимущество, ниспровергнув прежнее правительство и его политические начинания. Однако отказ от старого курса не повлек за собой механического возрождения предшествовавших ему политических порядков во всех их деталях. Буквальное копирование методов и средств, преобладавших в управлении до 1398 г., не отвечало интересам пришедшего к власти в 1402 г. правительства уже потому, что именно политика Чжу Юань-чжана привела к нарастанию внутренних противоречий и созданию кризисной ситуации. Логика событий, сопутствовавших воцарению Чжу Ди, требовала, таким образом, новой, а не старой в прямом смысле этого слова политики.

Отмеченная выше двойственность позиции центрального правительства в ходе переворота позволяет считать, что оно в какой-то мере учитывало данную потребность. Но тот факт, что события 1402 г. не повели к полному возврату назад — к положению, существовавшему при Чжу Юань-чжане, еще более рельефно выступает на примере всей последующей политики правительства Чжу Ди. К рассмотрению ее мы и перейдем в последующих главах.

Глава IV

Императорское правительство и удельные властители в первой четверти XV в.

Укрепление системы уделов и выработка правительством Чжу Ди общих норм взаимоотношений с ванами

Отличие политики правительства Чжу Ди от основного курса, осуществлявшегося при Чжу Юань-чжане, наглядно прослеживается на примере взаимоотношений между центральной властью и держателями уделов. Вопрос об удельных ванах оставался, как отмечалось, одной из важных проблем во внутренней политике страны в конце XIV — начале XV в. Как показали события последних лет царствования Чжу Юань-чжана и затем 1398–1399 гг., попытка основателя династии Мин найти прочную основу для господства императорского двора в лице удельных властителей не дала ожидаемых результатов. В свою очередь, попытка правительства Чжу Юнь-вэня ослабить влияние ванов также окончилась неудачей. Таким образом, к 1402 г. кардинальный вопрос о том, какую роль могут и должны играть уделы, все еще не был разрешен. В этих условиях отношение новых властей к ванам приобретало особое значение.

Казалось, победа группировки Чжу Ди в войне «Цзиннань» должна была означать и победу сил, стоявших за укрепление самостоятельности уделов. Ведь обосновывая необходимость борьбы с правительством Чжу Юнь-вэня, Чжу Ди в 1399 г. выставлял защиту интересов удельных ванов на одно из первых мест. Эта позиция неоднократно подтверждалась им и в последующие годы на протяжении всей войны. Поэтому было вправе ожидать, что за победой Чжу Ди последует заметное усиление роли удельных властителей, а провозглашение возврата к «старым порядкам» ознаменуется новым поворотом императорского двора к созданию прочной опоры в лице ванов. Однако ни того ни другого не произошло. Это стало заметно уже во время переворота 1402 г., в ходе которого правительство Чжу Ди не предприняло никаких конкретных шагов в сторону сколько-нибудь существенного возвышения властителей уделов.

Такой поворот событий в какой-то степени предвещался отсутствием согласованных действий между Чжу Ди и прочими ванами во время войны «Цзиннань». Недоверие будущего монарха к своим

братьям отчетливее всего выявилось на примере его действий в уделе Нин, описанных в главе II. Но главная причина подобного и на первый взгляд неожиданного поворота заключалась в коренном изменении положения главы победившей в 1402 г. группировки. Превратившись из держателя удела в императора, Чжу Ди тем самым перестал выражать интересы ванов. Более того, поскольку в предшествующие годы все отчетливее выявлялась несовместимость этих интересов с тенденцией к усилению централизованной императорской власти, Чжу Ди, став монархом, неизбежно должен был перейти на противоположные уделам позиции. Перемена его ориентации в вопросе о ванах после воцарения и дальнейшее ухудшение взаимоотношений с ними были, таким образом, в известной степени предопределены.

Однако было бы неверно считать, что объективная предопределенность дальнейшего столкновения интересов центра и уделов сразу же повела к обострению отношений Чжу Ди с ванами. На первых порах новое правительство продемонстрировало свой отказ от политики ущемления и устранения ванов, проводившейся предшественниками. Одним из первых его актов было возвращение 18 июля 1402 г. титулов ван Чжу Су (Чжоу-ван) и Чжу Бо (Ци-ван) [23, цз. 9 (II), 136]. Отдельным указом восстанавливались права Чжу Бо на его бывший удел [23, цз. 12 (II), 224]. В сентябре 1402 г. началось титулование цзюнь-ванами сыновей в прошлом опальных и прочих держателей уделов [23, цз. 11, 178, цз. 12 (II), 193–194]. Подобная мера практиковалась правительством Чжу Ди и позже [23, цз. 30, 593]. Манифест от 3 февраля 1403 г. оповещал страну о восстановлении во всех прежних правах подвергшихся в предшествующие годы гонениям Чжоу-вана, Ци-вана, Дай-вана и Минь-вана [23, цз. 16, 294]. В 1404 г. удельным властителям были разосланы письменные подтверждения их титулов положения [23, цз. 32, 565–572].

Намерения наладить добрые отношения с ванами проявились и в устройстве для них регулярных аудиенций при дворе. Визиты панов предусматривались правилами, установленными для удельных властителей еще при Чжу Юань-чжане. Официально целью посещений считалось выражение верноподданнических чувств императору. Но двор со своей стороны также проявлял уважение к прибывшим. В частности, они получали щедрые дары. Подобные визиты, начатые по инициативе двора в августе-сентябре 1402 г., должны были показать

отличие его позиции от позиции прежнего правительства. Прием ванов в столице продолжался и в последующие годы. Правительство лишь настаивало на соблюдении принятой им очередности.

Демонстрируя свое расположение к ванам, Чжу Ди в первые годы своего правления богато одаривал их и помимо аудиенций. Например, Чжоу-ван только в конце 1402 г. трижды получал дары ассигнациями (в общей сумме на 209 тыс. динов^[21], золотом, ценными одеждами, благовониями, лошадьми и баранами, а кроме того, трижды одаривался в 1403 г. зерном, ассигнациями, звонкой монетой, вином, редкими вещами иноземного производства и прочим, дважды в 1404 г. и один раз в 1405 г. [23, цз. 10 (I), 157, цз. 10 (II), 164, цз. 13, 246, цз. 16, 294, 297, цз. 21, 396, цз. 26, 478]. Несомненно, здесь и в других случаях существовали определенные градации в щедротах. Они зависели от старшинства и личной привязанности Чжу Ди к тому или иному из ванов. Иногда подношения ванам производились всем сразу [23, цз. 10 (II), 169–170, цз. 14, 249].

Щедрые подарки были рассчитаны на задабривание удельных властителей. Весьма показательно, что это практиковалось чаще всего именно в первые годы правления Чжу Ди. По «Мин Тай-цзун ши лу» прослеживается, что после 1406 г., когда отношения уделов с двором уже обострились, поток даров значительно уменьшился, а после 1416 г. — новой вспышки обострения — почти прекратился.

В связи с политикой задабривания ванов интересно упомянуть и о передаче в декабре 1402 г. Ляо-вану и Гу-вану права на сбор в свою пользу торговых налогов в городах Цзинчжоу и Чанша, куда были переведены их резиденции [23, цз. 15, 270]. Аналогичное право было предоставлено Чжоу-вану и Минь-вану [23, цз. 15, 287, цз. 177, 1933]. Правда, уже в следующем месяце оно было отобрано у Ляо-вана и Минь-вана, но они получили за это компенсацию-прибавку к ежегодному жалованью рисом [23, цз. 15, 279, 287].

Кроме того, есть данные, что в начале правления Чжу Ди Гу-ван и Цзинь-ван получили право собирать все налоги с той области, где находился их город-резиденция [23, цз. 190, 2014, цз. 262, 2397]. Однако из-за отсутствия других, более подробных сведений по этому поводу трудно судить, сколько времени длилось такое положение и распространялся ли этот порядок на ванов прочих уделов.

Все это свидетельствует о том, что на первых порах новый императорский двор пошел на известное восстановление системы уделов (хотя следует отметить, что уделы братьев Чжу Юнь-вэня, розданные в период царствования последнего, были ликвидированы, а их владельцы лишены титулов и сосланы) и попытался наладить добрые отношения с ванами. Такая политика должна была в какой-то мере оправдать сделанные ранее Чжу Ди заявления в защиту властителей уделов. Но главной движущей пружиной в отмеченном налаживании было не только стремление Чжу Ди исполнить свои прежние декларации. Основная подоплека заключалась в том, что, утвердившись на престоле, правительство Чжу Ди было вынуждено практически заново строить отношения между центральной властью и уделами. Искусственное обострение этих отношений отнюдь не входило в его планы. Предопределенность конфликта не могла осознаваться современниками событий. Он развивался спонтанно, в процессе взаимоотношений центра и уделов. Для его дальнейшего развития новое правительство должно было само столкнуться с противодействием ванов, что требовало определенного времени.

Поэтому вряд ли приходится сомневаться в первоначальном искреннем стремлении Чжу Ди и его окружения к установлению хороших отношений с держателями уделов. Но эти отношения, по замыслам двора, должны были строиться на определенных незыблемых принципах. Об этом свидетельствуют тексты различных официальных документов и обращений к ванам, письма первых лет правления Чжу Ди. Собранные воедино, эти принципы рисуют нечто вроде программы, которой новый императорский двор намерен был руководствоваться в своих отношениях с уделами.

С одной стороны, в отмеченных документах всячески подчеркивались дружеские намерения императора. «Управляя Поднебесной, [я] хочу лишь того, чтобы все мои младшие братья в местах [своего] пребывания одинаково [получали бы] радость от [установленного] Небом порядка», — провозглашалось от имени Чжу Ди в октябре 1402 г. [23, цз. 12 (II), 211]. В мае следующего года император заверял: «С самого начала после восшествия на престол я искренне помышляю о родственной любви к [своим] сородичам» [23, цз. 20 (I), 353]. Подобная мысль повторяется в различных модификациях. При этом заслуживает особого внимания акцент на

общности интересов двора и ванов в деле сохранения своего политического и экономического господства в стране. Например, письмо Ци-вану от 24 ноября 1405 г. гласило: «Желаю лишь, чтобы все мы вместе (император и ваны. — *А. Б.*) наслаждались богатством и знатностью и вечно хранили и оберегали добрую славу [династии]» [23, цз. 48, 730].

С другой стороны, столь же настойчиво повторяется постулат о том, что как императорский двор, так и удельные властители должны «до конца идти своим путем» [23, цз. 42, 677]. Смысл этой аллегории рельефно проступает в письме к ванам от 17 ноября 1405 г. В нем разъяснялось: «У императорского Двора и удельных ванов единый корень. [Ваны] отделены от императорского трона. Однако все [они] могут считать находящийся в центре императорский трон сердцевиной. Естественно, что тогда каждый (император и ваны. — *А. Б.*) будет до конца [следовать] предначертанному пути. В прежние времена были государи, не способные сохранить единство в императорской семье... Это [случалось тогда], когда находившемуся в центре императорскому трону не удавалось стать сердцевиной. И я, и мои младшие братья — все [должны] прилагать усилия, [чтобы избежать] этого» [23, цз. 47, 727]. Иными словами, отмеченная аллегория была ничем иным, как призывом к ванам знать свое место и не претендовать на большее.

Отстаивая свое монопольное право быть «сердцевиной», правительство Чжу Ди претендовало на соответствующее уважение от ванов и заявляло о недопустимости сепаратизма с их стороны. Наиболее четко это отразилось в письме Чжоу-вану от 4 августа 1405 г., которое гласило: «Приказываю [всем] пожалованиям в провинции (уделам. — *А. Б.*) быть со двором подобно одной семье, [сохранять] единство страны и оказывать [двору] уважение, какое [оказывается] в единой стране, [мирно жить] под [одним] небом и оказывать уважение, какое [оказывается единому] под небом [государю]. Пусть не преступается установленное издревле предками уважение» [23, цз. 44, 692].

Таким образом, за стремлением к налаживанию добрых отношений с ванами отнюдь не скрывалось намерение идти им на какие-либо уступки. Двор рассчитывал, что дружеские отношения с уделами должны поддерживаться обоюдными усилиями. Это хорошо прослеживается на примере обращения к ванам от 18 июня 1405 г. Из

него явствует, что двор со своей стороны гарантировал определенную безопасность уделам, попутно осуждая политику предшествующего правительства: «[Когда] императорский двор искренен в родственных чувствах, уделы строго блюдут законы. Когда устои императорского двора ясны и прямы, среди родственников в уделах не бывает разногласий... Когда престол обретает вечное и незыблемое спокойствие, родственные уделы также наслаждаются безграничным счастьем. Таков смысл законов, установленных моим покойным отцом, а я продолжаю [претворять] его замыслы... [Если] императорский двор не может идти по пути искренней любви к родственникам, [то] это есть отказ от сыновнего почтения к царственным предкам. [Если он] относится к братьям не по-дружески, не любит сыновней любовью своих детей и племянников, [то] это отказ от гуманности и пренебрежение долгом... В прошлом, [в годы] Цзяньвэнь, эти [принципы] часто попирались [и совершались] ошибки. Со времени моего восшествия на престол я терпеливо и настойчиво [принимаю] меры предосторожности против таких [ошибок]... Ведь я сам некогда имел удел. Разве не способен я всем существом проникнуться вашими заботами!» [23, цз. 42, 677–678].

От ванов, в свою очередь, требовались встречные шаги. «[Если] в уделах не нарушаются этические нормы и правила, [то] императорский двор не докучает [ванам] выговорами и изливает на них монаршую милость. [Если] не доходит до [того, что уделы] отворачиваются от справедливости и долга, [то] не доходит до оскудения [и] монаршая милость... Ведь будучи удельным властителем, также должно [глубоко] вникать в намерения императорского двора и замечать его искренность»- гласило упомянутое обращение [23, цз. 42, 677–678].

В конце приводимого документа содержится недвусмысленный призыв поддерживать хорошие отношения между центром и уделами усилиями обеих сторон: «Отныне и впредь я буду постоянно помнить об императорской милости — любви к родственникам, не буду пренебрегать всеми братьями и племянниками. [Но и они] также [пусть] постоянно помнят содержащийся в законах моего покойного отца [завет] — каждому до конца идти своим путем, [чтобы] сообща сохранить [наше] богатство и знатность. Разве [тогда] будет этому предел?» [23, цз. 42, 679].

Новое обострение конфликта между центральной властью и уделами (1403–1406)

Изложенные выше программные принципы не могли полностью устраивать удельных властителей, ибо не оставляли возможности для усиления их самостоятельности. Поэтому правительство Чжу Ди не могло встретить и не встретило ответных попыток к сближению со стороны ванов. Желание наладить хорошие отношения между центром и уделами на взаимной основе не могло дать и не дало ожидаемых результатов. В этих условиях возникновение нового конфликта было лишь вопросом времени. Однако формы конфронтации во многом зависели от конкретных обстоятельств.

Назревание конфликта ускорялось и тем, что императорский двор, несмотря на предпринятые шаги к сближению с уделами, продолжал сохранять определенную настороженность в отношении некоторых из них. Недоверие проявилось прежде всего в принудительном сокращении войск, подчиненных ванам. В ноябре 1402 г. у Цзинь-вана было отобрано 4 тыс. солдат, у Су-вана-один из трех охранных гарнизонов, а в декабре Гу-вану был оставлен лишь один из его четырех охранных гарнизонов [23, цз. 13, 236, 238, цз. 14, 260].

Ли Гуан-би усматривает сдерживающее начало в отношении ванов и в такой мере, как перемещение некоторых из них в новые уделы, предпринятое в самом начале царствования Чжу Ди [130, 34–35]. Действительно, были принудительно переведены в другие резиденции Нин-ван, Ляо-ван, Чжоу-ван, Гу-ван и Минь-ван [33, цз. 5, 62; 23, цз. 13, 247; 130, 35]. Переселение сопровождалось сменой подведомственного вану штата чиновников, а иногда и офицеров. Это нарушало сложившиеся связи того или иного удельного властителя с местной администрацией, населением, войсками. На новом месте вану приходилось заново пускать корни. Отсюда такая мало значащая на первый взгляд мера могла в какой-то степени сдерживать рост сепаратизма в отдельных уделах, и соображения Ли Гуан-би (которые он, кстати, не раскрывает) имеют определенные основания.

Недоверие двора проявилось и в том, какие функции он стремился возложить на начальников резиденций ванов (*чжан ши*) и на специально назначаемых помощников-наставников (*фу дао*). В одном из императорских указов говорилось: «[Я] подбираю людей, которые будут помощниками-наставниками [при ванах]... Вы, [отобранные], должны всеми силами помогать [ванам], вести [их] лишь [путем] добродетели и долга... Тогда ваны, [являющиеся] защитой [государства], будут бесконечно счастливы, а вы получите беспредельную славу» [23, цз. 79, 1062]. Задачи, которые возлагались двором на высших чиновников из резиденций в уделах, предельно ясно были поставлены Чжу Ди в беседе с подчиненными Цинь-вана: «Нельзя предоставлять [вану действовать] самому по себе, [нужно] спокойно направлять его, терпеливо втолковывать ему [добро]» [23, цз. 54, 809].

Подобные мероприятия вели к усилению недовольства со стороны ванов, ускоряли развитие конфликта. Его первые проявления сказались уже в 1403 г., когда императорский двор принял меры против Дай-вана и столкнулся с неповиновением Минь-вана.

Поводом для обострения отношений с Дай-ваном послужили неоднократные жалобы из его удела о том, что он... не имея разрешения императора, причиняет народу беспокойство, не подчиняется [двору] и творит другие [злые] дела» [23, цз. 20 (II), 368]. Отмеченные «беспокойства и неподчинение», как становится ясным из послания Чжу Ди Дай-вану от 28 февраля 1403 г., заключались в произвольном суде, расправе и грабежах, чинимых ваном в его уделе. Император потребовал прекратить это, настаивая на своем праве высшей юрисдикции. Упомянутое послание гласило: «[Мне] стало известно, что мой младший брат самовольно и жестоко [обходился с людьми] и не докладывал [двору] об их преступлениях» [23, цз. 17, 304–305].

Основной смысл послания от 28 февраля сводился к тому, что ван должен «немедленно исправиться». В то же время в тексте содержалась и прямая угроза — напоминание о прошлой опале Дай-вана. Император писал: «[Остается] только [предположить], что [ты] забыл, как во времена Цзяньвэнь был схвачен, заточен и страдал от стыда» [23, цз. 17, 305].

Но это послание не подействовало на Дай-вана. Тайный чиновник, посланный двором на место происшествия, подтвердил чинимые в уделе беззакония [23, цз. 20 (II), 368]. Тогда 8 июня 1403 г. был составлен перечень всех преступлений вана, состоявший из 32 пунктов. Представитель двора должен был предъявить эту бумагу Дай-вану и потребовать раскаяния [23, цз. 20 (II), 368]. Последнему предписывалось явиться для объяснений в столицу [26, цз. 8, 7a]. Но ни прибытия в столицу, ни раскаяния не последовало.

Вслед за тем двор предпринял реальные меры воздействия. 25 июня Дай-ван был отстранен от командования своими войсками. В его распоряжении оставалось лишь 30 офицеров для свиты. Императорский указ об этом сопровождался резкими обвинениями его: «Твое поведение заносчиво, ты хищнически строптив и груб... Нет [для] тебя ни государя, ни старшего брата, [ты] сбился с истинного пути [на путь] измены» [23, цз. 21, 378]. Тон указа наглядно свидетельствует об остроте первой вспышки противоречий между Чжу Ди и ванами.

Одновременно Дай-ван был отстранен от руководства гражданскими чиновниками его резиденции [23, цз. 200, 2086–2087]. Таким образом, ван был практически изолирован от всех дел. Однако на полное разжалование и ликвидацию удела правительство не пошло. В указе от 25 июня вновь предлагалось Дай-вану исправиться и «искупить грехи» [23, цз. 21, 378]. Обращает внимание следующая фраза из упомянутого указа: «Специально посылаю человека призвать тебя перемениться и следовать наставлениям» [23, цз. 21, 378]. Имя в указе не называется. Есть основания предполагать, что этот посланец двора должен был практически заменить опального вана в делах управления уделом.

Через год, летом 1404 г., после специального обсуждения при дворе действий Дай-вана было решено сохранить за ним его титул [23, цз. 32, 573]. Это можно считать частичной реабилитацией. Очевидно, после этого он вновь получил право управлять уделом. Но его отношения с двором долгое время продолжали оставаться натянутыми. Окончательное «прощение» Дай-ван получил лишь в 1418 г.

Минь-ван, разжалованный и сосланный в Юньнань при Чжу Юнь-вэне, еще до официального восстановления в правах удельного властителя (3 февраля 1403 г.) попытался сосредоточить в своих руках власть в данной провинции. Для предотвращения этого двор направил

20 августа 1402 г. в Юньнань военного сановника Юань Юя с широкими полномочиями. Минь-вану предписывалось: «Все дела можно обдумывать и осуществлять вместе с ним (Юань Юем), ведь пограничный удел требует удвоенной мудрости» [23, цз. 10 (II), 168].

Вскоре полномочия Юань Юя перешли к Му Шэну. Минь-ван попытался устранить последнего, обвинив его в подготовке мятежа [16, цз. 12, 873]. Но правительство подтвердило свое Доверие наместнику, призвав его, однако, не обострять отношения с ваном [16, цз. 12, 873; 23, цз. 11, 179–180]. Попытки Минь-вана укрепить свою власть в Юньнани продолжались. Поэтому двор отобрал у него свидетельство на титул [24, цз. 14, 626]. Ему были предъявлены следующие обвинения: «Ныне Минь-ван распоясался в своих поступках. [Он] самовольно захватил удостоверительные печати различных [административных] учреждений, будоражит и вводит в заблуждение сердца народа, подстрекает иноземцев, а также, получив приказ [явиться] на аудиенцию ко двору, не прибыл в столицу» [23, цз. 19, 349].

Однако, как и в случае с Дай-ваном, императорский двор не пошел на полный разрыв с Минь-ваном. Часть его вины была переложена на подчиненных ему чиновников. В результате указом от 15 мая 1403 г. ему было даровано прощение с оговоркой, что это сделано «в обход законов» [23, цз. 19, 348–349]. Через неделю Минь-вану было возвращено отобранное свидетельство на титул [23, цз. 20 (I), 353].

Но отношения Минь-вана с двором продолжали обостряться. 11 октября 1403 г. центральное правительство лишило его командования над тремя «охранными гарнизонами» [23, цз. 23, 428]. Окончательно же он был отстранен от командования всеми войсками, находившимися в его распоряжении, и от управления подведомственным ему штатом гражданских чиновников 4 февраля 1408 г. [23, цз. 75, 1029–1030]. Данное обстоятельство показывает, что конфронтация Минь-вана с правительством не прекращалась и после 1403 г.

Описанные столкновения с Дай-ваном и Минь-ваном происходили на фоне общего обострения отношений императорского двора с ванами. В течение 1403–1405 гг. столичные власти предъявляли различные претензии к Цинь-вану, Цзинь-вану, Нин-вану, Чжоу-вану, Чу-вану и нескольким цзюнь-ванам. Ошибочные, с точки зрения двора, действия многих властителей уделов послужили поводом к появлению обращения к ванам от 18 июня 1405 г. Оно свидетельствует о том, что к

лету этого года конфликт между центром и уделами зашел довольно далеко. Обращение, в частности, гласило: «Ныне Дай-ван, Нин-ван, Цинь-ван, Цзинь-ван, Юнсин-ван, Гаопин-ван и Пинъян-ван, не выяснив моих намерений, при малейшем несоответствии наших желаний затаивают в душе недовольство [двором]... Дошло даже до открытого ропота и клеветы. Совершаемое [ими] по наущению злых духов не разумно и не гуманно» [23, цз. 42, 678].

Как и в 90-е годы XIV в., центральное правительство столкнулось с неподчинением и противодействием держателей уделов. Объяснение этому нужно искать не в отрицательных качествах того или иного вана или же недостатках Чжу Ди и его ближайшего окружения, а в объективных обстоятельствах, толкавших появившиеся в Китае уделы на путь сепаратизма, а усиливающуюся императорскую власть на пресечение сепаратистских тенденций. Однако в условиях обостряющегося конфликта правительство Чжу Ди пыталось найти свой, отличный от политики Чжу Юнь-вэня и его советников, путь к разрешению вопроса об уделах.

В обращении от 18 июня 1405 г. были довольно пространно изложены принципы, которыми императорский двор намеревался руководствоваться при столкновении с ванами. Приведем соответствующие выдержки из этого документа: «Если кто-либо из моей семьи, из [моих] любимых кровных братьев, сыновей и племянников поступает в отношении меня не так, как должно, то нужно, исходя из [родственных] чувств, быть снисходительным... Хотя [я] не в силах наносить ущерб родственной любви, [что проявляется] в моей милости, но не смею также и пренебречь [своим] общественным долгом перед Поднебесной... Здесь имеются две трудности: [если] правдиво [указать] на ваши ошибки, чтобы попытаться их исправить, то боюсь, что пострадает [принцип] императорской милости; [если же] скрыть [это] и [ничего] не говорить, то ошибки приумножатся и усугубятся. Правдивость не потерпит этого. Это значит толкать вас на преступление... Поэтому я правдиво говорю о ваших ошибках, чтобы предостеречь вас, хотя [это] неизбежно встретит противодействие в ваших душах» [23, цз. 42, 678–679].

Это обращение свидетельствует о том, что правительство Чжу Ди, стоя перед альтернативой — закрыть глаза на произвол в уделах или же

пресекать его, идя тем самым на дальнейшее обострение отношений с ванами, выбрало последнее.

Однако из того же обращения явствует, что в середине 1405 г. императорский двор продолжал надеяться на взаимное урегулирование нараставшего конфликта. Цель обращения состояла не только в том, чтобы предостеречь удельных властителей, но и в том, чтобы попытаться ликвидировать конфликт. Ванам обещалось прощение за все их прошлые проступки в обмен на то, что они «исправятся», «уяснят намерения» двора и будут «искренне послушны» [23, цз. 42, 678–679].

Но поставленные цели оказались недостижимы. Обращение не дало ожидаемых результатов. Конфликт продолжал развиваться, что наглядно проявилось в «деле» Ци-вана 1405–1406 гг.

Ци-ван, подвергшийся гонениям при Чжу Юнь-вэне, после восстановления своего положения стал, по словам Ся Се, своевольничать больше прежнего [24, цз. 14, 650]. На него начали поступать жалобы от его подчиненных и местной администрации. Судя по некоторым письмам и сообщениям, двор был недоволен действиями вана, который самовольно вершил судебные и административные дела в уделе, принуждал население нести трудовые повинности в свою пользу, захватил полностью военный контроль над г. Цинчжоу (пров. Шаньдун), где находилась его резиденция, и вытеснил из города местные не подчиненные ему войска, приглашал к себе на службу иностранцев, самовольно ездил в пограничные районы страны для установления непосредственных контактов с заграницей, заменил девиз правления императора своей собственной подписью на официальных бумагах, распространял клеветнические слухи и провоцировал смуты, а также занимался ворожбой, обращаясь к «злым духам».

В связи с этим только в октябре 1405 г. Ци-вану было направлено три послания от императора с обвинениями и призывами исправить ошибки. Двор, в частности, беспокоило, что беззакония вана могут привести к расстройству местного хозяйства и даже народному восстанию: «Ныне, после опустошений, [принесенных] войной, народ еще только приходит в себя... Как же можно снова утруждать его?.. [Если так] будет и впредь, [подчиненное вану население] разбежится, а иногда могут возникнуть [даже] неприятные неожиданности. Тогда будет поздно раскаиваться!» [23, цз. 46, 712].

Послания императора не возымели действия. В последнем из них признавалось, что Ци-ван, «не зная никакого раскаяния, с каждым днем все больше дает себе волю, и [уговорами] невозможно пресечь [его] нечестивые замыслы» [23, цз. 47, 719]. Поэтому его вызвали в столицу. Не желая ехать туда, ван прислал письмо с просьбой о прощении [23, цз. 53, 792]. На деле же он не думал сдаваться. Тем не менее 7 июня 1406 г. ему пришлось прибыть в столицу.

Столичные сановники настаивали на принятии в отношении Ци-вана решительных санкций [23, цз. 54, 808]. Узнав об этом, он имел неосторожность публично сравнить сложившееся положение с временами Чжу Юнь-вэня, когда советники императора вели кампанию против удельных властителей. Тогда Чжу Ди дал приказ задержать Ци-вана, уволить в отставку всех подчиненных ему чиновников, расформировать его войска и освободить всех арестованных им в его уделе [23, цз. 54, 808]. Но на этом дело не кончилось.

К осени 1406 г. был составлен пространный перечень всех «преступлений» Ци-вана, и 8 октября он вместе со своим старшим сыном и наследником был разжалован в простолюдины и лишен удела [24, цз. 15, 658].

Этот шаг знаменовал собой подъем конфликтных отношений между правительством Чжу Ди и удельными властителями на новую ступень. Практически двор, лишая Ци-вана удела, прибег к тем же методам, которые практиковались и при Чжу Юнь-вэне. Нежелательные для нового правительства аналогии напрашивались сами собой. Недаром сам Ци-ван намекал на это, а Тань Цянь, комментируя изложенные события, писал: «Кое-кто из потомков не станет [в связи с этим] очень уж осуждать [времена] Цзяньвэнь» [16, цз. 14, 976]. В какой-то степени отмеченный шаг означал провал попыток правительства Чжу Ди наладить добрые отношения с ванами теми средствами, которые практиковались в первые годы после его прихода к власти.

Однако даже после разжалования Ци-вана и лишения его удела двор не пересмотрел своего принципиального курса на необходимость существования системы уделов в целом. Возвращения к политике предшествующего правительства в вопросе о ванах в дальнейшем не последовало. Таким образом, события 1406 г. ознаменовали собой лишь

высшую точку в первой стадии конфликта новых властей с уделами, нараставшего уже с 1403 г.

Ликвидация удела Ци-вана должна была послужить серьезным предупреждением остальным вана. Вместе с тем в столице опасались, чтобы такой поворот событий не вызвал противодействия других вана. Поэтому дважды — 29 июня и 12 октября — всем держателям уделов рассылались императорские послания, в которых излагались провинности и «изменнические дела» опального вана [23, цз. 55, 814, цз. 59, 855]. Это должно было послужить оправданием действий двора.

Дело Ци-вана в определенной мере коснулось и остальных удельных властителей. Освобождая арестованных в уделе Ци, правительство приказало выпустить также всех схваченных и задержанных в других владениях вана [23, цз. 54, 808]. Кроме того, указом от 10 марта 1406 г. в семи уделах было значительно сокращено число подчиненных вана чиновников [23, цз. 51, 766].

Период умеренных трений в отношениях двора с удельными властителями (1407–1411)

После расправы с Ци-ваном наступил сравнительно спокойный период в отношениях центральных властей с уделами. Он продолжался до 1412 г. В это время правительство не прибегало к сколько-нибудь серьезным санкциям против ванов. Исключением были лишь описанные выше меры против Минь-вана в феврале 1408 г. Но это было рецидивом разыгравшегося еще в 1403 г. столкновения, а не новым наступлением на удельных властителей. Следует, однако, иметь в виду, что и в этот спокойный период не произошло полного примирения двора с ванами. Разногласия между ними не были ликвидированы, они лишь на время утратили остроту. Столкновение интересов двора и ванов по целому ряду «мелких» вопросов продолжалось и в «спокойные» годы. Об этом свидетельствуют многочисленные письма и послания, в которых ванам предъявлялись самые разнообразные претензии.

Остановимся вкратце на основных вопросах, которые чаще всего служили предметом трений.

Как правило, камнем преткновения были проблемы юриспруденции в уделах. Правительство продолжало отстаивать следующую принципиальную позицию: «Округа и уезды [в уделах] должны подчиняться провинциальным правлениям (*бу чжэн сы*), [их дела] не должны иметь отношения к делам резиденций ванов» [23, цз. 83, 1113]. Однако постоянное вмешательство ванов, их чиновников и войск в местные дела было обыденным и до некоторой степени неизбежным явлением. В жалобах с мест и в письмах императорского двора в адрес ванов сообщается, что удельные властители и их подчиненные «своевольничают, нарушают законы, грабят и возмущают военный и гражданский люд» [23, цз. 18, 333–334, цз. 25, 449, цз. 34, 599, цз. 43, 683, цз. 46, 711, цз. 77, 1051, цз. 111, 1419]. В указах и посланиях двора требовалось пресечь подобные нарушения, наказать или выдать виновных имперским властям.

Местные власти зачастую оказывались бессильными перед произволом ванов. В связи с этим двор был вынужден дать следующее предписание: «Местным властям, которые должны исполнять [какие-либо] служебные обязанности, никак не разрешается подавать прошения [двору] о снятии с них ответственности [за их] заботы. Если дела резиденций ванов переплетаются с [делами местных властей], то тогда [нужно] посылать человека [в столицу] со срочным докладом. Тот, кто, не дождавшись ответа, будет самовольно действовать, будет рассматриваться как тяжкий преступник» [23, цз. 20 (II), 374]. Данная инструкция, однако, вряд ли могла помочь исправить общее положение, ибо, не разрешая передавать полномочия в пользу удельной администрации, она в то же время сковывала действия местных властей.

Императорский двор продолжал настаивать на своем праве быть верховным судьей в уделах. Ванам разрешалось вершить суд и расправу (и то на основе действующих в империи нормативов) лишь над офицерами и солдатами своих войск. Этот принцип был сформулирован в конце 1405 г. в связи с делом Ци-вана. Император писал: «Отныне и впредь совершившие преступление люди из охранных гарнизонов должны нести наказание согласно закону. Нарушители же не из резиденций ванов должны передаваться [на суд] местным властям, и резиденции ванов не должны вмешиваться [в эти дела]» [23, цз. 48, 730]. Но так как удельные властители сплошь да рядом преступали этот наказ, двору приходилось прибегать к наставлениям и выговорам.

Предметом столкновений центрального правительства с ванами были попытки последних поддерживать самостоятельные связи с зарубежными странами. Такие контакты не могли не настораживать двор. Император опасался, что удельные ваны смогут заручиться поддержкой за границей на случай открытого мятежа. Кроме того, как свидетельствует послание Чу-вану от 1 ноября 1406 г., в столице боялись, что своекорыстные поступки ванов в отношении иноземцев могут привести к обострению их отношений с Китаем [23, цз. 59, 860–861].

Требования прекратить дипломатические и торговые связи с чужими странами предъявлялись в 1406–1409 гг. Цзинь-вану, Чу-вану и дважды Су-вану [23, цз. 59, 860–861, цз. 77, 1041–1042, цз. 86, 1139, цз.

91, 1195]. Еще раньше аналогичные требования получал Ци-ван. Отстаивая свое монопольное право поддерживать сношения с иноземцами, центральное правительство предупреждало ванов, что зарубежные связи — «это дело, [которое] должно осуществляться между правителями [других] стран и Сыном Неба (императором. — *А. Б.*)» [23, цз. 86, 1139].

Постоянные трения вызывали также различные хозяйственные вопросы. Здесь, так же как и в административно-юридической области, центральная власть пыталась ограничить неизменное стремление ванов укреплять свои экономические позиции в уделах. Это служило сдерживанию сепаратистских тенденций удельных властителей. Ванам неоднократно запрещалось использовать в своих интересах местное население на отработочных повинностях, пользоваться казенным имуществом и денежными средствами. Местным властям, в свою очередь, вменялось в обязанность следить, чтобы подобные запреты не нарушались. Еще в мае 1403 г. был разослан следующий циркуляр: «Отныне без приказания двора не разрешается ванами в их резиденциях самовольно принуждать к отработочным повинностям ни одного военного или гражданского человека, а также [брать] из запасов ни одной монеты или вещи. Тот, кто позволит им это, будет оштрафован» [23, цз. 19, 346].

Однако достичь этого было весьма трудно. Наиболее часто в документах отражены нарушения ванами запретов на производство строительных работ у себя в уделах. Строительство новых дворцовых резиденций способствовало повышению авторитета местного владыки; сооружение крепостей и дорог повышало обороноспособность удела, которую могли использовать и против столичных властей. Ни то ни другое не отвечало интересам центрального правительства. Поэтому оно повсеместно старалось пресекать различное строительство в уделах по инициативе ванов [23, цз. 19, 344–345, цз. 20 (I), 354, 359]. Официально это мотивировалось нежелательным расходом на строительство «миллионных средств», «двойным отягощением народа трудом» и накоплением вследствие этого «недовольства против императорского двора» [23, цз. 20 (I), 354, 359]. Подобные аргументы также могли иметь реальные основания.

Большое недовольство двора вызывали акты произвола, чинимые в уделах в отношении торговли. Представление о характере подобных

нарушений дает письмо Чжоу-вану от 30 июля 1405 г.: «В последнее время на [торговом] пути из Бянь (Кайфын. — *А. Б.*) к Хуайхэ и далее к Янцзыцзяну стало пропадать много [товаров]. Люди из охранных гарнизонов моего брата захватывают военные и торговые корабли и, препровождая их в резиденцию вана, самовольно забирают зерно и другие товары. [Так было] не один раз. А в округах и уездах... чиновники [из резиденции вана] производят принудительные закупки (закупки по заниженным ценам. — *А. Б.*) чайного листа. Местные власти страдают от этого. Это недостойно для родственного удела!» [23, цз. 44, 690–691].

Из другого послания Чжоу-вану явствует, что его подчиненные захватили контроль над всеми торговыми компаниями в уделе [23, цз. 44, 692–693]. В нарушениях в торговле обвинялись и другие ваны [23, цз. 78, 1054]. Правительство протестовало против подобных действий.

Наконец, претензии императорского двора к ванам охватывали некоторые вопросы ритуала. Удельные властители получали выговоры за самочинное присвоение «неподобающих» титулов своей родне, неверное исполнение официальных обрядов, неуважительное отношение к посланцам из столицы и т. д. [23, цз. 86, 1145–1146, цз. 109, 1407, цз. 113, 1437]. На первый взгляд это может показаться мелочью. Но нужно учитывать, что ритуал и обрядность играли существенную роль в официальной жизни того времени. В тех или иных небрежностях в исполнении обрядов, принятии титулов и прочих мелочах могли проявляться претензии ванов к самовозвышению и их негативное отношение ко двору.

Все перечисленные трения и столкновения свидетельствуют о сохранении напряженности между центральным правительством и уделами. Простое количественное накопление взаимных претензий должно было оказывать непосредственное воздействие на отношение императорского двора к ванам в целом. В такой обстановке новое резкое обострение конфликта могло произойти в любой момент. Тот факт, что этого не случилось в течение нескольких лет, говорит об известном терпении центральных властей.

Нежелание правительства идти на дальнейший открытый конфликт с ванами сказалось и в переложении вины за те или иные беззакония в уделах на подчиненных вanam чиновников. Этот прием, дававший возможность обелить самих удельных властителей и сохранить внешне

хорошие отношения с ними, после 1406 г. получает все большее распространение [23, цз. 78, 1054, цз. 79, 1061, цз. 86, 1139–1140, цз. 113, 1437]. Двор даже выдвинул своеобразное теоретическое обоснование для подобного рода действий: «Ваны живут в глубинах дворцов. Разве могут они знать о всех делах, творимых [их] приближенными из недостойных людей вне [дворцовых стен]?» [23, цз. 78, 1054]. В связи с этим во многих «наставительных» указах после перечисления нарушений, вызвавших недовольство двора, дается заключение: «Это все дело [рук] подчиненных [вану] людей, не обязательно, чтобы это было намерением [самого] вана» [23, цз. 78, 1054].

«Виновные» соответственно подвергались наказанию, а репутация вана оставалась незапятнанной. Наиболее показателен случай, происшедший в апреле — мае 1408 г., когда после незаконной расправы Су-вана с местными солдатами были арестованы и доставлены в столицу в кандалах подчиненные ему чиновники [23, цз. 77, 1042].

Однако упомянутый прием не мог остановить приходившего в столкновение с интересами двора стремления властителей уделов к большей самостоятельности. Наоборот, он в какой-то мере даже облегчал их действия в данном направлении. Поэтому не удивительно, что правительство не могло долго ограничиваться подобным приемом.

Дальнейшее развитие конфликта между двором и уделами и попытки правительства Чжу Ди смягчить отношения с ванами (1412–1424)

Новое обострение отношений центра и уделов произошло после расформирования войск Ляо-вана в апреле 1412 г. Поводом к тому послужило, как указывается в источниках, совершенное ваном «преступление» [23, цз. 125, 1570]. Но в чем оно заключалось, не раскрывается.

В 1414 г. возникло дело Цзинь-вана. На последнего поступало много доносов с обвинениями в «изменнических планах». В связи с этим 3 февраля ему было направлено императорское послание с упреками [23, цз. 147, 1726]. Затем Цзинь-ван был вызван в столицу. В апреле он прибыл туда и сразу же был арестован. В письмах от имени императора, разосланных по этому поводу, говорилось либо прямо об измене Цзинь-вана, либо об обвинениях его в измене [23, цз. 149, 1741–1742, цз. 150, 1745]. 14 сентября ваном удела Цзинь был титулован один из его младших братьев [23, цз. 155, 1787]. Он же сам и его старший сын были разжалованы в простолюдины лишь 22 декабря [23, цз. 158, 1802]. Их направили в ссылку, где они жили в строжайшей изоляции. Есть также сведения, что под следствие было отдано около 500 офицеров и 1000 солдат из подчиненных ранее Цзинь-вану войск [23, цз. 162, 2399].

Как видим, правительство не пошло на ликвидацию удела Цзинь, а ограничилось лишь сменой в нем властителя.

1414 г. чуть не произошло разжалование И-вана. Император неоднократно обращался к нему с требованием прекратить различные правонарушения. Только его смерть, последовавшая к октябрю 1414 г., прервала дальнейшие распри с ним. Однако — сановники из Ведомства обрядов подали прошение о посмертном разжаловании его в простолюдины. Но император не пошел на это [23, цз. 156, 1793].

В 1415–1417 гг. обострились отношения между Чжу Ди и его сыновьями Хань-ваном и Чжао-ваном, получившими уделы уже при Чжу Ди, а не при Чжу Юань-чжане. Летом 1415 г. Хань-вану было

предписано перейти в другой удел — г. Цин-чжоу (пров. Шаньдун) [23, цз. 164, 1851]. Но он выставил контртребование: перевести туда весь штат его прежних чиновников. Двор отверг это условие, категорически потребовав от него немедленного переселения [23, цз. 174, 1916]. В сентябре 1416 г. в столице стало известно о самовольной вербовке Хань-ваном солдат [23, цз. 180, 1955]. Тогда против него были приняты решительные меры. Сначала отобрали всех на вербованных, а затем, в декабре того же года, вывели из подчинения вану два из трех его охранных гарнизонов. Последнее мотивировалось тем, что войска Хань-вана «грабят [население], частным образом производят оружие и тайно делают запасы [его], питая особые замыслы» [23, цз. 182, 1966]. Иначе говоря, речь шла о подготовке вооруженного мятежа.

Одновременно, осенью того же года, было значительно урезано жалованье Хань-вану, выдаваемое из казны [23, цз. 182, 1963]. Затем, на рубеже 1416–1417 гг., были уволены и сосланы подчиненные ему сановники Чэн Ши и Чжоу Сюань, а сыновья вана задержаны в Пекине в качестве заложников [23, цз. 186, 1994].

Все это не остановило Хань-вана. К апрелю 1417 г. в его уделе было снова обнаружено более 3 тыс. солдат, не учтенных Военным ведомством. Тогда же стало известно о захвате ваном земельных угодий у других владельцев, создании новых запасов оружия и военного снаряжения (в том числе постройке кораблей), убийстве посланного двором эмиссара и аресте приехавшего из центра сановника [23, цз. 186, 1994–1995].

В результате Хань-вана вызвали ко двору. Здесь ему предъявили обвинение из 10 пунктов, сняли с него приличествующую его сану одежду и посадили во дворце под надзором. В дальнейшем намечалось объявить о его разжаловании в простолюдины [23, цз. 186, 1995]. Но этого не случилось. 4 апреля 1417 г. был дан указ о новом перемещении Хань-вана в резиденцию в г. Лэань (пров. Шаньдун) [23, цз. 186, 1994].

В 1416 г. в связи с возникшими трениями на новое местожительство был переселен и Чжао-ван. А в ноябре этого же года последовал указ о снижении ему жалованья [23, цз. 182, 1963].

Начавшееся с 1412 г. обострение отношений между центральной властью и уделами достигло апогея в деле Гу-вана. В 1416 г. ко двору стали поступать сообщения из разных источников о подготовке Гу-ваном вооруженного выступления [23, цз. 178, 1942–1943].

Проведенный после этого опрос населения в г. Чанша подтвердил подозрения [23, цз. 178, 1944}. Ван был вызван ко двору, где признал выдвинутые против него обвинения [23, цз. 181, 1960].

В вину же ему прямо ставилась попытка узурпировать престол: «Ныне Гу-ван... затаил в сердце зло. [Он] считает, что небесный приказ [быть государем] можно добыть [самому], что великий трон можно получить силой... [Он] обманывал, что [якобы] государь Цзяньвэнь (Чжу Юнь-вэнь. — А. Б.) не умер, а присоединился к нему и хочет вместе с ним поднять восстание...» [23, цз. 181, 1961–1962]. Среди обвинений фигурировал подробный план подготовки мятежа и захвата императорского дворца в столице [23, цз. 181, 1961].

Закономерно поставить вопрос: готовил ли Гу-ван в действительности государственный переворот? Проверить это практически невозможно, ибо в многочисленных официальных и частных историях минского времени его дело передается примерно в одной и той же версии. Но на фоне описываемого накала противоречий между ванами и центральной властью возможность, что кто-либо из удельных властителей мог попытаться вновь разжечь междоусобную войну, выглядит вполне вероятной.

В январе 1417 г. войска, подчиненные Гу-вану, были растворены среди воинских соединений в различных концах страны [23, цз. 183, 1972]. Придворные сановники предлагали казнить мятежного вана. Но дело кончилось разжалованием Гу-вана в простолюдины и ликвидацией его удела [23, цз. 185, 1983, цз. 190, 2014].

Таким образом, правительство Чжу Ди снова, как и в 1406 г., прибегло к мерам воздействия, практиковавшимся в отношении удельных ванов при Чжу Юнь-вэне. Но и на этот раз подобный шаг не послужил сигналом к пересмотру основного направления политики в вопросе об уделах, дальнейшей их ликвидации не последовало. Центральная власть по-прежнему придерживалась принципиального курса на сохранение системы уделов и в то же время не отступала от методичного пресечения любых попыток ванов укрепить свою самостоятельность.

Подобная двойственность ярче всего проявилась в последние годы царствования Чжу Ди, т. е. после дела Гу-вана. Отношения между правительством и уделами в 1418–1423 гг. характеризуются, с одной

стороны, продолжением столкновений, а с другой — попыткой двора несколько сгладить противоречия.

Первая тенденция проявилась в делах Чжоу-вана, Аньдин-вана и Чжао-вана. Столкновение с Чжоу-ваном имело длительную предысторию. Еще в 1405 г. ему пришлось давать двору письменное обещание «исправить свои ошибки». В 1416 г. он был вынужден отказаться от права взимать торговый налог в г. Лояне. Через два года Чжоу-ван стал получать выговоры за различные провинности, а также предупреждения из столицы [23, цз. 47, 719, цз. 177, 1933, цз. 194, 2045, цз. 199, 2075–2076]. Все это завершилось обвинением его в 1420 г. в «коварных планах», т. е. в измене [23, цз. 230, 2229].

Весной следующего года Чжоу-ван был вызван в столицу на суд императора. Ввиду «раскаяния» ван был прощен. Ему разрешили вернуться в свой удел. Но по возвращении он «добровольно» передал под командование центральных властей свои войска, которые затем были переведены из его удела в Пекин [23, цз. 236. 2263, цз. 237, 2275]. Тем самым, при всей внешней завуалированности, столкновение закончилось лишением Чжоу-вана его военных полномочий.

В январе 1419 г. началось дело Аньдин-вана. Его обвинили в подготовке вооруженного путча. В источниках излагается план действия Аньдин-вана: захватить власть в Шэньси, узурпировать соседние уделы, в частности Цинь-вана и Цин-вана, укрепиться в горном проходе Тунгуань и после всего этого выступить против столицы [23, цз. 208, 2119]. В результате в феврале того же года Аньдин-вана вызвали ко двору, разжаловали в простолюдины и сослали. Одновременно были казнены 28 человек его бывших сановников, а остальные — высланы [23, цз. 208, 2119–2120].

Первые трения между правительством и Чжао-ваном, как отмечалось, проявились еще в 1416 г. К 1423 г., когда Чжу Ди был уже больным и управление государственными делами в значительной степени перешло к его старшему сыну и наследнику Чжу Гао-чи^[22], Чжао-ван стал готовить заговор против двора. Главная роль в этой подготовке принадлежала евнуху Ван Яню и офицерам из подчиненных Чжао-вану войск — Мэн Ся-ню и Пэн Сюю [23, цз. 259, 2379–2380]. Планировалось отравить старого императора, а затем, захватив с помощью верных войск дворец и правительственные учреждения, обнародовать подложное завещание Чжу Ди о смене наследника в

пользу Чжао-вана [23, цз. 259, 2380]. Как отмечается в источниках, заговорщикам удалось заручиться поддержкой «солдатских старейшин» (*лаоцзюнь*) в целом ряде воинских соединений, а также наладить связи со «знатными и приближенными» в столице [23, цз. 259, 2380].

Заговор выдал один из его участников. Чжао-ван предстал перед судом императора и высших сановников. Однако вина за организацию заговора была возложена на подчиненных вана, которые поплатились жизнью [23, цз. 259, 2381].

Вторая тенденция проявилась в частичной реабилитации ранее осужденных ванов. В июле 1418 г. был полностью восстановлен в правах Дай-ван. Ему вернули командование над войсками [23, цз. 199, 2079, цз. 20, 2086–2087]. В октябре 1423 г. император вознамерился реабилитировать Цзинь-вана. Но против этого выступили высшие столичные сановники и знать. В результате прощение и титул вана получил лишь разжалованный вместе с отцом старший сын Цзинь-вана. Самому же вану направили бумагу с похвалой за то, что он «исправляется» [23, цз. 262, 2397–2398]. Для этой тенденции характерен также и исход описанного выше дела Чжао-вана.

Однако в целом вторая тенденция в 1418–1423 гг. лишь начала осуществляться. Шаги в сторону восстановления положения опальных ванов не могли ни переселить, ни уравновесить преобладания в целом конфликтных отношений между центральной властью и уделами. Трудно сказать, какая бы из отмеченных тенденций возобладала в политике Чжу Ди в дальнейшем, если бы не его смерть 22 августа 1424 г. Вопрос о месте и значении уделов в жизни страны к этому моменту еще не был окончательно разрешен. Затянувшийся конфликт должен был неминуемо получить продолжение.

Заключительная стадия конфликта — попытка развязать новую междоусобную войну (мятеж Хань-вана)

Пришедшее на смену Чжу Ди правительство Чжу Гао-чи, в котором преобладающее влияние получили Ян Ши-ци и Ся Юань-цзи, предприняло попытку к сближению с властителями уделов. Двор в официальных бумагах подчеркивал стремление установить с ванами хорошие взаимоотношения: «Все мои дяди приблизились к идеалу [в занимаемом ими положении]... Я помню о них денно и ночью. Ведь правильное правление императора должно начаться с любви к родичам. Сейчас... [когда] я только-что унаследовал императорский престол, следует особенно обратить на это внимание» [20, цз. 2 (II), 55].

Чжу Гао-чи

5 октября 1424 г. было дано распоряжение прибавить всем вanam жалование, выплачиваемое казной [20, цз. 2 (II), 55]. В ноябре того же года были титулованы цинь-ванами и цзюнь-ванами еще более 30 отпрысков императорской фамилии [20, цз. 3 (I), 105–109]. Тем самым правительство продолжало расширять систему уделов.

Особое внимание уделялось налаживанию добрых отношений с братьями нового императора: Чжао-ваном и Хань-ваном. Почти сразу после прихода Чжу Гао-чи к власти им были в знак особого расположения направлены в подарок некоторые личные вещи умершего отца [16, цз. 18, 1218]. В начале 1425 г. они получили щедрые дары, сопровождавшиеся «милостивыми» посланиями императора [20, цз. 8 (II), 261–262].

Но шаги к сближению с ванами не подразумевали уступок их сепаратистским устремлениям. Комментируя общую направленность политики правительства Чжу Гао-чи по отношению к вanam, Ся Се писал: «Император со времени восшествия на престол великодушно и согласно этикету [обходил] со всеми уделами. Но закон запрещал какое-либо послабление [в отношении них]» [24, цз. 18, 779]. В этом плане характерны такие меры, как изъятие части войск из-под командования Чу-вана и Шу-вана, а также «добровольный» отказ Чжао-вана от своих войск весной 1425 г. [16, цз. 19, 1288; 24, цз. 18, 785]. Уместно также отметить, что тенденция к реабилитации опальных ванов, наметившаяся в последние годы царствования Чжу Ди, после его смерти не получила продолжения.

Дальнейшее развитие отношений правительства Чжу Гао-чи с уделами было прервано внезапной его смертью, последовавшей 29 мая 1425 г. Однако приход к власти его старшего сына и наследника Чжу Чжань-цзи практически не изменил наметившейся общей линии в политике. Двор по-прежнему не был склонен к обострению взаимоотношений с вanam. Например, в августе 1425 г. Дай-вану простили неуважительное наименование императора в одной из официальных бумаг [21, цз. 5, 130]. Император отверг неоднократные доносы на Цзинь-вана и Цин-вана [21, цз. 8, 217–219, цз. 9, 246–247, цз. 15, 398–399]. В апреле следующего года специальным указом было разрешено всем вanam самим выбирать себе жен (ранее это было прерогативой императора) [21, цз. 15, 392]. Именно с этого времени

удельные властители помимо отведенных им поместий начали получать земельные владения непосредственно от императора. Так, 30 июля 1425 г. Чжао-вану было подарено 80 цин земли (ок. 488 га) «под парк» [21, цз. 4, 99].

Несмотря на субъективное желание двора сгладить противоречия, конфликтные отношения с ванами не могли быть разрешены только путем одностороннего доброго отношения (причем в весьма ограниченных масштабах). Подспудная напряженность, грозившая взрывом, сохранялась. Таким взрывом явился мятеж Хань-вана в 1426 г.

Отношения Хань-вана со двором ухудшились еще в момент вступления Чжу Чжань-цзи на престол. В источниках говорится о попытке переворота, предпринятой ваном: «[Когда] Жэнь-цзун умер, Сюань-цзун поспешил на похороны [в Пекин] из Нанкина. [Хань-ван] Гао-сюй замыслил сделать засаду и перехватить [его] на дороге» [21, цз. 20, 521]. Далее сообщается, что этот план Хань-вану не удался лишь благодаря поспешности, с которой новый император выехал в Пекин.

После этого, как образно отмечается в источниках, не проходило ни одного дня без того, чтобы недовольный ван не предъявлял каких-либо требований двору и не выставлял возражений против политики правительства [21, цз. 20, 521]. В связи с этим в конце июля 1425 г. наследный принц удела Хань был вызван в столицу под «личный присмотр» императора, т. е. взят заложником [16, цз. 19, 1262].

Многочисленные устные и письменные предупреждения двору свидетельствовали о готовящемся в Лэане мятеже (21, цз. 20, 521–522; 24, цз. 19, 804). Возглавляли заговор кроме Чжу Гао-сюя военачальники Вэй Да, Вэй Хун, Вэй Син, Ван Юй, Шэн Цзянь, Ли Чжи, сановник Чжу Хэн и начальник шаньдунского военного управления в Цзинани Цзинь Жун [21, цз. 20, 522]. Было заранее намечено, кто после победы займет высокие посты в управленческом аппарате империи [24, цз. 19, 804]. К осени 1426 г. в уделе Хань было сформировано пять армий и четыре отдельных дозорных воинских соединения [16, цз. 19, 1289–1299].

Стратегический план мятежников предусматривал захват Цзинани, пополнение здесь военных резервов и последующее движение на Пекин [21, цз. 20, 522]. Хань-ван разослал своих доверенных в различные воинские гарнизоны страны и заручился поддержкой военных чинов в Тяньцзине, а также нескольких гарнизонов провинции Шаньси [16, цз. 19, 1298].

Получив данные о заговоре, правительство в начале сентября 1426 г. направило в Лэань дворцового евнуха Хоу Тая с предложением восстановить нормальные отношения. Всю вину за происходящее в уделе Хань предполагалось возложить на подчиненных вана [21, цз. 20, 522–523]. Но Хань-ван выдвинул требование: арестовать Ся Юань-цзи и других высших сановников в столице и прислать их для расправы в Лэань [24, цз. 19, 804]. 7 сентября сотник Чэнь Ган доставил в столицу послание Хань-вана, гласившее: «Император Жэнь-цзун был не прав в том, что нарушал порядки [времен] Хунъю и Юнлэ и передоверял гражданским сановникам [составление] указов о назначениях, титулованиях и подарках. [Нынешний] император [также] не прав... и совершает ошибочные поступки» [21, цз. 20, 523].

Через Чэнь Гана было также передано требование изгнать со службы нескольких высших сановников и казнить Ся Юань-цзи. Одновременно мятежный ван обратился с посланием к знати и чиновникам в столице, призывая расправиться с «коварными». Он писал, что уже двинул войска занять «жизненно важные позиции» для борьбы с этими «коварными» [21, цз. 20, 523].

Получив это послание, императорский двор обнародовал сообщение о мятеже Хань-вана [21, цз. 20, 524]. После проведения нескольких совещаний о методах борьбы с повстанцами было решено бросить против них сразу все войска, находившиеся в непосредственной близости от столицы. 11 сентября главные силы правительственной армии вместе с императорским поездом выступили в поход. В тот же день был обнародован манифест, объявлявший Хань-вана преступником [21, цз. 20, 531].

Еще до выступления часть столичных войск была двинута на соединение с хуайаньской армией [21, цз. 20, 525]. Это был весьма дальновидный шаг: Хань-вану отрезались возможности для продвижения или же отступления в богатые центрально — южные районы страны. В штабе мятежников выдвигалось предложение идти из Лэаня не на Пекин (с 1421 г. стал столицей страны), а на Нанкин. Но оно не было принято [16, цз. 19, 1302; 24, цз. 19, 805]. Тем не менее в столице своевременно учли возможность южного маневра неприятеля и приняли контрмеры.

Появление в Шаньдуне главных сил имперской армии повлияло на позицию местных властей в Цзинани. Они решительно встали на

сторону правительства, Цзинь Жун оказался в изоляции и не решился выступить. Мятежники в Лэане остались без поддержки. 21 сентября императорские войска подошли к городу и осадили его [21, цз. 20, 539]. В лагере повстанцев начался разлад. Одни предлагали принять бой и попытать военного счастья. Наиболее последовательным защитником этого мнения был Ван Бинь [21, цз. 20, 540–541]. Другие «хотели схватить Чжу Гао-сюя и выдать его» [21, цз. 20, 540].

Почувствовав непрочность своего положения, Хань-ван уже в первый же день осады ответил согласием на предложение двора сдаться [21, цз. 20, 540]. В ночь на 22 сентября он тайно перешел в правительственный лагерь, бросив своих сторонников на произвол судьбы [21, цз. 20, 541]. Вслед за тем императорские войска без боя вошли в город. Руководители повстанцев были схвачены. Началось следствие по делу о мятеже. В результате было казнено 640 участников мятежа (главным образом военных из Шаньдуна и Тяньцзиня), разжаловано по службе и сослано солдатами в пограничные районы около 1500 человек и просто сослано 727 человек [21, цз. 21, 553]. Хань-ван указом от 10 октября 1426 г. был разжалован в простолюдины [24, цз. 19, 808]. Его удел был ликвидирован, город Лэань переименован в Удинчжоу. Вана заточили в одном из уголков императорского дворцового комплекса в Пекине.

Последним отголоском дела Хань-вана было лишение титула и удела Цзинь-вана в мае 1427 г. Еще в октябре предшествующего года была установлена его связь с мятежниками, в частности было перехвачено его письмо Хань-вану, свидетельствовавшее о намерении выступить против правительства. После расследования всех деталей «измены» Цзинь-ван был сослан в Фэнъян, а оказывавшие ему поддержку чиновники — казнены [21, цз. 27, 703, 706–710].

В ходе следствия по делу Хань-вана выяснили также причастность Чжао-вана к подготовке мятежа. В связи с этим при дворе было выдвинуто предложение повернуть войска против него. Но в итоге ему было сделано лишь предупреждение [24, цз. 19, 807].

В назидательных целях 24 сентября 1426 г. во все уделы были направлены послания с изложением всей истории подавления мятежа [21, цз. 20, 542–544]. Кроме того, чтобы оправдать действия правительства в отношении Хань-вана, была составлена книга «Дун

чжэн цзи» («Записки о походе на Восток»), авторство которой официально приписывалось самому императору [24, цз. 19, 808].

Результаты политики императорского двора в отношении удельных властителей в первой четверти XV в.

Итак, мятеж Хань-вана закончился быстрой и довольно легкой победой центрального правительства. В чем причина того, что внешне схожие события — выступления мятежных ванов в 1399 и 1426 гг. — закончились столь по-разному? Объяснение этому лежит в существенном изменении соотношения сил между центральным правительством и удельными властителями, происшедшем с 1399 по 1426 г. Решающую роль здесь сыграла политика систематического ограничения сепаратистских устремлений ванов и ослабления их влияния, проводившаяся правительством Чжу Ди. Э. Фэрмер называет данную политику линией на «свертывание» (*downgrading*) силы и влияния держателей уделов [200, 8].

Действительно, в 1402–1424 гг. по отношению к 11 ванам были предприняты различные ограничительные меры: Ци-ван, Цзинь-ван, Гу-ван и Аньдин-ван были лишены титулов и уделов, Дай-ван, Минь-ван, Ляо-ван и Чжоу-ван — отстранены от командования войсками, Су-ван — лишен штата чиновников, Чжао-ван и Хань-ван — подвергнуты целому ряду ограничений. Почти все остальные удельные властители также испытывали постоянное давление двора в различных менее существенных столкновениях по тем или иным конкретным поводам. В результате, несмотря на отмеченную выше незавершенность конфликта к моменту смерти Чжу Ди, как политические, так и военные позиции удельных ванов оказались в значительной степени подорваны.

Оценивая изменения, происшедшие в положении держателей уделов в первой четверти XV в., Ч. Хакер отмечает, что ваны «более не осуществляли военного контроля, кроме контроля над небольшой по силе и численности охраной, и не могли теперь вмешиваться в дела гражданского, юридического или военного управления» [213, 41–42]. Еще более категорично мнение Ли Гуан-би, который считает, что результатом политики Чжу Ди в отношении уделов «явилось полное отстранение ванов от военной власти» [130, 35]. О степени такого отстранения можно спорить, но сам факт ослабления всей системы

уделов как силы, противостоящей императорскому правительству, не подлежит сомнению. При этом следует подчеркнуть, что подобные изменения произошли не автоматически, а вследствие целенаправленных усилий центральной власти.

Кроме того, при сравнении событий 1399 и 1426 гг. следует помнить, что Чжу Ди вступил в борьбу с центральным правительством в момент резкого обострения всего внутривластного положения в стране. За прошедшую с того времени четверть века острота внутренних противоречий во многом была сглажена благодаря политике правительства Чжу Ди (см. об этом гл. VI). Поэтому объективная обстановка, в которой происходил мятеж 1426 г., была отлична от условий, в которых выступил Чжу Ди, что в значительной мере предопределило исход борьбы. Но, говоря о причинах поражения Хань-вана, нельзя сбрасывать со счета и субъективные моменты. Это, прежде всего, быстрота и решительность действий правительства (мятеж был подавлен приблизительно за 20 дней), подсказанные опытом войны «Цзиннань», а также неорганизованность и стратегический просчет (отказ от похода на юг) сподвижников Хань-вана.

Мятеж 1426 г. предстает закономерным результатом почти не прекращавшегося в течение всей первой четверти XV в. конфликта между центральным правительством и удедами. Поражение мятежников окончательно решило эту затянувшуюся конфронтацию в пользу императорского двора. Оно еще более укрепило позиции центральной власти и ослабило ванов. Практически после 1426 г. удельные властители надолго перестали представлять серьезную внутривластическую проблему (новая попытка поднять мятеж относится лишь к 1519 г.). На дальнейшей утрате бывшего влияния ванов сказалось и такое явление, как естественное ослабление родственных уз в императорской фамилии. Младшие отпрыски правящего дома из поколения в поколение получали все меньшие степени знатности и права. По выражению У Ци-хуа, они постепенно превращались в бездельников без определенных полномочий [154, 15]. Постепенно они сосредоточивали все свои усилия на увеличении земельных владений и эксплуатации податного населения. Характеризуя сложившиеся к середине XV в. отношения среди императорских родичей, Ч. Хакер писал: «Привилегированное положение членов клана могло быть

использовано в социальном или экономическом плане, но оно не позволяло приблизиться к политической власти» [213, 42].

Подробный анализ дальнейшей трансформации положения ванов после 1426 г. выходит, однако, за рамки данного исследования. Здесь важно лишь подчеркнуть, что, несмотря на все заявления о намерении вернуться к «прежним порядкам» конца XIV в., правительство Чжу Ди уже вскоре после переворота 1402 г. было вынуждено практически вернуться к противоположной этим «порядкам» линии — всемерному ограничению силы и влияния удельных властителей.

Объяснение этому нужно искать не в отрицательных качествах того или иного вана или же индивидуальных склонностях Чжу Ди и лиц из его ближайшего окружения, а в объективных обстоятельствах, толкавших появившиеся уделы на путь сепаратизма, а усиливающуюся императорскую власть — на пресечение любых сепаратистских тенденций. Правда, теперь правительство действовало несколько иными, более мягкими, чем при Чжу Юнь-вэне в 1398–1399 гг., методами. В результате конфликт затянулся. Но конечным итогом было поражение держателей уделов в борьбе за сохранение контроля на местах. Определенной вехой этого можно считать разгром мятежа Хань-вана.

Таким образом, в первой четверти XV в. официально сохраняемый и поддерживаемый институт вассальных ванов полностью перестал играть ту роль, которую предназначал ему основатель династии, — служить военной и политической опорой власти императора.

Глава V

Роль и положение армии после войны

«Цзиннань»

Попытка правительства опереться на военную силу

Военные наместники

Чжу Ди пришел к власти в результате военной победы. Это обстоятельство должно было повести к усилению роли армии на внутривластной арене. В ходе боевых действий войска, ранее большей частью занятые сельскохозяйственным трудом в так называемых военных поселениях (*тун тянь*), превратились в активную и реальную силу. Возросло влияние генералов, находившихся в войсках, а не в управленческих учреждениях, как в мирное время. Значительно увеличилась и общая численность армии. Если в 1393 г. «столичные» войска (т. е. своего рода гвардейские части) насчитывали 29 тыс. солдат и офицеров, то в начале XV в. — уже 380 тыс., а всего близ столиц (Нанкина и Пекина) стояло около 800 тыс. воинов [105, 46; 206, 59]. Для сравнения отметим, что к 1393 г. вся имперская армия насчитывала немногим более 1 млн. солдат [105, 46].

Учитывая возросшую роль армии, новое правительство приняло меры к тому, чтобы солдаты и офицеры были верны и преданы ему. Прежде всего это проявилось в награждениях, которые были проведены в 1402–1404 гг. Награды выражались как в предоставлении материальных ценностей (денег, тканей, одежд, зерна, скота), так и в повышении по службе. Последнее влекло за собой увеличение жалованья и прочие привилегии. Подобные действия могли служить реальным средством для поддержания в армии нужных правительству настроений. Сама по себе практика выдачи наград победоносным войскам не была нова для Китая. Но в данных условиях, когда армия участвовала в разрешении вопроса о власти, а враг находился внутри страны, широкие дарения приобретали особый смысл. Это подтверждается и довольно длительным периодом их проведения.

Первые императорские распоряжения о наградах были отданы уже 18 и 19 июля 1402 г. [23, цз. 9 (II), 136–137]. Специальным указом от 22 июля награды обещались всем участвовавшим в войне на стороне Чжу Ди [23, цз. 9 (II), 139].

В сентябре 1402 г. были выработаны специальные нормы материального вознаграждения для офицерского состава. Они предусматривали выплату в среднем (так как была градация по чинам) по 50 лян серебра (1 кг 865 г), а также раздачу шелковых и других тканей, одежды и ассигнаций [23, цз. 11, 185–186].

О масштабах раздачи наград офицерам и генералам могут свидетельствовать данные по одному из пяти военных округов (Среднему), на которые подразделялась империя. 29 октября 1402 г. 961 генерал и офицер получили здесь по 60 динов ассигнациями и отрезу узорного шелка на три одежды, а 15 419 тысячников и сотников — такую же сумму в ассигнациях и узорного шелка на две одежды [23, цз. 12 (I), 193].

Массовые дарения офицерам действующей армии и военным чиновникам были произведены также указами от 30 сентября, 7 и 11 октября 1402 г. и 5 января 1404 г. [23, цз. 12 (I), 194–201, 212–213, цз. 12 (II), 217–219, цз. 25, 468–469]. Кроме того, в первые годы правления Чжу Ди отмечено много персональных повышений и награждений офицеров.

Некоторые воинские соединения и группировки получали повышения своего статуса, а некоторые — повышение в чинах всего личного состава. Так, в июле 1402 г. войска бывших «охранных гарнизонов» удела Янь были преобразованы в императорскую гвардию, а в апреле следующего года повышение в чине получили все солдаты и офицеры, участвовавшие во взятии Нанкина [23, цз. 9 (II), 136, цз. 18, 321]. Одновременно предписывалось повысить по службе всех военных, до которых еще не дошла очередь на поощрения [23, цз. 18, 321].

В результате к середине 1403 г. награды и повышения получили все войска, участвовавшие в войне «Цзиннань» на стороне Чжу Ди. Не были забыты даже нерегулярные части. В начале 1403 г. двору сообщалось: «Все люди из областей, [прилегающих к] Пекину, Баодину и Юнпину, ранее взятые в армию, ходившие с войсками в походы и имевшие заслуги, получили титулы и награды» [23, цз. 15, 286].

В конце 1404 г. правительство Чжу Ди распространило свою милость и на войска бывшего противника: 2 декабря были утверждены нормы вознаграждения командного состава воинских соединений, которые сдались без сопротивления во время войны [23, цз. 35, 616–

617]. К этой категории могут быть отнесены все правительственные войска, прекратившие сопротивление к июлю 1402 г. Данное мероприятие Чжу Ди свидетельствует о том, что к концу 1404 г. правительство уже рассчитывало на поддержку не только бывшей Северной армии, но и всех воинских сил.

В этой связи нужно сказать, что процесс слияния двух прежде противостоящих друг другу армий проходил в начале XV в. без особых осложнений. В источниках не зафиксировано каких-либо острых коллизий на этой почве. Однако отдельные данные позволяют прийти к заключению, что в первые годы после прихода к власти Чжу Ди произвел некоторую перестановку военного командования, не затрагивая солдат старой армии. В декабре 1402 г. были восстановлены в прежних чинах все военные, разжалованные при Чжу Юнь-вэне [23, цз. 14, 259]. Это увеличивало число верных Чжу Ди офицеров. Вместе с тем в течение 1403–1405 гг. с высших командных постов постепенно были убраны некоторые генералы, ранее сражавшиеся против северян: Шэн Юн, Мэй Инь, Гэн Бин-вэнь, Ли Цзин-лун, а также начальник Военного ведомства Жу Чан.

Перестановки в армейских верхах наряду с наградами, а также такими предпринятыми в первые годы после победы мерами, как амнистия беглым солдатам, снятие налоговой задолженности с «военных дворов», демобилизация старых людей, облегчение условий набора в солдаты (подробнее см. ниже), были призваны укрепить позиции нового правительства в армии. Опираясь же на армию, правительство Чжу Ди могло рассчитывать на упрочение своей власти в целом. Вопрос о внутренней опоре должен был стоять довольно остро для группировки, пришедшей к власти насильственным путем. Отказ от поисков поддержки со стороны удельных властителей делал проблему еще более насущной. Поэтому было вполне логично ожидать, что правительство попытается найти опору в армии. В этом плане можно проследить некоторые интересные моменты.

Следует обратить внимание на насаждение Чжу Ди с первых же месяцев своего правления института военных наместников (*чжэнь шоу*) в различных провинциях и районах страны. Уже в августе 1402 г. наместниками были назначены: Чжао Цин — в район Фэнъяна, Юань Юй — в Сычуань и Юньнань, У Гао — в Хэнань и Шэньси [23, цз. 10 (II), 162, 168, 169]. Вскоре функции Юань Юя в Юньнани перешли к

Ван Цзоу, а затем к Му Шэну. В последующие годы военными наместниками были Ли Бинь — в Гуандуне, Хань Гуань — в Гуанси, Сун Шэн — в Ганьсу, Мэн Шань — в Ляодуне, Гу Чэн — в Гуй-чжоу, Тань Цин — в районе г. Ичжэня в Чжэцзяне. Назначения новых наместников и перемещения старых имели место до последних лет правления Чжу Ди. В разное время и в разных провинциях и районах ими были Фэй Сянь, Лю Цзянь, Лян Фу, Чжу Жун, Сун Ху, Чжао И, Лю Цзин, Хуан Сюань, Цзао Дэ, Ли Жань, Ли Шэн, Фэй Цзянь, Цзюнь Хао, Ши Вэнь и др.

Должности военных наместников не предусматривались структурой военной власти, установленной при Чжу Юань-чжане. Их задачи формулировались в официальных документах следующим образом. Чжао Цину предписывалось «командовать [войсками], привести их в порядок, полностью умиротворить и успокоить население» [23, цз. 10 (II), 162]. Юань Юю приказывалось «командовать [войсками], привести их в порядок и полностью умиротворить весь край» [23, цз. 10 (II), 168]. В упомянутом в предшествующей главе письме императора Минь-вану прямо говорилось, что Юань Юй может решать на месте «все дела». Ли Биню же вменялось в обязанности просто «контролировать» вверенную ему провинцию [23, цз. 31, 556]. Упомянутое приведение войск «в порядок» означало, как следует из поставленных задач, не просто пополнение рядов, вооружение и т. д., но обеспечение преданности местных гарнизонов правительству Чжу Ди. Опираясь на эти войска, военные наместники должны были затем добиться «умиротворения всего края», т. е. распространения стабильной власти нового правительства во вверенных провинциях и районах. Таким образом армия непосредственно использовалась как инструмент для укрепления положения нового правительства.

Функции военных наместников в известной мере дублировали полномочия удельных ванов. Наместники были даже в более выгодном положении, чем ваны. Если ваны получали функции главнокомандующего местными военными силами лишь в случае войны, то наместники обладали такими полномочиями постоянно в мирное время. Тем самым, учреждая институт наместников, Чжу Ди получил своеобразную замену удельным ванам. При этом он преследовал те же цели, что и Чжу Юань-чжан, учреждая систему

уделов, — укрепить свою власть в стране. Наместники выступали также определенным противовесом по отношению к ванам. Это отчетливо прослеживается на примере описанного в предыдущей главе столкновения между Минь-ваном, с одной стороны, и Юань Юем, а позже Му Шэ-ном — с другой. Отмеченные функции военных наместников представляются вполне созвучными с общей политикой Чжу Ди по отношению к удельным властителям. При этом следует учитывать, что наместники контролировали значительную часть территории страны. Все это свидетельствует о том, что создание института наместников является важным внутривластным шагом нового правительства.

Вместе с тем, получая широкие полномочия и являясь проводниками на местах воли императорского двора, военные наместники должны были служить определенным противовесом и местной администрации.

Естественно, что лица, получавшие посты военных наместников, должны были пользоваться полным доверием императора. О существовании такого доверия позволяет судить следующий факт. В ноябре 1404 г. от цензоров поступило серьезное обвинение Сун Шэна в «превышении власти». Реакция двора была весьма показательна. Император ответил на это обвинение: «Человек, который служит, не сможет добиться успеха, не сосредоточив [в своих руках] власти. Разве можно генералу, которому доверена оборона границ, быть полностью связанным писаными установками? Ныне следует разъяснить Сун Шэну [мои] слова, чтобы рассеять его сомнения [в моем к нему отношении]» [23, цз. 35, 611].

Менее существенные, с точки зрения центральной власти, правонарушения, чинимые военными наместниками, — притеснение местных гражданских властей и населения, использование своего положения для личного обогащения и так далее — неизменно встречали снисходительное отношение императора. В лучшем случае провинившемуся направлялось письменное предостережение. Но часто на жалобы местных властей и цензоров по поводу действий военных наместников накладывались резолюции о прощении без какой-либо мотивировки. Так было в случаях с жалобами на Юань Юя и Ван Цзоу в 1403 г., на Тань Цина в 1407 г., на Чжао И в 1418 г. и на Чжу Жуна в

1422 г. [23, цз. 24, 435–436, цз. 25, 465, цз. 72, 1010, цз. 202, 2093, цз. 245, 2305].

Таким образом, Чжу Ди не только не боялся сосредоточения власти в руках наместников, но допускал даже нарушение ими установленных норм, что категорически запрещалось удельным ванам. Подобное доверие может быть объяснено неофициальным характером полномочий военных наместников. Юридически, т. е. по существовавшим нормам управления, их положение не было закреплено. Они выступали как личные эмиссары императора и без его поддержки вряд ли могли бы противостоять местным властям. В этом было их существенное отличие от всесильных местных военных командующих (*цзеду-ши*) в VIII–IX вв. и при монгольской власти в Китае.

Возможность сосредоточения сепаратистских сил вокруг военных наместников снижалась кроме всего прочего и отсутствием у них того социального престижа, которым обладали, например, удельные ваны. Если учитывать общественную психологию того времени, то это обстоятельство также должно было снижать беспокойство центральных властей относительно действий своих эмиссаров в провинции.

Император, однако, не упускал из виду контроля за наместниками: от них требовались сообщения в центр о положении дел, они вызывались для аудиенций в столицу, им посылались подарки с напоминанием о монаршей милости. В случае надобности император мог ограничить полномочия наместника, что было сделано, например, с Сун Ху в Шэньси [23, цз. 69, 975]. Наместников переводили из одних районов в Другие. В случае же открытого неповиновения император просто смещал их. Так было, например, с У Гао в декабре 1414 г., когда он не явился по вызову в столицу и не привел свои войска в ставку при подготовке похода в Монголию [23, цз. 157, 1799–1800]. Но подобных случаев было немного. В целом институт военных наместников в начале XV в. оставался послушным орудием императорской власти в провинциях.

О том, что Чжу Ди использовал армию для укрепления своего господства в стране, свидетельствует и такой шаг, как отвод в 1403 г. части войск с северо-западных рубежей во внутренние районы страны. Это отнюдь не объяснялось уменьшением внешней опасности: монгольские набеги в пограничной полосе продолжались. Отмечая, что

официальная причина отвода сводилась к трудности успешной обороны эвакуированных районов, Н. П. Свистунова между тем высказывает предположение и о других побудительных мотивах. Она предполагает, что в принятии такого решения сыграло роль стремление Чжу Ди «сконцентрировать как можно больше сил внутри страны, а не распылять их и на борьбу с внешним врагом» [107, 186]. Цель этого вполне ясна: на первых порах спокойствие на «внутреннем фронте» было для правительства Чжу Ди не менее важно, чем оборона границ.

Со времени правления Чжу Ди широкое распространение получила практика привлечения иноплеменных воинских отрядов (главным образом монгольской конницы) для службы во внутренних районах Китая [25, цз. 60, 1151]. Эти своего рода наемные войска, служившие непосредственно императорскому двору, могли быть в любой момент легко использованы на внутривластной арене.

Сохранилось любопытное свидетельство, которое может быть истолковано в пользу усиления военной администрации на местах в первые годы царствования Чжу Ди. В мае 1403 г. цензоры из провинции Фуцзянь сообщили в столицу, что между местными гражданскими и военными властями существуют противоречия, и поэтому государственные дела они пытаются перекладывать друг на друга, вызывая взаимное озлобление [23, цз. 19, 349]. Примечательно здесь то, что, судя по докладу, одни и те же административные дела решались и военными и гражданскими чиновниками, хотя круг обязанностей тех и других не должен был переплетаться. Но еще большее внимание заслуживает реакция императора на полученный доклад: в Фуцзянь была направлена реляция с призывом к гражданской и военной администрации согласовывать свои действия, в равной мере подчиняясь предписаниям центра [23, цз. 19, 349–350]. Здесь можно усмотреть определенное нарушение принципа приоритета гражданской власти, столь характерного для традиционной китайской системы управления.

Косвенным подтверждением усиления позиций военных на местах могут служить участвовавшие в начале XV в. доклады провинциальных властей и цензоров о различных злоупотреблениях и нарушениях законов со стороны отдельных военных чинов, начиная от военных наместников и кончая младшими офицерами.

Перечисленные выше моменты позволяют предположить, что правительство Чжу Ди в первые годы своего существования пыталось опереться на армию для упрочения своего положения. Однако, судя по всему, такая ориентация была весьма кратковременной. Признаки ее перемены достаточно ясно обнаруживаются уже в 1405 г. Так, императорский манифест от 14 февраля, обращенный ко всем военным чинам, в частности, гласил: «Государство держит войска для того, чтобы обороняться от врага и защищать народ, а не для того, чтобы с их помощью управлять [страной]. Вы, умиротворяющие вассальные края или же обороняющие [наши] границы, должны действовать, прилагая все свои силы и преданность, [но] блюдите законы... [Относитесь] к этому [наказу] уважительно, помните о нем, не нарушайте моих наставлений» [23, цз. 38, 641–642].

Весьма характерно, что появление этого документа не связывается источниками с реакцией правительства на какой-либо определенный инцидент — нарушение закона, дисциплины и т. п. Скорее всего это было следствием продуманной переориентации правительства в вопросе о роли армии во внутренних делах. Если сравнить данный манифест с изложенной выше реакцией двора на доклад из Фуцзяни в мае 1403 г., то перемена позиции предстанет довольно контрастно.

К 1405 г. резко сокращается и число материальных наград войскам, имевшее место в предшествующие годы. Последняя массовая раздача наград зафиксирована в январе 1405 г. Затем их становится значительно меньше, а после 1406 г. они практикуются исключительно лишь в связи с предпринимаемыми при Чжу Ди крупными военными походами.

После 1405 г. в действиях правительства Чжу Ди трудно усмотреть какое-либо особое внимание к армии как инструменту внутренней политики, за исключением использования солдат при подавлении народных движений — обычного явления в истории обществ с антагонистическими классами. Правление после отмеченного рубежа становится ординарно китайским по своим методам — традиционному преобладанию гражданской администрации над военной властью. Известным исключением в данном плане можно считать лишь военных наместников, продолжавших сохранять свои позиции. Но перед ними больше уже не ставилась конкретная задача «умиротворять и успокаивать» народ и армию. Если абстрагироваться от противопоставления наместников ванам, то в условиях, пришедших на

смену неустойчивости первых лет после окончания войны, военные наместники должны были оберегать двор скорее от потенциальной, нежели реальной опасности. Поэтому их наличие не меняло общей картины преобладания гражданского управления.

Чем была вызвана подобная переориентация правительства? Причины этого весьма неоднородны. Во-первых, к 1405 г. положение в стране достаточно стабилизировалось. Резких проявлений внутренней оппозиции новому режиму, которых можно было ожидать после столь бурных событий на рубеже XIV–XV вв., не последовало. Позиции правительства Чжу Ди значительно окрепли. Разветвленный бюрократический аппарат в целом не выходил из подчинения. Народные массы сохраняли спокойствие. Поэтому сама насущная необходимость применения военного давления внутри государства в значительной степени ослабла.

Во-вторых, изменилось внешнеполитическое положение страны. В 1404–1405 гг. резко обострились отношения Китая с державой Тимура. По-прежнему существовала угроза нового монгольского вторжения. Вновь, как и в 60–70-х годах XIV в., оживились действия так называемых японских пиратов (отрядов из лиц японского, корейского и китайского происхождения, контролируемых феодалами Южной Японии и занимавшихся торговлей и грабежами) у морского побережья страны. Все это вызывало необходимость использовать армию по ее прямому назначению — для борьбы с внешней опасностью.

Кроме того, общее укрепление позиций правительства Чжу Ди к 1405 г. повлекло за собой стремление выйти на широкую мировую арену и поставить внешнеполитические успехи на службу дальнейшей стабилизации внутреннего положения. Это проявилось в серии крупных морских экспедиций в зарубежные края, одной из целей которых было продемонстрировать военную мощь Китая (1405), а также во вторжении во Вьетнам (1406–1407). Такого рода внешнеполитическая активность также требовала привлечения усилий армии.

Наконец, в-третьих, специфические организационные черты и социальное положение китайской армии описываемого времени не давали возможности императору рассчитывать на нее как на прочную и постоянную опору внутри страны. В конце XIV — начале XV в. китайская армия не представляла собой целостного организма,

имеющего стройную структуру и регулируемого едиными правилами. Внутри нее существовали различные категории войск, отличавшихся друг от друга по своему положению. Помимо того, что войска делились на столичные, расквартированные во внутренних районах и пограничные, был целый ряд делений, обусловленных конкретно-историческими мотивами. В особые категории выделялись солдаты и офицеры, сражавшиеся на стороне Чжу Юань-чжана в годы становления династии Мин, подразделения, «присоединившиеся» к Чжу Юань-чжану, участвовавшие в войне «Цзиннань» на стороне Чжу Ди, «сдавшиеся» воинские соединения бывших противников последнего. Различные категории составляли и новобранцы, способы набора которых в армию не были одинаковыми.

Одни категории пользовались большими привилегиями (столичные и сражавшиеся на стороне Чжу Юань-чжана и Чжу Ди), другие — меньшими. Такое положение должно было вызывать соответственно различные настроения в военной среде. Поэтому рассчитывать на армию как на единую внутриполитическую силу не приходилось.

Минская армия была организована по сословному принципу. Она комплектовалась не посредством общих рекрутских наборов, а из особой категории населения — военного сословия (*цзюнь чжи* или же *цзюнь ху*). Военный статус людей, приписанных к этой категории с помощью особых кадастровых списков, был неотъемлемым и наследственным. В первые годы династии Мин это сословие составляло примерно 2 млн. дворов [206, 59]. «Военные дворы» получали земельные наделы и были обязаны платить налог зерном (основной) и налог предметами домашнего ремесла, а кроме того, выделять определенное число «основных» и «вспомогательных» рекрутов, иметь для них «сменщиков» и принимать участие в снабжении отправляемых на службу питанием и обмундированием. Такой порядок ставил «военные дворы» в более трудное положение, чем гражданское население. Хэ Бин-ди, например, называет военное сословие «самой угнетенной социальной группой» в Китае [206, 61]. Солдаты, служившие в армии, как правило, подвергались эксплуатации со стороны своего начальства (подробнее см. ниже). В связи с этим в период Мин прослеживается постоянное стремление «военных дворов» перейти в гражданские сословия [122, 32]. Поэтому вполне очевидно,

что правительство не могло получить надежной поддержки со стороны армейских низов. Опорой могли быть лишь командные кадры.

Однако социальная приниженность военного сословия отражалась и на положении офицеров и военных сановников. Армейская иерархия была четко обособлена от гражданской. Для проникновения из первой во вторую существовали определенные препятствия. Военная власть не получала легальных возможностей для преобладания над гражданской. Материальные льготы, предоставлявшиеся государством военным, были меньше, чем прочим. Законы предусматривали более тяжкие наказания лиц военного сословия по сравнению с совершившими одинаковое правонарушение гражданскими и прочие юридические ограничения военных. По глубокой, устоявшейся в веках традиции воинская служба не считалась в Китае почетной, приоритет отдавался гражданской. Исключение составляла лишь титулованная военная знать. Но ее привилегированное положение было, как правило, не следствием военной карьеры. Наоборот, высшие военные чины присваивались лишь лицам аристократического происхождения или за особые заслуги и в результате благоволения императора. Военные должности, таким образом, служили лишь дополнением к их высокому социальному положению. Эта привилегированная прослойка была немногочисленна. Основной же состав командных кадров в силу специфики своего статуса вряд ли мог служить прочной опорой правительству.

Перечисленные причины показывают, что армия в условиях Китая того времени могла быть лишь частичной и относительной опорой императорского двора. Поэтому стремление правительства Чжу Ди в первые годы после захвата власти искать поддержки в армии было временным явлением, порожденным специфическими послевоенными условиями.

Комплектование, обучение и поддержание боеготовности армии во времена Чжу Ди

Вне зависимости от своих расчетов использовать армию на внутривластной и внешнеполитической арене правительству Чжу Ди пришлось столкнуться с такими извечными для феодального Китая проблемами, как комплектование и обучение войск, защита границ империи, обеспечение солдат. Рассмотрим подробнее, как решались эти задачи в первой четверти XV в.

Вопрос о пополнении армии встал перед новыми властями сразу же по окончании войны «Цзиннань». В указе от 26 августа 1402 г. признавалось: «Во времена Цзяньвэнь в Поднебесной было много [солдат], бежавших [из рядов] правительственных войск. Так как начальники различных гарнизонов^[23] не разыскивали [беглецов], гарнизоны не укомплектованы» [23, цз. 10 (II), 172–173].

Причиной бегства, как открыто сообщалось в официальных документах, служило тяжелое материальное положение солдат и «военных дворов». Однако власти изображали это не как постоянное явление, а как результат «плохой» политики в период правления Чжу Юнь-вэня. Например, в обращении к беглым солдатам от 15 сентября 1404 г. говорилось: «Во времена Цзяньвэнь вы были обременены тяжелыми и беспорядочными повинностями, не смогли вынести [этого] и бежали» [23, цз. 33, 586]. В действительности бегство солдат со службы наблюдалось как до, так и после 1402 г. Об этом свидетельствует распоряжение от 30 октября 1402 г., грозившее различными карами тем военачальникам, которые не смогут приостановить бегство из своих подразделений. За каждого дезертира предписывалось снижать командиру жалованье наполовину, за 10 беглецов — вообще лишать жалованья, за 30 и более беглецов — офицеров понижали в чинах [23, цз. 13, 229].

Уже через полтора месяца после прихода к власти правительство начало направлять специальных эмиссаров на розыски беглых солдат и «военного люда». 15 сентября 1402 г. объявили амнистию всем дезертировавшим во время войны [23, цз. 11, 187]. Призывы «вернуться к своим прежним занятиям» и обещания «прощения», обращенные к

беглым солдатам, многократно повторялись и в последующие годы. В случае неповиновения «шайкам» беглецов грозили карательными походами. Эмиссары, разыскивающие дезертиров, были направлены даже в Корею и Монголию.

Трудно судить, насколько эффективными оказывались такие призывы, однако в некоторых случаях они имели успех. Например, тысячнику Ван Дэ-мину удалось вернуть на службу в Ляо-дун 10 525 солдат и членов их семей, ранее бежавших в Корею [23, цз. 20 (II), 375]. Сведения же о возвращении более мелких групп беглых солдат (по несколько сотен человек) неоднократно встречаются в источниках вплоть до конца 1406 г. [23, цз. 60, 872].

Однако решить проблему пополнения армии только за счет возвращения дезертиров было невозможно. Кроме того, в задачу правительства Чжу Ди, планировавшего перейти к активной внешней политике, входило не восполнение воинских рядов в прежнем составе, а увеличение численности армии. Отсюда упомянутый указ от 26 августа 1402 г. предписывал приступить не только к розыску беглецов, но и вербовке новобранцев. Командующим, которые в ближайшие год-полтора не доведут число солдат до требуемой нормы, грозили наказанием [23, цз. 10 (II), 173].

После специального обсуждения при дворе 6 января 1403 г. был утвержден порядок набора в солдаты. В целом он мало чем отличался от существовавшего в конце XIV в. Предусматривалось, что поочередную службу в «основных солдатах» будет нести один человек от каждого двора военного сословия, где было трое и более взрослых мужчин. Если «основной» выбывал из рядов, его полагалось заменить «запасными» из тех же «военных дворов». В отличие от прежде существовавшего порядка было решено освободить от службы в «основных солдатах» те «военные дворы», где было лишь по одному взрослому мужчине [23, цз. 15, 278].

В дополнение к этому в июне 1403 г. было дано предписание отпускать в родные места солдат старше 60 лет, выплачивая им определенное вознаграждение за службу, а на смену им присылать новобранцев [23, цз. 21, 377].

Интересно отметить, что развернувшийся в конце 1402-: начале 1403 г. набор рекрутов вызвал усиление бегства военного люда. Пекинский сановник Го Цзы докладывал двору: «Умерших и больных

[солдат] заменяют взятыми из [военных] дворов взрослыми мужчинами [в порядке] повинности. Поэтому народ пребывает в смятении. Доходит до того, что [целые] дворы бросают землю и бегут в беспорядке» [23, цз. 15, 286].

Чтобы пополнить армию, власти не чурались привлекать на военную службу людей, совершивших преступление или преследуемых законом. Особая статья уголовного кодекса предусматривала возможность такого наказания, как ссылка преступника в солдаты в пограничные районы. Императорский указ от 22 ноября 1402 г. определял, за какие провинности можно прибегать к подобной ссылке [23, цз. 13, 246]. Такая практика, приравнивавшая службу в пограничных войсках к уголовному наказанию, не могла благотворно влиять на дееспособность армии.

Пополняя и увеличивая войска, правительство думало и об их обучении. Общая установка в данном направлении хорошо сформулирована в следующем предписании двора: «Тем, кто [поддерживает] спокойствие в Поднебесной, ни на один день нельзя забывать о военной готовности. Поэтому солдаты должны быть обученными, оружие — отточенным, а ряды — дисциплинированными» [23, цз. 170, 1898]. С этой целью в начале XV в. неоднократно проводились учения различных воинских соединений. Особенно крупные маневры намечалось провести в декабре 1416 г. В них должны были принять участие почти все войска, расквартированные в северных и северо-западных провинциях страны. Результаты учений предписывалось впоследствии проверить на специальных испытаниях [23, цз. 170, 1898].

Однако поддержание боевой готовности войск наталкивалось на немалые трудности. В этом плане весьма характерен доклад сановника Ван До, направленного двором в Шаньдун. Он сообщал: «Тяглый люд, который [служит источником] пополнения воинских частей различных гарнизонов Шаньдуна, не обучен военному искусству, ибо командиры считают, что, поскольку в Поднебесной сейчас мир, не время браться за оружие» [23, цз. 116, 1476–1477]. Докладчик считал такое положение ненормальным. Он предлагал выделять офицеров для обучения как уже служащих солдат, так и рекрутов, а кроме того, после окончания сезона полевых работ проводить военное обучение мужчин, приписанных к военному сословию. Императорский двор со вниманием отнесся к этим

предложениям и поручил Ведомству обрядов проследить за их выполнением [23, цз. 116, 1477].

Особое внимание новое правительство обратило на подготовку младших офицерских кадров. По существовавшему порядку звания и должности командиров, исключая высших, передавались по наследству. Таким образом, офицеры, приходявшие на смену своим отцам и старшим братьям, зачастую оказывались не готовыми к исполнению своих обязанностей, а свою должность рассматривали как источник получения жалованья [23, цз. 71, 998, цз. 76, 1039]. Правительство весьма решительно пыталось бороться с этим. Первоначально было предписано устроить специальные испытания для офицеров и всех, не выдержавших их, ссылать солдатами в захваченные районы Вьетнама, где не утихало сопротивление народных масс [23, цз. 71, 998]. Затем повелевалось ввести принудительное обучение наследников офицерских званий военному делу, а нерадивых отправлять на три года в солдаты [23, цз. 76, 1039–1040]. А в конце 1412 г. возобладала система экономического давления: наследники офицерских званий, не выдерживавшие предлагаемого испытания, лишались половины жалованья. Через два года им повторно устраивали испытания и в случае провала вообще лишали их жалованья. А еще через два года не выдержавших испытания увольняли со службы [23, цз. 134, 1638].

Однако и это нововведение не решало окончательно рассматриваемой проблемы, ибо обучение офицеров, получавших должности по наследству, оставалось в последующие годы предметом, вызывавшим тревогу двора. Но забота о подготовке офицеров была не главной трудностью на пути поддержания боеспособности войск. Основным препятствием на этом пути являлось систематическое отвлечение значительной части солдат для сельскохозяйственных работ. Это связано с вопросами снабжения армии и поэтому будет подробно рассмотрено несколько ниже. Здесь же важно отметить внимание правительства к обучению армии, абстрагируясь пока от результатов стараний в данной области.

Предметом особой заботы правительства всегда оставалась оборона границ. Еще 24 ноября 1402 г. всем генералам пограничных районов было приказано строго следить за постоянной готовностью войск к обороне [23, цз. 13, 246]. В дальнейшем подобные указы командующим различными соединениями войск в пограничных

районах отдавались довольно часто и инспирировались вполне реальными мотивами: сосредоточением сил иноземцев, данными разведки, участвовавшими набегами, обострением дипломатических отношений и т. д.

Стратегия правительства Чжу Ди на границах империи, особенно на севере и северо-западе страны — рубежах, представлявших главную военную опасность для Китая того времени, заключалась в сочетании оборонительных и наступательных мероприятий. В 1402 г., когда группировка Чжу Ди чувствовала себя недостаточно прочно в самом Китае, вопрос о наступательных действиях еще не стоял. Отсюда появление указа от 24 ноября. Но уже вскоре правительство высказало намерение начать наступательные действия на границах. Об этом свидетельствует указ от 12 августа 1403 г.: «Все генералы, охраняющие границы, должны проникнуться велением Неба и подробно выяснить положение у противника. Если представится случай [нанести удар], то можно воспользоваться им. Нельзя упускать времени. Следует также внимательно следить [за противником]. Если положение противника не позволит [провести наступление] и не будет возможности воспользоваться удобным случаем, то следует из почтения к Небу принять [меры] предосторожности и ни в коем случае не [предпринимать] безрассудных действий» [23, цз. 21, 401]. Характерно, что зарубежные народы рассматриваются здесь как потенциальный противник.

Были проведены некоторые мероприятия в связи с угрозой вторжения войск Тимура в 1405 г.: усилено патрулирование северо-западных границ, воинские гарнизоны в Ганьсу и Нинся снабжены «пороховым оружием», на север переброшены дополнительные военные части [23, цз. 39, 657, цз. 41, 669, цз. 42, 675, цз. 43, 685].

Учитывая трудности пограничной службы в малозаселенных отдаленных районах, правительство иногда пыталось задобрить стоявших здесь солдат материальными поощрениями. Так, например, в апреле 1406 г. (уже после окончания первой волны наград) им (кроме сосланных на границы за преступления) было выдано из казны по 5 дин ассигнациями [23, цз. 52, 784]. Офицерам, добровольно соглашавшимся перевестись на службу в пограничные районы, казна предоставляла жилье, все предметы домашнего обихода, топливо, питание, скот, а также подарки: деньги, одежду и лошадей [23, цз. 78, 1055, 1058].

В связи со стратегией обороны рубежей весьма интересен вопрос о создании системы крепостей вдоль северо-западных границ империи. Н. П. Свистунова справедливо связывает появление здесь своеобразных территориально оформленных укрепленных районов с ослаблением наступательной активности китайцев во второй половине 20-х годов XV в. [107, 186–188]. Однако их прообраз — опорные пункты, к которым тяготели окружающие воинские соединения, появились уже во времена правления Чжу Ди.

Инициатором создания системы крепостей выступил главнокомандующий войсками в Нинся Лю Шэн. В июле 1411 г. он доложил двору: «Намереваюсь во всех тысячных караулах, стоящих близ границы, построить по крепости, чтобы в случае [нападения можно было] собирать туда людей и [сгонять] скот, [а также иметь там запасы] фуража и зерна и не беспокоиться» [23, цз. 116, 1478]. Император, не отвергая высказанной идеи, предложил осуществить ее в несколько иной форме. Он ответил Лю Шэну: «Войска в каждом карауле рассредоточены [по всем] четырем ([направлениям] для обработки земли в военных поселениях. [Они] стоят далеко друг от друга. Как же собрать их вместе? Я уже приказывал командирам гарнизонов [крепостей] из 5–6 или же 4–5 военных поселений выбрать одно, расположенное в удобном месте, и сосредоточивать там [силы в случае] вторжения [врага]. [Я] действительно хочу, чтобы эти [избранные] пункты [превратились] в крепости и близлежащие [военные поселения] могли использовать их для взаимной помощи. Нет необходимости [строить крепости] в [каждом] гарнизоне и карауле, а нужно лишь выполнить это [мое] распоряжение» [23, цз. 116, 1478].

Данные, свидетельствующие, насколько удалось осуществить это предложение, весьма противоречивы. Например, в письме военному наместнику Ляодуна Лю Цзяну от 11 марта 1413 г. говорилось, что лишь он один не блюдет распоряжения о создании крепостей, и предлагалось немедленно исправить ошибку [23, цз. 137, 1665]. Но через полтора года — 10 октября 1414 г. в Нинся, Ганьсу, в район Датун в Шаньси и в Ляодун была направлена специальная комиссия проверить, как идет строительство крепостей, поскольку были получены сведения о невыполнении приказа об их создании [23, цз. 155, 1792]. Тем не менее строительство этих укреплений проводилось. Например, в ноябре 1414 г. двор получил сообщение, что лишь на

территории, контролируемой войсками из гарнизона Ганьчжоу (в восточной части совр. пров. Ганьсу), построено 46 крепостей [23, цз. 157, 1798]. Другое дело, что создание системы пограничных крепостей шло не столь интенсивно, как хотелось бы правительству. На это имелись свои основания, не исчерпывающиеся лишь нерадивостью местных властей.

Причина этого заключалась не в своеволии или же недальновидности местного командования, а главным образом в том, что строительство, по замыслам центрального правительства, должно было проводиться целиком на местные средства. Следовательно, тягловый люд каждых 4–7 военных поселений помимо повседневных работ должен был выполнять работу по строительству крепости. Описания таких крепостей свидетельствуют об огромном объеме работ, необходимых для их сооружения.

Для крепости выбиралось удобное место. Возводились земляные стены высотой от 3 до 6,5 м с восьмью воротами. Вокруг вырывался ров шириной 3 м и глубиной 15 м. В крепости выкапывались колодцы. Но еще более тяжелым бременем, чем выполнение указанных работ, было создание в этих крепостях всевозможных запасов. За счет военнопоселенцев туда доставлялись зерно, сено и фураж, сгонялся скот и насаживались фруктовые деревья. В военных поселениях повелевалось оставлять лишь минимум средств для пропитания. Пользоваться запасами, созданными в крепостях, разрешалось лишь в случае военной тревоги, когда в их стенах должно было собираться население окрестных военных поселений [23, цз. 137, 1665, цз. 155, 1792]. Естественно, что выполнение подобных предписаний не встречало энтузиазма на местах.

Немалое внимание уделялось также и обороне морских границ, где главную опасность в начале XV в. представляли «японские пираты». С целью предотвращения их набегов и высадки совершались периодические рейды флота береговой обороны. Одним из первых таких рейдов вдоль побережья, организованным в 1405 г., командовали Ча Бинь, Цзян Цин и Фэн Бинь [23, цз. 40, 661]. В дальнейшем подобные мероприятия проводились как с профилактической целью, так и в ответ на активизацию действий «пиратов». В 1419 г. китайскому флоту удалось разгромить основные силы «японских пиратов» у берегов Ляо-дуна, и набеги последних надолго прекратились^[24].

Проблема снабжения войск и система военных поселений в начале XV в.

Снабжение армии продовольствием, оружием и обмундированием составляло одну из главных забот правительства Чжу Ди. В уже упомянутом указе от 26 августа 1402 г. о пополнении рядов армии содержалось предписание повсеместно взять на учет все денежные и продовольственные ресурсы, а также все военное снаряжение и корабли, словом все, что находилось в пользовании войск на текущий момент [23, цз. 10 (II), 173]. В январе 1403 г. был также произведен учет лошадей в кавалерийских частях [23, цз. 15, 280]. В планы правительства входило создание определенных запасов материальных средств в воинских соединениях на случай внезапных военных действий, о чем можно судить, например, по предписанию, данному на этот счет главнокомандующему войсками в Ляодуне Лю Чжэ-ню, от 4 декабря 1402 г. [23, цз. 14, 256]. Позднее эта идея нашла конкретное воплощение при создании системы пограничных крепостей.

Содержание более чем миллионной армии, а тем более накопление в войсках определенных запасов продовольствия и снаряжения требовали от государства огромных затрат. Материальные ресурсы для армии нужно было не только изыскать, но и доставить к месту дислокации соединений, что подчас составляло немалые трудности. В связи с этим правительство практиковало своеобразное «прикрепление» налогов, собиравшихся с тех или иных административно-территориальных единиц, к определенным воинским гарнизонам. Налоговые поступления в этом случае шли не в центральную казну, а непосредственно войскам. Например, воинский гарнизон в Ганьчжоу (пров... Шэньси) снабжался за счет налоговых поступлений с Двух волостей (*цзюнь*) той же провинции, гарнизон в Пинхай (пров. Фуцзянь) — за счет налоговых поступлений с уезда Синхуа и т. д. [23, цз. 95, 1258, цз. 164, 1850]. Доставка грузов к месту назначения также обеспечивалась районом-налогоплательщиком.

Привлекаемые источники не дают возможности судить, насколько широко применялось такое «прикрепление» в первой четверти XV в. В них отразились лишь те случаи, когда в доставке налогов воинским

гарнизонам возникали какие-либо неполадки. Однако число подобных записей все же довольно велико. Наиболее частыми среди них являются жалобы местных властей на неудобства транспортировки собранных средств к месту назначения и различные просьбы об облегчении повинности. По этим отрывочным сведениям можно все же прийти к заключению, что система «прикрепления» налогов к воинским гарнизонам практиковалась как на северо-западных рубежах империи, так и в приморских и южных провинциях страны, а следовательно, была довольно распространенным явлением.

Правительство пыталось привлечь к снабжению армии частный купеческий капитал. Для этого использовалась монополия государства на добычу и продажу соли. В обмен на поставку зерна пограничным войскам купцам разрешалось получать монополизированную государством соль и продавать ее [158, 6]. Это в какой-то степени позволяло государству сокращать «извозочную повинность», тяжело отражавшуюся на крестьянском хозяйстве.

На снабжение войск шла и часть налоговых поступлений из государственных фондов. При этом казне часто приходилось прибегать к дополнительным поставкам в связи с сообщениями с мест об острой нехватке продовольствия в тех или иных гарнизонах. Центральные власти старались незамедлительно реагировать на подобные сообщения и отдавали распоряжения о выдаче провианта иногда даже без положенной проверки состояния дел у просителей [23, цз. 33, 587].

Тяжелым бременем ложилась на плечи налогоплательщиков подготовка крупных военных походов, многократно предпринимавшихся при Чжу Ди. Например, в 1410 г., во время снаряжения похода в Монголию, властям провинции Хугуан было предписано поставить 1 млн. даней зерна^[25], провинции Чжэцзян — 1 млн. 200 тыс. даней и провинции Цзянси — 100 тыс. даней [23, цз. 102, 1325].

Но даже в мирное время казна не могла полностью справиться с содержанием армии. Для решения этой проблемы оказались недостаточными ни отмеченное «прикрепление» налоговых поступлений, ни привлечение купеческого капитала. Поэтому правительство Чжу Ди, используя опыт прошлых веков и пример Чжу Юань-чжана, пыталось, насколько возможно, пол-, нее осуществить

перевод армии на самообеспечение. Это достигалось посредством поддержания и развития системы военных поселений (*тунь тянь*).

По существу, данное мероприятие сводилось к выделению части солдат для сельскохозяйственных работ. Поселения создавались на государственных землях. Казна отпускала средства на обустройство военнопоселенцев хозяйством. Обработка земли становилась их основным занятием. Всю караульную службу и оборону городов и крепостей в мирное время несли оставшиеся в строю «гарнизонные» солдаты. Военнопоселенцы превращались в настоящих солдат лишь во время военной опасности или боевых действий. Правда, в их обязанности входило периодически упражняться в военном деле.

Средний, предусматривавшийся правилами надел каждого военнопоселенца составлял 50 му (немногим более 3 га) [158, 5]. Однако он мог быть и больше и меньше в зависимости от качества земли и наличия фондов необработанной земли. Законодательством ранних лет существования империи допускался, например, размер надела военнопоселенца в 100 му (6, 144 га) и даже в 3 цина и выше (18,5 га и более) [122, 30]. Минимальный надел определялся в 20 му (немногим более 1,2 га) [158, 5]. Землю военных поселений запрещалось передавать другим лицам или же продавать. В отличие от «военных дворов», военнопоселенческое хозяйство, по мысли минских законодателей, не должно было быть наследственным [105, 51].

В зависимости от размера военных поселений ими управляли старшие или младшие офицеры. В начале XV в., в частности, был принят порядок, что поселением, состоявшим из 100 и менее хозяйств, руководит сотник, из 300 хозяйств — тысячник, из 500 и более хозяйств — офицер из штата командования гарнизоном (*чжихуй тиду*) [25, цз. 59, 1133].

Система военных поселений получила широкое распространение при Чжу Юань-чжане, особенно в 90-е годы XIV в. [105, 45–52]. Правительство Чжу Юнь-вэня сохранило ее, хотя планы преобразований коснулись и этой области [25, цз. 53, 988–989]. В начале XV в., судя по отдельным данным, происходило дальнейшее расширение военных поселений. Например, известно, что один из представителей титулованной аристократии Ван Чжун получил предписание в 1403 г. отправиться в провинцию Бэйпин (Пекинскую) для организации здесь дополнительных военных поселений [25, цз. 53,

989]. Весной 1405 г. создавались новые поселения в провинции Шэньси [25, цз. 40, 667]. О широком распространении данной системы в исследуемое время свидетельствуют следующие слова императора, относящиеся к октябрю 1413 г.: «Ныне определенное число солдат всех воинских гарнизонов в Поднебесной направляется в военные поселения» [23, цз. 144, 1710].

В 1405 г. был произведен переучет военных поселений в стране, и все они занесены в заново составленные «Красные Таблицы» (аналогичные таблицы впервые появились при Чжу Юань-чжане) [33, цз. 67, 1360, 1362]. О том, какое значение правительство Чжу Ди придавало военным поселениям, можно судить на примере послания двора начальнику военных поселений в Хэнани Лю Ину от 8 марта 1404 г., где говорилось: «Военные поселения — великая задача армии и государства. Они уже проверены жизнью как хорошее дело... Ныне только- только наступила передышка [в жизни народа], но он устал и ослаб. Если усталый и ослабший народ снова заставить оказывать помощь солдатам, которые [сейчас] отдыхают [от ратных дел], то он будет еще больше страдать, а солдаты — бездельничать. Ведь солдат держат для защиты народа. Разве можно из-за них [приносить] народу [лишние] страдания?...» [23, цз. 27, 500]. Иначе говоря, система военных поселений рассматривалась властями не только как средство обеспечения войск, но и как мероприятие, способное несколько облегчить налоговый пресс и тем самым укрепить позиции правительства в стране.

Общие представления о том, какое место занимали военные поселения в системе содержания армии в первой четверти XV в., можно составить по докладу главнокомандующего правительственными войсками в Нинся Хэ Фу от 20 марта 1403 г. В нем сообщается, что в Нинся расквартированы четыре воинских гарнизона, состоящие из 20 413 конных и пеших солдат, и еще 3173 человека проходят военное обучение. Сельским хозяйством систематически занимается 14 184 солдата, обрабатывая 8337 цинов земли^[26]. В фондах упомянутых четырех гарнизонов имеется 302 100 даней зерна. Ежемесячно выдается на потребление 8600 даней. Кроме того, в обязанности этих гарнизонов входит выплачивать жалованье натурой перешедшим на службу к китайцам и проживающим в Нинся татарским офицерам и сановникам [23, цз. 17, 314–315].

Отсюда следует, что данные гарнизоны представляли собой не только воинскую группировку, но и определенное хозяйство, обладающее всеми средствами земледельческого производства. Приведенный пример также показывает, что в хозяйственной сфере могло быть занято около 3/4 солдат местных гарнизонов.

Сельскохозяйственный труд официально признавался главной обязанностью военнопоселенцев. Императорский указ всем военным чинам от 14 февраля 1405 г., в частности, гласил: «Главное для всех военнопоселенцев — это накопление [продовольственных] запасов [для армии]. [Им] следует своевременно обрабатывать землю, а затем, преодолевая собственнические [инстинкты, брать лишь] столько, сколько необходимо для [того, чтобы прокормить] свою семью» [23, цз. 38, 642].

Последняя часть цитаты представляет самостоятельный интерес, ибо здесь затронут вопрос о распределении урожая, получаемого с полей военных поселений. Еще в конце XIV в. было установлено, что каждое хозяйство военнопоселенца должно платить «основной» и «дополнительный» зерновые налоги. Как отмечает Н. П. Свистунова, практически налоги с военных поселений не были унифицированы, их размер зависел от конкретных условий в тех или иных районах страны [105, 48]. Однако юридически правилами предусматривалась определенная норма «основного» налога — 12 даней зерна в год с каждого хозяйства, наподобие тому как существовала и средняя норма земельного надела поселенцев. Объем «дополнительного» налога в конце XIV в. не был точно определен [158, 5–6].

В начале 1402 г. было установлено, что «дополнительный» налог, равно как и «основной», должен составлять 12 даней зерна с каждого надела в год [158, 6].

Правительство Чжу Ди в конце 1404 г. утвердило норму «основного» налога в 12 даней, а «дополнительный» сократило до 6 даней [25, цз. 53, 989]. Однако одновременно военному начальству было «разрешено» сдавать второй налог сверх нормы и в этих случаях были установлены специальные денежные поощрения [23, цз. 36, 621–622]. В том же году была разработана система стимулирования производства в военных поселениях. Она предусматривала градуированные материальные поощрения начальников поселений за высокие урожаи и штрафы за низкие [23, цз. 27, 495–496].

Впоследствии, в 1405–1407 гг., налоги с военных поселений были несколько снижены. В августе 1408 г. император подтвердил распоряжение «по-прежнему придерживаться облегчающих правил» в отношении налогов с военнопоселенцев [23, цз. 82, 1101]. Слово «по-прежнему» указывает на существование такого порядка до указанного времени. В октябре 1413 г. Чжу Ди писал: «Прежде были установлены законы о военных поселениях... В последние же годы из-за опасения, что земля дает недостаточную прибыль, облегчили порядок [взимания с них налогов]» [23, цз. 144, 1710]. Вместе с тем из той же записи явствует, что в конце 1413 г. налоги были вновь повышены [23, цз. 144, 1710]. Конкретные данные об упомянутых колебаниях налоговых норм отсутствуют. Вместе с тем имеются статистические данные об общем количестве зерна, ежегодно поступавшего в виде налогов с военнопоселенцев (табл. 2).

Данные табл. 2 весьма красноречивы. По ним совершенно четко прослеживается тенденция к снижению эффективности хозяйств военных поселений. Отдельные колебания могут объясняться следующим. Резкий спад поступлений в 1404 г. связан со снижением нормы «дополнительных» налогов с военнопоселенцев. Столь же резкое повышение в следующем году — с введением в практику взимания зерна сверх установленной нормы.

Год	Зерно	Год	Зерно	Год	Зерно
1403	23 450 799	1410	10 368 550	1417	9 282 180
1404	12 760 300	1411	12 660 970	1418	8 119 670
1405	22 457 700	1412	11 781 107	1419	7 930 920
1406	19 792 050	1413	9 109 110	1420	5 158 040
1407	14 374 240	1414	9 733 690	1421	5 169 120
1408	13 718 400	1415	10 358 250	1422	5 175 315
1409	12 229 600	1416	9 031 970	1423	5 171 218

Таблица 2. Поступления зернового налога с военных поселений, даны ^[27].

Заметное сокращение поступлений в 1407 г. явилось результатом отмеченного выше снижения налоговых ставок, а также результатом

отправки значительного числа солдат во вьетнамский поход. Аналогичным образом сказались монгольские походы 1409 и 1410 гг. Некоторое повышение поступлений в 1414–1415 гг. объясняется поднятием налоговых ставок в конце 1413 г. В последующие годы тенденция к снижению эффективности военнопоселенческого хозяйства наблюдается особенно отчетливо. Сумма поступлений стабилизируется лишь в 1420–1423 гг. на рекордно низком по сравнению с предшествующими годами уровне — немного более 5 млн. даней.

Вместе с тем общие поступления зернового налога с «гражданских» хозяйств во второй половине царствования Чжу Ди увеличиваются: в 1403–1411 гг. они составляли в среднем 30 млн. даней, а в 1412–1423 гг. — 32 млн. даней. Если соотношение зерновых налоговых поступлений с «военнопоселенческих» и «гражданских» хозяйств в 1403 г. составляло 3:4, то в 1420–1423 гг. оно было уже 1:6. Следовательно, дело отнюдь не в урожайности или же общей деградации сельскохозяйственного производства в стране, а в пороках системы военных поселений. Главный из них заключался в создании благоприятных условий для неограниченной эксплуатации военнопоселенцев их армейским начальством.

Исследователи отмечают, что прямая эксплуатация солдат в качестве арендаторов, домашних слуг, подручных работников и полное или частичное присвоение дохода от их труда военными начальниками прослеживается именно с начала XV в. [206, 60]. Немалую роль в этом сыграло упомянутое разрешение брать, «дополнительный» налог с военнопоселенцев сверх установленной нормы, принятое в декабре 1404 г. Оно не только допускало, но и поощряло изъятие этого налога в размере в 5 раз большем установленных норм [23, цз. 36, 621–622]. Сигналы о «безудержном личном обогащении» военного начальства за счет своих солдат начали поступать ко двору Чжу Ди с весны 1405 г. [23, цз. 39, 649]. Однако правительство не пресекало этого сколько-нибудь действенными мерами, оно ограничивалось лишь увещеваниями военных чинов «не грабить из алчности нижестоящих» [23, цз. 38, 642]. Как показывает цитированный выше указ от 14 февраля 1405 г., позиция центральных властей сводилась к тому, чтобы оставлять военнопоселенцам лишь минимум жизненных средств, а весь прибавочный продукт отбирать. Если даже данное намерение и не

осуществлялось полностью на практике, то сам принцип подобного подхода имел немалое значение. Это свидетельствует о том, что военнопоселенческое хозяйство не получало стимула для развития.

Общим результатом описанных явлений было возрастание нормы эксплуатации военнопоселенцев и, как следствие этого, деградация их хозяйства. В этих условиях старания отдельных армейских начальников о повышении рентабельности военных поселений (расширение посевных площадей, забота о снабжении работников орудиями труда и тягловым скотом), что нашло отражение на страницах источников, не могли изменить общей картины и приостановить разложение их хозяйства [23, цз. 26, 478, цз. 39, 658, цз. 221, 2189].

Сильный толчок к разложению хозяйственной деятельности военных поселений помимо прочего дало начало в 1409 г. целой серии крупных походов в Монголию, продолжавшихся с перерывами вплоть до смерти Чжу Ди, и постоянные военные усилия по «поддержанию порядка» во Вьетнаме после 1407 г. Например, цензор Ли Сянь, проверявший дела в провинции Гуанси, в июне 1410 г. докладывал двору: «Военнопоселенцы из различных гарнизонов и караулов [в округе Сючжоу] в последние годы ушли в карательный поход [во Вьетнам], и [военные поселения] постепенно пустеют и приходят в упадок. Остались в основном подростки и вдовы. [С них] трудно требовать уплаты зернового [налога]. Полную норму налога с них не собрать» [23, цз. 104, 1350]. Китайский историк Фан Цзи, специально исследовавший систему военных поселений в период Мин, непосредственно связывает монгольские походы правительства Чжу Ди с разложением этой системы [158, 7]. Этот вывод подтверждается источниками. Начальник уезда Гуйян округа Чэньчжоу провинции Хугуан Лян ИГань, например, докладывал в мае 1410 г., когда осуществлялся один из этих походов: «Очень много народа из [нашего] уезда служит в армии, поэтому дворы имеют [лишь] по одному тягловому. Когда же их посылают на дополнительные повинности, то пахотные поля забрасываются и пустеют. [Сумма] невыплаченных налогов [тем самым] растет и перекладывается на [всю] общину...» [23, Цз. 103, 1337–1338]. Нормальной жизнедеятельности военных поселений мешало также и то, что большое число солдат привлекалось для строительства в начале XV в. новой имперской столицы — г. Пекина.

Нормальному ведению хозяйства мешал и отрыв военнопоселенцев на периодические военные учения. В этом отношении весьма показательна следующая жалоба солдат, поступившая ко двору 11 октября 1411 г.: «В прошлом году [мы] были на военных учениях в столице. Вернулись в начале осени, а в местном гарнизоне требуют [с нас] зерновой налог. Поистине [в данном случае] общественное дело помешало сельскохозяйственным работам. [Мы] жаловались [по инстанции], но нас не слушают» [23, цз. 119, 1510].

Тяжелое положение военнопоселенцев уже к концу первого десятилетия XV в. привело к усилению их бегства с предоставляемой им земли.

В 1407 г. в каждую провинцию страны были назначены один-два чиновника, в обязанности которых входило специально следить за тем, чтобы не было бегства солдат из военных поселений [158, 7]. Однако это не помогло. Бегство военнопоселенцев и связанное с этим перераспределение земельного фонда военных поселений особенно усилилось в 10-х годах XV в. Об этом ярко свидетельствует доклад начальника Судебного ведомства в Пекине Чжу Цзюня от 15 июля 1411 г. Он гласил: «В различных гарнизонах, первоначально расквартированных в Шуньтяне (Пекин. — А. Б.), Баодине, Юнпине и других областях, правительственным солдатам, [направляемым] в военные поселения для обработки земли, давалось по 50 му земли каждому. Впоследствии из-за повышения налогов, их перераспределения и других причин [солдаты] ушли [с этих земель]. Все их земли захватили новые солдаты правительственных [войск], [которые] либо обрабатывают [их] сами, либо сдают в аренду, распределяя собранное [с арендаторов] зерно [между собой]» [23, цз. 116, 1482].

Приведенный доклад также показывает, что земля военных поселений переходила не только в другие, но даже и в третьи руки на правах владения и аренды. Самое интересное, что Чжу Цзюнь не призывал правительство бороться с подобным явлением, а, наоборот, советовал узаконить сложившееся положение и все земли, «брошенные солдатами правительственных войск из-за повышения налогов», раздать новым переселенцам отнюдь не только из военного сословия [23, цз. 116, 1482]. Это предложение было одобрено двором.

«Сильные дома», т. е. крупные феодальные собственники, по договоренности с генералами и военными чиновниками захватывали землю военных поселений. Некоторым из них уже в 20-е годы XV в. удавалось присвоить более чем по 2 тыс. цингов земли военнопоселенцев [158, 8]. Такие захваты, в свою очередь, приводили к усилению бегства солдат, сокращению поступлений от военных поселений в казну.

Таким образом, усиление эксплуатации военнопоселенцев сопровождалось в начале XV в. периодическим отрывом их от хозяйства. Это усугубляло положение оставшихся на сельскохозяйственных работах поселенцев. Отсюда и усиление их бегства с земли и перераспределение земельного фонда в поселениях. Все эти процессы отчетливо проявляются в исследуемый период. Фан Цзи приходит к выводу, что разложение системы военных поселений в империи Мин начинается именно со времени правления Чжу Ди [158, 7]. С этим вполне можно согласиться.

Начало разложения минской армии

Отток солдат в военные поселения не мог не иметь отрицательных последствий для боеспособности армии. Источники сохранили многочисленные прямые свидетельства на этот счет. Например, в апреле 1411 г. военный наместник в Датуне У Гао докладывал двору: «Солдаты в военных гарнизонах, подведомственных провинциальному командованию в Шаньси, то все [собираются] для строевой [службы], то 7/10 или 8/10 [из них] работают в военных поселениях. Поэтому остается мало людей для [военного] обучения. Прошу половину [солдат] оставлять [постоянно для военного] обучения, чтобы [всегда] быть готовым [к обороне] и не беспокоиться [о вторжении врага]» [23, цз. 114, 1459]. Летом 1413 г. Го Лян, ведавший обучением солдат в Кайпине, неоднократно докладывал, что для нужд местной обороны строевых войск недостаточно. Он писал, что солдаты рассредоточены малыми отрядами на большом протяжении вдоль границы, а стены крепостей ветшают. Корень зла он усматривал в переводе подавляющего большинства воинов из местных гарнизонов в военные поселения. Го Лян сообщал также, что были случаи, когда иноземцы вторгались в пределы Китая, а солдаты пахали землю и разводили лошадей в военных поселениях. Защищать же страну было некому [23, цз. 140, 1688–1689].

Правительство оказалось не в состоянии сколько-нибудь существенно исправить создавшееся положение. Его позиция весьма отчетливо предстает в ответе на доклады Го Ляна. Посланная ему инструкция гласила: «[Главное] для армии — это ее искусство, а не многочисленность. [Если] ты будешь придерживаться наставлений по обучению [войск], то [найдешь] способ, как даже с тысячью человек [организовать] достойную [оборону]. Большая армия — это лишь пустая трата провианта без всякой пользы» [23, цз. 140, 1690]. Иначе говоря, сигналы об ослаблении обороноспособности и боевых качеств армии не могли заставить правительство отказаться от систематического перевода значительной части солдат на сельскохозяйственные работы.

Этот вывод подтверждается на примере отношения центральных властей в начале XV в. к вопросу о численных критериях строевых

войск и военнопоселенцев. В целом по стране таких четких критериев не существовало^[28]. Общие установки на этот счет были даны правительством Чжу Ди летом 1404 г. Его решение гласило: «[Следует] изменить установленный [ранее порядок] распределения солдат всех гарнизонов Поднебесной по военным поселениям и на гарнизонную службу. [Отныне] определить число [солдат] в поселениях и на гарнизонной [службе], исходя из того, является ли данное место важным стратегическим пунктом с точки зрения обороны [от иноземцев] или захолустьем. В пограничных и [в прочих] важных стратегических пунктах [держат] больше солдат на гарнизонной службе, чем в военных поселениях. В центральных же районах [страны] и в захолустных [с точки зрения обороны] от иноземцев местах [держат] больше [солдат] в военных поселениях, чем на гарнизонной службе. В тех местах, которые хотя и являются важными стратегическими пунктами, но куда трудно доставлять провиант, [следует держать] больше [солдат] в военных поселениях, чем на гарнизонной службе» [23, цз. 30, 552].

Практически же конкретное соотношение численности строевых войск и военнопоселенцев во многом зависело от воли местного начальства! Последнее же отнюдь не всегда было озабочено поддержанием боевых качеств армии и совершенствованием обороны. Наряду с такими докладами, как доклады У Гао и Го Ляна, двор получал множество предложений прямо противоположного характера: о переводе по возможности большего числа солдат в военные поселения. Характерным примером может служить доклад Фан Чжао из Шаньси в марте 1403 г. Докладчик писал: «Большинство солдат военнопоселенцев из военных гарнизонов в [районе] Датун [находятся сейчас] на гарнизонной службе. [Они] мало беспокоятся о внезапном вторжении противника и не готовы к отпору. [Поэтому] следует оставить в каждой крепости для гарнизонной службы [лишь] по 800 солдат» [23, цз. 18, 320]. Аналогичные просьбы о переводе солдат в военные поселения показывают, что местное начальство не устраивало соотношение 50:50 и желательным для него было перемещение 9/10 своих подчиненных в военные поселения [23, цз. 19, 350].

Более того, с 1406 г. встречаются сведения о полном переводе некоторых воинских частей на сельскохозяйственные работы [23, цз. 51, 768]. Подобная практика началась еще в 90-е годы XIV в. [105, 49].

Война «Цзиннань» приостановила ее, а правительство Чжу Ди, как видим, возобновило.

Стремление местного начальства к максимальному использованию солдат в военных поселениях вполне объяснимо. Оно согласуется с отмеченным выше процессом постепенного превращения командного армейского состава в прослойку, эксплуатировавшую солдат в сфере сельскохозяйственного производства, и выглядит довольно закономерным. Гораздо интереснее отметить реакцию правительства Чжу Ди на подобные предложения. Оно, как правило, удовлетворяло их [23, цз. 18, 320, цз. 19, 350]. Характерно также, что У Гао, например, получил разрешение держать в строю максимум $\frac{2}{5}$ его войск, а не половину, как он просил [23, цз. 114, 1459].

Таким образом, в вопросе о соотношении числа военнопоселенцев и строевых солдат правительство практически придерживалось линии на увеличение первой из названных категорий за счет второй. Естественно, что связанное с этим ослабление боеспособности армии не устраивало центральные власти. Но они не могли найти нужный выход. Получалось нечто вроде порочного круга: перевод значительной части солдат в военные поселения вызывал неминуемое ослабление армии, а попытки исправить это путем периодического отвлечения военнопоселенцев для строевой службы — к подрыву поселенческого хозяйства. Тупик, в котором оказалось правительство при попытках решить данную дилемму, хорошо виден в высказывании Чжу Ди по поводу отмеченного доклада У Гао. Император сказал: «Крепкую оборону [страны] нельзя ослаблять. [Но] если солдатам недостает пищи, то трудно держать оборону» [23, цз. 114, 1459].

Кардинальное решение так и не было найдено. Основной установкой по-прежнему оставался принцип, что армия должна «и пахать, и сражаться» [23, цз. 51, 768]. В результате того, что эти задачи мешали друг другу, в начале XV в. в Китае можно наблюдать не только постепенное разрушение военнопоселенческого хозяйства, но и первые признаки разложения армии в целом. Это сказывалось в нежелании офицеров и солдат исполнять свои прямые обязанности, падении дисциплины в войсках, дезертирстве, нарушениях порядка рекрутского набора, подлогах и самых различных злоупотреблениях со стороны военных чинов.

Отмеченные признаки все отчетливее стали проявляться начиная с 10-х годов XV в., после того как миновала угроза конфликта с державой Тимура (1405), завершился успехом вьетнамский поход (1407), нанесены поражения монголам (1410). Настроения самоуспокоенности проникали в армию, несмотря на продолжение правительством Чжу Ди активной внешней политики.

Многочисленные документы свидетельствуют, что с середины 10-х годов XV в. вновь, как и в первые годы после войны «Цзиннань», остро встает вопрос о комплектовании армии. В императорском указе сановникам Военного — ведомства от 23 ноября 1414 г. признавалось: «Ныне в Поднебесной воинские части не полностью укомплектованы. Срочные меры принимались много раз. Но из-за взяточничества чиновников, освобождающих [за вознаграждение от службы] деревенских тяглых под предлогом слабого [здоровья], пополнения уже в течение ряда лет недостаточно, и [многие] воинские части не получают его. Были [случаи], когда [рекрутируемые] записывались в «запустелые дворы» или же в списки «малолетних»; были такие [случаи], когда [военный люд] трудился дома, работая на себя, а числился на общественных работах. При необходимости перебросить войска в каждой десятке недостает по 3–4 человека» [23, цз. 157, 1797]. Обращает на себя внимание фраза о том, что власти пытались бороться с отмеченными недостатками, но не достигли успеха.

Не изменилось положение и в дальнейшем. Свидетельством тому является не менее красноречивый указ от 23 декабря 1419 г. В этом документе, изданном спустя пять лет после цитированного выше, рисовалась примерно та же картина: «В воинских частях наблюдается некомплектность. О [числе] беглых и погибших солдат никогда не сообщают [двору]. Доходит до того, что при наборе солдат [военные чиновники] по сговору с местными властями получают взятки... [Вербовщики] уезжают и не возвращаются [с рекрутами] по 5–6 или даже по 10 с лишним лет. Когда же [они] возвращаются, то в каждой десятке набранных [ими] солдат не хватает по одному-два [человека]» [23, цз. 219, 2172].

По свидетельству цензора Дэн Чжи, к началу 1420 г. во многих соединениях большое число солдат лишь числилось по спискам, а на деле не служило уже в течение пяти-десяти лет. К тому же вербовка рекрутов попадала часто в руки случайных лиц, поставлявших в войска

бродяг, преступников и чинивших над населением всяческие злоупотребления [23, цз. 219, 1278–1280].

Особенно рельефно разложение проступает среди командных кадров китайской армии. «Ныне те, кто командует воинскими гарнизонами, отнюдь не прилагают души [к своему делу]», — констатировал начальник Военного ведомства Фан Бинь в докладе двору от 7 декабря 1415 г. [23, цз. 170, 1896]. В изданном через полгода императорском указе говорилось уже не только о халатности командиров, но и о жестоком обращении с солдатами: «В последнее время стало известно, что военные чины ежедневно пьянствуют и веселятся. [Эта] недопустимая рутина [затягивает]. [Они] не занимаются учениями, а лишь безжалостно обирают солдат, которые в результате этого [страдают] от голода и холода» [23, цз. 178, 1940]. Наконец, в некоторых документах речь идет о прямых нарушениях офицерами законов. Упомянутый цензор Дэн Чжи, например, в своем докладе двору от 4 января 1420 г. писал: «Ныне командные чины из различных воинских гарнизонов имеют пристрастие лишь к вину, проституткам и взяткам... [Они творят] плохие дела, сговариваясь друг с другом, покрывают провинности друг друга, берут взятки и нарушают законы» [23, цз. 219, 1278–1279].

Все больше отрицательных моментов выявлялось в связи с существовавшим порядком наследования офицерских должностей. В этом деле, по свидетельству источников, процветали подкупы и подлог [23, цз. 15, 270]. Наследники, еще не получив должность, окольными путями продвигались в чинах по служебной лестнице [23, цз. 130, 1610]. Их профессиональная подготовка по-прежнему вызывала беспокойство правительства.

Со второго десятилетия XV в. начинается общее падение дисциплины в войсках. В упомянутом указе от 23 декабря 1419 г. содержалось следующее предупреждение командным кадрам: «Обращаю [ваше] внимание на то, что в последнее время дисциплина [в войсках] развалилась» [23, цз. 219, 2172]. Как сообщал Фан Бинь в приводимом выше докладе, «при каждом призыве к выступлению [в поход] появляются сотни бед: крепкие и здоровые солдаты сказываются усталыми и отказываются выступать, а высшие и низшие командные чины трусят и выдвигают смехотворные предлоги, лишь бы не [идти]» [23, цз. 170, 1896].

Падение дисциплины проявлялось в грабежах и насилиях, чинимых войсками на своей же территории во время походов, например в 1410, 1414 и 1423 гг. в Монголию и во время переброски войск в Шаньдун для обороны морских рубежей в 1420 г. [23, цз. 99, 1299, цз. 153, 1772, цз. 223, 2197, цз. 261, 2396].

«Нерадивость» солдат в военном обучении и возделывании полей военных поселений в провинциях Шаньси, Шэньси, Шаньдун и Ляодун, т. е. почти во всех северных районах империи, приняла столь широкие размеры, что побудила правительство в марте 1415 г. направить туда специальную военную комиссию во главе с Лю Бинем и Чжан Панем [23, цз. 161, 1823].

Стали поступать сигналы о падении боеспособности и плохом вооружении армии. Указ от 23 ноября 1414 г. содержал следующее признание: «[В перебрасываемых воинских частях] большинство [солдат] — это малолетние, слабые и больные, [так что] кавалеристы не в состоянии натянуть лук, а пехотинцы — нести копье» [23, цз. 157, 1797]. Фан Бинь, в свою очередь, сообщал: «Доспехи делают из ветхой кожи [или же] из многослойной бумаги, а луки — из гнилой роговицы. Прочее вооружение по большей части потрепано и поломано. Непозволительная нерадивость [в этом отношении] с годами все возрастает» [23, цз. 170, 1896].

Подобное положение вызывало беспокойство правительства. В указе от 23 декабря 1419 г. прямо ставился вопрос о надежности армии: «А если вдруг возникнет трудное положение и нужно будет перебросить [войска] для обороны от военной [беды], то разве сможет страна положиться на них?» [23, цз. 219, 2172]. Но сколько-нибудь серьезно изменить сложившееся в армии положение властям не удавалось. Многократные указы о поднятии дисциплины, искоренении злоупотреблений в комплектовании войск, необходимости честного и добросовестного исполнения офицерами и солдатами своих обязанностей не давали ощутимых результатов. Не помогали и попытки осуществить мероприятия по улучшению положения в армии, выдвигавшиеся докладчиками, например Фан Бинем и Дэн Чжи. Не добились никаких успехов ни комиссия, отправленная в 1415 г. для «приближения к идеалу» воинских дел, и ни отдельные эмиссары двора.

Император в 1415 г. был вынужден официально признать бесплодность попыток правительства остановить прогрессирующее разложение армии. Направляя военную комиссию на север, он писал: «Когда я вступил на престол, то уже существовали законы о [воинских] учениях и возделывании полей военных поселений. Однако долгое время [эти] законы представляют собой лишь [пустую] забаву, а издаваемые [мною] в течение нескольких лет [распоряжения] остаются лишь на бумаге» [23, цз. 161, 1823–1824]. Аналогичные признания в той или иной форме встречаются и в других документах первой четверти XV в. [23, цз. 157, 1797, цз. 170, 1895].

Разложение армии, начавшееся в 10-х годах, привело к плачевным результатам не сразу. Период правления Чжу Ди остается временем наибольших внешнеполитических успехов китайского оружия при династии Мин. Однако после 1410 г. эти успехи становятся гораздо менее ощутимы. Походы 1414, 1422, 1423 и 1424 гг. в Монголию уже не приносили решительных побед. Недаром при дворе в 1421 г. возникла оппозиция против подготовки очередного похода на северо-запад. Если завоевание Вьетнама было проведено в 1406–1407 гг. удачно для китайцев, то к 1418 г. под их контролем оставались лишь районы, прилегающие к Тханглонгу (совр. Ханой). Единственным успехом в этот период можно считать разгром «японских пиратов» у берегов Ляодуна в 1419 г.

Дальнейшее разложение минской армии привело к поражениям и переходу ее к пассивно-оборонительной тактике. В 1427 г. китайские войска были вытеснены из Вьетнама. С 30-х годов XV в. минское правительство в своей политике на северо-западных рубежах основной упор делало на укрепленные районы, отказавшись от продолжения походов в Монголию. В 1449 г. китайские войска потерпели поражение в битве с ойратами при Туму. Наконец, отказавшись еще в середине 30-х годов от проведения активной политики в приморских краях, китайское правительство в 1452 г. отвело свои корабли с прибрежных островов на постоянные базы-стоянки у берегов страны.

К началу XVI в. минская армия, по образному выражению Хэ Бинди, представляла собой лишь «тень прошлого» и все более и более заменялась наемными солдатами, служившими за плату [206, 62]. Последнее свидетельствует о перерождении всей структуры содержания и комплектования армии, установленной в конце XIV в. и

продолжавшей существовать в первой четверти XV в. Причиной этого было как тяжелое социальное положение военного сословия в Китае, так и несостоятельность политики правительства, направленной на то, чтобы заставить армию «и пахать, и сражаться».

Военные поселения, сыгравшие несомненно положительную роль в деле обеспечения войск, ослабления налогового бремени гражданского населения и расширения посевных площадей в стране, отрицательно влияли на боеспособность армии. И первые признаки вызванного данными причинами разложения минской армии появились именно в исследуемый период времени.

Глава VI

Императорская власть, аристократия и бюрократия в начале XV в.

В предыдущих главах было показано, что правительство Чжу Ди не искало опоры своему господству в удельных владениях, на армию оно опиралось тоже довольно недолго. Опыт войны «Цзиннань» и переворот 1402 г. также свидетельствуют о том, что новая правящая группировка для упрочения своих позиций не намеревалась апеллировать и к широким народным массам. Последнее выглядит вполне естественным, ибо правительство Чжу Ди, как и любое другое императорское правительство в феодальном Китае, несмотря на необычные обстоятельства своего прихода к власти, в конечном итоге должно было выражать интересы господствующего класса страны^[29]. Таким образом, круг для поисков внутренней опоры еще более сужался.

Однако следует помнить, что критическая ситуация в конце XIV в. возникла именно благодаря противоречиям в господствующих слоях китайского общества. Источником этих противоречий явилось столкновение интересов усилившейся автократии императора с привычными для Китая формами организации политического господства представителей правящих кругов. Как отмечалось, война «Цзиннань» и победа группировки Чжу Ди служили прямым продолжением внутренней борьбы в среде господствующего класса, порожденной указанными противоречиями. Отсюда вытекала необходимость дифференцированного подхода нового правительства при создании себе прочной опоры в верхних социальных слоях. Решение данной проблемы могло быть весьма неоднозначным.

В этой связи особый интерес представляют отношения, складывавшиеся между императорским тронem, с одной стороны, и традиционными носителями власти в феодальном Китае — аристократией и бюрократией — с другой. Практическая значимость двух названных категорий в интересующем нас плане была

неравномерна. Поэтому отдельно рассмотрим взаимоотношения двора с каждой из них.

Нейтрализация титулованной знати

Исследователи социальной структуры китайского общества отмечают, что на всем протяжении более чем двухтысячелетнего существования империи аристократия, как правило, играла сравнительно Малую роль в политической жизни [58, 24]. В этом свете борьба между императорским правительством и ванами в конце XIV — начале XV в. (см. гл. I, II, IV) представляется одним из исключений. Однако, говоря об аристократии, исследователи подразумевают не только ванов.

Под аристократией в Китае обычно подразумевается вся титулованная знать. Она состояла из родичей императора и так называемых заслуженных сановников. В императорский клан помимо ванов, цзюнь-ванов и их семейств входили также родственники по женской линии. Положение этой части императорских родичей существенно отличалось от прочих. Права и привилегии, предоставлявшиеся принцессам, их мужьям и семьям гаремных жен императора, как правило, не передавались по наследству. Заслуженные сановники получали титулы от императора в виде поощрения или вознаграждения, а также по наследству. В начале династии Мин существовало три титула знатности: *гун*, *хоу* и *бо*. Были почетные титулы и для генералов. Пожалование знатностью могло быть наследственным (бессрочно или же на определенное число поколений) и без права передачи потомкам. Обладатели титулов получали ежегодно из казны от 900 до 5 тыс. даней зерна [14, 104]. Однако основой их благосостояния была крупная земельная собственность [105, 70–71].

Среди заслуженных сановников можно выделить различные группы: представители старых аристократических родов, оставшихся от доминекких времен, своеобразные нобили — соратники и сторонники Чжу Юань-чжана, выдвиженцы Чжу Ди, придворная челядь.

Исследователи отмечают, что положение титулованной знати, не входившей в императорский клан, было в целом весьма неустойчивым и поэтому ее нельзя приравнивать к аристократии в европейских странах [206, 24]. По подсчетам Ч. О. Хакера, более половины этой прослойки в XIV–XVII вв. не передавали своих титулов по наследству, а из оставшихся лишь немногие передавали их далее третьего

поколения [213, 14]. Однако следует учитывать, что наряду с уходом одних ряды титулованной знати постоянно пополнялись другими выдвиженцами.

Правительство Чжу Ди по-разному подходило к различным категориям аристократов. Политика двора в отношении ванов уже была подробно освещена в главе IV. Что же касается императорских родичей по женской линии, то в отличие от прочей родни императора эта группа практически не имела доступа к серьезному влиянию на политические дела в стране. Как прежде, так и в начале XV в. она была малоопасна для трона и одновременно непригодна для использования в качестве сколько-нибудь прочной опоры для укрепления императорской власти. Не являясь самостоятельной политической силой, она, естественно, почти не привлекала особого внимания центральных властей.

Поэтому не удивительно, что мы располагаем лишь считанными документами, характеризующими отношение правительства Чжу Ди к императорским родичам по женской линии. Один из таких документов — реакция императорского двора на жалобу о произволе, чинимом генералом Цзань И, который торговал людьми. В марте 1412 г. Чжу Ди направил Цзань И письмо, в котором предлагал способ, как избежать наказания: «Ты — родственник императорского дома! Какой же результат может иметь своеволие, подобное [твоему]? При содеянном тобой, пришли в столицу доклад лично [мне], как будто бы это сделали твои мелкие приближенные, прикрываясь твоим именем. Надень на них кандалы и препроводи в столицу» [23, цз. 125, 1556]. Таким образом, двор стремился выгораживать императорских родичей, блюдя их и свою репутацию.

Но в то же время такое поведение императорских родичей часто вызывало раздражение двора, который иногда прибегал и к угрозам. Свидетельство этому другой документ — ответ императора на жалобы одного из чиновников на произвол, чинимый указанной категорией знати, датированный 30 сентября 1413 г.: «Императорские родичи больше, чем [кто-либо другой], должны соблюдать законы. При несоблюдении законов их вина больше, чем обычных людей... Теперь вы богаты и знатны, однако никогда не забывайте того времени, когда [вы были] бедны. [Тогда], разумеется, не возникнет своеволие и распущенность. Если же вы, [будучи] богатыми и знатными, забудете [время вашей] бедности и будете обижать и притеснять народ [своим]

мотовством, заносчивостью, развратом и разнузданностью, то просвещенный государь, находясь у власти, не помилует вас. Вам следует предостеречься от этого» [23, цз. 143, 1703].

Приведенный документ не нуждается в комментариях. В нем довольно четко отразились основные требования центрального правительства к указанной категории титулованной знати. Следует лишь подчеркнуть, что выдвинутые требования касались только отношений между императорскими родственниками и их подчиненными и населением, но не отношений с тронем. Последнее служит подтверждением того, что между императором и этой категорией его родственников трений не наблюдалось.

Совсем другими были отношения между императором и титулованной знатью, не входившей в состав правящей фамилии, — заслуженными сановниками. Главным содержанием всех документов, касающихся этой категории, являются ее взаимоотношения с тронем. Уже первое после бурных событий лета 1402 г. обращение Чжу Ди к заслуженным сановникам, выдвинутым им самим во время войны, свидетельствует о беспокойстве императора за их дальнейшую позицию во внутривластных делах. Обращение датировано 2 ноября 1402 г. В нем говорится: «Государь и сановники — это, как [принято] говорить, голова, руки и ноги одного и того же тела, немислимые друг без друга. Поэтому, будучи императором, нужно заботиться о сохранении [неприкосновенности] всех своих подданных. Однако и будучи сановником, также следует думать о сохранении своего [положения]. Каждому человеку, достигшему богатства и знатности, трудно их сохранить. Особенно трудно было вам, прошедшим со мною через тысячи смертей. Ныне все вы получили [большое] жалованье и [удостоились] титулов, которые перейдут [по наследству] к вашим сыновьям и внукам. Какие же [у вас] могут быть трудности? Однако нужно подумать о сохранении [всего] этого. Ведь за заслуги награждают, а за преступления карают. Все вы должны с почтением соблюдать великие законы, установленные для всей Поднебесной царственными предками. Если же [вы] не проявите [должной] почтительности и нарушите их, то я не осмелюсь, кривя [душой], простить [вас], ибо забвение общественных [интересов] ради личных не почитается в Поднебесной. Ваш долг — почтительно и

предусмотрительно приближаться к идеалу [сановника] и сообщая продлить навечно благополучие и процветание» [23, цз. 13, 232].

Здесь звучит предостережение и даже угроза, выраженная, однако, в абстрактной и довольно мягкой форме. О каких «преступлениях» и «нарушениях» идет речь, не разъясняется. Но нет сомнения, что смысл намеков был понятен адресату. О том, на что конкретно намекал император, можно представить, ознакомившись с появившимся вскоре императорским манифестом заслуженным сановникам от 27 декабря 1402 г. Здесь четко говорилось о неподчинении и противодействии императорскому двору. Манифест гласил: «В древности те люди, которые, [совершая] военные подвиги, умирляли Поднебесную и становились государями, непременно полагались на помощь [своих] генералов и сановников. [Однако] после того часто не удавалось сохранить единства [государя и этих людей]. Почему же так? Потому, что занимавшие высокое положение [сановники] легко [начинали] своевольничать, а нарушив законоустановления, в большинстве [случаев] упорствовали, [идя] до конца [неправильным путем]» [16, цз. 12, 889]. Характерно, что выраженные здесь опасения нового правительства по поводу «своеволия» высокопоставленных подданных недвусмысленно связываются со спецификой сложившейся ситуации — захватом Чжу Ди власти военной силой. Ссылки на древность в данном случае были не больше чем соблюдением хорошего тона. Следует также отметить, что манифест от 27 декабря был обращен уже не только к выдвиженцам и соратникам Чжу Ди, а ко всем заслуженным сановникам.

В соответствии с высказанными опасениями в цитируемом документе наряду с декларированием пожелания, чтобы все заслуженные сановники «вечно пользовались богатством и знатностью», содержалась новая угроза в их адрес. Император предупреждал: «Если снова [будете] своевольничать и упорствовать до конца, то не спросить [с вас] за это будет нарушением установленных Гаохуанди (Чжу Юань-чжаном. — А. Б.) законов, а спросить — [будет] соответствовать всем законам» [16, цз. 12, 889]. Слово «снова» здесь весьма симптоматично. Это прямой намек на трения, возникшие между императорским двором и заслуженными сановниками при Чжу Юань-чжане. Как видим, в начале своего царствования Чжу Ди опасался

повторения подобной ситуации и заранее предупреждал о применении в этом случае соответствующих мер.

В оправдание того, что подобные меры против титулованной знати могут вызвать толки и обвинения Чжу Ди в жестокости, манифест прямо апеллировал к законоустановкам конца XIV в.: «[При] Гаохуанди... заслуженных сановников, совершавших преступления, предупреждали о наказании до трех раз. Если предупреждения не действовали на них, тогда [их] наказывали. Даже родичей, даже старых [соратников он] не осмеливался помиловать. [Поэтому] возвышенные и совершенные люди все в один голос говорили, что Гаохуанди гениален и [принимает] смелые решения» [16, цз. 12, 889]. Документ заканчивался сообщением о снятии копий с «предупредительных» указов Чжу Юань-чжана и распространении их текста в стране в назидание заслуженным сановникам [16, цз. 12, 889].

Подобная же мера — распространение «Незыблемых образцов указов Тай-цзу Гаохуанди с предостережением заслуженным сановникам», а также копий «Указов Тай-цзу» — была повторена через пять лет. Это сопровождалось новым императорским манифестом, датированным 12 января 1408 г., который почти полностью повторяет основные положения манифеста от 27 декабря 1402 г. [23, цз. 74, 1024–1025]. Однако при всем этом в новом документе можно заметить одно характерное отличие. Теперь, спустя пять с половиной лет после воцарения Чжу Ди, правительство было склонно усматривать причину «самоволия» заслуженных сановников уже не в сложности ситуации, порожденной последствиями войны и переворотом, а в самом привилегированном положении титулованной знати. Манифест от 12 января 1408 г. гласил: «Я искренне желаю вместе со всеми вами при полном соблюдении законоустановлений и порядков [Тай-цзу] сообща сохранять богатство и знатность. Но в делах между государем и сановниками бывают трудноразрешимые случаи. Ведь самоволие, [порождаемое] избытком процветания и удовлетворенности, [это] нарушение законов. Оставить его без ответа будет нарушением совершенных законоустановлений царственного предка...» [23, цз. 74, 1025].

Наконец, 21 июля 1409 г. был выпущен еще один императорский манифест, предостерегающий заслуженных сановников. Он сопровождался целой книгой, куда вошли копии «предостерегающих»

указов Чжу Юань-чжана и статьи законодательства о наказаниях и ограничениях [23, цз. 93, 1233]. Однако тон нового манифеста несколько отличался от тона двух предшествующих. Манифест гласил: «Издrevле добрые [отношения] между государем и сановниками легко [сохранялись] в начале [царствования] и с трудом [сохранялись] до конца. А путь к взаимосохранению состоит лишь в том, чтобы государь [утверждал] просвещенные законы, а сановники соблюдали бы эти законы... Все вы преодолели вместе со мною множество трудностей, чтобы, достичь сегодняшнего дня, когда [мы] вместе наслаждаемся богатством и знатностью. [Сохраняйте] свою честь и славу от начала и до конца... Я не забываю трудности ваших усилий и намерен сберечь [вас] в целости. Вы также не должны забывать трудностей прежних дней и уклоняться от намерений самим себя уберечь. Будьте почтительны, не будьте нерадивы, и тогда [отношения] между государем и сановниками будут прекрасны [и для него и для вас]» [23, цз. 93, 1232–1234].

Хотя манифест от 21 июля заканчивался все теми же угрозами не щадить провинившихся, в целом он имеет более мягкий характер, чем аналогичные документы в прошлом. Теперь император как бы ставил себя в близкое к знати положение, говорил о своей зависимости от ее позиции. Это смягчало угрозы, придавало манифесту доверительный и даже несколько просительный характер. Чем это было вызвано? В преамбуле к тексту манифеста в «Мин Тай-цзун ши лу» сказано, что появление этого документа было обусловлено «своеволием и нарушением законов» со стороны многих «заслуженных сановников», что, в свою очередь, объяснялось тем, что они стали вести «спокойную жизнь» [23, цз. 93, 1232]. В этом заложен глубокий смысл.

К середине 1409 г. правительство уже ощутило достаточную прочность своего положения. Как показывала практика, ни в первые после переворота, ни в последующие годы оно не столкнулось со сколько-нибудь существенной и организованной оппозицией со стороны) заслуженных сановников. Предотвращение такой оппозиции и было главной целью политики правительства Чжу Ди в отношении них. Именно эту цель преследовали приводимые выше «предостерегающие» манифесты и неоднократные рассылки устрашающих документов конца XIV в. Сохранение спокойствия и подчинение центральной власти заслуженных сановников, иначе

говоря, нейтрализация их на внутривластной арене — вот то, чего добивалось правительство Чжу Ди. К 1409 г. оно стало убеждаться во все меньшей вероятности создания подобной оппозиции. Красноречивым свидетельством тому является приводимое упоминание о «спокойной жизни» заслуженных сановников. Поэтому претензии, предъявлявшиеся к ним правительством, могли теперь касаться лишь отдельных инцидентов, не вызывавших большой тревоги у императора. В целом же спокойствие заслуженных чиновников должно было успокоить и императорский двор. Отсюда более мягкий тон манифеста от 21 июля 1409 г. Это соображение подкрепляется и тем обстоятельством, что впоследствии, вплоть до смерти Чжу Ди, подобных манифестов не публиковалось. Следовательно, после 1409 г. правительство сочло свои цели в отношении заслуженных сановников достигнутыми и перестало уделять этому вопросу серьезное внимание.

Отмеченная перемена в позиции императорского двора дает ключ к объяснению того факта, почему в начале XV в. недоверие к заслуженным сановникам не переросло в репрессии против них, как это случилось при Чжу Юань-чжане. Перечисленные угрозы и предостережения носили скорее превентивный характер. Естественно, отдельные представители отмеченной категории лиц могли смещаться с занимаемых ими постов и даже подвергаться гонениям, но это не имело, как раньше, сколько-нибудь систематического характера. О том, насколько осторожно подходил Чжу Ди к данному вопросу, могут свидетельствовать его наставления наследнику престола в мае 1409 г. В них, в частности, говорилось: «Если [кто-либо из высших сановников] совершит небольшой проступок, не следует выносить поспешных решений и позорить [его]... При каждой провинности заслуженного сановника следует подготовить подробное [описание] его преступления и доложить мне, чтобы я сам [определил] меру наказания» [23, цз. 90, 1189, 1191]. Видимо, император боялся любого опрометчивого шага в отношении заслуженных сановников и никому не передоверял связанных с ними дел.

Заслуженные сановники со своей стороны также не получали новых причин для конфронтации с правительством. Систематическое повторение императорским двором обещаний стоять на страже их богатства и знатности! в обращенных к ним манифестах отнюдь не было пустыми словами. Социальное и материальное положение

титулованной знати оставалось самым высоким. Титул приносил более высокое жалованье. При этом не сокращались выплаты за прочие звания и должности [23, цз. 86, 1140]. Щедрые дары сопровождали присвоение титула и впоследствии преподносились в знак монаршей милости [23, цз. 25, 451, цз. 99, 1296–1297, цз. 124, 1555].

Титулованная знать участвовала в придворной жизни: присутствовала на торжественных церемониях, на различных банкетах, дававшихся в ее честь, и т. д. Ее представители могли, например, иногда позволить себе такую «шалость», как избить палками правительственного чиновника, и получить за это прощение [23, цз. 172, 1910], Правительство Чжу Ди, правда, не восстановило жалованных земельных владений заслуженных сановников, отобранных у них еще в 1392 г. Но в то же время оно не трогало основу богатства знатных фамилий — их земельную собственность. Единственным шагом, несколько ущемлявшим экономические интересы титулованной знати, можно считать распоряжение от 25 июля 1404 г. о выплате ей части жалованья ассигнациями вместо более устойчивого в цене риса [23, цз. 32, 569–570]. Однако это не имело решающего значения, способного изменить ее позиции в целом.

Вся отмеченная выше политика правительства Чжу Ди позволяла заслуженным сановникам убедиться, что оно не намерено посягать на их прерогативы, но в то же время решительно настроено против непослушания и оппозиции с их стороны. В этих условиях стимулы к дальнейшему расширению конфликтных отношений с императорским двором, тенденция к чему наметилась в конце XIV в., постепенно исчезали. Взаимная настороженность, сохранявшаяся в течение семи-восьми лет после утверждения новой власти, была в основном ликвидирована.

Однако примирение с титулованной знатью, не входившей в императорский клан, отнюдь не означало, что двор намерен обрести в ней надежную внутреннюю опору. Данных о каких-либо шагах в этом направлении нет как до 1409 г., так и после. Главным для правительства по-прежнему оставалась нейтрализация политической активности этой прослойки и контроль над нею.

Попытки правительства Чжу Ди усилить контроль над бюрократическим аппаратом и усовершенствовать его работу в целях стабилизации положения в стране

Если, как отмечалось выше, роль аристократии в политической жизни императорского Китая чаще всего не была значительна, то за бюрократией исследователи признают ведущее место в управлении страной. Значение бюрократической прослойки здесь было настолько велико, что имеется даже тенденция отождествлять (с определенными оговорками) ее с господствующим классом китайского средневекового общества [58, 22]. Такое отождествление подразумевает в широком плане переплетение бюрократической прослойки с сословием шэньши, из рядов которого посредством государственных экзаменов формировались чиновники.

В данной связи следует отметить, что социальная стратификация китайского древнего и феодального общества остается в целом еще недостаточно изученной. Это объясняется нечеткостью социальных граней, столь характерных для имеющихся в распоряжении исследователя китайских исторических и правовых источников. Не имея возможности сколько-нибудь подробно затрагивать спорную проблему о характеристике господствующего класса Китая в настоящей работе, ограничимся лишь следующими замечаниями.

Бюрократия в феодальном Китае, и в частности в рассматриваемый период, составляла одну из существенных прослоек господствующего класса. Помимо того что чиновничество формировалось главным образом из представителей богатых семей или семейных корпораций, служилая должность давала обладателю повышение социального статуса и материальные доходы. Получалась своего рода обратная зависимость, сращивающая богатство и административную власть. Через широкий слой шэньши бюрократия была опосредованно связана с феодальным классом землевладельцев, державшим в своих руках органы местного самоуправления (землячества, сельские общины, кланы и т. д.), а также с городскими верхами. Тесный контакт между чиновной администрацией и шэньши-землевладельцами отмечается

всеми исследователями. В связи с этим Ч. О. Хакер, изучавший период XIV–XVII вв., говорит, что на определенных уровнях бюрократия служила проводником интересов местной элиты, т. е. опять-таки шэньши-землевладельцев [213, 60].

Все отмеченное позволяет сказать, что бюрократия в известной степени отражала интересы основного ядра господствующего класса Китая.

Вместе с тем, являясь частью государственной машины, чиновные слои были призваны осуществить мероприятия, ограничивавшие и ущемлявшие непосредственные интересы феодальных собственников, — охранять неприкосновенность государственного сектора, казны, сдерживать чрезмерный рост крупной земельной собственности.

Нужно также учесть, что бюрократия в Китае строилась по строго иерархическому принципу и положение стоявших на высших ступенях чиновников сильно отличалось от занимавших нижние ступени. Хэ Бин-ди, например, считает возможным выделить по крайней мере три слоя чиновничества, отличавшиеся друг от друга как степенью власти, так и социальным весом и привилегиями [206, 24–25].

К концу XIV — началу XV в. бюрократический аппарат в Китае представлял собой довольно стройную учрежденческую пирамиду. Ч. О. Хакер, посвятивший специальные работы исследованию государственного аппарата в период Мин, выделяет четыре самостоятельные, хотя и взаимосвязанные, служебные иерархии администрации: рядовую, цензорско-судебную, образовательно-ученую и специально-служебную [210, 36]. Наиболее значительна была рядовая администрация. Вершину этой иерархии составляли шесть Ведомств (*лю бу*): чинов, налогов, обрядов, суда, общественных работ и военное. Каждое Ведомство состояло из нескольких Департаментов (*сы*), а кроме того, могло включать различные управления, отделы и прочие специальные подразделения. Ведомства были наделены значительной долей исполнительной власти и выполняли роль центральных правительственных органов. Им подчинялись 16 провинциальных правлений (*бучжэнсы*) по числу провинций страны. В начале XV в. это были: Бэйпин (затем Бэйцзин, а с 1421 г. Северная Чжили), Шаньдун (вместе с Ляодуном), Шаньси, Хэнань, Шэньси (вместе с Ганьсу), Сычуань, Хугуан, Чжэцзян, Цзянои, Фуцзянь, Гуандун, Гуанси,

Юньнань, Чжили (с 1421 г. Южная Чжили), Гуйчжоу (с 1414 г.) и Цзяочжи (северная часть Вьетнама, с 1407 по 1427 г.). Ниже стояли, соответственно подчиняясь друг другу, 159 областных (*фу*), 240 окружных (*чжоу*) и 1144 уездных (*сянь*) правлений. Это также соответствовало административному делению. Начальники местных правлений исполняли ключевые функции управления на местах.

Цензорат имел свои центральные и провинциальные органы. Судебные власти помимо Ведомства суда возглавлялись Главной судебной палатой (*Далисы*). Существовали также сановники Службы проверки (*гэйшичжун*). Совмещение деятельности рядовой администрации с цензорско-судебным надзором, так же как и с местной военной властью, происходило на уровне провинций.

Образовательно-ученая иерархия была представлена различными академиями, школами и училищами, где воспитывалась смена чиновной бюрократии. Наконец, под специальными службами подразумевается дворцовая администрация и органы сыска и охраны императорской особы.

По подсчетам Ч. О. Хакера, в империи Мин в среднем существовало от 10 до 15 тыс. официальных чиновных постов [213, 14]. Однако число чиновников было значительно больше, ибо эта цифра учитывает лишь тех, кто занимал служилые должности. Помимо того были такие категории, как чиновники, ожидающие назначения, т. е. не имевшие определенного поста; потенциальные чиновники — люди, имевшие принципиальную возможность занимать должность; чиновники в отставке, которые продолжали пользоваться многими привилегиями служилого сословия и могли быть возвращены на службу. Наконец, официальное число чиновных должностей не охватывало занятых в административном аппарате низших служащих («под-чиновников»). Последних было приблизительно 130 тыс. человек [213, 14].

Чиновная субординация, о которой уже упоминалось в первой главе, сопровождалась соответственно различным жалованьем и привилегиями. Определенные должности в государственном аппарате могли занимать лишь чиновники строго определенных рангов.

Желая удержаться у власти, Чжу Ди не мог не учитывать той значительной роли, которую традиционно играла бюрократия в жизни Китая. Общие основы политического курса нового правительства в

отношении чиновничества были сформулированы в императорском манифесте от 24 января 1403 г. Прежде всего здесь постулировалась мысль о необходимости чиновного аппарата и невозможности для императора обходиться без него. Манифест гласил: «Вселенная обширна, один человек не в состоянии управлять ею. [Поэтому] необходимо брать на службу мудрых, отбирать способных, чтобы совместно с ними управлять [ею]... Из всех государей всех династий те, которые придерживались этого [принципа], правили [спокойно], те, которые не [придерживались], [страдали от] беспорядков» [23, цз. 16, 291].

Само по себе подобное признание ничего не изменяло. Бюрократический аппарат существовал в Китае издревле, и император, как отмечалось исследователями, не имел другой альтернативы, кроме использования в управлении страной чиновничества [58, 25]. Однако, будучи сделано новым правительством после известного ослабления функций государственного аппарата при Чжу Юань-чжане, после попыток административных реформ, внутренней войны и переворота, такое признание звучало как определенная гарантия стабильности бюрократии. Отдавая должное чиновничеству, император как бы делал своеобразный реверанс перед ним.

Подтверждение Чжу Ди необходимости использования чиновников не осталось случайным, преходящим моментом. Повторение подобных сентенций во многих последующих официальных документах начала XV в. позволяет усмотреть в этом незыблемый принцип, которого намеревалось придерживаться правительство Чжу Ди. В качестве примера можно назвать манифест от 7 февраля 1418 г., где снова утверждалось: «Государь не может единолично управлять всем, поэтому необходимо назначать чиновников на различные должности в управлении обществом» [23, цз. 196, 2053].

В соответствии с этим принципом в начале XV в. наблюдается увеличение рядов бюрократии. В какой-то мере это можно объяснять выдвижением Чжу Ди «новых» людей, т. е. своих соратников времен войны, с сохранением при этом основного костяка «старых» управленческих кадров. В источниках зафиксировано значительное увеличение штата чиновников уже к лету 1404 г.: «Император в несколько крат против прежнего увеличил число столичных и

провинциальных чиновников, состоявших на жалованье Ведомства чинов» [26, цз. 8, 10a].

Этот рост был настолько велик, что возникала необходимость его несколько ограничить. 24 июля 1404 г. император дал следующее распоряжение Ведомству обрядов: «Лишние чиновники только сидят и проедают [поставляемое] народом продовольствие... Вчера я посмотрел [данные] о выплате Ведомством чинов содержания столичным и провинциальным чиновникам. Число их возросло в несколько раз. Поэтому [я] считаю, что не нужно непрерывно пополнять [их состав]. Ограничимся теми людьми, [что уже служат]» [23, цз. 32, 569].

Одновременно Ведомство чинов отдало распоряжение всем учреждениям отсеять «лишних чиновников» [23, цз. 32, 569]. Однако в источниках нет сведений о последующем заметном сокращении штата чиновников. Можно предположить, что оно не было сколько-нибудь существенным. Отмеченные распоряжения могли остановить дальнейший рост административного аппарата, но не больше.

В манифесте от 24 января 1403 г. об общих основах взаимоотношений императора и бюрократии нашел отражение и такой традиционный момент, как превознесение «мудрости» чиновников. Все успехи, достигнутые Чжу Юань-чжаном (кстати, период его царствования характеризуется в манифесте как время «спокойствия», когда «политика и просвещение были приведены в порядок»), объяснялись тем, что он назначал на служебные посты лишь «мудрых», т. е. тех, кто оказался способным «оберегать народ и вести управление» [23, цз. 16, 291].

Подобная мысль прослеживается и во многих других официальных документах начала XV в. Например, в указе Ведомству чинов от 22 сентября 1403 г. говорилось: «Строю планы лишь как найти мудрых [чиновников] для помощи справедливому управлению... Следует приказать всем столичным и провинциальным властям выдвигать [на службу] тех, кого [они] знают [как мудрых]» [23, цз. 23, 419].

Сам по себе критерий «мудрости» в оценке деятельности чиновников не представлял ничего исключительного. Его можно считать типичным, официально пропагандируемым еще в древнем и средневековом Китае. Но настойчивое обращение к нему в

исследуемый период скрывало за собой вполне конкретные политические расчеты. Подчеркивая необходимость для чиновников «быть мудрыми», правительство Чжу Ди преследовало две основные цели.

Во-первых, критерий «мудрости» был использован для защиты позиций двора в таком насущном для первых лет правления Чжу Ди вопросе, как соотношение «новых» и «старых» чиновников в административном аппарате. Этот вопрос, вставший непосредственно после переворота 1402 г., не утратил своей остроты и в последующие годы. Какова была основная позиция правительства по этому вопросу и каким образом здесь использовался тезис о «мудрости» чиновников, раскрывается в императорском манифесте от 22 апреля 1403 г.: «Государи, [обдумывающие] планы управления, должны выискивать людей, которых [они] используют. Иногда [таковых] подбирают из [сановников, служивших во времена] исчезнувших империй, иногда выдвигают [из числа своих] врагов, лишь бы только они были мудры» [23, цз. 19, 337]. Хотя приводимые далее в тексте манифеста исторические примеры сходных ситуаций касались лишь давно прошедших времен, нет никакого сомнения, что основной пафос цитированной сентенции был направлен на идеологическое обоснование действий правительства в текущий момент.

Иными словами, в данном манифесте подтверждается принятая еще в ходе переворота линия на «привлечение старых людей» к административному управлению страной, а тезис о «мудрости» служит своеобразным оправданием этой линии. Однако ее проведение в жизнь было сопряжено с немалыми трудностями. В течение целого ряда лет после переворота «старые» чиновные кадры с недоверием относились к правительству Чжу Ди, а «новые» выдвиженцы стремились оттеснить их.

Отмеченное недоверие засвидетельствовано в манифесте от 22 апреля 1403 г.: «Недавно [мне] стало известно, что в душах высших сановников все еще осталась боязнь, подозрение и беспокойство за [свои] должности. Все это происходит потому, что они не прониклись велением Неба, не уяснили моих намерений» [23, цз. 19, 338]. Желая рассеять их сомнения, император объяснял свои намерения: «Как же можно уподоблять [вас] иноземным врагам?... Те, кто ныне занимает наиболее важные служебные посты и [решает] серьезные, строго

секретные [дела], — все они не [мои] люди прежних дней, [войны] «Цзиннань». Это хорошо известно всей Поднебесной, и [вы] это знаете. Какие же еще могут быть сомнения и подозрения?» [23, цз. 19,338].

Отмеченные заверения имели реальные основания лишь наполовину. Если Чжу Ди действительно не был намерен рассматривать «старых» чиновников как врагов, то утверждение о сохранении всех важнейших постов за «старыми» людьми не соответствовало истине. О последнем свидетельствует доклад начальника пекинского Походного судебного ведомства Ло Ця-ня, поданный в начале 1405 г. Докладчик писал: «На службе при дворе следует совместно использовать как новых, так и старых людей. Сейчас же доверенные люди [императора] — это, как правило, прежние сановники вассальных уделов, что является нарушением общего порядка продвижения [по службе]» [23, цз. 39, 649]. Тот факт, что Ло Цяня обвинили за это в «сумасбродных речах», и, сначала помиловав, вскоре казнили «за казнокрадство», лишь доказывает правоту его слов и боязнь двора привлекать внимание к поднятой им проблеме [23, цз. 39, 649–650].

Беспокойство и сомнения «старых» чиновных кадров усиливались сохранением радикальных настроений против них среди некоторых «новых» людей. Например, в рапорте императору в середине 1403 г. Ли Цзин-лун сообщал, что отдельные сановники (по именам их не называет) предлагают уволить со службы всех чиновников, причисленных при Чжу Юань-чжане к изменникам, а также всех, получивших посты при Чжу Юнь-вэне. Чиновников же, выдвинутых по протекции Ци Тая и Хуан Цзы-дэна, равно как и прочих ближайших к трону Чжу Юнь-вэня сановников, предлагалось разжаловать в простоллюдины [23, цз. 20, 370].

Другая группа чиновников во главе с начальником Ведомства чинов в октябре того же года подала доклад с возражением против восстановления на службе тех, кто, получив назначение при Чжу Юнь-вэне, был затем при нем же уволен [23, цз. 23, 424]. Наконец, в августе 1406 г. еще одна группа чиновников возражала против назначения на важный пост Хуан Фу, так как он был «старым сановником» времен Чжу Юнь-вэня [23, цз. 56, 832].

Император по-прежнему, как это было еще во время переворота, не шел навстречу подобным радикальным настроениям. Об этом

свидетельствует реакция двора на перечисленные предложения и доклады. В первом случае резолюция гласила: «Такое решение переходит через край!.. Хотя [некоторые чиновники] и были выдвинуты [на службу] коварными сановниками, но разве [они] служили именно им? Всех их не трогать» [23, цз. 20, 370]. Во втором — наиболее полно использовался тезис о «мудрости» как единственной критерии оценки чиновников: «Людские таланты в Поднебесной — все выпестованы моим покойным отцом... Всех способных и талантливых [людей] использовать на прежде занимаемых [ими] чиновных должностях. Главные [посты] предоставлять только лишь [в соответствии] с мудростью и талантом... Как же можно отстранять [от службы] тех, кто был выпестован моим покойным отцом по той лишь причине, что они использовались [в годы] Цзяньвэнь? Отныне более не проводить такого различия, а использовать людей [на службе], сообразно их талантам» [23, цз. 23, 424]. Наконец, в третьем случае император ответил, что он «при использовании людей не делит их на старых и новых» [23, цз. 56, 832].

Последняя из перечисленных формулировок неоднократно встречается в документах начала XV в. [23, цз. 20, 369]. Однако на деле деление чиновников на «старых» и «новых» сохранялось по крайней мере до середины 10-х годов. Даже спустя значительное время после окончания войны «Цзиннань» назначения отдельных лиц на важные государственные посты могло вполне официально мотивироваться тем, что это были люди, служившие Чжу Ди еще до 1402 г. [23, цз. 58, 850–851]. В 1415–1416 гг. отмечены даже случаи выдвижения на службу сыновей бывших сподвижников Чжу Ди по военному и довоенному времени [23, цз. 162, 1837, цз. 177, 1935–1936]. Тем самым прослойка «новых» чиновников обнаруживала тенденцию к самостоятельному существованию. Со своей стороны, категория «старых» людей также сохраняла особый статус. Еще летом 1412 г. о чиновниках, получивших служебные назначения при Чжу Юнь-вэне, говорилось как о некой особой категории [23, цз. 128, 1591].

Таким образом, если императорский двор по-прежнему стремился не допустить полного оттеснения «старых» людей от участия в административном управлении, то это отнюдь не мешало ему сохранять завоеванные «новыми» политическими деятелями позиции. Яркой иллюстрацией этому служит реакция на доклад Ло Цяня. При

сложившемся положении, когда «новые» выдвиженцы занимали фактически преобладающие позиции, привлекаемые к управлению «старые» люди находились практически на вторых ролях.

Создание монолитной правящей верхушки, сплоченной вокруг императорского трона, несомненно отвечало интересам нового правительства. Этой цели — стиранию наиболее острых противоречий между «старыми» и «новыми» чиновниками — и служили в конечном счете заявления Чжу Ди о предпочтении критерия «мудрости» при подборе служилых кадров. Однако ликвидировать внутренние трения было нелегким делом. Синтез единой чиновно-бюрократической олигархии при Чжу Ди безусловно шел. Но шел отнюдь не быстро и не безболезненно. И вряд ли можно было бы ожидать иного, ибо внутренняя борьба и потрясения предшествующих лет не могли исчезнуть без всяких последствий. Правительство Чжу Ди на первых порах безусловно должно было доверять прежде всего своим выдвиженцам. В «новых» людях оно справедливо рассчитывало найти одну из опор для своего господства в стране. Наоборот, «старые» сановники вполне обоснованно должны были казаться наиболее питательной средой для возможной внутренней оппозиции.

В источниках можно найти прямые подтверждения тому, что императорский двор в начале XV в. именно этого и опасался. Манифест от 17 сентября 1403 г., обращенный к чиновникам, в частности, гласил: «Не объединяйтесь в сообщества ради личных выгод, не жадничайте и не будьте нахальными, не допускайте своеволия и распушенности, чтобы [в итоге] не связаться со злобными бандитами... [против] вышестоящего (императора. — А. Б.). Не поворачивайтесь спиной к делу, основанному трудами моего покойного отца» [23, цз. 23, 418]. Пытаясь предотвратить возможную оппозицию, император страшил чиновников тем, что их недовольство правительством может в конечном итоге привести к народным восстаниям. Например, в связи с упомянутыми спорами по поводу назначения Хуан Фу двор писал: «При выдвижении [на службу нужно] быть искренним и нельзя питать подозрений... Если же кто-либо [из чиновников со своей стороны будет] питать подозрительность, то народ некогда попытается сбросить [свои] обязанности» [23, цз. 56, 832].

Отмеченная сложность во взаимоотношениях правительства Чжу Ди с различными группами чиновной бюрократии позволяет понять,

почему курс на «привлечение старых людей», в конечном итоге отвечавший коренным интересам новой власти, проводился с некоторой осторожностью. В этих условиях заявления о «мудрости» как единственной критерии в оценке чиновников и о неделении их на «старых» и «новых» нельзя переоценивать. Подобные заявления служили лишь для теоретического оправдания отмеченного курса, но это не означало, что они со всей пунктуальностью претворялись в жизнь.

Приведенные выше примеры, свидетельствующие о попытках правительства предотвратить оппозицию в бюрократических слоях, показывают, что императорский двор предъявлял к чиновничеству определенные требования. И здесь мы сталкиваемся со вторым основным аспектом использования критерия «мудрости» чиновника правительством Чжу Ди. Мы имеем в виду систематические наставления о нормах поведения управленческих кадров, наставления, призывавшие их быть мудрыми и дальновидными в самом прямом смысле этого слова.

Подобные наставления составляют существенную часть почти каждого официального документа, обращенного в начале XV в. в адрес чиновничества. Для примера можно привести опять-таки манифест от 24 января 1403 г., где говорилось: «Вы, гражданские и военные сановники, вне зависимости от того, высокую или низкую должность [вы занимаете], проникнитесь моими душевными устремлениями. [Пусть] каждый [из вас] до конца идет своим путем. Не будьте зловредными, не поддавайтесь обману и приспособленчеству, правильно направляйте свои помыслы, будьте строги к своему поведению, докажите свою преданность в служении, сообща блюдите оставленные [Тай-цзу] на счастье народа законы. Вам следует приложить [к тому] все силы» [23, цз. 16, 291]. Во многих других документах также встречаются призывы, подобные следующему: «Каждому из вас (чиновников. — А. Б.) следует со всей душой сообща [выполнять] служебные обязанности, со всей искренностью сообща участвовать в делах» [23, цз. 19, 338].

В приведенных наставлениях заметно желание двора создать определенный идеал чиновника, который бы полностью отвечал интересам трона, с одной стороны, и управления, как такового, — с другой. Иногда подобные устремления являлись основой приказов и

манифестов, обращенных к чиновникам. Наиболее ярко это прослеживается в манифесте, изданном в феврале 1415 г. Он гласил: «Для чиновника главное — это быть верным, старательным, бескорыстным и почтительным... Общественный [долг] — это отказ от своекорыстия, справедливость — значит беспристрастие, гуманность — отсутствие жестокости, снисходительность — избежание пагубных [действий]. Не смейте думать об обмане народа, и [ваши] сердца [проникнутся] настоящей святостью! Не смейте думать об обмане императорского двора, и небесный владыка (божество. — *А. Б.*) будет с благоговением взирать на это» [16, цз. 16, 1111].

В таких призывах отразилось издавна присущее китайской общественно-политической мысли представление, что с помощью «мудрых» чиновников можно обеспечить идеальный порядок в стране. Иначе говоря, за всеми цитированными сентенциями скрывалось вполне искреннее стремление правительства Чжу Ди образцово наладить работу государственного аппарата, т. е. прежде всего бюрократической машины. Забота о нормальном функционировании этой машины прослеживается в течение всего царствования Чжу Ди. Здесь нельзя усматривать ни намерения следовать традициям, ни филантропических побуждений. Такая забота диктовалась насущными интересами нового правительства. Кратко формулируя свои основные задачи, Чжу Ди писал: «Днем и ночью я с почтением думаю лишь [о том, как] умиротворить и успокоить [страну], чтобы [с честью] вынести бремя [власти], доверенное мне по наследству» [23, цз. 16, 291]. Иными словами, в столь нестабильной обстановке ключ к удержанию достигнутой власти император видел в создании спокойного внутреннего положения. А нормальное функционирование управленческого аппарата было для этого важным условием.

В одном из императорских манифестов выражалось вполне резонное заявление: «Государь платит чиновникам жалованье, чтобы управление стало совершенным» [23, цз. 29, 521]. Однако обеспечить совершенную работу бюрократической машины было весьма трудным делом. Попытки создать идеальных, «мудрых» чиновников разбивались при столкновении с действительностью. В конце своего царствования Чжу Ди был вынужден прийти к печальному заключению, что «все чиновники совершают злоупотребления перед законом» [23, цз. 236, 2264]. Это признание было не так уж далеко от истины. Источники

пестрят сообщениями о нарушениях, допускавшихся должностными лицами: недобросовестном исполнении своих обязанностей, произволе и нарушении предписаний свыше, злоупотреблении судебной властью, алчности, лихоимстве, разврате и т. д. [23, цз. 23, 428, цз. 76, 1036–1037, цз. 122, 1539, цз. 124, 1555, 1562, цз. 233, 2247, цз. 267, 2423]. Наиболее распространенными пороками чиновничества было казнокрадство, взяточничество и эксплуатация населения подведомственных районов. Некоторым чиновникам, занимавшим даже не очень высокое положение, удавалось сколачивать несправедливыми путями миллионное состояние [23, цз. 166, 1859].

Нужно иметь в виду, что императорскому двору становилось известно лишь о немногих творимых чиновниками злоупотреблениях. По свидетельству цензора Дэн Чжи, чиновные власти покрывали друг друга в своих беззакониях [23, цз. 219, 2176–2177]. Поэтому даже если собрать все зафиксированные на страницах официальных документов случаи правонарушений со стороны должностных лиц, то и это не могло бы воссоздать во всем объеме картину произвола, чинимого бюрократической властью.

Естественно, что при тех расчетах, которые возлагал императорский двор на работу бюрократического аппарата, подобные явления не могли не вызывать недовольства высшей власти. Неудовлетворенность действиями отдельных должностных лиц, целых учреждений и, наконец, чиновничества в целом хорошо прослеживается на примере многих официальных документов, издававшихся от имени императора в первой четверти XV в.

Прежде всего, недовольство двора вызывала та безудержность, с которой чиновные власти эксплуатировали подведомственное им население. Одно из распоряжений императора в июне 1403 г., в частности, гласило: «Прежняя политика [периода] Цзяньвэнь приносила страдания и зло военному и гражданскому люду. Вступив на престол, я сразу же вознамерился дать ему (народу) отдохновение. Но ведающие тем власти не прониклись моими устремлениями и все еще наносят вред [народу] своими бесчинствами» [23, цз. 21, 379]. Далее разъяснялось, что это выражалось в нарушении правил набора людей в солдаты, ограблении населения, самочинном привлечении народа к различным общественным работам и т. д. В феврале следующего года Чжу Ди, обращаясь к чиновникам, писал, что те из них, кто не желает

народу добра, идут против его воли [23, цз. 27, 491]. Наконец, в распоряжении по поводу голода и бедствий, обрушившихся на провинцию Хэнань в 1407 г., говорит лось: «Это вина негодяев, назначенных мною (Чжу Ди) на [чиновную] службу» [23, цз. 67, 939]. Подобные примеры можно было бы продолжить.

Беспокойство верховной власти вызывало безразличие местной бюрократии к положению подведомственного ей населения, ее инертность. Это ярко отразилось в короткой, но весьма емкой сентенции из манифеста от 7 февраля 1418 г.: «Ныне вы (чиновники), сидя сложа руки, смотрите на бедность народа, спокойно оставляете [это] без внимания, утаиваете и большое и малое, ни о чем не докладываете двору. [Вероятно], вы не боитесь [возмездия] духов Неба и Земли!» [23, цз. 196, 2053]. В приведенной цитате обнаруживается еще один мотив, вызывавший резкое осуждение императорского двора, а именно систематическое сокрытие от высших инстанций действительного состояния дел на местах. Подобные мотивы прослеживаются и в других документах. В официальных бумагах констатировалось: «Докладчики сообщают, что в последнее время [погодные сезоны] своевременны, [царит] покой, годы урожайные, народ спокоен и [имеет] все в изобилии. При проверках же обнаруживается, что поля пустеют и порастают бурьяном, народ голодает и [страдает] от холода. Дошло до того, что [двору] не докладывают даже о засухах, наводнениях и саранче!» [23, 139, 1675]. Сетую на трудности, связанные с попытками обеспечить получение правдивой информации с мест, император писал: «Когда чиновники из провинции прибывают ко двору, я приказываю им докладывать о выгодах и бедствиях народа. Все, как правило, говорят, что поля засеяны, урожай богатый и [люди] в деревнях радостно трудятся. Недавно же стало известно, что голодающие в Шаньси едят кору деревьев, травы и корни. И никто не доложил об этом!» [23, цз. 136, 1653].

Наконец, в претензиях двора к чиновникам сквозит недовольство их прямым неповиновением. Император признавал: «Некоторые [чиновники], подчиняясь [приказам на словах], нарушают и не соблюдают государственные законы [на деле]» [23, цз. 87, 1151]. В этом плане, по мнению Чжу Ди, оставляла желать лучшего даже работа высших административных органов. В начале 1404 г. он говорил: «В

последнее время из шести ведомств [исходит] слишком много [решений], вредных для [дела] политики. Это все следствие неисполнения подчиненными [ведомствам] чиновниками [своих] обязанностей» [23, цз. 26,487].

Отмеченные настойчивые требования двора к бюрократическому аппарату проявлять всяческую заботу о народе и его нуждах диктовались отнюдь не высокоморальными соображениями или же простым стремлением Чжу Ди приблизиться к идеалу «хорошего государя», пропагандируемому конфуцианским учением. Причина такой заботливости была гораздо реальнее. Она вызывалась боязнью, что самоуправство чиновников может вызвать новое крупное восстание народных масс (как и в середине XIV в.). Эти опасения усугублялись теми тяжелыми последствиями, которые имела для значительной части населения война «Цзиннань». Доказательством тому может служить обращенный к гражданским и военным сановникам манифест от 27 мая 1404 г.: «Ныне, хотя в Поднебесной спокойно, народ все еще не пришел в себя и не отдохнул. В округах и уездах [есть] самодуры [чиновники], которые при сборе налогов и отправке [народа] на принудительные работы поступают бесчестно. Простой народ не в силах [вынести это]. [Поэтому] появляется много разбойников и мятежников» [23, цз. 30, 550].

Видя причины и опасность нарастающего в низах недовольства, правительство пыталось предотвратить возможный взрыв. Для этого и оказывалось всяческое давление на местные власти в «защиту» народа. «Нельзя допустить, чтобы злые духи привели в будущем к бедствиям и бунту [народа]; бедствия [же] происходят от лукавых [чиновников], счастье — от хороших» [23, цз. 87, 1151–1152].

Императорский двор в начале XV в. не ограничивался выражением недовольства по поводу отмеченных выше недостатков в работе бюрократической машины. Верный своему намерению добиться ее нормального, образцового функционирования, он старался исправить положение. Методы, применяемые для этого, были весьма различны.

Преимущество отдавалось методу убеждения. Призывы исправиться или приблизиться к идеалу хорошего чиновника занимают существенное место во многих документах рассматриваемого периода. Были уговоры назидательного характера: «Вам следует [вкладывать] в дело управления все сердце, искоренять тех, кто подрывает

благоденствие народа. Не самодурствуйте, следите за [сохранностью] каждой монеты, не безрассудствуйте... Вносите [свой] вклад в [дело] помощи военному и гражданскому люду. Стимулируйте земледелие и шелкоткачество и облагайте [их продукцию] налогами. Предусмотрительно оберегайте занимаемые [вами] посты. [Способствуйте] согласию и спокойствию в государстве. Докладывайте [двору] о [ваших] достижениях в управлении» [23, цз. 30, 550].

Были уговоры чисто идиллические: «Впредь [вы должны] исправиться. Сами себя перестройте. Алчные [пусть] станут бескорыстными, жестокие — гуманными» [23, цз. 196, 2053].

Были обращения и с несколько просительным оттенком: «Все вы чиновники — управители и защитники [народа]. Непременно помните об этом, любите и воспитывайте его. Не исчерпывайте до конца его имущества, не перенапрягайте его силы. Не будьте алчными, тупыми, своевольными и жестокими насильниками... Быть слугой [государя] — [это значит] смочь проникнуться мыслью своего государя о любви к народу, продвигать и осуществлять эту [мысль в жизни]... Вы должны все свое сердце и все силы отдавать достижению действенного успокоения народа, чтобы помочь [осуществлению] моего искреннего Душевного стремления» [23, цз. 38, 639, цз. 87, 1151–1152].

Наконец, были доверительные уговоры, подчеркивавшие общность целей бюрократии и императорской власти: «Вы, высшие гражданские и военные сановники, почитаете [меня] и помогаете [мне] еще более успокоить страну. Ныне во вселенной нет [трудностей] в делах. Мы все вместе радуемся [этому]. Однако нам всем вместе следует подумать, как сохранить [такое положение] на вечные времена... Спокойствие государства — это и ваше спокойствие. Призываю [вас] иметь [это] в виду» [23, цз. 89, 1183].

Однако, стремясь исправить недостатки в работе управленческого аппарата, императорский двор отнюдь не думал ограничиваться лишь убеждениями. В случае надобности в ход пускались угрозы. Например, в манифесте от 7 февраля 1418 г. говорится: «Если [вы — чиновники]... будете ожесточать народ, то [я] никак не прощу такого преступления. Так, если человек, которому поручили пасти быков и баранов, не смог добиться их приплода и еще многих заморил голодом до смерти, то он должен нести заслуженную кару. Так [будем поступать] и с теми, кому поручено быть пастырями людей» [23, цз. 196, 2053–2054]^[30]. Угрозами

применения репрессивных мер против непокорных чиновников был проникнут манифест от 17 сентября 1403 г. Много места отводилось в нем оправданию «политики наказаний», проводившейся Чжу Юаньчжаном в отношении его сановников. Обращение к наказаниям в то время объявлялось в манифесте вынужденной мерой. Кроме того, провозглашалось намерение Чжу Ди идти по стопам политики отца. «Надеюсь, что меры наказания будут служить достижению благополучия и справедливости», — заявлялось в манифесте [23, цз. 23, 418].

Угрозы не всегда оставались лишь на бумаге. В случае уличения чиновников в причастности к «бедам народа» их могли не только снимать с должности, но и препровождать в столицу в кандалах [23, цз. 124, 1563]. Применение различного рода крутых мер в отношении крупных и мелких должностных лиц при Чжу Ди отнюдь не было редкостью. В предшествующих главах уже отмечалось, что в 1403–1405 гг. был устранен (в том числе иногда и физически) целый ряд крупных военных сановников. В апреле 1407 г. та же участь постигла Ху Гуана и его «сообщников», обвиненных в «изменнических замыслах» [23, цз. 65, 916]. В 1414 г. подверглись гонениям Ян Ши-ци, Хуан Хуай, Ян Бо, Жуй Шань, Цзянь И и Цзинь Вэнь, занимавшие видные посты при дворе, а в 1421–1422 гг. — крупные сановники Ся Юань-цзи, Цзоу Ши, Фан Бинь, У Чжун, Лю Чжэнь и опять-таки Ян Ши-ци и Цзянь И [24, цз. 16, 714; 23, цз. 243, 2295–2296, цз. 254, 2349–2350].

Что же касается более мелких чинов, то, согласно источникам, в феврале-марте 1404 г. подверглись различным мерам наказания семеро из них, в марте 1405 г. — четверо, в апреле 1407 г. — двое и т. д. [16, цз. 13, 923–925; 23, цз. 39, 651, 656, цз. 65, 920–921]. Однако, учитывая методы, издревле практиковавшиеся в императорском Китае, подобное явление не представляет собой чего-либо исключительного. К тому же 16 июля 1407 г. была объявлена амнистия всем чиновникам, подвергнутым наказаниям в 1404–1407 гг. [23, цз. 68, 959]. После этого в источниках встречается гораздо меньше записей о применении насильственных мер против представителей бюрократических кругов.

Главное, что бросается в глаза, это невозможность провести какие-либо прямые аналогии с исполнительской практикой времени Чжу Юаньчжана. Если не считать период переворота 1402 г. и его отголосков в

ближайшие годы, какой-либо новой существенной волны репрессий в первой четверти XV в. не последовало. Манифест от 17 сентября 1403 г. остался больше угрозой, чем сигналом к действию. В этом отношении весьма показательны, что в 1404 г. во время обсуждения со своими приближенными вопроса о «наказаниях» император высказался за осторожность их применения [23, цз. 25, 467–468], Гибкость политики Чжу Ди в данном вопросе проявилась в том, что многие из упомянутых выше сановников, которые подвергались гонениям, через некоторое время восстанавливались в своих должностях.

В общем и целом можно сказать, что использование крутых мер против чиновно-бюрократических слоев не выходило при Чжу Ди за рамки традиционной политики «наград и наказаний» должностного сословия, рекомендуемой монарху конфуцианско-легистской моралью. Основной целью такой политики, по мысли китайских идеологов, должно было служить достижение хорошей работы управленческого аппарата. Именно в этом плане она и использовалась в начале XV в.

Намерение двора прибегать к «наградам и наказаниям» чиновников декларировалось в официальных документах. Например, в наставлении чиновникам в январе 1409 г. отмечалось: «[Тех чиновников, кто] сможет проводить [в жизнь] мое стремление [оказывать народу] гуманную помощь, [я] намерен отблагодарить за труды; нечестные [же] не узнают благодарности... Путь Неба в награждении достойных и наказании [провинившихся] согласно общим государственным законам» [23, цз. 87, 1151]. Еще раньше, в новогоднем манифесте 1406 г., провозглашалось желание императора «справедливо раздавать награды и наказания» чиновникам [23, цз. 50, 745], Практика показывает, что правительство Чжу Ди не ограничивалось здесь лишь декларациями и активно применяло не только «наказания», но и «награды».

Награды чиновникам, по существу, не отличались от наград военным чинам, о которых уже говорилось выше. Им также жаловались средства из казны, давались повышения в должности и для них устраивались специальные банкеты. Перечисление всех «милостей», оказанных в первой четверти XV в. чиновникам, заняло бы многие страницы. Поэтому, не прибегая здесь к подробному изложению, отметим лишь, что в декабре 1402 г. были утверждены специально разработанные правила придворных банкетов, куда приглашались и

верхи чиновной бюрократии [23, цз. 14, 259]. Награды же из казны иногда выдавались всему служилому сословию [23, цз. 130, 1610, цз. 189, 2007, цз. 267, 2425]. Но наиболее частой формой поощрения было награждение какой-либо группы чиновников. Индивидуальные дары получали, как правило, лишь самые высокие чины.

Политика «наград и наказаний», как средство для исправления недостатков и совершенствования работы бюрократического аппарата, практиковалась правительством Чжу Ди вплоть до последних лет его пребывания у власти. При этом, как можно судить по манифесту от 7 февраля 1418 г., здесь выработались определенные стандарты: «У государства имеются постоянные правила — награждать за заслуги и наказывать за преступления. Это должно служить стимулом для вас (чиновников). Не забывайте этого и не пренебрегайте этим!» [23, цз. 196, 2053–2054].

Пытаясь преодолеть один из основных недостатков чиновной бюрократии — взяточничество и казнокрадство, правительство в первой четверти XV в. специально издало несколько строгих указов [23, цз. 166, 1859, цз. 207, 2115, цз. 236, 2268].

В борьбе за приближение работы аппарата управления к идеальному образцу применялось и такое традиционное для Китая средство, как инспекционные смотры. Специальные эмиссары двора направлялись в различные районы страны для выяснения на месте истинного положения дел. Посланцы императора получали полномочия вести на местах суд и расправу над нерадивыми и самоуправными чиновниками, чтобы «искоренить прежнее зло, [установить] спокойствие и добро» [23, цз. 21, 379].

Подобные миссии начали рассылаться из столицы еще летом 1403 г. [23, цз. 21, 379]. В июне 1409 г. ко двору поступило предложение направлять цензоров с инспекторским досмотром ежегодно во втором месяце по лунному календарю [23, цз. 91, 1197]. Это предложение было одобрено и передано для проведения в жизнь в Ведомство чинов. Насколько пунктуально оно претворялось в жизнь, судить трудно. Однако мы имеем одно свидетельство, относящееся к 1412 г., что эти инспекционные миссии направлялись ежегодно [23, цз. 129, 1602].

Особенно широко инспекция была проведена в 1415 г. Общее руководство этим мероприятием возлагалось на цензора У Вэня. Специальный императорский указ ставил перед ним и прочими

эmissарами следующие задачи: «Местные власти скрывают и не доводят до сведения [двора] трудности, [испытываемые] населением. Тебе и прочим, получившим поручение быть моими ушами и глазами, следует всеми силами проверять тех, кого императорский двор назначил волостными и уездными чиновниками. При выявлении [среди них] алчных лихоимцев и нарушителей законов арестовывайте их... Следует, не извращая [положения дел] и [никому] не попустительствуя!.. присылать доклады о каждой выгоде и каждом бедствии народа» [23, цз. 160, 1819–1820].

Повышенное внимание императорского двора в начале XV в. к организации подобных миссий говорит о его стремлении преодолеть одно из самых уязвимых мест в работе бюрократической машины — слабость контроля центральной власти над действиями чиновников на местах. Эта слабость осознавалась и признавалась современниками. Например, один из представителей провинциальной просвещенной элиты Ао Жу-юань в своем докладе императору писал: «Ныне, [если] захотеть, чтобы мелкий люд спокойно трудился, то нужно [учинить] внимательное разбирательство тому, как соблюдаются приказы [свыше]» [23, цз. 91, 1197]. Существующая система цензорного надзора не могла справиться с такой задачей, о чем и свидетельствует попытка Чжу Ди наладить регулярные инспекционные досмотры.

Однако все перечисленные меры оставались в значительной степени тщетными. Ни уговоры, ни угрозы, ни наказания и награды, ни указы против взяточников, ни инспекционные смотры — ничто не могло переломить инерцию бюрократической машины и сделать ее работу идеальной. Поэтому во многих официальных документах рассматриваемого периода можно найти не только свидетельства недовольства ее работой, но и определенные нотки бессилия, звучавшие среди попыток императорского двора исправить положение. Например, в январе 1419 г. император констатировал: «Я неоднократно отдавал указы всем учреждениям в столице и в провинциях, не позволяя безрассудно [забирать] на отработочную повинность хотя бы одного человека, самовольно брать хоть одну крупицу [зерна]. Но бесталанные чиновники творят самоволие!» [23, цз. 207, 2115]. Подобные признания собственного бессилия можно усмотреть и во многих уже приводимых выше уговорах и угрозах императорского двора в адрес чиновничества.

Тщетность попыток превратить бюрократический аппарат в послушное орудие исполнения воли императора, наряду с отмеченной выше боязнью сохранения оппозиционных настроений в отдельных чиновных кругах, заставляла Чжу Ди опасаться за прочность той опоры, на которую он мог здесь рассчитывать. Эти опасения должны были усиливаться известной саморегулируемостью бюрократии в Китае.

Как известно, выдвижение на службу должно было проводиться посредством системы экзаменов. Контроль за назначением и перемещением чиновников по служебной лестнице лежал на самой бюрократической машине, в частности на Ведомствах чинов и обрядов. Формально, конечно, требовалось утверждение со стороны императора. Но фактически его свобода действий в этом отношении была связана традицией.

Ч. О. Хакер, специально исследовавший вопросы государственного устройства Китая, приходит к выводу, что император мог произвольно назначать людей на важные посты только «в годы становления династии» [213, 46–47]. В начале XV в. мы видим ситуацию, аналогичную становлению новой власти. Поэтому Чжу Ди, без сомнения, пользовался большей, чем обычно, свободой при выдвижении сановников. Об этом свидетельствует появление при нем целой категории «новых» людей. В одном из своих указов он утверждал: «Все высшие сановники [в стране назначены] по моим приказаниям» [23, цз. 90, 1189].

Однако даже в создавшейся специфически благоприятной для этого обстановке Чжу Ди был вынужден производить назначения с некоторой осторожностью. Подтверждением тому могут служить его собственные слова: «Будучи государем, при выдвижении кого-либо [на службу] или увольнении в отставку во всех случаях не [следует поступать] как попало, а нужно непременно [рассчитывать] на положительное восприятие [того и другого] сердцами народа... Как же можно служить Поднебесной, руководствуясь [лишь] своими [побуждениями]?» [23 г цз. 29, 531–532]. Данное высказывание, несмотря на его высокопарность, не было простой данью демагогии. Отразившийся в нем подход полностью согласуется со многими другими изречениями и декларациями Чжу Ди, свидетельствующими о его осторожности. В поучениях наследнику престола в мае 1409 г. по

поводу взаимоотношений императора и сановных кругов, например, говорилось: «Сейчас самое время... заботиться о репутации. Управлять Поднебесной тяжело. Во всем следует сначала разобраться, а [потом] действовать. Любое малейшее упущение может оказаться немаловажным для накопления добродетели» [23, цз. 90, 1189].

В связи с такой осторожностью Чжу Ди интересно отметить, что, по подсчетам О. Б. ван дер Шпренкеля, средняя продолжительность службы начальников Ведомств в первой четверти XV в. была самой длительной за весь период Мин [227, 96–97].

Что же касается нижних слоев бюрократической пирамиды, то они были «саморегулирующимися» в большей степени, чем верхние. Император официально признавал за чиновным аппаратом право самому регулировать свои кадры, предостерегая лишь против злоупотреблений в этом: «Не смейте из зависти вредить мудрым, не смейте при выдвижении [людей] совершать злоупотребления, следуя своекорыстию. В [канонических] книгах сказано: «Твоя единственная обязанность — выдвигать способных, [которые] должны стать чиновниками; твое единственное пренебрежение обязанностями — одобрение тех, кто не должен быть [чиновником]» [23, цз. 23, 419]. Однако из литературных источников хорошо известно, что в средневековом Китае при выдвижении на службу процветали протекция, кумовство, подкуп и прочие полностью не регулируемые правительством каналы. В этом отношении не было исключением и рассматриваемое время. Вывод Ч. О. Хакера об известной саморегулируемости бюрократической системы в период Мин можно с полным основанием относить и к началу XV в. [213, 46].

Отмеченная особенность бюрократического аппарата также не могла не вызывать неудовлетворения императора, хотя это и в недостаточной мере отражено в источниках. Недовольство работой управленческой машины, обусловленное, как отмечалось, несовершенством бюрократического аппарата и его потенциальной возможностью действовать вне непосредственного контроля императора, толкало Чжу Ди на поиски определенного противовеса произволу бюрократии. Поэтому не удивительно, что в годы его царствования проявился и усилился ряд моментов, существенно нарушавших традиционную систему чиновного управления.

Политика «раздвоения власти» и усиление роли дворцовой администрации

Прежде чем перейти к вопросу о нарушениях традиционных норм управления при Чжу Ди, нужно отметить, что попытки найти противовес бюрократии проявились еще при Чжу Юань-чжане. Он старался как можно больше подчинить управленческий аппарат императорской власти с помощью административных изменений и террора, а также противопоставить чиновникам в провинции удельных ванов. Правительство Чжу Юнь-вэня рассчитывало добиться усовершенствования бюрократической машины посредством реформ. Таким образом, Чжу Ди столкнулся с уже назревшим вопросом. Однако решить его он попытался несколько иными, чем его предшественники, средствами.

Аналогию с деятельностью Чжу Юань-чжана в данном направлении можно обнаружить лишь в одном аспекте — намеренном нарушении традиционного порядка выдвижения чиновных кадров. Правда, основатель династии Мин в своем пренебрежении к системе экзаменов также опирался на опыт предшественников. Эта система стала в значительной степени фикцией еще в период монгольской династии Юань. До 1314 г. экзамены на чин вообще не проводились, а после 1334 г. было даже принято решение об их отмене и выдвижении чиновников «по способностям» [50, 22, 49]. В 40–50-х годах XIV в. экзамены стали проводиться вновь, но весьма эпизодически. Эти ограничения объясняются естественным стремлением монгольской знати сохранить руководящие позиции и ограничить выдвижение китайцев. При Чжу Юань-чжане такой необходимости не было и нарушение системы экзаменов приобретает иной смысл. Оно выступает средством борьбы с «саморегулируемостью» чиновно-бюрократической среды. Первые экзамены на провинциальном уровне были проведены лишь в 1374 г., а вторые — в 1385 г. [206, 186]. Нечто подобное наблюдалось и в начале XV в. По мнению Хэ Бин-ди, в течение нескольких десятков лет после основания империи Мин экзамены отнюдь не были единственным и определяющим каналом для выдвижения на службу. Гораздо большее значение здесь имела

рекомендация влиятельных лиц [206, 186–187]. Особое положение в связи с этим приобрела Государственная школа, учащиеся которой (*цзянь-шэны*) получали фактические преимущества при замещении важных правительственных должностей [206, 32]. Государственная школа находилась в столице, и немалое влияние в ней имели члены Академии Ханьлинь.

Нарушение системы государственных экзаменов при Чжу Ди отразилось во многих докладах сановников на имя императора. Специальный доклад о нарушениях сроков экзаменов на местах поступил в январе 1411 г. [23, цз. 111, 1423–1424]. А в январе 1420 г. цензор Дэн Чжи писал о том, что кадры должностных лиц избираются во многие правительственные органы не посредством отбора на экзаменах, а многие претенденты на служилые посты сдают экзамены по семь-восемь раз и не получают должности [23, цз. 219, 2176]. Наконец, требование улучшения отбора чиновников путем экзаменов было выставлено в докладе Ли Ши-мяня и Цзоу Ци в мае 1421 г. [23, цз. 236, 2264].

Тем не менее правительство Чжу Ди не стремилось принимать сколько-нибудь действенных мер против этого. По мнению исследователей, неполноценность системы экзаменов продолжала существовать в течение всего царствования Чжу Ди, и лишь со второй четверти XV в. здесь произошли некоторые изменения [206, 187]. Иначе говоря, в отношении Чжу Ди к нарушениям в системе экзаменов можно усмотреть определенную нарочитость. В данном случае он преследовал те же цели, которые ставил Чжу Юань-чжан, а именно ограничить силу бюрократии.

Что же касается остальных мероприятий Чжу Ди, преследующих цель найти противовес бюрократической машине, то они не имели прямых аналогий в ближайшем прошлом. Одним из наиболее существенных явлений в этом плане нужно считать усиление роли внутриворцовых служб в политической жизни страны. Именно в первой четверти XV в. происходит превращение призванной исполнять повседневные личные нужды императоров администрации двора в некую противостоящую рядовым чиновным учреждениям служилую иерархию. Выросши из «домашних» служб императора, она стала во многом дублировать функции различных правительственных органов.

Дворцовая (или же специально-служебная, как ее называет Ч. О. Хакер) администрация в рассматриваемое время не имела четкой иерархической структуры. Подчинялась она непосредственно особе императора. Она состояла из Государственного секретариата (*Нэйгэ*), различных дворцовых палат и надзоров (*сы*), личной охраны императора и службы сыска. Сюда же, как считалось, относилась и администрация резиденций ванов. Наибольшее влияние имел Государственный секретариат.

После упразднения канцлеров и Центрального правительственного совета Чжу Юань-чжан столкнулся с невозможностью лично разрешать все дела, поступавшие на рассмотрение императора. Поэтому уже с 1382 г. он стал привлекать к разбирательству этих дел государственных секретарей (*да сюэ ши*), назначаемых им из членов Академии Ханьлинь. И хотя постепенно секретарям стало поступать на рассмотрение все больше дел, исследователи отмечают, что ни при Чжу Юань-чжане, ни при Чжу Юнь-вэне они не приобретают еще самостоятельного политического значения [154, 7; 213, 54]. Возрастание их роли и влияния связано с воцарением Чжу Ди. Именно тогда Государственный секретариат оформляется практически как особый административный орган (до этого секретари рассматривались лишь как сумма индивидов) и получает постоянное место для работы — дворцовый павильон Вэньюаньгэ [130, 37].

Чжу Ди предоставил государственным секретарям право «участвовать в решении важных дел» [154, 7]. О том, во что это выливалось практически, Ч. О. Хакер пишет: «Все поступающие документы прежде всего проверялись государственными секретарями, которые предлагали свои решения, составляя проекты рескриптов, и доводили их до имеющих силу распоряжений» [213, 54]. Насколько существенную роль играли государственные секретари при Чжу Ди, можно представить из его речи на чествовании пятерых из них — Се Цзиня, Хуан Хуая, Ху Яня, Ян Жуна и Ян Ши-ци (кроме них секретарями были еще Ху Гуан и Цзинь Ю-му) — на банкете в январе 1405 г.: «[Вы] от [моего] имени и по [моим] указаниям управляете машиной [государства], [выполняете] секретные поручения» [23, цз. 37, 636].

По мнению У Ци-хуа, Государственный секретариат в начале XV в. частично получил те функции, которые прежде имели канцлеры.

Отсюда делается вывод, что в указанное время начинается процесс перехода фактической власти от императора к государственным секретарям. Однако, отмечает У Ци-хуа, этот процесс при Чжу Ди еще не завершился и окончательное его оформление наблюдается лишь в 1425–1435 гг. [154, 7]. Но так или иначе, приводимые выше данные о функциях Секретариата свидетельствуют, что он, несомненно, должен был приобрести известную долю самостоятельной власти.

Государственные секретари практически составляли «теневое правительство». Недаром Ч. О. Хакер в своей схеме организации административного управления в период Мин ставит Государственный секретариат на самую высшую ступень [210, 38]. Секретари в определенной мере подменяли собой так называемый Правительственный совет-совещательное собрание высших сановников (глав Ведомств, Цензората, Палаты проверки и Управления по передаче и распространению государственных бумаг), участвовавших вместе с императором в решении важных государственных дел. Члены этого совета представляли «внешнюю», т. е. недворцовую администрацию. Поэтому Государственный секретариат служил прямым противовесом обычной рядовой бюрократии. По выражению Ч. О. Хакера, секретари «стали служить буфером между императором и внешедворцовыми службами» [213, 54].

Однако функции Государственного секретариата носили чисто законодательный характер. Поэтому он не смог полностью заменить работу шести ведомств, располагавших как законодательной, так и исполнительной властью. Но и здесь дворцовые службы имели возможность противостоять обычной администрации. Таким противовесом выступали упомянутые выше палаты. Среди них были Палата императорских жертвоприношений (*Тайчансы*), Палата императорских угощений (*Гуанлусы*), Палата государственного церемониала (*Хунлусы*), Астрономический надзор (*Цзиньтаньцзянь*), Управление музыки и танцев (*Шэньлэгуань*) и т. д. Имелись также надзоры, ведавшие императорской казной, имперскими печатями, конюшнями и т. п. В целом эти службы во многом дублировали работу различных департаментов и отделов, подчиненных шести ведомствам.

Обязанности личной охраны императора и тайного сыска лежали на двух органах дворцовой службы — *Цзиньивэе* и *Дун-гуане* (иначе, *Дунсигуань*). Цзиньивэй выполнял обе названные функции. Во-первых,

это было воинское соединение, несшее охрану двора. Во-вторых, в распоряжении этого органа была сеть тайной полиции, следственные органы и даже особая тюрьма. Во главе его стоял уже упоминавшийся ранее близкий доверенный человек Чжу Ди — Цзи Ган. Как отмечается в источниках, «старшие и младшие офицеры [Цзи Гана] ежедневно собирали сведения о тайных делах сановников и простолюдинов, о тайных сочинениях, хитростях и злословии» [26, цз. 8, 2a]. Кроме того, Цзиньивэй следил за тем, чтобы «императорские указания широко распространялись по стране», т. е. за исполнением распоряжений двора [26, цз. 8, 2a].

Дунгуан был создан в 1420 г. Однако его прообраз — Управление сыскных дел Дунчан (*Дунчан цыши*) — существовал еще с февраля! 1410 г. [16, цз. 14, 1033]. В отличие от Цзиньивэя, состоявшего из военных чинов, Дунгуан был сформирован из дворцовых евнухов. Размещался он недалеко от императорского дворца, к северу от ворот Дунаньмынь. В задачу этого органа входило производить аресты и вести следствия по делам «о замыслах мятежей, злонамеренных речах, крупных изменниках и злодеях» [130, 36]. Как видим, полномочия были несколько уже, чем у Цзиньивэя, но зато более целенаправлены. По словам Ли Гуан-би, Дунгуан имел не меньшее могущество, чем Цзиньивэй, и оба этих органа помогали один другому и взаимно дополняли друг друга, за что получили в просторечии общее название — Гуан-вэй [130, 36].

В использовании службы сыска Чжу Ди следовал богатым традициям, накопленным во времена Чжу Юань-чжана. Дин И, автор монографии о специальных службах периода Мин, называет следующие побудительные мотивы их усиления: а) недоверие императорского двора сановникам гражданской администрации; б) боязнь возникновения недовольства в армии; в) беспокойство центральной власти по поводу исполнения ее распоряжений на местах [125, 2–3]. Применительно к рассматриваемому нами времени определяющими были первый и третий из названных моментов. К этому следует добавить нарастание конфликтных отношений Чжу Ди с удельными ванами, а также ощущение им непрочности своего положения в связи с необычными обстоятельствами прихода к управлению государством.

Последний мотив нашел отражение в источниках. В «Мин цзи», например, широкое развитие специальных служб при Чжу Ди объясняется следующим образом: «Император знал, что люди не следуют за ним, и хотел, используя власть, запугать Поднебесную» [26, цз. 8, 2а]. В связи с этим же нельзя сбрасывать со счета! и боязнь Чжу Ди за свою особу. В ноябре 1403 г. он говорил: «В повседневной жизни днем и ночью я должен принимать меры предосторожности» [23, цз. 25, 451]. Все это, вместе взятое, определило повышенное внимание императора к секретным службам, что выразилось, в частности, в дополнении их вторым из вышеназванных органов.

Цзиньивэй и Дунгуан не имели прямых аналогов в системе дворцовой администрации. Однако их функции в определенной мере перекликались с теми, которые исполнял аппарат цензорского надзора. Цензорат в период Мин, по словам Ч. О. Хакера, «был направлен на служение интересам монархов по ограничению гражданской и военной иерархий» [210, 47]. Ту же задачу в общем и целом исполняли и специальные службы. Причем сходство заключалось не только в контроле над исполнением императорских распоряжений на местах. Цензорат, так же как и названные органы, имел свою систему тайного надзора. Упомянутый выше (см. гл. III) цензор Чэнь Ин установил особую систему слежки. По образному выражению Ся Се, столичные и провинциальные чиновники были терроризированы Чэнь Ином до того, что боялись «бросить косой взгляд и пошевелиться» [24, цз. 14, 630].

Однако цензорская служба таила в себе и определенную опасность для самовластия императора. Как отмечает подробно исследовавший данный вопрос Ч. О. Хакер, «цензоры признавались специальными защитниками традиционного образа жизни и традиционных способов управления» и поэтому могли выступать «выразителями общественного мнения» [210, 50–51]. Иначе говоря, они могли противостоять политике двора. Отсюда известное дублирование их функций органами сыска. Неудовлетворение императора Цензоратом и потребность подменить его работу другими органами могли проистекать и из того, что цензорский надзор был весьма малоэффективен для исполнения своих прямых обязанностей. Этот его недостаток отмечался исследователями [210, 47]. Но в целом в случае с Цензоратом можно скорее говорить о дополнении его тайными дворцовыми службами, нежели о противопоставлении ему этих учреждений.

Расширяя и укрепляя дворцовую администрацию, Чжу Ди опирался преимущественно на две группировки людей — ученых из Академии Ханьлинь и евнухов. Члены академии пользовались в начале XV в. особым расположением двора, хотя формально никаких официальных изменений в их статусе по сравнению с предшествующими временами не произошло. Достаточно вспомнить, что все государственные секретари были членами академии. Во время походов и поездок императора (а в начале XV в. их было немало) именно из членов академии формировался круг доверенных лиц, которые должны были «помогать» наследнику в управлении государственными делами.

В руках членов Академии Ханьлинь была идеологическая политика двора. Они служили наставниками членов императорской семьи, чтецами и толкователями текстов при императоре. Помимо того что на них, как уже отмечалось, была возложена задача по составлению нового варианта «Мин Тай-цзу ши лу», им была поручена переработка в угодном для Чжу Ди свете канонического конфуцианского наследия — «Пятикнижья» («У цзин») и «Четверокнижья» («Сы шу») [23, цз. 158, 1803]. Они же в 1403–1407 гг. возглавляли грандиозную работу по составлению самой обширной из китайских энциклопедий — «Юнлэ да дянь».

О том, насколько высоко Чжу Ди ценил членов академии, свидетельствует его высказывание на банкете 27 января 1405 г., где он приравнивает высшие ранги членов академии к положению начальников ведомств [23, цз. 37, 637]. Члены академии не раз получали дары из государственной казны, чествовались на придворных банкетах [23, цз. 36, 627, цз. 125, 1565, цз. 221, 2189]. Все это говорит о возросшем влиянии этой сравнительно узкой касты придворных ученых.

Усиление роли евнухов при дворе в годы царствования Чжу Ди не без оснований связывается некоторыми учеными с той поддержкой, которую они оказали новому императору во время войны 1399–1402 гг. [98, 455; 130, 36]. Касаясь положения евнухов в начале XV в., Ся Се писал: «Они просачивались ко двору всеми правдами и неправдами, и император очень благоволил к ним... Случалось, что [их] посылали... военными наместниками в пограничные [провинции]... Специально изыскивали евнухов, имеющих [политические] проекты, чтобы вместе

с ними осуществлять их. Даровали [евнухам] одеяния гунов и хоу, ставили их выше генералов...» [24, цз. 14, 633].

Действительно, евнухи при Чжу Ди получили доступ во многие важные сферы внутренней и внешней политики. Уже в 1403–1404 гг. они стали получать посты военных наместников в различных провинциях страны [24, цз. 14, 633]. Их использовали как специальных уполномоченных двора при выполнении поручений на местах. В их руки попал контроль над столичными (гвардейскими) воинскими отрядами [27, цз. 3, 96]. Дипломатические связи в начале XV в. осуществлялись также в значительной степени с помощью евнухов. Они же следили за государственной внешней морской торговлей. В начале XV в. к этой касте частично переходят функции цензоров. В частности, они захватывают инспектирование войск. Немалая роль, как отмечалось, принадлежала евнухам и в службе сыска.

Что же касается «запретного города», где обитал император, то здесь они ведали церемониалом и регалиями, государственными печатями, дворцовыми складами, кухней и снабжением, казной и пр.

Одной из характерных черт царствования Чжу Ди было то, что именно при нем началось столь заметное во всей последующей истории династии Мин широкое использование дворцовых евнухов на «недворцовой» службе.

При этом, если члены академии привлекались больше к решению законодательных и идеологических вопросов, то евнухи направлялись двором в сферу исполнительной власти. Во времена Чжу Ди началось создание учреждений, целиком укомплектованных из евнухов; примером этого служит Дунгуан. В дальнейшем эта практика получила еще большее распространение и при минском дворе появилось 24 органа внутрдворцовой службы, укомплектованных ими [213, 12].

Именно Чжу Ди положил начало быстрому количественному росту описываемой касты. Точной цифры на начало XV в. нет. Но показательно, что если при Чжу Юань-чжане их было не более одной сотни, то к концу XV в. их насчитывалось уже около 10 тыс. [210, 44]. Так как положение дворцового евнуха сулило доступ к влиянию и власти, то не было недостатка в добровольцах, которые либо сами, либо по настоянию семей были готовы выдвинуться таким путем.

Именно с начала XV в. евнухи начинают играть все возрастающую роль в политической жизни империи Мин. По мнению Ся Се, в конце

концов «высшая власть был>а полностью отнята [у императоров] и перешла к [евнухам], что стало основным источником зла всей эпохи [Мин]» [24, цз. 14, 633].

Чем объясняется подобное пристрастие Чжу Ди к евнухам? Несомненно, что помимо признательности за их позицию во время войны «Цзиннань» здесь были и другие причины. Ч. О. Хакер, основываясь на китайских данных, перечислял следующие из них: а) евнухи не были обременены личными делами, так как у них не могло быть наследников; б) евнухи не были ставленниками знати и целиком зависели от воли императора; в) в силу своего положения они мало связаны общепринятыми морально-этическими ограничениями; г) завися от воли императора, они не могли противостоять ему; д) в отличие от прочих сановников, евнухи имели доступ к императору в любое время и поэтому лучше всего подходили для исполнения срочных дел и посреднических поручений [210, 44–45].

В какой степени отмеченные соображения влияли на Чжу Ди, судить трудно. Однако представляется, что он непременно учитывал изложенное здесь в пунктах «б» и «г». Пристрастие Чжу Ди к выдвижению евнухов нужно рассматривать отнюдь не как самодовлеющее явление, а через призму усиления аппарата дворцовой администрации. Именно это, последнее, было определяющим. Евнухи же оказались одной из группировок (и притом, как явствует из сказанного выше, не единственной), вполне подходившей для такой цели.

Другое дело, к чему привело в дальнейшем усиление политического влияния этой касты, как оно трансформировалось. Возможных последствий Чжу Ди не предвидел. В его планы входило лишь сделать евнухов послушными проводниками своей воли. И хотя усиление их политической роли уже в первой четверти XV в. начало приводить к отдельным злоупотреблениям властью с их стороны, в целом влияние евнухов при Чжу Ди не выходило сколько-нибудь серьезно из-под контроля двора.

Расширение в начале XV в. аппарата и полномочий дворцовых служб — органов, подчиненных лично императору и состоявших вне компетенции обычной бюрократической машины, — отнюдь не представляется случайным явлением. Описанное выше противопоставление дворцовой администрации рядовым, ординарным

чиновным службам неминуемо ослабляло последние, отбирая у них часть полномочий. Происходило своеобразное раздвоение власти. Для того чтобы осязаемо представить себе, как это выглядело на практике, приведем лишь два примера. Летом 1403 г., когда цензоры и чиновники из Службы проверки были направлены в провинции Чжили и Чжэцзян «для искоренения старого зла», им была дана следующая инструкция: «Все [возникающие] дела обсуждайте вместе с чиновниками внутридворцовой [службы] и чинами из Цзиньивэя» [23, цз. 21, 379]. В августе 1412 г. император дал такое объяснение одного из случаев использования доверенных евнухов: «Недавно я, опасаясь, что некоторые действия различных учреждений в провинции приносят вред народу, направил туда дворцовых евнухов для расследования» [23, цз. 130, 1611]. Как видимо, в обоих случаях прослеживается недоверие к рядовой администрации со стороны двора и наблюдается прямое вмешательство дворцовых служб в ее компетенцию.

Отмеченное раздвоение власти в управленческом аппарате служило усилению самодержавия императора. Дворцовая администрация являлась прямым проводником его воли, помогала осуществлять более действенный контроль за деятельностью не всегда в должной мере послушной бюрократической машины. Таким образом, расширяя и укрепляя дворцовые службы в противовес рядовому чиновничеству, Чжу Ди рассчитывал обрести одну из верных опор для утверждения своей власти в стране.

Прецедент «двух столиц и двух правительств» и создание Чжу Ди своей опорной базы на Севере

Еще одним существенным моментом, нарушавшим традиционную систему управления в начале XV в., явилось помимо несоблюдения порядка экзаменов и усиления дворцовых служб создание прецедента двух столиц с последующим перенесением «главной» столицы из Нанкина в Пекин^[31]. Эти события обычно рассматриваются в научной литературе несколько упрощенно. Внимание обращается лишь на конечный результат-перенесение столицы в Пекин, оформленное в 1421 г. Побудительными мотивами к этому шагу обычно называются стратегические расчеты правительства Чжу Ди по поводу укрепления безопасности северных границ от монгольской угрозы [130, 35; 200, 8]. Из внутривластных причин отмечается лишь сугубо личная привязанность Чжу Ди к его прежней резиденции в уделе Янь — Пекину.

Не отрицая, что подобные расчеты и привязанность вполне могли иметь место, хотелось бы обратить внимание не только на окончательное перенесение столицы, но и на отмеченный прецедент параллельного существования двух столиц задолго до 1421 г. Это приобретает особый интерес при сопоставлении с дублированием аппарата управления, которое проявлялось в результате усиления дворцовых служб. Действительно, существование двух столиц подразумевало наличие двух параллельных правительств, что и наблюдается в рассматриваемый период. Иначе говоря, благодаря образованию новой столицы в Пекине, бюрократический аппарат дублировался не только «нелегально», т. е. практическим подключением к его работе дворцовых служб, но и юридически — вполне легальным раздвоением центральных правительственных органов. И то и другое при сопоставлении представляется звеньями одной цепи: намеренного ослабления традиционного бюрократического аппарата и соответственно усиления императорской власти.

Рассмотрим, как конкретно осуществлялось дублирование центральных органов управления.

Еще в феврале 1403 г. Пекин, называвшийся до этого Бэйпином (Усмиренный Север), был переименован в Бэйцзин (Северная столица), а прилегающая к нему область названа Шуньтяньфу (по образцу названия области вокруг Нанкина — Интяньфу). Одновременно в Пекине учредили столичное воинское командование и передали в его подчинение большую армию — 61 воинский гарнизон и 3 гарнизона крепостей [23, цз. 17, 301–302]. В городе была также создана новая система управленческих учреждений, определен новый, расширенный штат чиновников и открыта вторая в стране Государственная школа (Гоцзыщзянь) [23, цз. 17, 301]. Вскоре в Пекине и его округе было учреждено столько же конфуцианских училищ, сколько их было и в Нанкине. Эти училища готовили чиновные кадры [16, цз. 13, 903].

Вопрос о перенесении столицы в Пекин был практически решен уже в августе 1406 г. после ряда тайных совещаний Чжу Ди со своими приближенными. Одним из его наиболее рьяных помощников в этом вопросе источники называют начальника Ведомства обрядов Ли Чжигана [24, цз. 15, 658]. Вслед за тем началась перестройка Северной столицы. Основные строительные работы были закончены в 1420 г., что дало возможность двору уже в следующем году официально обосноваться в Пекине^[32].

Однако роль второй, а практически основной столицы Пекин начал играть уже с 1409 г. 23 февраля этого года император выехал в свою северную резиденцию и оставался там до 7 декабря 1410 г. В марте 1413 г. он снова уехал в Пекин, где пробыл до ноября 1416 г. Наконец, в апреле 1417 г. Чжу Ди окончательно переселился в Пекин.

Перевод столицы «а север Чжу Ди готовил постепенно, со свойственной ему осторожностью. Первая поездка из Нанкина в Пекин была преподнесена как «инспекционная». Конфуцианская традиция одобряла периодическое обозрение страны императорами, чем и воспользовался Чжу Ди для маскировки своих намерений. Указ, заранее объявлявший населению страны о предполагаемой в 1409 г. поездке, гласил: «Ныне страна очищена и умиротворена. Народ спокойно [занимается своим] делом. У государства нет военных забот. Самое время обследовать [различные] районы...» [23, цз. 82, 1102]. 21 августа 1408 г. было созвано широкое совещание чинов из шести ведомств, пяти палат, Цензората, Академии Ханьлинь и других учреждений, а также титулованной знати с целью обсудить «нужды и дела, связанные

с поездкой» [23, цз. 82, 1093]. Чжу Ди хотел заручиться поддержкой официальных кругов и придать своим замыслам легальный, государственный характер.

В результате 24 августа через Ведомство обрядов во все учреждения страны был разослан следующий циркуляр: «Все важные дела, равно как и иноземцев, прибывающих ко двору, пересылать к месту нахождения [императора] и излагать ему самому.

Все прочие дела, задачи и письменные доклады — пересылать для рассмотрения в столицу. О всех делах, осуществление которых вызывает сомнения или затруднения, соответствующие столичные учреждения должны докладывать [императору] и получать его личные распоряжения [об их исполнении]» [23, цз. 82, 1094–1095].

Официально, как было объявлено в манифесте от 31 августа и подтверждено в феврале следующего, 1409 г., власть на время отсутствия императора в столице передавалась наследнику престола, членам Академии Ханьлинь Ху Гуану, Хуан Хуаю и Ян Ши-ци поручалось «всем сердцем помогать» ему идти «правильным путем» [23, цз. 82, 1102, цз. 88, 1161–1162, 1168–1169]. Но практически все ее основные нити потянулись к императору на север. Хотя правительственные учреждения формально остались в Нанкине, теперь в их функции должно было входить, как явствует из циркуляра от 24 августа 1408 г., решение лишь второстепенных дел. Для решения же важных дел, которые требовали визы императора, при его ставке были созданы «путевые» (*синцзай*) ведомства, Цензорат и прочие центральные государственные органы. В связи с предписанием отправлять иноземных послов в Пекин, для них там была открыта 26 августа 1408 г. специальная гостиница — подворье (*хуй-тунгуань*) [23, цз. 82, 1101].

В новое северное правительство были отобраны люди из соответствующих нанкинских учреждений. Они заранее были включены в «свиту» императора для его сопровождения — в поездке. Изъятие кадров из центральных правительственных учреждений было восполнено с помощью временного возвращения на службу отставных чиновников [23, цз. 88, 1167]. Можно предположить, что «путевые» правительственные учреждения частично формировались и прямо на месте-в Пекине из числа расширенного в 1403 г. чиновного штата.

Таким образом, уже в 1409–1410 гг., а затем, начиная с 1413 г., почти непрерывно в стране существовало и функционировало два правительства, причем нанкинское было фактически в подчиненном положении у пекинского. Этот прецедент, не имеющий параллелей в истории Китая, примечателен с нескольких точек зрения. Во-первых, создавая практически новое правительство, Чжу Ди получил возможность отобрать в него наиболее угодных для себя людей и соответственно оставить на вторых ролях неугодных. Во-вторых, существование двух правительств неминуемо должно было вызывать затруднения в решении многих государственных дел, что, с одной стороны, вело к понижению самостоятельности бюрократической машины в целом, а с другой — к усилению императорской власти. Любопытно отметить, что циркуляр от 24 августа 1408 г. предлагал все важные и спорные дела адресовать лично императору, а не «путевому» правительству. Отсюда можно заключить, что новое северное правительство было поставлено в более подчиненное положение самодержавной власти, нежели прежнее общеимперское.

Что же касается нанкинского- правительства, то его практическое падение после 1409 г. было лишь вопросом времени. Тот факт, что Чжу Ди не решался официально закрепить его второстепенный статус вплоть до 1421 г., лишний раз свидетельствует об осторожности монарха в подходе к столь деликатному, связанному с расстановкой политических сил вопросу. Связывать этот шаг лишь с проведением строительных работ было бы упрощением: к 1420 г. были закончены только основные из них, а достройка дворцов, крепости и города велась еще многие годы. К тому же, как отмечалось, уже с 1413 г. двор почти безвыездно находился в Пекине. Отсюда можно полагать, что к началу 20-х годов Чжу Ди счел подходящим момент к переносу столицы, а окончание основного строительства было приурочено к этому моменту и использовано как формальный предлог.

Практически перевод столицы на Север был оформлен следующим образом, 10 октября 1420 г. «путевое» Дворцовое управление (*Циньтяньлань*) доложило, что новый дворцовый комплекс скоро будет готов. Вслед за этим был послан вызов наследному принцу и его старшему сыну явиться в Пекин [23, цз. 229, 2225, цз. 231, 2237]. 28 октября последовало личное распоряжение Чжу Ди о том, что с нового года (со 2 февраля 1421 г.) основной столицей считать Пекин, название

«путевые» для местных правительственных органов упразднить, а оставшиеся в прежней столице именовать с оговоркой «нанкинские» [23, цз. 229, 2227–2228]. 7 декабря 1420 г. была проведена соответствующая перестановка столичных воинских соединений [23, цз. 231, 2235]. Только после этого, 8 декабря, был обнародован манифест о перенесении столицы, в котором без лишних объяснений было сказано: «Нынешнее преобразование Пекина в истинную столицу сделано исключительно по велению Неба, переданному через гадателей» [23, цз. 231, 2235]. Вслед за тем был произведен целый ряд мелких территориальных и административных изменений, соответствующих новому положению [23, цз. 231, 2237–2238].

За Нанкином, как было объявлено в манифесте от 8 декабря, сохранялось положение столицы, но практически политический центр страны окончательно переместился в Пекин. О положении нанкинских правительственных учреждений после 1421 г. можно судить по следующей записи в источниках: «Чиновники из шести ведомств были переведены на Север... Нанкинекие шесть ведомств имели по одному начальнику ведомства и по одному младшему помощнику начальника ведомства. Служащих в различных департаментах было меньше, чем в пекинских ведомствах. Политической власти, [им] не давалось. Находящиеся в [их] ведении дела [были] значительно сокращены. [Нанкинекие ведомства] служили [лишь] местом повышения престижа для сановников...» [25, цз. 31, 500, 513]. То же самое наблюдалось и в прочих оставшихся в Нанкине «столичных» учреждениях. К концу XVI в. от нанкинских правительственных органов остались лишь одни названия [25, цз. 31, 514]. Что же касается всех внутриворцовых служб, которые приобрели при Чжу Ди столь веское влияние в политической жизни, то они, естественно, полностью переместились в Пекин.

Таким образом, прецедент двух столиц имел реальное значение в 1409–1421 гг., т. е. именно до официального узаконения такого раздвоения. Начиная же с 1421 г. Нанкин фактически окончательно утрачивает свою роль политического центра страны, а его правительство превращается в анахронизм. Если оглянуться на обрисованную выше картину, то станет очевидным, что при Чжу Ди уже второй раз со времени его воцарения произошла практически перемена правительства. Этот факт, до сих пор ускользавший от

внимания исследователей, представляется весьма важным в связи с поднятым вопросом о взаимоотношениях императорской власти и бюрократии в первой четверти XV в.

Однако перенесение столицы на Север было продиктовано отнюдь не только лишь расчетами, связанными с дублированием управленческого аппарата. Значение данного шага этим не исчерпывалось. В равной мере его нельзя объяснить лишь стратегическими соображениями или же чисто личными мотивами. Отмеченное выше пристрастие Чжу Ди к своей прежней удельной резиденции скрывало за собой далеко не прихоть. Оно базировалось на вполне реальных основаниях, обусловленных учетом внутривластной ситуации в стране.

К концу XIV — началу XV в. в Китае существовали вполне ощутимые различия между северной и южной частями империи в экономическом и политическом положении^[33]. Это было обусловлено предшествующим ходом исторического развития страны. Северные районы издавна служили колыбелью китайской государственности. Однако уже в период раннего средневековья, в III–V вв., в связи со вторжением с севера и северо-запада иноземных племен все большее значение в экономике и политике начинают приобретать южные провинции. Иноплеменные нашествия на севере, процесс внутренней колонизации на юге и, наконец, неоднократное политическое разделение этих частей страны — все это определило сложение здесь и там несколько отличных друг от друга образцов и традиций. Последнее, в свою очередь, вызывало некоторую противоречивость в интересах севера и юга страны, прежде всего северокитайских и южнокитайских феодалов.

Отмеченные противоречия отчетливо прослеживаются исследователями уже начиная с X в. [147, 20–21; 114, 290–291]. Еще большее значение данное явление получает в период монгольского вторжения в Китай [49, 5]. В это время китайское население севера страны имело официально закрепленный более высокий социальный статус (*ханьжэнь*), нежели население Юга (*наньжэнь*).

Противоречивость в устремлениях северокитайских и южнокитайских феодалов проявлялась прежде всего в борьбе за преобладающие позиции в высших сферах управления империей [147, 20–21; 114, 291–292]. Исследователи прослеживают вполне явственное

стремление тех или иных правительственных режимов опираться преимущественно на какую-либо из этих противостоящих феодальных группировок. Например, Г. Я. Смолин приходит к выводу, что китайские императоры династии Сун, проводившие в X–XI вв. курс на укрепление дееспотических начал в своей политике, опирались «при этом на выходцев из северокитайских слоев господствующего класса [114, 175]. С перенесением в XII в. политического центра и смещением территории империи Сун на юг опорой двора стали, естественно, южнокитайские феодалы. Монгольские властители, подчинив себе всю страну, искали поддержки опять-таки в среде северокитайских феодалов.

Чжу Юань-чжан же в своей борьбе с монголами опирался прежде всего на поддержку населения и господствующих слоев Южного Китая. Отсюда не удивительно, что столицей основанной им империи стал Нанкин — город, лежавший в самом сердце означенного района. Политический центр страны переместился, таким образом, из монгольской ставки в Пекине на юг. Это задевало интересы северокитайских феодалов, среди которых оставались поэтому даже известные промонгольские настроения. В связи с этим одной из задач, стоявших перед Чжу Юань-чжаном, было, по образному выражению Хэ Бин-ди, «купить расположение северян» [206, 187].

Основатель империи Мин, следуя политике объединения страны, не притеснял, но и не выделял своим поощрением северные районы. Однако такое положение фактически закрепляло сложившееся еще в начале его царствования политическое преобладание южнокитайских феодалов. Это проявлялось, в частности, в преимущественных позициях южан среди людей, получавших высшую ученую степень цзиньши и тем самым доступ к главным постам в государственном аппарате. По подсчетам Хэ Бин-ди, наибольшее число цзиньши в конце XIV в. было выходцами из провинций Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь и Цзянсу [206, 227]. Северяне выражали претензии по этому поводу. В ходе конфликта правительство Чжу Юань-чжана установило в 1397 г. следующую квоту: 60 % допускаемых к экзаменам должны составлять южане и 40 %-северяне [206, 187]^[34].

Чжу Юнь-вэнь продолжал в общем ориентироваться на южнокитайских феодалов. Этот факт отмечался исследователями [173, 253]. В этом плане стоит лишь напомнить о том, что в последний

момент, как уже отмечалось во второй главе, Чжу Юнь-вэнь попытался найти поддержку именно среди населения юго-восточных провинций страны.

Основной базой Чжу Ди во время его борьбы с центральным правительством были северные районы страны, и особенно прилегавшая к Пекину провинция Бэйпин. В одной из ставших достоянием летописцев бесед в феврале 1404 г. император открыто признал: «Я долгое время опираюсь на симпатии населения севера [страны]» [23, цз. 26, 487]. Поэтому В. Эберхард не без основания; пишет, что в конфликте между Чжу Ди и Чжу Юнь-вэнем первого поддерживали «влиятельные группировки» на севере страны, а второго — на юге [196, 269].

Придя к власти, Чжу Ди предоставил населению северных районов ряд экономических льгот. Император различными демонстративными мерами пытался выказать свое расположение местным господствующим слоям, особенно из провинции Бэйпин. Их представителей особо собирали ко двору. К ним адресовывались отдельные манифесты и обращения императора. Специально для них устраивались банкеты, им раздавали более щедрые, чем остальным, материальные награды [23, цз. 81, 1179–1180, 1182–1183]. Надо также иметь в виду, что проблема «новых» и «старых» людей в правящих верхах после 1402 г. была в значительной мере (хотя и не абсолютно) вопросом о соотношении северян и южан в причастных к управлению кругах, ибо многие «новые», т. е. прежние соратники Чжу Ди, были выходцами из удела Янь на севере страны.

Все отмеченное позволяет прийти к заключению, что основную поддержку Чжу Ди рассчитывал найти в среде северокитайских феодалов. Наоборот, к южанам он сохранял скрытое недоверие. В этом свете интересно отметить такую меру, как введение им негласного запрета на службу в Ведомстве налогов для выходцев из провинций Чжэцзян и Цзянси [23, цз. 93, 1238]. Весьма характерно и следующее высказывание Чжу Ди о жителях Нанкина: «В столице люди одурманены, [туда] стекается множество обманщиков» [23, цз. 149, 1740].

В таком контексте «бегство» Чжу Ди на север после 1409 г. и перенесение в дальнейшем столицы в Пекин представляется вполне закономерным и продуманным шагом. Помимо расчетов на ослабление

политического влияния бюрократии в противовес усилению императорской власти и военно-стратегических соображений здесь проявилось стремление нового монарха перенести административный центр страны в тот район, который он намеревался превратить в свою политическую, экономическую и военную базу^[35].

Таким образом, можно проследить непосредственную связь между перенесением столицы и всем ходом внутривластной борьбы в Китае в конце XIV — начале XV в. Отмеченный шаг был в конечном итоге вызван той неустойчивостью, которую ощущал Чжу Ди в старой имперской столице. Последнее же проистекало из необычных обстоятельств его прихода к власти и остроты сопутствовавших этому внутренних противоречий в стране.

Заканчивая рассмотрение вопроса о перенесении столицы в Пекин, нужно подчеркнуть, что переориентировка двора в начале XV в. на северокитайских феодалов находится в прямом противоречии с политическим курсом Чжу Юань-чжана, продолжение которого было избрано девизом группировки Чжу Ди после победы в 1402 г.

Характер императорской власти в начале XV в. и ее опора

Затронутая проблема о перенесении столицы во всех своих аспектах имеет прямое отношение к вопросам, рассматриваемым в данной главе. Отмеченная осторожность в подходе Чжу Ди к титулованной знати вкупе с долей недовольства работой традиционного управленческого аппарата и недоверия бюрократии заставляли его искать прочную опору своему господству вне этих слоев господствующего класса. Последнее не исключало использования императорской властью аристократии и бюрократии в своих интересах и сохранения привилегированного положения данных слоев. Но интересы обеих сторон совпадали только до определенной степени. Отсюда все вышеотмеченные специфические моменты во внутривластном курсе Чжу Ди: намеренное ослабление легальных каналов самовыдвижения государственных служащих, усиление роли дворцовых служб в противовес обычному бюрократическому аппарату, дублирование центральных правительственных органов и перенесение столицы в тот район, где новое правительство чувствовало себя наиболее прочно.

Учитывая все это, можно ответить на вопрос, который поставлен в начале главы и частично затрагивался в предшествующих главах, а именно: где искало правительство Чжу Ди внутреннюю опору для своего господства в стране в условиях сложной политической ситуации после 1402 г.? Такой опорой служили: а) военные наместники в провинции, б) «новые» сановники — выдвиженцы Чжу Ди, в) дворцовые службы, г) широкие слои феодального господствующего класса северной части страны, и прежде всего провинции Бэйпин (Северной Чжили).

Отсюда закономерно вытекает еще один вопрос: насколько прочной оказалась избранная опора, позволила ли она укрепить позиции императорской власти, завоеванные в конце XIV в.? Большинство исследователей, так или иначе касавшихся данной проблемы, склонны давать положительный ответ. Ван Гэн-у, например, отмечает, что правление Чжу Ди было «сильно и непосредственно

единоличным» [231, 377]. Авторы труда под редакцией Шан Юэ идут еще дальше, когда пишут: «Чэн-цзу (Чжу Ди. — А. Б.) продолжал политику централизации власти, проводившуюся Чжу Юань-чжаном, и еще больше укрепил абсолютную монархию» [98, 412]. Естественно, что обстоятельства воцарения Чжу Ди не позволяли ему допустить сколько-нибудь существенного ослабления авторитета императорской власти. Сильное единовластие могло выступать одной из гарантий прекращения внутренней борьбы в стране, достижения внутривластной стабильности, к чему и стремился Чжу Ди. Поэтому он пытался насколько возможно придерживаться самодержавного принципа в управлении. Это нашло отражение в источниках. Например, манифест от 11 февраля 1415 г. гласил: «Путь управления Поднебесной таков, что государь правит в высшей [сфере], а его подданные получают должности в низшей [сфере]. Низшая и высшая [сферы должны] взаимно поддерживать друг друга...» [23, цз. 160, 1815]. Тем самым подтверждалось совершенно особое положение императора. Взаимная поддержка в данном случае должна была лишь закрепить непререкаемую власть самодержца в «высшей сфере».

Во многих официальных документах встречаются и такие формулировки, как: «Я, будучи государем, лично смотрю за Поднебесной» [23, цз. 29, 521]. Очевидно, это не было пустым словесным штампом, и Чжу Ди стремился принять посильное участие в как можно более широком круге вопросов управления страной. В этом плане характерен его призыв к сановникам подавать предложения по различным государственным вопросам лично ему. «Я тогда подробно разберусь [в предложенном] и [буду] осуществлять», — обещал император [23, цз. 29, 521].

Однако наряду с этим в высказываниях и документах, изданных от имени Чжу Ди, можно найти мотив о необходимости коллегиального рассмотрения государственных дел. В июне 1405 г. он признавал: «Дел в Поднебесной слишком много. Духовные же и физические [возможности] одного человека ограничены. Разве он может охватить разумом все сразу? [Даже] разбив [дела] на части, разве можно [их все] переделать?.. Путь государя — непременно направлять коллективное мнение, а затем применять [его] для служения Поднебесной» [23, цз. 42, 678]. Несколько иной оттенок приобретает та же мысль в высказывании императора от 23 мая 1407 г.: «Всю [полноту] пользы

или же вредоносности дел, [ведущих] к счастью или к несчастью всего народа, можно выяснить лишь при непременном широком опросе [мнений] и обширной совещательности. [И это отнюдь] не из любви к многословию» [23, цз. 66, 930]. Наконец, аналогичный метод управления Чжу Ди рекомендовал и своему наследнику: «Все важные дела... приказываю тебе обсуждать на советах с главами пяти палат и шести ведомств» [23, цз. 249, 2325].

Этот мотив перекликается со схожими заявлениями о необходимости использования бюрократической машины, которые уже приводились выше. Действительно, при том уровне развития китайского государства и общества, которого оно достигло к описываемому времени, император был физически не в состоянии обеспечить строго единоличное управление^[36]. Однако в приводимых высказываниях речь идет не столько об этой стороне вопроса, сколько об учете коллективного мнения при принятии монархом определенных решений^[37].

Здесь усматривается некоторое отличие от методов Чжу Юань-чжана. Последний, согласно изысканиям Ло Юн-бана, был вынужден привлекать помощников для рассмотрения государственных дел, но старался свести к минимуму степень их участия в принимаемых решениях. Коллегиальные (по выражению Ло Юн-бана) обсуждения вопросов управления при дворе начались именно при Чжу Ди [218, 46].

Такой отход в сторону коллегиальности объясняется, по нашему мнению, тем, что Чжу Ди не мог не учитывать опыт Чжу Юань-чжана, всемерно добивавшегося абсолютизации императорской власти. Результаты этого опыта были довольно ощутимы: внутривластная борьба в стране не затихла, но ушла вглубь, положение стабилизировалось лишь внешне и временно, новая острая вспышка внутренних противоречий произошла сразу же после смерти самодержца. Отсюда проистекала потребность искать несколько иные, чем при Чжу Юань-чжане, пути укрепления власти императора. В этом смысле переход к некоторой коллегиальности в решении государственных дел можно считать маневром на сближение с верхами сановной бюрократии.

Признаки некоторого лавирования императорской власти в начале XV в. можно усмотреть и в том, что выдвижение «новых» людей сопровождалось попытками примирить их интересы с интересами

«старых», что дублирование управленческих функций сочеталось с непрекращающимися усилиями по совершенствованию работы ординарного бюрократического аппарата, а переориентация на северокитайских феодалов не мешала настойчивым утверждениям о пунктуальном следовании порядкам конца XIV в. Существенным признаком данного направления явился последовавший вскоре за переворотом 1402 г. отказ Чжу Ди от применения открыто террористических методов во внутренней политике, столь характерных для времени Чжу Юань-чжана.

Все это, вместе взятое, позволило правительству Чжу Ди добиться определенного примирения с интересами правящих кругов господствующего класса. Достигнутая таким путем стабилизация внутривластного положения в стране была еще далеко не полной. Примером тому служат продолжающиеся противоречия между центральной властью и уделами. Однако в целом первая четверть XV в. представляется тем временем, когда происходит постепенное сближение позиций императорской власти и господствующих слоев китайского общества после обострения внутренней борьбы в конце XIV в.

Отмеченное сближение не сопровождалось существенным ослаблением имперского самодержавия. В условиях указанного лавирования это оказалось возможным лишь благодаря перечисленным выше отклонениям внутривластного курса Чжу Ди от традиционных методов управления. Таким образом, избранный после 1402 г., несколько отличный от курса Чжу Юань-чжана путь оправдал себя, а избранная внутренняя опора позволила императорской власти относительно стабилизировать положение в стране при сохранении своих основных позиций.

Иной вопрос, какие последствия имели введенные при Чжу Ди методы управления. Как известно, в дальнейшем происходило все большее усиление дворцовых служб — Государственного секретариата и касты евнухов, — сопровождавшееся некоторым ослаблением роли монарха. Однако это тема для самостоятельного исследования, выходящего за рамки настоящей работы.

Глава VII

Аграрная политика правительства Чжу Ди

На всем протяжении существования в Китае феодальных отношений сельское хозяйство оставалось основой экономической жизни страны. Аграрная политика продолжала играть одну из главных ролей во внутриполитической деятельности любого императорского правительства. От положения в деревне, от того, какие взаимоотношения складывались между феодалами и крестьянами и между этими обеими силами и государственной властью, порой зависело само существование династий, единство феодальной империи. Стабилизация внутреннего положения в стране в конечном итоге была немыслима без урегулирования жизни в деревне. Отсюда аграрная программа, которую избрало правительство Чжу Ди, должна была в немалой степени способствовать его устойчивости или же, наоборот, шаткости.

Однако изучение политики Чжу Ди в области сельского хозяйства затруднено по двум причинам. Первое — это отсутствие в китайских источниках четких критериев, позволивших во всех деталях воссоздать реальные взаимоотношения, складывавшиеся в деревне в тот или иной период. Указанное препятствие носит общий, объективный характер. Отсутствие твердого и определенного земельного законодательства, размытость социальных граней при описании в источниках аграрных отношений в Китае отмечались всеми исследователями, соприкасавшимися с данными проблемами. Все это характерно и для описываемого времени.

Второе — это крайняя скудость материалов, относящихся именно к интересующему нас периоду-началу XV в. Такое препятствие связано с особенностью исторического момента. Общеизвестно, что основные образцы аграрной политики новосозданной империи Мин были выработаны в конце XIV в. Именно тогда вследствие существенных сдвигов, сопровождавших широкое народное движение 1351–1368 гг. и

падение монгольской власти, победившей группировке пришлось во многом заново определять те принципы, на которых она намеревалась строить отношения в деревне. Отсюда вполне понятно, что внимание всех источников обращено преимущественно на аграрные мероприятия правительства Чжу Юань-чжана. Периоду же, непосредственно следовавшему за этим, не придается в данном плане самостоятельного значения. Он рассматривается как продолжение заложенного в конце XIV в. курса, что в определенной мере, как будет показано ниже, соответствует исторической правде.

Поэтому, переходя к рассмотрению аграрной политики правительства Чжу Ди, необходимо оговорить, что в данном исследовании нет возможности воссоздать ее во всех деталях и что она будет непонятна без учета основных направлений политики правительства Чжу Юань-чжана в той же области.

Некоторые моменты аграрной политики Чжу Юань-чжана

Поставленная задача облегчается тем, что в советской исследовательской литературе имеется ряд работ, освещающих затронутую проблематику [см. 14; 53; 55; 96; 105; 106; 108]. Это обстоятельство избавляет от необходимости подробно излагать все аспекты аграрных мероприятий конца XIV в. Однако многие связанные с ними вопросы остаются спорными, решаются исследователями по-разному. Это несколько осложняет поставленную задачу. Но тем не менее общий уровень разработки проблемы в трудах советских историков позволяет, не вдаваясь в дискуссионные моменты, выделить определяющие черты аграрной политики правительства Чжу Юань-чжана.

Исследователи сходятся на том, что в конце XIV в. проводилось целенаправленное стимулирование развития сельскохозяйственного производства, в известной мере пострадавшего в результате бурных событий середины столетия. В результате расширились размеры посевных площадей в стране, увеличилось число податных крестьянских хозяйств, возросли доходы казны. Однако в последнем случае немалую роль сыграло быстрое возрастание налогового бремени, усиление эксплуатации крестьянства феодальным государством. С целью расширения и закрепления нормы налогообложения были тщательно обмерены земельные владения и составлены реестры, подробно фиксировавшие все обязанности деревенского (равно как и городского) населения. Для удобства изъятия налоговых отчислений была принята система фиксальных общин (*лицзя*) — деление деревенских хозяйств на стодворки и десятидворки, связанные круговой порукой во всех повинностях, а также учрежден институт так называемых налоговых старост (*лянчжан*).

Верное своему стремлению — стимулировать развитие сельскохозяйственного производства в стране, правительство Чжу Юань-чжана уже в первый год существования империи Мин закрепило сложившееся перераспределение земельных владений и сняло юридические ограничения расширения земельной собственности за

счет обработки нови [105, 73; 55, 164]. Подобные указы повторялись в 1380, 1391 и 1394 гг. [105, 71]. Тем самым создавались благоприятные возможности роста частной земельной собственности (*минь тянь*), существование которой официально признавалось минским законодательством наряду с государственными землями (*гуань тянь*). Перспективы такого роста были тем более реальны, что к моменту образования империи Мин в стране имелся, как отмечает Н. П. Свистунова, колоссальный фонд необработанных земель [105, 73].

Однако, снимая ограничения с расширения частной земельной собственности и даже поощряя его определенными налоговыми льготами, правительство Чжу Юань-чжана субъективно стремилось увеличить тем самым прослойку мелких крестьянских хозяйств и создать посредством этого как можно больше крепких налогоплательщиков. Данный факт отмечался исследователями [105, 75; 55, 165, 167], С этой целью власти прибегали к таким мерам, как наделение земель безземельных крестьян, переселение малоземельных хозяйств из густонаселенных районов в места, где имелись большие массивы необработанных земель, посадка на землю ссыльных и осужденных, снабжение получавших землю необходимым минимумом производственных средств^[38]. Правительство пыталось доступными ему методами предотвратить разорение и размывание прослойки мелкокрестьянских хозяйств. В данной связи становятся понятными неоднократно практиковавшиеся в конце XIV в. отмены недоимок, снижения налогов, выдачи материальной помощи, попытки создать резервные фонды зерна на случай голода и бороться с произволом местных властей в отношении крестьянства, меры борьбы с бегством крестьян с земли и их уходом «под покровительство» крупных землевладельцев.

Последнее, несомненно, затрагивало интересы феодалов. Здесь мы соприкасаемся с другой чертой, характерной для аграрной политики Чжу Юань-чжана. Наряду с попытками укрепить и расширить мелкокрестьянское хозяйство в конце XIV в. прослеживается стремление к некоторому ограничению крупного феодального землевладения. Степень и целенаправленность такого ограничения еще не до конца изучены. Н. П. Свистунова, например, считает, что ущемление крупной земельной собственности наиболее заметно в начальный период царствования Чжу Юань-чжана, а впоследствии

правительство сняло некоторые преграды [105, 71–72]. Л. А. Боровкова, в свою очередь, склонна усматривать усиление ограничительных мер с середины его царствования [55, 160–162]. Конкретные проявления этого она видит в физическом истреблении и ограблении властями многих представителей крупных землевладельцев, переселении крестьян на казенные земли, приводившем, по ее мнению, к уменьшению числа арендаторов, используемых феодалами, и, наконец, в изъятии в 90-х годах прежних земельных пожалований двора крупным сановникам [55, 162–166].

Однако даже вне зависимости от вопроса о степени и характере подобного ограничения легко заметить, что оно находилось в прямом противоречии с отмеченным выше отсутствием юридических преград к расширению частной земельной собственности. Как уже подчеркивалось исследователями, в условиях средневекового Китая законодательное подтверждение права каждого обрабатывать столько неиспользуемой земли, сколько он сможет при условии последующей исправной выплаты налогов, отвечало прежде всего интересам феодалов и деревенских верхов, имевших к тому несравненно больше средств и возможностей, нежели основная масса крестьянства [114, 103]. Таким образом, указы 1368, 1380, 1391 и 1394 гг. при всем субъективном стремлении их творцов к укреплению мелкокрестьянского хозяйства объективно отвечали интересам крупного частного землевладения. Видимые ограничения последнего тем самым сочетались с созданием легальных возможностей для его расширения. Это дополнялось существовавшим правом продавать и закладывать частные земельные владения. Все сказанное свидетельствует об определенной внутренней противоречивости аграрной политики правительства Чжу Юань-чжана.

Если говорить об истоках данной противоречивости, то здесь заслуживает внимания предположение Л. А. Боровковой, которая считает, что и насаждение мелкого крестьянского хозяйства, и ограничения крупного частного землевладения свидетельствуют о намерении Чжу Юань-чжана осуществить некий социальный идеал государства. Такой идеал сводился к обеспечению государственных доходов за счет податного крестьянства, к управлению страной чиновниками, чье благосостояние целиком зависело бы от жалованья, и к сохранению ничем не ограниченной, сильной императорской власти

[55, 167]. Подобный образец, отвечающий представлениям традиционной, конфуцианской и легистской идеологии, был обращен в прошлое и не мог быть осуществлен в условиях развитого феодального общества в Китае в конце XIV в.

Отсюда не удивительно, что, по единодушному мнению исследователей, тенденция к расширению крупной частнофеодальной земельной собственности в конце XIV в. продолжала пробивать себе дорогу, а насаждение мелкокрестьянского хозяйства не мешало воссозданию при Чжу Юань-чжане системы жесткой феодальной эксплуатации в деревне^[39].

Основная направленность аграрной политики Чжу Ди

Теперь, имея в виду все сказанное выше, обратимся к аграрной политике правительства Чжу Ди. Первое и основное, что бросается в глаза при ее рассмотрении, — это отсутствие каких-либо существенных попыток изменить сложившуюся к началу XV в. систему землепользования, земельной собственности, налогообложения и всей структуры китайской деревни. На передний план выдвигается намерение поддерживать в аграрных отношениях полнейший статус-кво, что официально мотивировалось всеобъемлющим лозунгом придерживаться образцов, установленных Чжу Юань-чжаном.

Действительно, в начале XV в. в общем и целом юридически сохранялись прежние нормы налогообложения, оставались в силе реестровые списки конца XIV в. (с учетом проводимых время от времени поправок), продолжала функционировать система фискальных общин и налоговых старост, при регулировании отношений в деревне действовали, как и прежде, установления, записанные в кодексе «Да Мин люй» (1374–1397). В этих условиях аграрная политика правительства Чжу Ди представляется лишенной четкой направленности, определенной ориентации. Говоря современным языком, может показаться, что в ней не было самостоятельной аграрной программы. Однако такая аморфность весьма обманчива.

За отказом от активного вмешательства в аграрные отношения в сложившейся ситуации можно проследить вполне реальные шаги навстречу интересам феодалов. Во-первых, провозглашая незыблемость порядков времен Чжу Юань-чжана, новые власти отвергали те попытки преобразований земельной системы, которые наметились при Чжу Юнь-вэне. Подобные попытки, как отмечалось в первой главе, не могли не тревожить имущие слои, и поэтому возвращение к прежнему положению имело для них вполне конкретное содержание.

Во-вторых, поддержание статус-кво в деревне в самом широком смысле этого слова всецело отвечало интересам феодального класса. Сохранение здесь статус-кво означало консервацию закреплённой в

конце XIV в. системы феодальной эксплуатации крестьянства. Богатые землевладельцы, шэньши, тесно связанные с администрацией на местах, обладали всем необходимым для того, чтобы при относительном спокойствии народных масс закрепить свои господствующие позиции в деревне без дальнейшего активного вмешательства со стороны Центральных властей.

Наконец, в-третьих, в условиях «невмешательства сверху» могла получить наилучший стимул для развития наметившаяся уже в конце XIV в. основная тенденция к расширению крупной земельной собственности. Правительство Чжу Ди, прикрываясь общим лозунгом следования предшествующим порядкам, в отличие от Чжу Юань-чжана отошло от политики сколько-нибудь заметного ограничения такой собственности. В первой четверти XV в., хотя и не наблюдается попыток возродить введенную и отмененную Чжу Юань-чжаном систему «должностных земель», равно как и широкой раздачи жалованных земель знати, но вместе с тем не прослеживается ни конфискаций земли и имущества крупных собственников, ни каких-либо других прямых ущемлений интересов этой категории^[40]. Правда, правительство Чжу Ди отнюдь не поощряло переход крестьянских держаний в руки феодалов и превращение государственных тяглов в арендаторов частной земли. Но такая позиция центральной власти была традиционна. Она прослеживается по крайней мере с X в. [114, 138, 148]. Поэтому ее нельзя считать особой, характерной чертой описываемого времени, выходящей за рамки обычного не полного совпадения интересов феодального государства в целом и отдельных землевладельцев.

Отход от попыток прямого сдерживания самопроизвольного процесса расширения крупной феодальной собственности в начале XV в. определил все дальнейшее развитие аграрных отношений в империи Мин. Он открыл дорогу к полному возобладанию частнофеодальной тенденции.

В точном соответствии с отмеченной позицией правительства Чжу Ди в отношении крупного землевладения находится подтверждение им юридического права расширять земельную собственность за счет обработки нови. «Семьям, у которых есть для этого силы», разрешалось обрабатывать пустующие и заброшенные пахотные поля без ограничения [23, цз. 116, 1476]. При этом, как и прежде, давались

определенные налоговые льготы. Указ от 21 мая 1403 г. предписывал местным властям: «Рассматривайте дела и освобождайте от налогов тех, кто обработает и засеет пустующие и покинутые поля, которые никто [еще не занял]» [23, цз. 20 (I), 353–354]. Правда, в данном случае, как явствует из текста того же указа, освобождали от выплаты налогов лишь на один год. Но уже в 1405 г. есть данные о предоставлении освобождения сроком на три года [23, цз. 46, 715].

Заинтересованное главным образом лишь в том, чтобы в стране возделывалось как можно больше посевных площадей, правительство шло на передачу казенной необработанной земли в частную собственность при условии последующей выплаты соответствующих, положенных с частной земли (т. е. пониженных) налогов. Один из первых таких случаев зафиксирован в источниках в октябре 1405 г.: «Из уезда Сян в Хэнани доложили, что [там] более 16 цинов казенной земли уже давно заброшены... [Император] приказал вербовать людей для обработки этой земли [при условии, что] через три года [они] начнут [платить] налоги [с нее], как с частных полей» [23, цз. 46, 713]. В дальнейшем подобные действия получили силу закона. Один из пунктов императорского указа от 28 февраля 1415 г., содержавшего директивные распоряжения, гласил: «В тех случаях, [когда] местные власти освобождают [пустующие земли] от налогов и привлекают людей из других мест, давая им землю для обработки, то тех, кто получает такую казенную землю, рассматривать по тем же категориям и правилам, что [владельцев] частной земли» [23, цз. 160, 1819–1820]. Важно подчеркнуть, что это распоряжение распространялось на всю страну, а не на какой-либо отдельный район, т. е. не имело случайный прецедентный характер. Здесь мы, таким образом, сталкиваемся с целенаправленной передачей государственных земель в частную собственность тому, кто мог ее обработать. Естественно, что наибольшую выгоду от этого получали представители господствующего класса — «сильные дома», а также зажиточные слои крестьянства.

Власти заботились лишь о том, чтобы не практиковалась «тайная запашка» пустующих площадей, которая позволила бы вообще (без всякого срока) избежать выплаты налогов. В данном случае правительство руководствовалось соответствующими статьями из «Да Мин люй» [14, 101]. Иначе говоря, при предоставлении права

распахивать пустующие земли, даже на условиях передачи их в частную собственность, подразумевался учет со стороны государства. Расширение земельной собственности разрешалось лишь с веденя властей и обуславливалось (пусть с некоторой отсрочкой) уплатой налогов и несением повинностей. Но тем не менее значение легализации расширения частной земельной собственности, повторенной в начале XV в., трудно недооценить. Тенденция к такому расширению, наметившаяся в конце XIV в., получила, таким образом, своеобразное признание нового правительства.

Предоставляя возможности для увеличения частного землевладения, правительство Чжу Ди одновременно шло на закрепление земельного фонда, сложившегося в результате незаконного с точки зрения действовавших установлений перераспределения. В этом отношении характерны следующие примеры. В сентябре 1402 г. на имя императора поступил доклад, сообщавший, что в стране имеется много «дарственных полей» и «полей, захваченных самовольно», которые не обложены налогами. В ответ на это императорский двор отнюдь не приказал конфисковать эти якобы подаренные или же просто самовольно захваченные земли. Он распорядился лишь приказать чиновникам собирать с них налоги [23, цз. 12 (I), 193]. Тем самым самовольный захват был санкционирован.

В том же плане весьма показательна реакция правительства на поступивший в июле 1411 г. доклад военного наместника в Шаньдуне Ван До с предложением узаконить перераспределение земли, происходящее в результате миграции населения. Сообщая о бегстве крестьян на новые места, Ван До писал: «Если включить в реестры беглый народ в Цинчжоу и в других трех областях, выдать [им] из казны волов, [сельскохозяйственный] инвентарь и семена, приказав обрабатывать землю, [то] через три года [можно будет] брать [с них] натуральный и промысловый налог. Земли же, к которым они были приписаны раньше, [следует] разрешить обрабатывать семьям, у которых есть [для этого] силы. Если [сделать] так, то поля не будут приходить в запустение, а народ приобретет спокойствие и хозяйство» [23, цз. 116, 1476–1477]^[41]. Император одобрил предложения Ван До и дал специальное распоряжение, чтобы их немедленно провести в жизнь.

Отразившаяся в этих прецедентах позиция властей показывает, что перед феодалами и деревенской верхушкой открывались пути к расширению земельной собственности не только за счет обработки нови, но и приобретения или же прямого захвата полей, ранее принадлежавших другим.

Описанный подход правительства Чжу Ди к вопросам перераспределения земельной собственности в сочетании с отказом от какого-либо прямого давления на крупных землевладельцев помогает еще четче определить классовую сущность его аграрной политики. Главный выигрыш от нее получали «семьи, у которых есть силы», т. е. имущие слои населения.

В дополнение к сделанному выводу можно сказать, что Чжу Ди сохранял за отдельными представителями знати «жалованные» земли. Свидетельством этому может служить поступивший в октябре 1403 г. доклад о том, что Му Шэн продолжает получать арендную плату с жалованных ему прежде полей, хотя она должна поступать в казну, ибо взамен ему выплачивается возмещение. Император же приказал не отбирать у Му Шэна арендную плату, сохраняя и возмещение [23, цз. 24, 433]. Однако других, более подробных данных о «жалованных» землях в начале XV в. в использованных источниках обнаружить не удалось.

О классовой позиции Чжу Ди свидетельствует еще один пример, непосредственно не относящийся к земельным вопросам, но помогающий пролить на них дополнительный свет. В октябре 1411 г. ко двору поступила жалоба жителей одного из уездов на местного «влиятельного человека» (*хаоминь*). Император по поводу этой жалобы заметил: «Все это непременно из-за вражды, которую они (жители) питают к влиятельным людям и поэтому доносят на них» [23, цз. 119, 1509–1510]. Жалоба была оставлена без внимания. Данный эпизод говорит о том, что Чжу Ди имел четкое представление о враждебности, которую питало население к местной элите, и, столкнувшись с этой враждебностью, он без колебаний встал на сторону влиятельной верхушки.

Концепция «заботы о народе» и методы ее реального воплощения

Однако, идя объективно навстречу интересам феодалов, правительство Чжу Ди отнюдь не исходило из субъективного стремления усилить эксплуатацию крестьянства, усугубить его положение. Выступая как выразитель не только узкоклассовых интересов феодалов, но и общегосударственных интересов, оно было заинтересовано в стимулировании и развитии сельскохозяйственного производства в стране. В этом своем качестве оно проявляло определенную «заботу о народе». Последнее отразилось во многих официальных документах начала XV в., и здесь вряд ли можно усматривать одну лишь демагогию (хотя она, несомненно, имела какое-то место). В них нашло выражение и субъективное стремление создать приемлемые для основной массы населения условия, чтобы обеспечить его участие в производительном труде.

Регулирование экономической жизни страны и стимулирование производства, основу которого составляло сельское хозяйство, по конфуцианской и легистской традиции издревле считалось одной из основных функций государственной власти^[42]. На последнюю теоретически возлагалась ответственность за экономическое благосостояние страны. «Забота о народе» выступала одним из определяющих моментов упомянутого регулирования. Этот факт отмечался исследователями: «Традиционное китайское государство в лице его правящих верхов... считало своей главной задачей обеспечение минимального благосостояния народа, т. е. прежде всего крестьян, с тем, чтобы гарантировать регулярные поступления в казну и сохранение статус-кво» [63, 42].

На этом фоне подобная ориентация в деятельности правительства империи Мин не представляется исключением. Несколько гиперболизированное высказывание Ч. О. Хакера о том, что в данный период «ни один аспект китайской экономической жизни не был избавлен от вмешательства государства и правительство принимало на себя ответственность за экономическое процветание», не так уж далеко от истины [213, 70]. Таким образом, в своей «заботе о народе» и

стимулировании развития сельского хозяйства правительство Чжу Ди следовало традиционным, сложившимся принципам.

Именно обращение к традиционному пониманию управленческих функций толкало Чжу Юань-чжана, а позднее и Чжу Ди к поискам идеала организации экономической жизни общества на основе конфуцианско-легистских идеологических концепций. Вероятно, у первого из «их, благодаря прямым попыткам ограничить частнособственнические тенденции (что издавна выступало одной из черт упомянутого выше экономического регулирования), такое стремление к идеалу было более заметно. При Чжу Ди можно наблюдать нечто подобное. Хотя он и отказался от непосредственного ущемления земельных собственников, но отмеченное стремление к идеалу сосредоточилось главным образом в комплексе мероприятий, связанных с «заботой о народе» (если не считать описанных в предшествующей главе поисков идеала в организации бюрократического управления).

Указанная «забота», по мысли китайских политиков, должна была способствовать приближению к искомому идеалу трояким образом: во-первых, служить доказательством высокоморальных побуждений государя и тем укреплять его авторитет; во-вторых, обеспечивать максимум налоговых поступлений; в-третьих, удерживать народные массы от восстаний. Все это довольно четко прослеживается в документах начала XV в.

Моральная сторона, т. е. настойчивое напоминание о стремлении монарха к «добру», к «хорошей политике», вполне естественно, выдвигалась при этом на первый план. В манифестах, приказах и устных распоряжениях императора в изобилии встречаются сентенции следующего типа: «Небо поставило государя, чтобы [он] заботился о народе. [Если] государь не заботится о народе, то это непочтительно к Небу... Став императором, я думаю о том, чтобы довести народ до всеобщей радости, и не помышляю о том, чтобы опрометчиво [приносить] людям бедствия и несчастья... [Если] хоть один человек не получит того, что ему необходимо [для] жизни, то в этом будет моя вина... Древние потому и достигали эпох гармонии и процветания, что шли они прежде всего путем заботы о достатке народа в одежде и пище» [23, цз. 24, 521, цз. 160, 1818, цз. 129, 1602, цз. 247, 2312].

Что касается служения политики «заботы о народе» меркантильным интересам государственной казны, то об этом, естественно, открыто не говорилось. Документы свидетельствуют об этом лишь в завуалированной форме. Тем не менее ни для современников описываемой эпохи, ни для нас не было и не является секретом, что такие часто употребляемые формулы, как «народ — это основа государства» или «государь создает государство, используя для этого народ», подразумевали прежде всего несение населением налогового бремени [23, цз. 129, 1602, цз. 247, 2312]. Материальная сторона «заботы о народе» проявляется также в постоянных напоминаниях двора о том, что с бедного и разоренного люда нельзя получить настоящих доходов. Отсюда логически вытекал вывод о необходимости заботиться о его благосостоянии: «Государь получает от народа одежду и пищу; если же народ беден и у него [самого] нет одежды и пищи, то разве можно не помочь ему?» [23, цз. 32, 573].

Наконец, в документах достаточно ясно отразился мотив о боязни народных движений и необходимости в связи с этим уделять внимание его нуждам. Такая откровенность объясняется тем, что распоряжения императора чаще всего адресовались чиновным властям, с которыми он мог быть довольно откровенен. Поэтому в официальных бумагах можно найти следующие красноречивые признания: «Когда народ голодает, императорский двор не в безопасности... Идти по пути любви к народу — это значит давать ему достаточно одежды и пищи, чтобы он не страдал от голода и холода. Тогда [его] борьба утихнет... [Если] создать благополучие для неисчислимых [народных] масс, то в Поднебесной не может не быть мира... У низкого люда [может] накапливаться недовольство императорским двором... Дав покой военному и гражданскому люду, я и все мы [также] получим покой» [23, цз. 207, 2116, цз. 38, 639, цз. 20 (I), 359; 16, цз. 16, 1111].

В описываемом плане весьма характерно одно из высказываний императора, где он подчеркивает постоянную опасность, грозящую правящим верхам со стороны народных масс: «[Если] государство милостиво относится к народу, то (в нем] вряд ли смогут [возникнуть] ежеминутно грозящие особые (мятежные. — А. Б.) замыслы» [23, цз. 40, 664].

В этом своем назначении — служить для предотвращения народных движений — «забота о народе» сливалась с идеей

поддержания в стране статус-кво в самом широком, всеобъемлющем масштабе. Отсюда во многих документах мы находим следующую формулировку императором своих основных задач: «В чем [истинный] путь управления народом? В том, чтобы [он] был спокоен и плодился, — только и всего... Мой долг как хозяина Поднебесной — успокаивать народ, и только» [23 г цз. 20 (I), 353, цз. 129, 1602]. Стремление к исполнению этих задач выражалось в проповеди классового мира: «Вечно будьте совершенно спокойным народом... Государь — это отец, народ — это дети. Дети должны питать сыновнюю почтительность, государь же — любить нижестоящих. И каждый [из нас обязан] до конца идти своим путем [в исполнении своего] долга... Каждая семья, [где будут процветать] безропотность и согласие, получит безграничное богатство... Бедные и богатые, любите друг друга, соседи по общине, помогайте друг другу! [Не нужно] бороться и конкурировать... [и тогда будет] общий покой, общая радость и безграничное богатство» [23, цз. 89, 1183, цз. 32, 573 г цз. 92, 1199–1200].

Таким образом, «забота о народе», как можно видеть, органически отвечала основной направленности аграрной политики правительства Чжу Ди, а именно консервации и закреплению сложившихся в стране норм феодальной эксплуатации.

Конкретные мероприятия, которые в общей сложности согласовались с общей теорией «заботы о народе», были весьма различны по своему содержанию. Одни из них были более идеалистичны, чем действенны, другие — приносили вполне реальные плоды. В этой связи заслуживает внимания следующее положение, высказанное Л. С. Васильевым: «Суть взаимоотношений государства и народа... никогда не находила своего адекватного отражения! в реальной действительности, но тем не менее всегда была нормой, ориентиром, желанием и даже необходимым оптимумом существования сложившегося в Китае социального строя» [63, 40]. Однако вопрос о том, насколько те или иные из этих мероприятий могли способствовать достижению искомого идеала в аграрных отношениях, будет удобнее разрешать после непосредственного рассмотрения всего комплекса данных мероприятий.

Прежде всего правительство Чжу Ди было вынуждено считаться с тем ущербом, который нанесла сельскому хозяйству многих районов

страны трехлетняя междоусобная война. Сразу же после ее окончания прослеживается определенная забота центральной власти о ликвидации ее разрушительных последствий. Надо сказать, что разорение, причиненное войной, было весьма значительным. Недаром цензор Хань Юй еще в 1399 г. писал двору, что военные действия «десятикратной тяжестью горя» ложатся на плечи населения [16, цз 11, 808]. О лишениях, которые терпят крестьянские хозяйства, говорилось и в поданном во время войны «Цзиннань» докладе Го Жэня [16, цз. 11, 799]. Особенно пострадали районы между реками Хуанхэ и Хуайхэ, а также провинция Шаньдун [130, 34]. Немалые тяготы вынесло и население провинции Бэйпин.

Понимание, сколь опасно такое положение для прочности императорского трона, отразилось в письме Чжу Ди к Чжоу-вану в мае 1403 г. Император писал: «Поднебесная только что усмирена [войной]. Сердца людей еще не спокойны. [Они] еще не воспряли от усталости. [К тому же] постоянно повторяются засухи и [налеты] саранчи. Люди по-прежнему страдают от голода и холода. Сейчас самое время [дать им возможность] отдохнуть и спокойно плодиться» [23, цз. 19, 344].

В связи со всем сказанным выше, уже в указе об амнистии от 30 июля 1402 г. декларировалось освобождение от налогов на три года хозяйств, пострадавших от военных действий в провинциях Шаньдун, Бэйпин и Хэнань [23, цз. 10 (I), 146]. В декабре того же года по той же причине были освобождены от налога на первую половину следующего года хозяйства провинции Шаньей [23, цз. 15, 270]. Наконец, в июле 1403 г. местным властям было предоставлено право отменять на два года налоги во всех пострадавших от войны районах [23, цз. 20 (II), 368].

В порядке возмещения урона, понесенного во время войны, в сентябре 1402 г. население областей вокруг Нанкина, Тайпина, Чжэньцзина, Нинго и Гуандэ было освобождено от принудительных работ в столице, которые ежегодно исполнялись им вместо выплаты определенной части налога [23, цз. 11, 190]. В декабре того же года в провинциях Бэйпин, Шаньдун, Хэнань и в других районах страны, так как «силы народа здесь еще не восстановились», было приказано уменьшить взимание долгов по государственной ссуде населению (*хэмай*) [23, цз. 15, 269].

Одновременно уже с августа 1402 г. безвозмездно оказывали помощь наиболее пострадавшим районам тягловым скотом и сельскохозяйственным инвентарем [23, цз. 11, 176, цз. 15, 280, цз. 23, 420].

Вместе с тем следует упомянуть и такой шаг, как прекращение «всех не срочных дел» в стране, декларированный вскоре после вступления Чжу Ди на престол и подтвержденный еще раз указом от 19 апреля 1403 г. [23, цз. 18, 333]. Эта формулировка скрывала за собой временное освобождение широких масс населения от несения значительной доли отработочных повинностей. Последние, как известно, служили издавна сложившейся обременительной формой эксплуатации, основную тяжесть которой несло китайское крестьянство.

Мероприятия по восстановлению разрушений, нанесенных хозяйству страны войной, четко прослеживаются во второй половине 1402 и в 1403 г. Однако и позже правительство продолжало уделять внимание этой проблеме. Сведения об этом встречаются вплоть до 1409 г. [23, цз. 89, 1178–1179].

Нет сомнения, что меры по ликвидации разрушительных последствий войны были весьма своевременны и могли принести некоторые положительные результаты. Вместе с тем необходимо учитывать, что, осуществляя их, правительство Чжу Ди исходило из тех основных посылок, которые диктовались общей теорией «заботы о народе». Весьма характерно, например, следующее высказывание императора: «После войны и засух какие же можно собрать налоги!» [23, цз. 31, 560]. Он также отмечал, что одним из путей правильного управления народом является проявление к последнему «милости и заботы в критические моменты» [23, цз. 27, 492]. Положение, создавшееся после войны, не без основания именно так могло расцениваться двором. Поэтому шаги к восстановлению хозяйства, вписываясь в общую схему «заботы о народе», вместе с тем были продиктованы особыми обстоятельствами, спецификой момента.

Если же говорить об основных, непреходящих аспектах политики «заботы» правительства Чжу Ди о народе, то главное место здесь принадлежит стремлению привлечь к сельскохозяйственному труду, к обработке земли как можно большее число тягловцев. Свои побудительные мотивы к подобному стремлению император

формулировал предельно ясно: «Каждый человек, привлеченный государством для пахоты, может прокормить [своим трудом] несколько человек, и в этом заключена польза [государству]» [23, цз. 25, 450].

Естественно, что широкое привлечение людей к крестьянскому труду и тем самым увеличение числа налогоплательщиков (а главное — общей суммы налоговых поступлений) не могло осуществляться без наличия определенного фонда свободной, необработанной земли. Такой фонд, как отмечалось выше, существовал еще при Чжу Юань-чжане. Источники подтверждают наличие подобного явления и в начале XV в. Это особенно характерно для северных районов страны. В июне 1403 г. двору сообщалось, например, что в близлежащих к Пекину округах имеется 181 454 цина прежде обрабатываемой, а затем заброшенной пахотной земли [23, цз. 20 (II), 374]. Однако в данном случае понятие «северные районы» отнюдь не ограничивалось лишь широтами Пекина и Юнпина. Много данных о пустующих землях относится к Хэнани и всему бассейну течения р. Хуанхэ [23, цз. 18, 329, цз. 116, 1476, цз. 124, 1557]. Северные районы в широком смысле простирались вплоть до р. Янцзы, т. е. охватывали и центральные районы страны. В указе от 17 января констатировалось: «К северу от р. [Янцзы] земли обширны, а население редкое и занимающихся сельскохозяйственным [трудом] мало» [23, цз. 15, 287]. Фонды необработанной земли имелись также в Фуцзяни и даже в районе столицы [23, цз. 101, 1319, цз. 111, 1419].

Однако возрастание норм эксплуатации крестьянства к концу царствования Чжу Юань-чжана, а также разорительные последствия — войны «Цзиннань» привели к тому, что в начале XV в. крестьяне не были заинтересованы в обработке казенных земель. Как отмечалось исследователями, они еще в конце XIV в. без особой охоты шли на предлагаемые им властями земли [55, 165]. Это было не менее характерно и для рассматриваемого времени. Гораздо типичнее было стремление оставить свой обрабатываемый участок и тем самым «скрыться» от уплаты налогов в казну. Поэтому привязывание тяглов к земле вызывало определенные трудности и было сопряжено с рядом усилий, включавших как различные льготы, так и принудительные меры.

Выше уже отмечалось, что, будучи заинтересовано во всемерном расширении обрабатываемых площадей, правительство Чжу Ди шло на передачу государственной земли в частное владение, закрепляло

стихийно складывавшееся перераспределение земельной собственности и предоставляло налоговые льготы поднимавшим новь. Из прочих мероприятий, преследовавших ту же цель, нужно назвать практиковавшееся переселение крестьян на пустующие земли, направление для обработки полей ссыльнопоселенцев и осужденных, а также попытки прекратить бегство крестьян с земли и возвращение беглецов к хозяйству.

Переселение крестьян на пустующие земли неизменно поощрялось правительством Чжу Ди. Вместе с тем, насколько можно судить по имеющимся в источниках данным, оно практиковалось не настолько широко, чтобы в этом можно было бы обнаружить последовательную программу освоения неводеланных площадей. Переселение, как правило, сопровождалось следующими сопутствующими целями: разгрузить районы, где имелась относительная перенасыщенность в людях и не хватало земли, наладить хозяйство в тех или иных районах, обеспечить приток населения в округу новой столицы — Пекина. При этом инициатива центральной власти заметна лишь в осуществлении последних двух целей. Но в данном случае мотивы, которыми руководствовалось правительство, выходили за рамки чисто экономического мероприятия. Они определялись стремлением создать прочную базу вокруг северной столицы, что могло бы способствовать укреплению позиций нового двора.

В остальных случаях правительство предпочитало при переселениях опираться больше на инициативу снизу, т. е. местных властей, нежели само проявлять ее. Зафиксированные в источниках случаи переселения представлены следующим образом. На имя императора подавались доклады с изложением мотивов необходимости переселения. Содержание подобных документов передается весьма скупо и лаконично. Например, под 9 апреля 1403 г. в «Мин Тай-цзун ши лу» записано: «Из округа Цзя в Хэнани докладывают, что земли здесь обширны, а население редкое. В Шаньси же во всех уездах, что [входят] в округа Цзе, Лу и другие, земли мало, а население обильное. Просят прислать [в округ Цзя] для полевых работ взрослых мужчин [из Шаньси] из семей, не имеющих земли» [23, цз. 18, 329]. Императорский двор, как правило, санкционировал подобную инициативу без проволочек и проверки положения дел на местах. При этом

мотивировка стихийными бедствиями была столь же действенна, как и нехватка земли [23, цз. 115, 1474].

Усилия местных властей всей страны, направленные на привлечение людей из других районов для обработки пустующих площадей, назывались в манифесте от 28 февраля 1415 г. «совершенно справедливыми», т. е. получали законное основание [23, цз. 160, 1819]. Переселяться могли не только владельцы казенной, но и частной земли, если их владения испытывали какой-либо ущерб [23, цз. 223, 2201].

Большинство сообщений о переселении крестьян констатирует лишь сам факт перемещения и не касается условий, на которых оно осуществлялось. Поэтому особый интерес представляет запись о переселении крестьян из одних областей Шаньдуна в другие в феврале 1412 г., где затрагивается вопрос о налогообложении переселенцев. Выступивший с инициативой этого шага помощник начальника округа Цзинин Фань Шу-чжэн предлагал отменить взимание налога с переселенцев в течение трех лет. Императорский двор одобрил это [23, цз. 124, 1557]. Тем самым переселение могло сопровождаться соответствующими льготами. Однако трудно судить, насколько это было общим правилом, а не зависело опять-таки от инициативы и смелости просителей-докладчиков. Отмеченная передача проведения переселения крестьян на новые, пустующие земли в руки местных властей свидетельствует о том, что центральное правительство не намеревалось проводить его в масштабе всей страны как универсальное и принудительное средство для освоения необработанных площадей.

Что касается ссыльных и осужденных, то их селили на пустующие земли в принудительном порядке. Первые указания императора на этот счет были даны 10 августа 1402 г. Предлагалось привлекать осужденных к обработке пустующих земель (чаще всего на севере) вместо требуемого с них откупа за совершенное ими преступление. Принудительным привлечением к обработке земли заменяли и прочие наказания. Осужденных на смерть по прошествии пяти лет принудительной обработки земли предполагалось прощать и зачислять в «добрый народ», осужденных на другие виды наказания — через три года. Кроме того, прощение обуславливалось усердием осужденного [23, цз. 12 (II), 214–215].

10 сентября 1403 г. были утверждены специальные правила, которыми следовало руководствоваться местным властям при

привлечении ссыльных преступников к отработке земли, Согласно этим правилам, ссылка преступников на север для обработки земли стала общепринятой нормой наказания. Каждому ссыльному следовало выделять из фонда «покинутых» и «свободных» земель участок площадью в 50 му при условии обязательного сбора двух урожаев в год (летнего и осеннего). «А если у кого [из осужденных], — гласили правила, — будут силы и желание обработать больше [земли], разрешить [им это]» [23, цз. 22, 414].

Правилами предусматривалось, что на обзаведение хозяйством арестантам могли выдавать из казны инвентарь, тягловый скот и семена. В августе 1404 г. даже зарегистрированы денежные выплаты 462 ссыльнопоселенцам по 80 динов ассигнациями [23, цз. 33, 579]. Тем, кто получал такую помощь, гарантировалось уравнивание в налогах с крестьянами через пять лет, тем, кто не получал, — через три года. Отсюда следует, что ссыльнопоселенцы в течение пяти или трех лет выплачивали более тяжелые налоги, чем обычные тяглецы.

В дальнейшем правила переселения преступников дополнялись и детализировались. Например, если присужденным к порке заменяли наказание ссылкой на пустующие земли Севера, то они получали деньги на дорогу [23, цз. 124, 1562].

Весьма интересны попытки правительства формировать из привлеченных к обработке земли преступников сельские общины, т. е. распространить на них привычные формы организации крестьянства. Прямое свидетельство тому имеется в упомянутых правилах и в докладе начальника Ведомства налогов Ван Дуня двору от 23 июня 1403 г. [23, цз. 21, 377, цз. 22, 413]. Автор последнего документа сетовал на трудность создания общин из осужденных по той причине, что среди них наблюдается имущественное неравенство: «[Среди] осужденных, если они, согласно приписке, наделяются землей, есть неравенство: [у одних земли] много, [у других] — мало...» [23, цз. 21, 377]. Этот факт вполне согласуется с упомянутым выше разрешением давать желающим излишки пахотных площадей сверх положенного надела. Тем самым в хозяйствах ссыльнопоселенцев шли процессы, характерные для общей тенденции в земельных отношениях в Китае в XV в.

Однако положение ссыльнопоселенцев далеко не всегда было завидным. Во-первых, надо учитывать, что их труд оставался строго

принудительным и строго контролируемым. О том, что многие из них «не тяготеют душой к сельскому хозяйству» и всячески отлынивают от работы, говорится в послании императора наследнику престола от 7 декабря 1403 г. Для искоренения этого предлагалось принять меры: «Как только [кто-либо] не выйдет в поле на сельскохозяйственные [работы], приказываю снова подвергать [их наказанию] за прежние провинности» [23, цз. 25, 458–459]. Во-вторых, их положение отягощалось повышенным налоговым бременем. Этот факт признавался и самим правительством. В конце 1411 г. оно даже пошло на некоторое облегчение участи ссыльнопоселенцев, дав им отсрочку в выполнении трудовых повинностей [23, цз. 120, 1514].

Надо сказать, что замена уголовного наказания принудительной обработкой земли практиковалась в Китае и ранее. Однако характерно, что в рассматриваемый период такое явление не только получило широкое распространение, но и подвергалось определенной кодификации.

Бегство крестьян с земли, издавна наблюдавшееся в феодальном Китае, служило одной из форм их социального протеста. Тот факт, что в начале XV в. этот процесс отчетливо прослеживается почти по всей территории страны, свидетельствует о возрастании эксплуатации в деревне, говорит о тяжелом положении крестьянских низов. Источники пестрят прямыми и косвенными сообщениями о побегах с земли. Сведения о том, что народ «разбегается в разные стороны», «каждодневно бежит» и «бежит во множестве», поступали ко двору из самых различных провинций империи — от Гуандуна на юге до Бэйпина и Шэньси на севере [23, цз. 15, 288; цз. 70, 981, цз. 129, 1598, цз. 103, 1343]. В январе 1403 г. император признавал, что во всех районах страны, лежащих к северу от р. Янцзы, «народ бежит, оставляя хозяйство» [23, цз. 15, 287].

Точной статистики в данном случае ожидать не приходится, тем не менее сохранились некоторые цифровые данные, по которым можно составить общее представление о масштабах описываемого процесса. Согласно докладу цензора Кун Фу, инспектировавшего в 1403 г. провинцию Хэнань, здесь насчитывалось 334 280 крестьянских дворов, — или же более 2 млн. человек, которые либо ранее находились, либо продолжали оставаться в бегах [23, цз. 25, 461–462]. В июне того же года пекинские власти докладывали: «В восьми

областях, [подчиненных] Шуньтяню (Пекину. — А. Б.), из 189 300 с лишним приписанных [здесь] дворов простоллюдинов не вернулось к [своему] хозяйству более 85 000 дворов» [23, цз. 20 (II), 374].

Главными причинами бегства крестьян оставались непосильный налоговый гнет и произвол местных властей. Данные «Мин Тай-цзун ши лу» позволяют детализировать такие причины применительно к началу XV в. Ими могли служить: непомерно тяжелые прямые налоги и накопление в связи с этим недоимок [23, цз. 129, 1598]; различного рода «дополнительные» налоги [23, цз. 15, 269]; разорение в результате стихийных бедствий [23, цз. 15, 287]; перекладка налогов на чужие плечи в результате круговой поруки в деревенских общинах [23, цз. 99, 1300]; снижение урожайности из-за неисправности ирригационной системы [23, цз. 15, 288]; произвол местных властей [23, цз. 252, 2353]; вступление в конфликтные отношения с властями [23, цз. 197, 2061]. Нужно сказать, что центральные власти довольно четко представляли себе побудительные мотивы, заставлявшие людей бросать свои дома и поля. Так, например, в октябре 1407 г. Чжу Ди писал: «В душе люди любят землю. Разве они с охотой переселяются и бродяжничают? [Они] уходят именно из-за того, что не могут [более] терпеть» [23, цз. 70, 981]. Во многих других документах двора содержатся прямые обвинения местных властей в том, что они не обеспечивают народу приемлемые условия жизни, а поэтому «люди не могут вытерпеть и дело доходит до бегства и гибели [их]» [23, цз. 197, 2061–2062, цз. 252, 2353].

Масштабы бегства крестьян в первые же годы после воцарения Чжу Ди не могли не тревожить правительство. Оно понимало, что «запустение полей» происходит от того, что люди покидают их, и это ведет к сокращению налоговых поступлений [23, цз. 51, 763]. «Чтобы вносить налоги, народ непременно [должен] обрабатывать землю, когда же [он] забрасывает хозяйство и бежит, налоги не поступают», — констатировалось в императорском манифесте от 2 февраля 1410 г. [23, цз. 99, 1300–1301]. Кроме того, бегство крестьян с земли таило в себе и социальную опасность: оно нарушало столь старательно поддерживаемое статус-кво в деревне, а беглый люд иногда вставал на путь открытого сопротивления властям^[43]. Поэтому правительство Чжу Ди с самого начала своего существования пыталось активно бороться с бегством крестьян.

Прежде всего оно стремилось насколько возможно предотвратить бегство. Остались в силе статьи из «Да Мин люй», запрещавшие бегство, возбранявшие принимать и укрывать беглых, грозившие наказанием общинным старостам и местному чиновничеству за неумение удержать людей [14, 97–98]. Но так как это мало помогало, Чжу Ди в начале 1403 г. предложил усилить контроль за неподвижностью сельского населения с помощью специальных эмиссаров. Их роль, однако, должна была быть несколько шире, чем простое предотвращение бегства. Распоряжение императора гласило: «В последнее время... народ бежит и бросает [свое] хозяйство. [Если] сейчас вовремя не успеем заставить его отдать все силы земледелию, то в будущем не избежать [материальных] потерь. Перед грядущей весной следует заранее направить людей для [соответствующего] надзора и понуждения» [23, цз. 15, 287].

Есть свидетельства, что практика направления подобных эмиссаров в районы, где наблюдалось интенсивное бегство крестьян, сохранялась и в последующие годы царствования Чжу Ди [23, цз. 151, 1755–1756].

Стремлением предотвратить бегство вызваны и такие мероприятия, как оказание материальной помощи населению в районах, где усиливается этот процесс, или же отмена дополнительных налогов, которые, по получаемым двором сведениям, служили причиной ухода из хозяйств [23, цз. 15, 269, цз. 43, 688, цз. 166, 1833].

Однако, поскольку все эти профилактические меры не могли остановить процесса бегства крестьян с земли, главные усилия правительство направляло на возвращение беглых. Возможность такого возвращения предусматривалась особой статьей в «Да Мин люй» [14, 99]. Устные и письменные инструкции Чжу Ди неизменно предписывали всеми силами возвращать беглых к «прежнему занятию» [23, цз. 20 (II), 374, цз. 25, 450]. При этом они, разумеется, получали полное прощение за незаконное с юридической точки зрения бегство. Предписывалось миловать даже тех беглецов, которые «имели разногласия с властями, подрывали власть и вредили народу» [23, цз. 197, 2062]. Одновременно давалась индульгенция и чиновникам, которые не сумели предотвратить побег. Но это обуславливалось их активизацией по возвращению беглых. Манифест от 2 февраля 1410 г., в частности, гласил: «Уездных чиновников, не смогших успокоить

народ, который доходит до того, что некоторые бегут, на первое время прощать. Приказать [этим чиновникам] срочно привлекать [беглых] на праведный путь — возвращать к хозяйству и более не притеснять» [23, цз. 99, 1301].

Вернувшимся беглецам предписывалось давать различные льготы. Уже указ об амнистии от 30 июля! 1402 г. повелевал казне оказывать содействие семенами, тягловым скотом и инвентарем беглому люду из провинций Хэнань, Шаньдун и Бэйпин, а также районов бассейна р. Хуайхэ в случае возврата к хозяйствованию [23, цз. 10 (I), 147]. Указ же от 17 декабря 1403 г. гласил: «Ныне, поскольку [беглые] снова возвращаются к [своему основному] занятию, приказываю ведающим там властям давать им всевозможные послабления» [23, цз. 25, 462]. О хорошем отношении к вернувшимся беглецам и необходимости «оказывать им помощь» говорят и другие инструкции двора» [23, цз. 70, 982].

Декларируемая помощь могла, как показано выше, выражаться в выдаче необходимых средств к обзаведению хозяйством заново. Практиковалась также и безвозмездная выдача продовольствия на первое время после возврата [23, цз. 21, 377, цз. 59, 859]. Однако общих правил на этот счет не существовало. Зато можно предположить, что вернувшимся беглым прощали прежние налоговые недоимки. Правительство с первых лет неизменно удовлетворяло просьбы с мест об отмене причитавшихся до бегства недоимок [23, цз. 43, 688]. В октябре 1422 г. оно дало по этому поводу следующее разъяснение: «Когда они [беглые] возвращаются в свои хозяйства, то пахотные поля [у них] запущены и заросли сорняками, дома обветшали, неоткуда взять сельскохозяйственный инвентарь и семена. Воистину следует им помочь. Если же требовать с вернувшихся к хозяйству [уплату] недоимок и доводить [их] до крайности, то разве захотят они остаться [здесь]? Вам, Ведомству налогов, следует дать местным властям ясное предписание, что отныне следует полностью отменять причитающиеся за годы [бегства налоги] зерном, соломой и прочим с беглого люда, вернувшегося к хозяйству» [23, цз. 252, 2353].

Отмена или же отсрочка прежним беглецам текущих налогов и повинностей делалась лишь в исключительных случаях. Наоборот, возвращение подразумевало сбор налогов с тяглецов и несение ими повинностей в полном объеме. Иначе терялся основной смысл

«привлечения беглых к хозяйству». Исключения делались лишь дважды. При этом первый случай касался лишь провинции Бэйпин. Распоряжением от 26 июня 1408 г. властям этой провинции предписывалось обещать тем, кто пожелает вернуться, отмену налога и повинностей на три года [23, цз. 80, 1065]. Второе распоряжение, освобождавшее от налогов вернувшихся беглых сроком на один год, было датировано маем 1421 г. [23, цз. 236, 2267]. Оно распространялось на всю страну. Но его появление связано с экстраординарными для того времени обстоятельствами — пожаром от молнии и гибелью императорских дворцов в Пекине. Такое событие было истолковано как дурное предзнаменование, что и вызвало ряд мер, облегчавших положение народа.

Как видим, отмена налогов с прежних беглецов диктовалась либо особыми соображениями-в первом случае стремлением всячески усилить северные районы, либо особыми обстоятельствами. Поэтому такую практику можно считать скорее исключением, чем правилом.

Отсрочка налогов и повинностей предоставлялась также тем беглецам, которые по возвращении получали хозяйство не на старом месте, а на целине. Такая практика имела место, ибо в некоторых районах, откуда бежал народ, хозяйство было настолько бедно и разорено, что, даже по мнению местной администрации, было нерационально возвращать крестьян на прежние поля [23, цз. 25, 469–470]. К тому же государство было заинтересовано в этом, ибо имело значительный фонд необработанных земель. Отсюда еще в декабре 1403 г. двор дал следующую инструкцию Ведомству налогов: «Тех, кто еще не вернулся к [своему] хозяйству, [следует] усердно привлекать к поднятию целинных земель и запретить взимать с них налоги» [23, цз. 25, 462]. Однако, насколько можно судить по источникам, в начале XV в. такая практика не получила широкого распространения. В основном беглых крестьян сажали на прежние места и, как прежде, облагали налогами и повинностями.

Усилия, направленные на возвращение беглецов, давали некоторые плоды. Рапорты о привлечении их к хозяйству поступали ко двору довольно часто. Например, в сентябре 1402 г. из провинции Чжили и Бэйпин доложили о возврате 71 300 беглых дворов, в январе 1403 г. из Бэйпина — еще о возврате 130 600 дворов, в том же году из Хэнани-о возврате 302 230 дворов, в 1410 г. из области Цинчжоу в Шаньдуне — о

возвращении 13 400 крестьян и т. д. [23, цз. 11, 190, цз. 16, 292, цз... 25, 461–462, цз. 106, 1373]. Местные власти усердствовали, ибо знали, что это вызовет одобрение свыше. Однако в целом по стране процесс бегства крестьян с земли не прекращался, так как для радикального его пресечения потребовалось бы внести коренные изменения в положение крестьянства.

Во всех трех вышеназванных аспектах «заботы о народе» — переселении крестьян, посадке на землю ссыльнопоселенцев и возвращении беглых к хозяйствованию — можно проследить общую цель. Преобладающей здесь была материальная сторона приближения к идеальной модели государства. С помощью описанных мероприятий правительство пыталось добиться расширения обрабатываемых площадей, увеличения числа налогоплательщиков и в конечном счете общей суммы налоговых поступлений. Причем последнего мыслилось достичь именно развитием производства вширь, но никак не за счет намеренного отягощения налогового бремени.

Налоговая политика

Понимая, что увеличение налогов может иметь крайне нежелательные последствия для государства как в экономическом, так и в социальном плане, правительство Чжу Ди стремилось не допускать этого. Здесь проявляется еще один из основных аспектов политики «заботы о народе», несколько отличный по своей направленности от описанных выше.

Отмеченное понимание опасности, которую таило возрастание налогового бремени, отчетливо проступает в официальных документах начала XV в. Трезвые соображения подсказывали, что у крестьян нельзя отнимать необходимый продукт. «Крестьяне целый год тяжело трудятся. Помимо [уплаты] всех налогов [им нужно] одеваться. [Средств на это] у них постоянно не хватает... Где же народу взять пищу и одежду?» — говорил император [23, цз. 141, 1695–1696]. Вместе с тем осознавалась и опасность возмущения народа в случае увеличения налогов. Например, распоряжение, данное в октябре 1423 г., в частности, гласило: «В нынешнем году во [многих] местах, где случались наводнения и засухи... не собраны [налоги] зерном и соломой. Местные же власти не переставая требуют их уплаты. [Поэтому] может затаиться недовольство против императорского двора» [23, цз. 262, 2399].

В связи с названными соображениями правительство Чжу Ди наряду с призывами к чиновным властям «обеспечивать своевременную уплату налогов» настаивало на сугубой осторожности в подходе к данному вопросу. Указ от 29 декабря 1417 г. рекомендовал чиновникам всей страны: «Побуждая [население] к уплате налогов и отработке повинностей, нужно блюсти равенство, распределяя налоги, — следовать справедливости» [23, цз. 194, 2044]. Императорский двор осуждал «безрассудное беспокойство народа налогами» со стороны местных властей и декларировал, что подобные случаи не соответствуют его «устремлениям» [23, цз. 87, 1154].

Центральное правительство предпринимало отдельные попытки стабилизировать уровень налоговых норм, возвращая его к уровню предшествующих лет^[44]. В марте 1408 г. было дано распоряжение снять все надбавки к налогам, накопившиеся за предшествующие три года.

Но сфера действия этого приказа ограничивалась лишь провинцией Бэйцзин [23, цз. 76, 1039]. Аналогичное распоряжение, содержащееся в манифесте от 28 февраля 1415 г., касалось уже всей страны. Оно предписывало вернуть норму налогов к уровню 1408 г., с тем чтобы облегчить положение народа [23, цз. 160, 1819].

Императорский двор ратовал за отмену налогов с прежде обрабатываемых, а затем «запустелых» полей, протестовал против практики переложения причитавшихся с беглецов налогов на оставшихся общинников. Распоряжения гласили: «Если облагать запустелые поля излишними налогами, то [населения] здесь станет еще меньше, а запустевших [полей] станет еще больше. Можно подсчитать [сумму] годовых налогов с таких [полей] и отменить... Если приказывать деревенским общинам возмещать налоги [беглых], то это непременно поведет к разорению [общинников]. Разорение и нехватка [жизненных средств] непременно снова [поведет] к бегству, и налогов будет недоставать еще больше. [Приказываю] немедленно разослать в различные места бумагу, [сообщающую], что если случится такое, то повсеместно прекращать взимать налоги [с беглых дворов]» [23, цз. 51, 763, цз. 99, 1301].

Вместе с тем правительство поясняло местным властям, что подобные шаги предпринимаются с дальним прицелом: «Когда же люди расплодятся и [запустелая] земля будет снова распахана, [можно будет] снова [брать] налоги в полном [объеме]» [23, цз. 51, 763].

Желая добиться гибкого подхода чиновных властей к сбору налога, двор в манифесте от 17 марта 1412 г. рекомендовал собирать налог полностью лишь в том случае, когда «сельскохозяйственные условия благоприятны» [23, цз. 125, 1565]. В противном случае предписывалось прибегать к отмене или же снижению налогов. Эта мера рассматривалась центральным правительством как необходимая и вместе с тем временная, рассчитанная на восстановление прежнего положения в деревне, на поддержание прожиточного минимума крестьянства.

Временная отмена налогов в тех или иных районах в связи со стихийными бедствиями, запустением полей и прочими «неблагоприятными условиями» (например, эпидемии и мор, падеж скота, чрезмерная занятость населения на повинностях, разорение от нападений разбойников и восстаний национальных меньшинств)

практиковалась императорским двором с первых лет воцарения Чжу Ди. Она могла распространяться и на отдельные уезды и области, и на целые провинции, и, наконец, на значительную часть страны. Только в «Мин Тай-цзун ши лу» с 1403 по 1424 г. зафиксировано более 80 подобных случаев. Однако надо полагать, что источник отметил далеко не все. Упомянем лишь наиболее важные из них. Указами двора от 10 июня 1403 г. налоги не взимались с провинции Хэнань; от 5 мая 1405 г. — с запустелых земель в провинциях Чжили, Чжэцзян, Хугуан, Сычуань, Гуандун, Цзянси, Фуцзянь и Хэнань; от 1 февраля 1407 г. — с 40 уездов и округов в Гуанси, с 57 — в Шаньдуне и с 81 — в Гуандуне; от 1 марта 1410 г. — со всех пострадавших от бедствий районов к северу от р. Янцзы; от 30 апреля 1412 г. — с провинции Бэйцзин; от января 1416 г. — с пострадавших районов в Чжили, Чжэцзяне, Хугуане, Хэнане и Шаньдуне; от 5 августа 1422 г. — с пострадавших районов в Северной и Южной Чжили, Шаньдуне и Хэнане.

Равным образом практиковалась и отмена недоимок. Правительство довольно четко поясняло свои побудительные мотивы к этому: «[Если] единовременно взимать многолетние задолженности, то местные власти непременно будут притеснять [народ] и найдутся [среди народа] такие, кто [будет] вынужден продавать землю, сыновей и дочерей для погашения задолженности» [23, цз. 146, 1721].

В «Мин Тай-цзун ши лу» за 1408–1424 гг. зарегистрировано около 20 случаев отмены недоимок. Наиболее значительные из них были в апреле 1408 г., сентябре 1411 г., марте 1412 г. Дважды — в феврале 1415 г. и мае 1421 г. — недоимки были отменены по всей стране [23, цз. 160, 1819, цз. 236, 2266]. Аналогичная полная отмена недоимок была объявлена и сразу же после смерти Чжу Ди — в сентябре 1424 г. [20, цз. 1 (I), 15].

Стремление центральной власти не допустить отягощения налогового бремени проявилось и в таких действиях, как санкционирование просьб об изменении места доставки и перемене состава налога, ратование за своевременный прием доставленных на место налогов, разрешение пересчитывать натуральные налоги в ассигнации.

По принятому издревле порядку население было обязано доставлять налог к месту сдачи. При этом пункт назначения (административный центр, воинская часть и т. д.) со временем мог

перемещаться, удаляясь от налогоплательщиков на многие километры и даже сотни километров. В результате складывалось положение, живо описанное в докладе простолюдина Чжан Юаня из Шэньси: «Собранные летом и осенью налоги в областях Гунчан, Линьтао и других ежегодно приказывают народу перевозить в Ганьчжоу, отстоящий [от них] более чем на 2 тыс. ли (около 1300 км. — А. Б.). Дорога идет по суше. Ношу несут на плечах или перевозят на волах и ослах. В дороге люди устают, скотдохнет. Вносимый налог не велик, а разорение большое» [23, цз. 128, 1594].

В своих многочисленных просьбах об изменении места доставки налогов докладчики указывали на неудобства существующего порядка и выдвигали свои «контрпредложения», обосновывая их выгодность или необходимость (см., например: [23, цз. 22, 411, цз. 23, 418, цз. 25, 453]). Правительство шло навстречу таким просьбам, справедливо полагая, что это может несколько облегчить положение налогоплательщиков.

Центральная власть не противилась и устранению неудобств, связанных с тем, какими товарами будет вноситься налог. В результате того, что профиль производства в отдельных районах менялся, а налоги исчислялись в традиционных видах продукции, возникали определенные трудности и недовольство. Например, из уезда Лэчан в Гуандуне докладывали: «В нашем уезде при возделывании земли больше сажают рис и меньше [сеют] пшеницу. Для внесения же налогов ежегодно [приходится] обменивать рис на пшеницу. Просим отныне прекратить это и приказать [весь налог] собирать рисом» [23, из. 124, 1557]. Из других подобных сообщений явствует, что некоторые районы были вынуждены производить на стороне закупки тех товаров, которые по традиции с них требовала казна [23, цз. 116, 1479].

Объясняя необходимость удовлетворения подобных ходатайств, двор в июле 1414 г. дал следующее распоряжение: «Брать не соответствующие [по составу налоги] — это значит притеснять народ. Это ошибка местных властей... Разве можно придерживаться старых статей [о налогах]?» [23, цз. 116, 1479].

Правительство также пыталось бороться с задержками приема собранных налогов на месте сдачи. В апреле 1409 г. Ведомству налогов была дана следующая инструкция: «Стало известно, что люди, доставившие налоги, скопились в столице и долгое время не могут

вернуться [домой]. Все это происходит именно от того, что ведающие тем власти жадны до взяток. Они чинят задержки. Следует срочно обнародовать манифест, что всех чиновников, которые сразу не отпустят привезших налоги в зернохранилища [людей], а также чиновников, которые [ответственны] за уплату [налогов] и не примут [привезенное] сразу, — считать преступниками и штрафовать» [23, цз. 89, 1184].

Императорский двор в большинстве случаев шел навстречу просьбам о пересчете натуральных налогов в ассигнации. Смысл таких просьб станет понятным, если учесть, что в начале XV в. ассигнации, получившие до этого широкое распространение в Китае, в значительной мере уже потеряли свою номинальную стоимость. Однако ходатайства о пересчете непременно мотивировались какими-либо трудностями, переживаемыми налогоплательщиками: стихийные бедствия, рост недоимок и т. д. [23, цз. 109, 1406, цз. 117, 1492, цз. 124, 1561, цз. 135, 1645, цз. 137, 1668]. Поэтому разрешения выплачивать сумму налога в пересчете на ассигнации выступают в источниках как определенный вид помощи двора пострадавшим районам. Очевидно, что в данных акциях никак нельзя видеть признак развития товарно-денежных отношений.

Помощь населению, пострадавшему от стихийных бедствий, помимо налоговых послаблений могла выражаться и в безвозмездной выдаче из казенных фондов продовольствия и семян. Прибегая к такой мере, кстати, также традиционной для средневекового Китая, правительство Чжу Ди преследовало все ту же цель, что и при попытках не допустить чрезмерного утяжеления налогового бремени, а именно удержать от разорения основную массу налогоплательщиков, не дать деградировать сельскохозяйственному производству. В этом плане весьма показательное высказывание императора: «[Если] с полей населения, подвергшегося бедствиям, не был собран урожай, [то разве] можно будет затем снова [собрать с него] налоги без оказания ему помощи?» [23, цз. 158, 1804].

В Китае стихийные бедствия были довольно часты. При сравнительно примитивной технике ведения сельского хозяйства это постоянно травмировало жизнь китайской деревни. В связи с этим оказание материальной помощи пострадавшим в начале XV в. приняло, насколько можно судить по источникам, довольно значительные

масштабы. Средства для оказания помощи черпались главным образом из запасов местных властей данного или же соседних районов. Но из каких именно запасов, чаще всего определить трудно, ибо распоряжения центра содержат такие расплывчатые формулировки, как «из наличных запасов», «из обнаруженных запасов» и т. п.

Нет сомнения, что в такой ситуации использовались прежде всего средства, специально накопленные на случай голода в так называемых государственных амбарах. Создание системы таких амбаров издревле практиковалось в Китае. Этот порядок был одобрен Чжу Юань-чжаном. Чжу Ди также подтвердил полезность и необходимость данного мероприятия в специальном указе от 18 августа 1411 г. [23, цз. 117, 1492–1499]. Однако, забегаая вперед, нужно сказать, что указанная система страдала рядом несовершенств — запасные фонды имелись далеко не повсеместно. Поэтому материальная помощь, как показывают источники, могла выделяться непосредственно из фондов собранных налогов (т. е. из средств центральной казны), из средств воинских соединений, стоявших недалеко от района бедствия, и прочих «обнаруженных запасов». Зафиксирован даже случай выдачи помощи из средств ближайших станций правительственной почты [23, цз. 123, 1553].

В «Мин Тай-цзун ши лу» с 1402 по 1424 г. отмечено около 90 случаев оказания крупной материальной помощи пострадавшему населению. При этом наиболее интенсивно эта мера применялась в 1403 и 1411–1416 гг. О масштабах помощи в начале XV в. может свидетельствовать тот факт, что она могла распространяться на сотни тысяч домохозяйств и исчисляться сотнями тысяч даней зерна, вплоть до 1 млн. 380 тыс. даней [23, цз. 172, 1909].

Желая упростить процедуру оказания помощи, которая предусматривала подачу доклада о бедствии в центр, проверку центром положения на месте и лишь затем — распоряжение о выдаче средств, правительство в апреле 1422 г. дало местным властям директиву самим оказывать помощь пострадавшим, впоследствии ставя в известность двор [23, цз. 247, 2312].

Еще одним аспектом «заботы о народе» наряду с отмеченными мероприятиями в области налоговой политики было четко выраженное субъективное стремление двора к усовершенствованию дел в сельском хозяйстве. Это проявлялось в стараниях наладить получение с мест

правдивой информации о состоянии хозяйства и своевременно устранять «то, что приносит зло» народу, одновременно внедряя «то, что приносит пользу» ему. С этой целью правительство многократно рассылало местным властям приказание правдиво сообщать в центр, «в чем заключается выгода и в чем беда для военного и гражданского люда» [23, цз. 25, 456, 465, цз. 29, 521, цз. 123, 1543]. Подчеркивая свою личную заинтересованность в получении подобной информации, Чжу Ди писал: «Хочу все знать: какой год урожайный, какой — нет, счастливы ли народ или же скорбит» [23, цз. 129, 1602].

С этой же целью из столицы систематически рассылались специальные эмиссары [23, цз. 17, 306, цз. 129, 1602, цз. 226, 2269]. Инструкции, которые давались им, весьма красноречивы: «Приглашайте к себе военный и гражданский [люди] и выспрашивайте, каковы [его] выгоды и польза и каковы беды и что нужно изменить [для общей пользы]. Обо всем [следует] докладывать [двору]... Все, что полезно для него (народа), но не осуществлено — осуществите, [все], что вредно для него и не изменено — измените» [23, цз. 17, 306, цз. 226, 2269].

В связи с намерением внедрять то, что приносит пользу сельскому населению, правительство Чжу Ди обращает серьезное внимание и на вопросы ирригации. В источниках зафиксировано довольно много докладов с мест о необходимости проведения тех или иных ирригационных работ. Центральные власти, относя это к разряду «срочных дел», почти всегда санкционировали их проведение. Если у местной администрации не хватало возможностей для проведения этих работ, двор разрешал привлекать население соседних районов, а также солдат [23, цз. 14, 261]. Правительство проводило крупные ирригационные работы и в централизованном порядке. Например, в 1403–1404 гг. такие работы были проведены в Чжэси (совр. пров. Чжэцзян) под присмотром начальника Ведомства налогов Ся Юань-цзи [16, цз. 13, 900, цз. 14, 625–626]. Ирригация в условиях средневекового Китая всегда была одной из забот правительства. Поэтому в данном случае важно лишь констатировать, что это прослеживается и в рассматриваемое время.

Все названные выше аспекты «заботы о народе» дополнялись традиционными усилиями по его «воспитанию». Последнее, безусловно, относится более к идеологической, чем к экономической

сфере политики. Но именно здесь наиболее ярко проявлялась озабоченность императорского двора социальным спокойствием масс, что совпадало с общими целями, преследуемыми мероприятиями «заботы о народе». Задачи, преследуемые «воспитанием» населения, можно хорошо представить на примере императорского указа от 13 июля 1409 г., который гласил: «Я управляю Поднебесной, как прежние государи, ставившие своей задачей успокоение народа. А путь к успокоению народа прежде всего в его перевоспитании. Это значит [добиться, чтобы] высшие и низшие поддерживали друг друга, нравы и обычаи были добрыми и в Поднебесной [царил] мир». [23, цз. 92, 1199].

Описанное воспитание сводилось к жесткому надзору местных властей и общинных организаций за всеми сторонами повседневной жизни населения и в конечном итоге преследовало цель обеспечить беспрекословное повиновение масс. В одном из наставлений собранным ко двору чиновникам им ставилось в обязанность вести подобное воспитание следующим образом: «Внушайте ему (народу), [что его] главный долг в усердном занятии [своим] делом, сыновнем почтении к старшим, искреннем уважении государя» [23, цз. 87, 1151]. Еще более красноречиво следующее признание Чжу Ди, сделанное в беседе с приближенными: «Для меня воспитание народа должно прежде всего проявляться в [принуждении его] к соблюдению приказов» [23, цз. 123, 1440].

Данная сторона внутривластной деятельности правительства Чжу Ди находится в прямой связи с его представлением об идеальной государственной модели и поэтому позволяет лучше понять сущность политики «заботы о народе».

Малоэффективность мероприятий, отвечавших понятию «заботы о народе»

Рассмотрев комплекс мероприятий, связанных с проявлением «заботы о народе», можно заключить, что здесь не было ничего принципиально нового по сравнению с традиционными методами аграрной политики в средневековом Китае вообще и по сравнению с общим курсом Чжу Юань-чжана в частности. Однако рассмотрение конкретных усилий правительства Чжу Ди в области «заботы о народе» интересно в плане данного исследования не столько само по себе, сколько для ответа на такие вопросы: какие реальные результаты принесли эти усилия и как сказался описанный комплекс мероприятий на состоянии сельского хозяйства в первой четверти XV в.? Иначе говоря, теперь, после их рассмотрения, можно вернуться к поставленной выше проблеме — насколько все это могло приблизить искомый идеал в конкретных условиях описываемого времени.

В источниках можно найти прямые свидетельства тому, что почти все мероприятия, которые можно объединить под общей рубрикой «заботы о народе», не приносили ожидаемых результатов. Эффективность их оставалась весьма относительной. Попробуем рассмотреть перечисленные мероприятия под этим углом зрения.

Стремление оказать помощь пострадавшим от войны районам наталкивалось на подспудное сопротивление местных властей, отнюдь не заинтересованных в снижении (даже временном) нормы эксплуатации подчиненного им населения. Ярким свидетельством тому служит императорский указ от 11 марта 1403 г., который гласил: «От продолжавшихся несколько лет военных действий и военное, и гражданское [население] испытывало трудности. Ныне ему дан отдых. [Но] и сейчас много случаев, когда [людей] принуждают к выполнению двойных норм повинностей — и военной, и гражданской. Недавно стало известно, что местное военное [начальство], областные и уездные власти, не соблюдая возложенных на них [обязанностей], по-прежнему продолжают [сохранять] прежнее бедственное [положение], по своему усмотрению хватают и посылают на отработку повинностей [людей], словно загнанных лошадей, собак или баранов. [Власти] не

освобождают их [от повинности], не проникаясь никаким сочувствием. Это- неуважение к приказам государя и безжалостное [отношение] к людям. Как же [тогда] можно будет достигнуть, [чтобы] бедный люд пришел в себя и перевел дыхание?» [23, цз. 17, 311–312].

Равным образом на местах срывалось и исполнение указа о прекращении всех «не срочных дел», т. е. известное послабление народу в несении различных трудовых повинностей. Об этом говорил сам император в апреле 1403 г.: «Вступив на престол, я в первую очередь издал манифест о прекращении всех не срочных дел... Ныне же стало известно, что некоторые власти еще не полностью выполнили [мое распоряжение]. Я считаю это самоуправным истязанием моих военных и гражданских [подданных]» [23, цз. 18, 333]. Естественно, что двор пытался преодолеть эту инерцию с помощью угроз и новых распоряжений. Но эффективность этого шага снижалась в результате того, что по издревле сложившемуся в Китае порядку государство не могло обойтись без массового привлечения населения к отработке повинностей, а разграничить «срочные» и «не срочные» дела было весьма трудно.

В этих условиях центральное правительство было вынуждено предоставлять практическое решение вопроса о «срочности» дел все тем же местным властям. Последние же в лучшем случае заботились об освобождении крестьян от трудовых повинностей лишь на время сезона полевых работ. И двор сам неоднократно санкционировал подобное положение, невзирая на одновременное сохранение в силе указа о прекращении «не срочных дел» [23, цз. 19, 341, цз. 21, 391–392]. В дальнейшем же в связи с крупными ремонтными работами в Нанкине, строительством новой столицы в Пекине, углублением и восстановлением Великого канала, обновлением Великой стены и частыми военными походами, предпринимавшимися при Чжу Ди, бремя повинностей значительно возросло.

Что касается усилий по привлечению к хозяйствованию и посадке на землю как можно большего числа тяглов, то при отмеченной выше незаинтересованности крестьян в приобретении государственной земли их эффект также снижался. Переселение на пустующие земли велось, как указывалось, недостаточно интенсивно, без единого плана и главным образом по инициативе местных властей. Последнее порождало случайность, прецедентность в данном вопросе, что, в свою

очередь, не позволяло в полной мере решить с помощью переселения проблему обработки пустующих площадей. Еще в меньшей степени она могла быть решена посадкой на землю осужденных, число которых все же было ограничено, а заинтересованность в труде на новом месте невелика.

Более ощутимый результат в данном направлении давала политика возвращения беглых крестьян. Но нужно учитывать, что местные власти, боясь предусмотренного за утечку людей наказания, далеко не всегда докладывали о бегстве и предпочитали выкачивать с оставшегося населения установленную сумму налогов, перекладывая на его плечи дополнительные тяготы. О том, что последнее имело место, свидетельствуют попытки правительства Чжу Ди бороться с подобным явлением [23, цз. 51, 763, цз. 99, 1301]. К тому же возвратившиеся беглецы вновь попадали в условия, близкие к тем, которые вынудили их прежде покинуть хозяйство. Поэтому в источниках зафиксированы случаи повторного бегства крестьян с земли. Например, в январе 1404 г. двору сообщалось: «В уезде Цзаоцян [близ] Чжэньдина народ, вернувшийся [из бегов] к хозяйствованию, из-за участвовавших засух и [налета] саранчи [снова] во множестве бежит» [23, цз. 26, 482]. Все это не давало возможности покончить с проблемой бегства.

Налоговое бремя, несмотря на некоторые меры, проведенные центральным правительством для его частичного ограничения и облегчения, в течение первой четверти XV в. фактически продолжало возрастать. Так, налоговые ставки 1408 г. были выше, чем в 1405 г., а налоги в 1415 г. были выше, чем в 1408 г. [23, цз. 76, 1039, цз. 160, 1819]. Но иногда правительство было непоследовательным в своих действиях. Это сказывалось в том, что оно само зачастую санкционировало введение дополнительных налогов [23, цз. 39, 650, цз. 115, 1472, цз. 123, 1546]. Местные же власти не были заинтересованы в снижении налогового бремени населения. Отсюда встречаются такие записи, как, например, в докладе из Чжили в июле 1419 г.: «В последние годы снова перестали отменять зерновые налоги с тех дворов, [которым вменялось в обязанность] выращивать [для казны] лошадей» [23, цз. 213, 2142–2143].

Тяжесть налогового бремени и последствия, к которым это вело, хорошо отражены в указе от 11 мая 1421 г., где говорится: «Налоги

взимаются постоянно, [люди] жестоко обираются и эксплуатируются, несчастье распространяется на земледельческие общины... Потребности государства не урегулированы... налоги и арендная плата слишком тяжелы, отработочные повинности [распределяются] неравномерно, а народ не удовлетворен» [23, цз. 236, 2264].

Особенно тяжелым было положение крестьян, обрабатывавших казенные земли. В ноябре 1404 г. двору докладывали: «В тринадцати областях провинции Цзянси налог с казенных земель в 10 раз тяжелее, чем с частных... Все казенные земли обрабатываются [лишь] бедным людом» [23, цз. 35, 610–611]. Даже если учесть, что выражение «в 10 раз» гиперболично, то разница все же была значительна. Другие сходные данные позволяют говорить о том, что подобные явления наблюдались повсеместно [23, цз. 110, 1409].

Возрастание налогового бремени помимо всего было связано с грандиозными строительными работами и военными походами начала XV в. Недаром в одном из официальных распоряжений признавалось, что «поход войск, с каждым днем все дальше уходящих [в сторону] северных иноземцев, тяжелым бременем [ложится] на народ» [23, цз. 261, 2391].

Отмеченное возрастание налогов подтверждается также бурным ростом недоимок, особенно заметным к концу царствования Чжу Ди. Упоминавшийся цензор Дэн Чжи в своем докладе двору в 1420 г. писал, что в стране почти повсеместно налоги не погашены! за два-три года, а в некоторых округах и уездах — за четыре-пять лет [23, цз. 219, 2176]. Характерно, что практиковавшиеся отмены недоимок мало меняли общее положение. Так, например, только за три года, с 1419 по 1421 г. (после отмены задолженности до 1419 г.), новые недоимки составили 9 762 353 даня риса, предназначенного для местных властей и воинских гарнизонов, 12 771 420 даней риса, предназначенного для поставки в обе столицы и для войск во Вьетнаме, 20 000 цзиней шелкового волокна, 89 282 отреза полотна, 1 075 970 отрезков шелка, 5000 отрезков прочих тканей, 5 703 116 динов ассигнациями, 600 000 цзиней хлопковой пряжи [23, цз. 250, 2341–2342].

Отмены налогов и недоимок, описанные выше, были в значительной мере случайны, так как, прибегая к этому средству, правительство почти всецело полагалось на инициативу местных властей. Интересы же последних в данном вопросе далеко не всегда

совпадали с интересами центра. Подтверждением этому служат очень часто встречающиеся записи в источниках о сокрытии местными чиновниками бедственного положения в своих районах и продолжении ими взимания налогов в полном объеме (см., например: [23, цз. 124, 1563, цз. 129, 1601, цз. 187, 1997]). В равной мере они не проявляли инициативы в оказании материальной помощи пострадавшему от бедствий населению. В этой связи вполне закономерным выглядит следующее пессимистическое признание императора: «Земля [наша] обширна, и [я], вероятно, еще не знаю полностью всех [бедствий]» [23, цз. 95, 1264].

Идеальный в теории порядок организации запасов на случай голода и ремонта ирригационных сооружений выглядел на практике в XV в., по словам ученого конфуцианца Ян Бо, следующим образом: «С тех пор как у местных властей стало больше разнообразных обязанностей (имеется в виду время после смерти Чжу Юань-чжана. — А. Б.), дела, связанные [с обязанностью создавать] удобства для народа, становятся для них [чем-то] неожиданным. Когда случается бедствие, [они] не знают, какие принять меры. Недавно я узнал, что на юге [страны] из каждых десяти казенных амбаров для запасов зерна девять пустуют. Даже здания амбаров не сохранились. Большинство прежде [сооруженных] водохранилищ захвачены мироедами и перегорожены для [отвода воды] на [их] собственные поля. Дамбы обвалились, плотины разрушены» [24, цз. 14, 624].

В свою очередь, Дэн Чжи докладывал, что чиновные власти частным образом распродают поступающее в казенные амбары для запасов зерно, а иногда оно и вовсе «не доходит» до амбаров [23, цз. 219, 2177]. Следует также иметь в виду, что создание запасов на случай голода производилось за счет дополнительных поборов с населения и поэтому отягощало налоговое бремя.

К тому же центральное правительство не было последовательно в деле оказания помощи пострадавшим. Весьма показательны в этом плане события в Шэньси в 1418 г. 22 августа императорским указом предписывалось открыть здесь государственные амбары для выдачи помощи, ибо народ бежал и умирал голодной смертью [23, цз. 202, 2094]. А через три недели, 15 сентября, пришел новый приказ из центра: собрать здесь в виде дополнительного налога 200 тыс. даней зерна для отправки войскам в Ганьсу [23, цз. 203, 2100].

Все это, вместе взятое, снижало эффективность помощи и не давало ей стать инструментом, посредством которого можно было бы радикально бороться с трудностями китайской деревни.

Фрагментарность и случайность, наблюдаемые на примере постановки дела с отменой налогов и недоимок, а также оказанием помощи пострадавшим, характерны и для многих других мероприятий правительства Чжу Ди, которые имели целью улучшить положение в сельском хозяйстве. Например, сталкиваясь с многократными просьбами с мест о ликвидации неудобств, связанных с доставкой налогов, оно старалось идти навстречу просителям в каждом отдельном случае. Но это отнюдь не вызывало попыток пересмотреть всю устаревшую систему доставки налогов. Более того, когда в 1421 г. члены Академии Ханьлинь Ли Ши-лян и Цзоу Ши выдвинули предложения о таком пересмотре, правительство не реагировало на них [23, цз. 236, 2265].

В равной степени борьба с задержкой в приеме налогов на местах сдачи и с несоответствием состава требуемых налогов профилю местного производства велась в начале XV в. лишь в тех случаях, когда об этом становилось известно двору. Однако, как отмечалось, далеко не все местные чиновники обладали достаточной смелостью и желанием, чтобы ходатайствовать перед центром об удобствах налогоплательщиков.

Неизбежной фрагментностью страдали и усилия, предпринимаемые для усовершенствования дел в сельском хозяйстве. Судя по жалобам самого правительства, доклады о «бедах и пользе» народа поступали не часто и далеко не отовсюду [23, цз. 25, 456, 465, цз. 29, 521]. Исправлялось же и усовершенствовалось положение лишь в том уезде или округе, откуда поступал доклад. Правительство, как правило, не заботило то, что подобное положение может быть в соседних округах, а тем более в других провинциях страны. Считалось, что в остальных местах все в порядке, поскольку оттуда не поступают сигналы о неблагополучии.

Кроме того, следует учитывать, что исправлялось лишь то, что местные власти или специальные эмиссары считали возможным довести до сведения двора. «Беды и польза» народа определялись исключительно властями, а никак не самим населением. Исправление и усовершенствование дел шло в духе идеалов официальной

конфуцианской морали, опять-таки далеко не во всем совпадавшей с нуждами населения. О какой-либо единой для всей страны программе улучшения положения крестьянства вопрос не ставился. Отсюда при оценке данных мероприятий следует, как упоминалось, говорить о субъективном стремлении правительства Чжу Ди улучшить дела в сельском хозяйстве, нежели о действенных шагах в этом направлении.

Таким образом, почти весь комплекс мероприятий, призванный воплотить в жизнь принцип «заботы о народе», оказывался недостаточным для приближения страны к тому идеалу, который надеялось обрести императорское правительство. Главную причину неудачи следует искать в несоответствии искомого идеала реальным тенденциям в социально-экономическом развитии китайского общества того времени. Легко заметить, что описанная «забота о народе» почти никак не касалась коренного для феодальной деревни вопроса — взаимоотношения богатых и бедных. Центральная власть устранялась от этого вопроса. Ее борьба против чрезмерного усиления эксплуатации народа ограничивалась лишь сферой казенного, государственного сектора и сводилась главным образом к попыткам обуздать произвол местной администрации. Против же частной эксплуатации крестьян землевладельцами практически не принималось никаких существенных мер.

Источники не дают возможности судить о степени эксплуатации крестьян в начале XV в. Однако отдельные данные позволяют предполагать, что она постепенно возрастала. Например, доклад одного из местных чиновников в июне 1409. г. гласил: «В последние годы среди мелкого люда есть такие, кто не может спокойно трудиться. Поэтому [в распоряжении] местных властей не хватает людей, а местные самоуправцы принуждают [их] по своему усмотрению» [23, цз. 91, 1197]. Об увеличении частной эксплуатации может свидетельствовать и упомянутый выше доклад Ян Бо, где говорится об отводе «мироедами» воды на свои поля, как о явлении, характерном для всего юга страны. Об усилении эксплуатации свидетельствуют и записи о продаже населением своих сыновей и дочерей [23, цз. 100, 1306, цз. 140, 1688, цз. 146, 1721].

Правительство вмешивалось в сферу частных взаимоотношений лишь в крайних случаях, приходивших в прямое противоречие с

законом^[45]. В целом же оно предоставляло здесь возможность событиям развиваться своим чередом.

Такая позиция невмешательства во взаимоотношения между бедными и богатыми была в известной мере традиционна и, как отмечалось исследователями, являлась характерной для китайского правительства в течение всего периода существования империи [63, 41]. Аграрная политика правительства Чжу Ди не представляет собой исключения в данном случае. Выше уже пояснялось, что подобное невмешательство отвечало, по сути дела, интересам феодалов. Поэтому описанная «забота о народе» не могла коренным образом изменить положение крестьянства и привести к серьезному улучшению дел в сельском хозяйстве.

Следует еще раз напомнить, что, проводя политику «заботы о народе», императорский двор преследовал прежде всего свои собственные интересы. Все его старания обуздать произвол чиновной бюрократии в области сельского хозяйства были продиктованы отнюдь не стремлением встать на сторону «доброго народа» в борьбе со «злыми чиновниками» (как может показаться после первого прочтения нарочито составленных официальных документов), а желанием войти в более тесный контакт с управленческими кадрами для достижения посылно возможной рациональности в эксплуатации основной массы населения. Подлинные интересы народа, естественно, не заботили императорское правительство. В этом кроется одна из основных причин малоэффективное™ политики «заботы о народе».

В официальных источниках можно найти признания, что, несмотря на все усилия правительства по совершенствованию положения в деревне, оно оставалось далеким от искомого идеала. Причем это относится как к первым, так и к последним годам царствования Чжу Ди. В октябре 1403 г. император писал: «Ныне повсюду саранча и засуха. Народ еще испытывает трудности с питанием. Я печалюсь об этом днем и ночью» [23, цз. 24, 432]. В июле 1413 г. докладчики сообщали двору: «У народа не хватает еды, некоторые продают мужчин и женщин, чтобы выжить. Даже отцам и детям [приходится] разлучаться. Бедность их дошла до крайнего предела» [23, цз. 140, 1688].

Даже в 1416 г., когда некоторые чиновные власти были склонны усматривать начало эры «процветания» в стране, Чжу Ди не без

основания отвергал подобное мнение. Он говорил: «Ныне в Поднебесной хотя и нет [особых] забот... и я не слышал, чтобы в докладах императору из волостей и уездов [говорилось бы] о постоянном напряжении, но положи [руку] на сердце разве можно осмелиться говорить, [что наступила] эпоха совершенного успокоения?» [23, цз. 175, 1920]. Наконец, наиболее ярко тщетность упомянутых усилий отразилась в манифесте от 7 февраля 1418 г., где говорилось: «Ныне прошло уже 16 лет [моего правления], а Поднебесная все еще не успокоена, желания народа все еще не до конца удовлетворены» [23, цз. 196, 2053].

Однако, признавая общую несостоятельность политики «заботы о народе», нельзя не отметить, что входившие в этот комплекс мероприятия помогали правительству поддерживать сельское хозяйство страны на определенном уровне. Каков был этот уровень? Категоричный ответ на данный вопрос дать трудно ввиду недостаточности материала в источниках. Можно лишь предполагать, что он был не ниже уровня конца XIV в. Об этом свидетельствует тот факт, что средняя сумма налоговых поступлений зерна в 1402–1424 гг. составляла 31,8 млн. даней и была выше, чем в 1368–1398 гг. (28,7 млн. даней) и 1425–1436 гг. (30,2 млн. даней) [130, 38]. При этом следует учитывать, что сюда не включалось зерно, производимое военнопоселенцами. (Конкретные цифры налоговых поступлений зерна за 1402–1424 гг. см. табл. 3.) Но делать на основании приведенных цифр вывод о развитии в начале XV в. сельскохозяйственной экономики страны по восходящей линии, как считают некоторые исследователи, представляется несколько смелым [130, 37].

Приводимые выше признания неполадок в области сельского хозяйства в сочетании с описанной неэффективностью попыток добиться здесь существенного улучшения позволяют говорить лишь о поддержании достигнутого уровня, а не о поступательном развитии. Речь шла именно о том, чтобы, по меткому выражению одного из докладчиков двору, «избежать развала» в хозяйстве страны. Прогрессу в данном случае мешало отсутствие у правительства Чжу Ди собственной аграрной программы-стремления законодательно оформить и осуществить какие-либо существенные новые мероприятия в землеустройстве, налоговой политике и т. д. Энергия властей

тратилась на поддержание основных образцов, принятых еще в конце XIV в., а не на их развитие или модификацию.

Год	Зерно	Год	Зерно	Год	Зерно
1402	30 459 823	1410	30 623 138	1418	31 804 385
1403	31 299 704	1411	30 718 814	1419	32 248 673
1404	31 874 371	1412	34 621 692	1420	32 399 206
1405	31 133 993	1413	32 352 244	1421	32 421 831
1406	30 750 569	1414	32 574 248	1422	32 426 739
1407	29 824 436	1415	32 640 828	1423	32 373 741
1408	30 469 293	1416	32 511 270	1424	32 601 206
1409	31 005 458	1417	32 695 864		

Таблица 3. Поступление налогов зерном в 1402–1424 гг., дань^[46].

Говорить о развитии сельского хозяйства по восходящей линии трудно и потому, что уже в начале XV в. обнаруживается нарастание эксплуатации крестьянства. В последующее время это нарастание продолжалось медленно, порождая кризисные явления в социально-экономической жизни страны.

Таким образом, место рассматриваемого периода в истории аграрных отношений в Китае определяется следующими основными моментами: в общем и целом сохранялись образцы и порядки, установленные аграрными мероприятиями конца XIV в.; было прекращено прямое ограничение крупной частной земельной собственности и получила стимул к дальнейшему развитию частнофеодальная тенденция в землевладении; усилия правительства, направленные к улучшению положения в деревне, не дали ожидаемого эффекта, но вместе с тем помогали поддерживать сельскохозяйственное производство на достигнутом уровне.

Укрепление экономических позиций районов, прилегающих к Пекину

Заканчивая рассмотрение аграрной политики правительства Чжу Ди, нельзя не упомянуть еще об одном моменте, который стоит несколько особняком от всех перечисленных выше, но в то же время является характерным именно для описываемого периода. Имеется в виду создание прочной экономической базы вокруг новой столицы империи — Пекина. Политическая подоплека такого шага уже была раскрыта в предшествующей главе. Здесь остается обрисовать лишь практическую сторону вопроса.

Пытаясь обосновать свое особое пристрастие к указанному району, Чжу Ди официально выставлял два аргумента: необходимость восполнить ущерб, понесенный населением провинции Бэйцзин во время войны «Цзиннань», и копирование методов Чжу Юань-чжана, который предоставлял экономические привилегии районам, служившим ему опорной базой в борьбе за власть. Эти доводы получили яркое отражение в указе от 17 июня 1403 г.: «Когда я начал войну Цзиннань, весь народ Бэйцзина посылал мне в помощь взрослых и сильных мужчин, предоставлял [свои] домашние средства для покрытия нужд войска... Я сердечно благодарен ему и никогда и ничего не забуду. Прежде, когда Тай-цзу Гаохуанди объединил Поднебесную, народ пяти областей и округов провинции Чжили за заслуги в предоставлении [ему сил и средств] получил от него особые привилегии и поддержку. Теперь... можно подробно рассмотреть... [сколько] людей и материальных средств было предоставлено [мне] за несколько лет [войны] пострадавшими областями и уездами Бэйцзина» [23, цз. 20 (II), 373–374].

Конкретные мероприятия по оказанию помощи и предоставлению привилегий провинции Бэйцзин сводились к предоставлению местному населению материальных (главным образом налоговых) льгот, переселению сюда людей (в особенности зажиточных) из других районов страны, систематической переброске сюда с Юга значительного количества зерна, служившего не только средством потребления, но и средством платежа.

Еще в январе 1403 г. жители округов, прилегавших к Пекину и Баодину, получили денежные выплаты из казны [23, цз. 15, 288]. Упомянутые в указе от 17 июня того же года списки пострадавшего населения провинции Бэйцзин также составлялись на предмет получения возмещения.

Налоговые льготы особенно заметны в 1403–1408 гг. В декабре 1403 г. были отменены недоимки за текущий год со всего Севера (конкретно границы не очерчены) [23, цз. 26, 463]. В мае 1404 г. сняли налоги со всех «благонадежных дворов» в округе Пекина, Юнпина и Баодина [23, цз. 30, 547]. В сентябре того же года те же районы (кроме Баодина) получили освобождение на два года от налога в ассигнациях, а в феврале 1405 г. (уже включая Баодин) — от основного поземельного налога также на два года [23, цз. 33, 586, цз. 38, 646]. В мае 1406 г. население провинции Бэйцзин освободили от всех налогов. На какой срок, не указано, но судя по тому, что следующее освобождение касалось летнего налога 1407 г., о-лишь на один год [23, цз. 53, 792–793, цз. 65, 924]. В марте 1408 г. жителям провинции были прощены все недоимки за прошлое время и одновременно предоставлено новое освобождение от части налогов [23, цз. 76, 1039].

Одновременно со всем этим в ноябре 1406 г. было дано распоряжение «не утруждать чрезмерно трудовыми повинностями» жителей северной столичной провинции [23, цз. 59, 864]. В июне следующего года они получили освобождение от проводившихся казной принудительных закупок и привлечения на «несрочные работы» [23, цз. 80, 1065].

В дальнейшем население близлежащих к Пекину районов освобождалось от налогов и повинностей не столь часто, но это не прекращало практиковаться.

Провинция Бэйцзин пополнялась переселенцами из других районов страны. В ней имелись большие резервы необработанной земли, и правительство Чжу Ди в принудительном порядке посылало туда людей. Первыми в провинцию Бэйцзин начали переселять жителей Шаньси. Еще в октябре 1402 г. был дан приказ отбирать безземельных и малоземельных крестьян и отправлять в провинцию Бэйцзин, предоставляя им различные льготы [23, цз. 12 (II), 127]. В ноябре 1404 г. на новое местожительство было переселено 10 тыс. крестьянских хозяйств из Шаньси, а в октябре 1405 г. — еще столько же

[23, цз. 34, 604, цз. 46, 714]. Вместе с тем началось переселение на Север населения центральных районов страны. При этом нарочито выбирались состоятельные люди. Первая партия зажиточных переселенцев была отправлена в сентябре 1403 г.: «В Сучжоу и других десяти областях в Чжили, Чжэцзяне и других девяти провинциальных правлениях отобрали богатых людей для отправления части [их на жительство] в провинцию Бэйцзин» [23, цз. 22, 415]. Вторая аналогичная волна последовала в январе — феврале 1404 г. [33, цз. 5, 63]. В районы, связанные с Пекином, шел также основной поток переселенцев-преступников, ссылаемых для обработки земли в виде наказания.

Пополнение северных районов населением и; насаждение здесь экономически крепких хозяйств полностью отвечало замыслам создания в этих районах опорной базы для упрочения императорской власти. Однако поднять в короткие сроки экономику Севера, веками подвергавшегося иноземным нашествиям, разорению и опустошению, было трудно. Кроме того, избрав этот район своей опорой, а также в связи с близостью северных границ, Чжу Ди был вынужден держать здесь многочисленное войско. Средств на его содержание не хватало, несмотря на устройство военных поселений. Население северных провинций также не могло восполнить их, а в планы Чжу Ди отнюдь не входило обременять его дополнительными налогами. Поэтому был избран путь переброски на Север продовольствия из центральных районов страны. Нужно сказать, что подобная мера практиковалась в Китае и до Чжу Ди. Однако в 1397 г. перевозка продовольствия на Север была прекращена. Правительство Чжу Ди возобновило ее и значительно увеличило ее масштабы.

Первый приказ о переброске зерна на кораблях вдоль берегов страны из устья Янцзы в провинции Ляодун и Бэйцзин был дан в апреле 1403 г. [24, цз. 14, 623]. В сентябре было перевезено 492 637 даней зерна [23, цз. 22, 412]. А уже в ноябре того же года было переброшено на Север еще 1 576 200 даней [23, цз. 25, 451]. Следующая перевозка была осуществлена в апреле 1404 г. [23, цз. 29, 516]. С 1409 г. количество перебрасываемого с Юга на Север зерна стало постоянно указываться в официальной статистике (табл. 4).

Год	Зерно	Год	Зерно	Год	Зерно
1409	1 836 852	1414	2 428 535	1419	2 079 700
1410	2 015 165	1415	6 462 990	1420	607 328
1411	2 255 543	1416	2 813 463	1421	3 543 194
1412	2 487 188	1417	5 088 541	1422	3 251 723
1413	2 421 907	1418	4 645 530	1423	2 573 583

Таблица 4. Зерно, перевозимое с Юга на Север в 1409–1423 гг., данн^[47].

Систематический отток зерна на Север ложился дополнительным бременем на население центрально-южных районов. Недовольство, вызываемое таким положением на Юге, отразилось в докладе помощника начальника Ведомства налогов Гу Поу от 28 сентября 1404 г.: «Область Шуньтянь и другие восемь областей, [а также прочие] округа и уезды провинции Бэйцзин уже освобождены от продовольственного налога натри года. А в Цзянси, Хугуане, а также в Сучжоу, что в Чжили, и других местах накапливают продовольствие для отправки его по воде в Бэйцзин. В последнее время весь [народ] в Цзянси, Хугуане и других местах устал. Перевозка [продовольствия] вызывает трудности. А в округах и уездах, административно подчиненных Бэйцзину, в этом году богатый урожай...» [23, цз. 33, 591]. Далее Гу Поу предлагал закупать предназначенное для перевозок зерно у населения по заведомо повышенным ценам, а сами перевозки осуществлять силами солдат. Хотя доклад и получил одобрение двора, но в дальнейшем нет сведений, чтобы зерно для перевозок закупалось, а не черпалось из налоговых поступлений.

В больших количествах переправлялась на Север страны и пищевая соль [23, цз. 11, 176–177]. Кроме того, еще в октябре 1402 г. был приказ дать возможность преступникам откупаться от наказания рисом и этот рис поставлять в Бэйцзин [23, цз. 11, 183].

Все отмеченные мероприятия, призванные служить укреплению хозяйственного положения северных районов, и особенно провинции Бэйцзин, являются характерной чертой экономической политики правительства Чжу Ди.

Глава VIII

Регулирование развития ремесла, торговли и финансов

Переходя к описанию политики императорского правительства в области ремесленной промышленности и торговли, следует прежде всего посетовать на ограниченность материала по этой тематике в китайских источниках. Отмечая это явление, автор монографического исследования о китайском ремесле XVI–XVIII вв. Э. П. Стужина пишет: «Если по аграрной истории Китая сохранились многочисленные труды... то сочинения, содержащие описания собственно городов, ремесел, торговли, почти отсутствуют. Как самостоятельные объекты они никогда не привлекали специального внимания китайских феодальных авторов» [116, 5]. Если же говорить о распределении имеющегося скудного материала по данной проблеме внутри периода Мин, то на начало XV в. приходится меньше его, чем, скажем, на конец XVI — начало XVII в. или конец XIV в. Поэтому в настоящей главе представляется возможным наметить лишь некоторые черты политики правительства Чжу Ди в области ремесла, торговли и финансов, не претендуя на исчерпывающий охват проблемы.

Общий уровень и особенности организации ремесленного производства в Китае к началу XV в.

Ремесла и торговля, издавна процветавшие в Китае, достигли к концу XIV — началу XV в. довольно высокого уровня развития (по стандартам своего времени). Наибольшее распространение получили такие виды ремесла, как шелкоткачество, хлопкоткачество, крашение, производство фарфора, бумаги, выплавка железа, строительное дело, кораблестроение, художественные ремесла, добыча соли и угля, различные виды обработки сельскохозяйственной продукции. Стали появляться первые признаки территориального разделения труда, когда определенные районы специализировались на том или ином производстве (о результатах этого процесса к концу XVI в. см.: [116, 31, 62]). Основным сосредоточием ремесленной промышленности оставались провинции юго-востока страны.

Центрами ремесла и торговли были многочисленные города. К 30-м годам XV в. выделялись 33 главных ремесленно-торговых центра, среди них: Нанкин, Пекин, Сучжоу, Сунцзян, Ханчжоу, Хуайань, Фучжоу, Учан, Наньчан, Гуанчжоу, Кайфын, Цзинань, Дэчжоу, Тайюань, Чэнду и др. [130, 41]. Фань Вэнь-лань отмечает, что за этих крупных торгово-ремесленных центров располагались в центральной и южной части страны и лишь — в северной. Больше всего, около 1/3 всех этих центров, было сосредоточено в бассейне нижнего течения р. Янцзы (провинции Чжэцзян и Цзянсу) [159, 782].

Согласно традиционному китайскому социальному делению общества по профессиональным признакам, принятому и в период Мин, ремесленники и торговцы выделялись в самостоятельные категории. Мастерские (ремесленные) дворы включались в особые податные реестровые списки. Все включенные в них были обязаны платить налоги казне и отбывать государственные повинности. Статус ремесленника передавался по наследству. Часть ремесленников была приписана к военному сословию (*цзюньцзян*).

По условиям своего труда ремесленники делились на две основные группы: сменно-перемещаемых (*лунь-бань*) и домашне-оседлых

(*чжуцзо*). Первые обязаны были три месяца в течение трех лет отработать в местах, определяемых властями. Фактически же эти сроки могли значительно растягиваться. Вторые — постоянно оставались на месте своего жительства и должны были отработать на казенные нужды 10 дней в месяц^[48].

Ремесленники делились на три разряда и девять рангов. В рамках своего местожительства и специальности они были организованы в цехи (*хан*). Однако цеховая организация в Китае, в противоположность европейской, не выступала средством защиты интересов ремесленников от произвола феодальных властей, а наоборот, использовалась феодальным государством для контроля над мастерским сословием [подробнее см. 116, 119–138].

В империи существовало казенное и частное ремесленное производство. На казенных предприятиях работали как постоянно приписанные ремесленники, так и сменно-перемещаемые работники. Во многих отраслях казенных ремесленных промыслов трудились крестьяне, отбывавшие государственные повинности, а также солдаты. Например, на казенных железоделательных предприятиях в Цзуньхуа (к северо-востоку от Пекина) в начале XV в. работало 1366 крестьян из близлежащих округов, 200 мастеров, 924 солдата и 70 военных ремесленников [130, 39]. Размеры казенного ремесла в период Мин были весьма значительны. Особое развитие оно получило именно в ранний период существования империи.

Частная ремесленная промышленность складывалась из отдельных мелких мастерских и некоторых видов кооперации, включая мануфактуру. Последняя в начале XV в. делала лишь первые шаги, спорадически возникая в наиболее экономически развитых районах страны. Кроме того, в Китае всегда, и в период Мин в частности, большую роль играло деревенское домашнее ремесло. Особенно широко было распространено домашнее прядение и ткачество^[49].

Для политики правителей Китая начиная еще с древних времен было характерно отводить второстепенную роль торговле и ремеслу в противовес земледелию [подробнее см. 80, 59–67]. Раннеминские правители, во многом следовавшие конфуцианской ортодоксии, несомненно, должны были отдать дань этой теории. Главное внимание в экономике минские правители обращали на сельское хозяйство, а не на ремесло. Последнее проявилось, в частности, и в том, что в

официальных источниках отсутствуют сколько-нибудь полные сведения о ремесле. Кроме того, люди из ремесленного сословия даже юридически имели меньшие возможности выдвинуться в учено-бюрократическую верхушку, чем крестьяне. Однако каких-либо специальных акций, направленных на свертывание ремесла в целом, правительство Чжу Ди не предпринимало. Власти претендовали лишь на строгий контроль и соблюдение определенных рамок в развитии промыслов.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что теория «земледелие — ствол (основное), торговля и ремесло — ветви (побочное)» была направлена главным образом против частной инициативы в «побочных» занятиях. Здесь можно проследить стремление избежать оттока населения из деревни, сохранять стабильность социальных ячеек общества и обеспечить тем самым регулярное поступление в казну «основного», т. е. зернового, налога. Развитие же государством по мере необходимости казенной промышленности как бы выносилось за скобки и не противоречило данной теории. Отсюда политика правительства Чжу Ди в отношении ремесла отнюдь не была однозначна. Одно могло стимулироваться, другое — несколько ограничиваться.

Рассмотрим это конкретно на примерах состояния дел в таких отраслях, как строительство, выплавка металлов, производство военного снаряжения и оружия, добыча соли, ткачество, керамическое производство, кораблестроение.

Развитие различных отраслей ремесла в первой четверти XV в.

Как известно, правительство Чжу Ди предприняло ряд грандиозных по тому времени строительных работ: строительство дворцового комплекса, новых стен и правительственных учреждений в Пекине, комплекса императорской усыпальницы в Шисаньлине (под Пекином), ремонт и достройку участков Великой стены, обновление Великого канала. Для этой цели привлекалось большое число как мастеров-ремесленников разных специальностей, так и тяглого крестьянства. Но весьма характерно, что в первые годы после воцарения императорский двор избегал широкого привлечения населения к отработочным повинностям. Это связано с отмеченным в предшествующей главе стремлением дать некоторое облегчение народу после тягот войны. Уже в указе об амнистии от 30 июля 1402 г. говорилось об освобождении ремесленников от очередных государственных отработок [23, цз. 10 (I), 147]. Было отложено и начало крупных восстановительных работ в Нанкине, ввиду того что «народ еще не пришел в себя» [23, цз. 51, 702]. Правительство пресекало инициативу местных властей по развертыванию каких-либо существенных строительных работ на местах, ограничивало уже ведущиеся работы [23, цз. 36, 626–627, цз. 37, 632–633].

Однако все это прослеживается лишь в 1402–1404 гг. В дальнейшем строительство, как в экономических целях, так и в целях самовозвеличивания и прославления, приобретает все более широкий размах. В 1406 г. начались интенсивные восстановительные работы в Нанкине и одновременно подготовка к самой значительной стройке начала XV в. — сооружению столицы в Пекине. К строительству в Пекине привлекалось поочередно по 200–300 тыс. мастеровых различных специальностей и до 1 млн. подсобных рабочих из тяглого населения и солдат [130, 36]. Работы велись с небольшими перерывами вплоть до смерти Чжу Ди и позже. Как известно, они отнюдь не завершились к моменту провозглашения Пекина главной столицей. К тому же в 1421 г. от удара молний сгорели многие возведенные дворцовые сооружения и их пришлось восстанавливать заново.

Вскоре после начала сооружения новой столицы последовали крупные работы по реконструкции Великого канала — водной артерии, соединявшей центрально-южные и северные районы страны. Правительство Чжу Ди стремилось связать создаваемую им на севере страны экономическую и политическую базу наиболее безопасными и доступными коммуникациями с богатыми южными провинциями. Необходимость реконструкции канала обуславливалась тем, что к 90-м годам XIV в. он пришел в негодность для транспортного сообщения [130, 35]. Основные работы развернулись в 1410–1411 гг. В них участвовало до 300 тыс. человек, работавших посменно по 200 дней [23, цз. 116, 1482]. Характерно, что наряду с отбывавшими государственную повинность и солдатами в этих работах принимали участие и вольнонаемные мастера из Шаньдуна и Хэнани [23, цз. 115, 1466].

В результате была создана новая система плотин и дамб на канале. В 1415 г. правительство предписало прекратить морские перевозки продовольствия с юга на север и осуществлять их исключительно по Великому каналу [16, цз. 16, 1116].

Принудительный труд отработывающих повинности крестьян и ремесленников использовался в больших масштабах и на других ирригационных работах. Например, в январе 1411 г. было направлено 37 460 человек для ремонта дамб в уезде Уцзян области Сучжоу, в августе того же года — 110 460 человек для рытья канала в Хэнани, в феврале 1413 г. — около 100 тыс. человек для ирригационных работ близ Сучжоу [23, из. III, 1418, цз. 117, 1491, цз. 131, 1654].

Кроме того, в начале XV в. периодически велось строительство военных укреплений (в частности, Великой стены) и ремонт городских стен, строительство резиденций ванов, храмов и монастырей, парков и прочих сооружений. Для этих нужд требовалось заготавливать и доставлять к месту назначения большое количество строительных материалов. Особые породы дерева для строительства гробницы Чжу Ди в Шисаньлине доставлялись через всю страну из южных провинций. Заготовка древесины начиная с 1406 г. велась в Сычуани, Цзянси, Хугуане и Шаньси. Тогда же начал применяться сплав лесоматериалов по рекам [33, цз. 82, 1672]. Для нужд строительства в столице были открыты два деревообрабатывающих завода [33, цз. 82, 1672].

Все перечисленные строительные работы осуществлялись с применением принудительного труда в рамках казенного ремесла. И, как видим, правительство Чжу Ди всячески развивало такое строительство. В то же время, насколько можно судить по отдельным данным, оно ограничивало частную инициативу в строительном деле. Свидетельством тому служит существование в начале XV в. запрета на частное строительство новых домов [23, цз. 72, 1002–1003]. Это не значит, что новые дома вообще не строились. Но в каждом отдельном случае требовалось получать специальное разрешение властей. Любые же более значительные строительные работы также не были мыслимы без контроля правительства. В августе 1421 г. запрет был распространен на строительство частных дворцов [23, цз. 239, 2282].

В начале XV в. в Китае наблюдается рост выплавки железа. Еще при Чжу Юань-чжане функционировало 13 казенных железоплавильных заводов, на которых производилось в год более 4831 т железа [29, цз. 81, 7269 (3)]. В 1403–1424 гг. были открыты новые аналогичные предприятия в Цзуньхуа, Лунчжоу (пров. Сычуань) и в расположении военного гарнизона Сань-вань (пров. Ляодун) [29, цз. 81, 7269 (3)]. Железоплавильные предприятия в Цзуньхуа в описываемое время представляли собой целый комплекс плавильных печей, расположенных в местах добычи руды. Они находились на территории самого города Цзуньхуа и соседних городов Сучжоу и Юйтяня. Их обслуживало, как отмечалось выше, около 2500 мастеров и рабочих. Эти предприятия были тогда самым крупным центром производства железа в стране. Объем казенного производства железа в целом в начале XV в. вырос примерно до 2 тыс. т. в год [33, цз. 82, 1669].

Кроме того, в Чжэцзяне и Фуцзяни существовали железоплавильные заводы, управляемые казной, но сдававшие в казну не продукцию, а фиксированный налог деньгами [33, цз. 82, 1669]. Иначе говоря, эти казенные предприятия работали на частного потребителя.

Здесь мы соприкасаемся с вопросом о частном производстве железа. Как известно, в Китае издавна существовала государственная монополия на железо, соль и чай. Однако в «Мин Тай-цзун ши лу» можно найти ежегодные сведения о поступлении в казну налогов железом. Следовательно, как отмечалось исследователями,

существовало узаконенное частное производство. Известно также, что норма налоговых отчислений железа в конце XIV — начале XV в. составляла 1/15 часть общего объема выработки [29, цз. 81, 7269 (3)]. Зная это, можно вычислить, что в 1402–1414 гг. общая норма частной выплавки железа в стране не превышала 1 тыс. т, но с 1415 г. она начала быстро возрастать, достигнув к последним годам царствования Чжу Ди примерно 4–4,5 тыс. т^[50].

Таким образом, монополия на железо в описываемое время практически не соблюдалась. Это подтверждается и записью в «Мин ши» о разрешении частной разработки железа [29, цз. 81, 7269 (3)]. Однако развитие частной выплавки тормозилось за счет существования мощного казенного производства железа, в значительной мере удовлетворявшего потребности государства в этой области.

Добываемое железо шло главным образом на изготовление оружия и сельскохозяйственного инвентаря. Снабжение населения сельскохозяйственными орудиями было, например, основным профилем упомянутого железоплавильного производства в Лунчжоу [23, цз. 250, 2335]. Железо из Цзуньхуа шло преимущественно для военных целей [33, цз. 82, 1669–1670]. Сама же выделка вооружения была сосредоточена непосредственно в местах расположения воинских гарнизонов. Об этом свидетельствуют записи в источниках, относящиеся к упомянутому гарнизону Саньвань и целому ряду других гарнизонов [23, цз. 112, 1433, цз. 115, 1471, цз. 171, 1906]. Двор поощрял местное воинское начальство в налаживании производства оружия не только своими силами, но и используя местные (а не привозные или покупные) сырьевые ресурсы [23, цз. 112, 1433].

О примерных масштабах выделки оружия в воинских гарнизонах можно судить по следующему примеру. В январе 1416 г. из гарнизона Люшоу доложили об изготовлении там (за какой срок, не указано) партии оружия нового типа, в том числе 500 шлемов, 5971 доспех, 550 мечей, 300 пик, 1765 луков и 245 660 стрел [23, цз. 171, 1906].

В начале XV в. отливались и пушки. Причем один из их видов был заимствован китайцами во Вьетнаме после похода 1406–1407 гг. Для отливки таких пушек Чжу Ди распорядился открыть специальную мастерскую [159, 777, 779]. Сведений о каком-либо частном производстве оружия источники не дают.

Что касается объема добычи и выплавки цветных металлов, а также соотношения казенного и частного сектора в этой области ремесла, то картина здесь выглядит еще сложнее, чем в случае с железом. В «Мин Тай-цзун ши лу» приводятся данные о поступлении налогов медью и свинцом. Кроме того, в других источниках содержатся сведения о добыче олова, ртути и медного купороса [33, цз. 82, 1669; 14, 100]. Но норма налоговых отчислений с цветных металлов не известна. Поэтому нельзя определить хотя бы примерный объем их производства. Можно говорить лишь о существовании частной добычи названных материалов. Есть также упоминания о казенных разработках меди и серебряно-свинцовых месторождений. Можно также предположить, что нужды в цветных металлах покрывались казенной добычей меньше, чем нужды в железе. В «Мин шу», например, записано, что с конца XIV в. власти налагали на народ обязанность поставлять казне медь [33, цз. 81, 1642]. При этом, как свидетельствует тот же источник, медь могла закупаться у населения: «[Казной] закупалось много [меди]» [33, цз. 82, 1669].

Имеющиеся данные о налоговых поступлениях меди и свинца позволяют установить введение государством в 1418 г. фиксированного налога. В 1418–1423 гг. поступления меди стали ежегодно составлять 2128 цзиней (1,28 т), а свинца — 20 780 цзиней (12,5 т)^[51]. Такую стабилизацию можно трактовать в диаметрально противоположных направлениях. Это, с одной стороны, могло значить, что государство установило определенную сумму отчислений вне зависимости от колебаний общего объема производства металлов, с другой же, что фиксация налога была непосредственно связана со стабилизацией объема производства на строго определенном уровне. Учитывая общее теоретическое негативное отношение имперского правительства к развитию частных промыслов, логичнее предположить второе. Однако конкретных подтверждений резкого сокращения объема производства указанных металлов (ибо ставки фиксированного налога были ниже, чем налоговые поступления до 1418 г.) в использованных источниках обнаружить не удалось.

В то же время такое сокращение само по себе не было исключительным явлением. Отдельные ограничения добычи цветных металлов подтверждаются документами начала XV в. Можно даже сказать, что именно на примере подхода властей к вопросу об этих

металлах ярче, чем в отношении других отраслей промышленного производства, прослеживается определенная двойственность в позиции правительства. С одной стороны, оно не отказывалось от развития горнорудных промыслов, с другой — само же ограничивало и даже сокращало их.

Например, в декабре 1402 г. двор санкционировал возобновление на казенной основе работ на восьми старых серебряных копях в уезде Шансян в Шэньси, а в октябре 1407 г. — пуск в эксплуатацию четырех копей в уезде Пучэн в Фуцзяни, которые, по ориентировочной оценке, должны были давать 1040 лянов серебра и 41 500 цзиней свинца в год [23, цз. 14, 257, цз. 71, 994]. Получили одобрение центра и намерения усовершенствовать и расширить производство на отдельных рудниках, как это было в уезде Тайпин в Фуцзяни в 1417 г. [23, цз. 188, 2005].

Более того, если какие-либо копи не давали установленной для них нормы продукции, то из столицы направлялись туда уполномоченные для расследования причины этого [23, цз. 17, 317]. Такая политика, казалось бы, вполне отвечала намерению обеспечить рост производства. Но вместе с тем в ноябре 1406 г. были закрыты разработки свинца в уезде Шанлинь в Гуанси производительностью в 24 380 цзиней в год, в 1408 г. — 60 серебряных и свинцовых рудников в Чжэцзяне [23, цз. 59, 861; 16, цз. 14, 1014]. Пресекалась и инициатива к расширению добычи металлов. Например, в июне 1412 г. двор категорически отверг предложения о пуске новых серебряных копей в уезде Хэчи в Гуандуне, где была обнаружена серебряная руда, и о расширении производства меди в районе г. Чанша [23, цз. 128, 1592–1593].

Показателен и такой случай. В апреле 1411 г. в связи с докладом двору о транспортировке медного купороса император навел справки, для чего нужен этот продукт. Когда же выяснилось, что он идет главным образом на окраску тканей, Чжу Ди отдал распоряжение прекратить его добычу, а окраску им материи «считать не обязательной» [23, цз. 114, 1456].

Двойственность позиции правительства в отношении производства цветных металлов весьма точно зафиксирована в «Мин шу», где о добыче меди в начале XV в. сказано: «А медную руду добывали по-разному: то открывали [рудники], то закрывали» [33, цз. 82, 1669]. Причины такой двойственности заключались в общей позиции

правительства Чжу Ди в отношении к развитию промыслов, о чем речь пойдет ниже, после рассмотрения прочих отраслей ремесленной промышленности.

В начале XV в. государство было заинтересовано, как явствует из документов, в получении как можно большего количества соли. Продолжалась ее добыча в Чжэцзяне, Фуцзяни, Шаньси и других районах страны. Особенно интенсивно развивался соляной промысел в Сычуани. Уже в 1403 г. там было открыто 12 новых разработок, а затем в 1406, 1408, 1410, 1411, 1413, 1414, 1416, 1421 гг. ввозили новые копи и возобновляли разработку старых [23, цз. 23, 419, цз. 56, 831, цз. 75, 1031, цз. 102, 1328, цз. 103, 1342, цз. 113, 1438, цз. 139, 1676–1677, цз. 151, 1757–1758, цз. 172, 1911, цз. 234, 2257–2258]. Для руководства соледобычей в Сычуани в 1406 г. было создано специальное Управление соляными налогами. Оно не только следило за выполнением установленных норм добычи соли, но и изыскивало возможность открытия новых шахт и пускало их в эксплуатацию^[52].

Как уже упоминалось, в Китае издавна существовала монополия казны на добычу соли. Минское правительство не отменяло ее. Но наряду с этим имеются прямые свидетельства, что в начале XV в. существовала и частная соледобыча. Правительство Чжу Ди шло на это, ибо было заинтересовано в расширении ее производства. 10 января 1403 г. в связи с голодом в некоторых районах провинции Бэйцзин для местного населения был отменен запрет на частную добычу соли [23, цз. 15, 280]. В Гуандуне же ограничения почти не действовали: «В Гуандуне... нет налога на соль. [Ее] поставляют казне торговцы. Большинство военного и гражданского [люда] употребляют частную соль» [23, цз. 28, 508–509]. В Юньнани также практиковалась частная добыча. В мае 1403 г. оттуда докладывали: «В Цзиньдуне в трех местах имеются соляные разработки. Они ведутся частным образом военными людьми для продажи» [23, цз. 91, 1194]. В январе 1414 г. императорскому двору сообщалось: «Местный люд из округа Лунчжоу в Сычуани докладывает, что в тех местах не производилось [раньше] соли. Просят [разрешить] вываривать ее на пяти разработках... для обеспечения потребностей местного населения. Ежегодно [обещают] вносить в казну [налог] в 100 тыс. цзиней соли» [23, цз. 146, 1721]. Двор одобрил эту инициативу.

Правительство пыталось извлечь из частной соледобычи определенные выгоды для казны. Например, санкционируя частную добычу соли в Гуандуне в марте 1404 г., оно установило нормы потребления соли — около 12 кг на человека в год, а всю остальную производимую соль оно предписывало в обязательном порядке продавать казне по цене 300 вэней (монет) ассигнациями за 1 цзинь [23, цз. 28, 509]. В Юньнани же было разрешено снабжать солью, добываемой частным образом, местные войска, чтобы не возить для этого издалека казенную соль [23, цз. 91, 1194]. Наконец, как свидетельствует приводимая запись 1414 г., государство брало налог с частных солеразработок.

Официальная минская статистика приводит ежегодные цифры поступления налогов солью. Они были довольно внушительны и колебались от 208 до 291 млн. л. Но, очевидно, сюда включалась и соль, принудительно приобретаемая у частных.

Отмеченное ослабление соляной монополии не представляется исключительным явлением в деятельности правительства Чжу Ди. Дело в том, что в конце XIV — начале XV в. императорский двор, как отмечалось, не придерживался строгой монополии и на выплавку железа. В начале XV в. в источниках встречаются упоминания о «частном чае» — третьем традиционном продукте монополии государства [33, цз. 82, 1660]. На общем фоне ослабления государственной монополии на эти товары в начале XV в. отношение правительства к частной соледобыче вполне объяснимо.

Что же касается такой широко развитой в Китае отрасли производства, как ткачество, то она издавна не являлась объектом государственной монополизации. В начале XV в. здесь также не наблюдалось каких-либо ущемлений со стороны правительства. Основными центрами (Казенного шелкоткачества были Нанкин, Сучжоу и Ханчжоу. Распространено оно было также в Пекине, Чэнду и Луане (в Шаньси) [116, 149]. В обеих столицах существовали Внутренние и Внешние управления по ткачеству. Первые снабжали тканями императорский двор, вторые — частного потребителя [33, цз. 82, 1662]. В Сучжоу и Ханчжоу были свои Управления по ткачеству и крашению (*Чжишаньцзюй*). Количество тканей, выпускавшихся на казенных предприятиях, регламентировалось предписаниями властей. В конце XIV в. среднегодовой выпуск полотняных и шелковых тканей

на этих предприятиях составлял примерно 374 тыс. отрезов [33, цз. 82, 1663].

Шелк и прочие ткани издавна использовались в Китае как стоимостный и платежный эквивалент. В связи с этим в начале 1416 г. Ведомство работ предложило еще более увеличить производство полотна, шелка и парчи для того, чтобы расширить внешнюю торговлю тканями. Императорский двор одобрил это предложение [23, цз. 171, 1905–1906].

Значительное количество шелковых тканей и шелка-сырца поступало в казну в качестве налогов как от частного шелкоткацкого производства городских ремесленников, так и от крестьянского домашнего ткачества. Однако статистические данные о налогах, вносившихся тканями, не выделяют отдельные виды тканей. Источники оперируют термином «полотно и шелк» (*бубо*), что в широком смысле можно понять, как «ткани» вообще. Несомненно, что большая доля здесь принадлежала различным шелковым тканям. Но некоторая часть налоговых поступлений в начале XV в. производилась и хлопчатобумажными тканями.

Повсеместное распространение хлопководства в Китае исследователи склонны относить к концу XIV в. [116, 52]. Один из современников писал: «Ко времени нашей династии посевы его (хлопка. — А. Б.) стали распространяться повсюду в Поднебесной, и на севере и на юге земля благоприятна для этого. И бедные и богатые — все зависят от [урожая]. Выгода от него в сто раз больше, чем от шелка. Пишу об этом, чтобы в будущие времена в Поднебесной знали пользу от хлопка и как он начал процветать в наши дни» [145, 63].

Есть свидетельство, что в начале XV в. отдельные уезды страны были обязаны вносить определенный налог хлопком-сырцом и хлопчатобумажными тканями [23, цз. 115, 1473]. Основным центром производства хлопчатобумажных тканей того времени становится г. Сунцзян (пров. Цзянсу).

Интересно также отметить, что в это же время в провинции Шэньси началось казенное производство тканей из верблюжьей шерсти [29, цз. 82, 7272 (4); 33, цз. 82, 1663].

В среднем, по подсчетам Ли Гуан-би, налоговые поступления тканями в первой четверти XV в. почти на Уз превышали аналогичные средние поступления последней трети XIV в., составляя

соответственно 938 426 отрезов против 631 567 [130, 39] (табл. 5). Налоговая статистика также показывает, что в 1421 г. правительство Чжу Ди ввело фиксированный налог готовыми тканями, шелковым волокном и хлопковой пряжей. При этом поступления тканями упали сразу до 225 тыс. отрезов. Однако мы не располагаем данными, почему произошло такое сокращение — было ли это следствием свертывания ткацкого производства вообще или же лишь уменьшения налоговых норм. Попытки ввести фиксированный налог полуфабрикатами для ткацкого производства — шелковым волокном и хлопковой пряжей — можно проследить еще раньше, соответственно с 1413 и 1414 гг.

Год	Ткани, отрез	Шелковое волокно, цзинь	Хлопковая пряжа, цзинь	Год	Ткани, отрез	Шелковое волокно, цзинь	Хлопковая пряжа, цзинь
1402	56 744	269 400	14 821	1413	1 873 828	226 968	389 370
1403	105 426	379 249	162 249	1414	1 186 784	226 960	240 371
1404	396 195	241 283	276 352	1415	1 535 837	226 992	241 568
1405	1 329 563	—	511 113	1416	1 723 902	227 035	241 715
1406	1 363 593	299 133	195 952	1417	240 251	128 759	410 544
1407	1 309 925	262 415	446 069	1418	1 143 365	246 751	412 286
1408	1 607 903	257 811	220 981	1419	1 206 887	246 507	583 324
1409	1 020 904	299 870	237 511	1420	1 211 883	246 560	583 340
1410	1 034 638	250 897	636 111	1421	225 417	223 342	69 159
1411	1 330 968	254 065	169 370	1422	224 666	223 693	69 310
1412	292 519	382 970	138 156	1423	225 183	223 696	69 575

Таблица 5. Поступления налогов тканями и сырьем для ткацкой промышленности в 1402–1423 гг.^[53]

Первые минские императоры всячески старались увеличить размеры фарфорового производства [116, 62]. В крупнейшем центре фарфорового производства минского времени — Цзиндэ-чжэне — в конце XIV в. было 20 казенных печей, а на рубеже 20–30-х годов XV в. их там насчитывалось уже около 3 тыс. [116, 62; 159, 777]. Фарфоровые изделия первой трети XV в. считаются одним из совершеннейших образцов китайского фарфора. В годы правления Чжу Ди происходило качественное расширение ассортимента фарфоровых изделий [130, 40]. Количественных данных о производстве фарфора в рассматриваемый период нет. Налоги фарфором не фиксировались. Э. П. Стужина

отмечает, что казенное фарфоровое производство на протяжении всего периода Мин то расширялось, то сокращалось в зависимости от средств, которые вкладывала казна [116, 63]. В начале XV в. не зафиксировано ни одного акта, которым бы правительство ограничивало частное фарфоровое производство, издавна практиковавшееся в стране. Изделия из фарфора шли не только на потребление императорского двора и внутреннее потребление в стране, но и на экспорт.

Китайский флотоводец Чжэн Хэ во время своих заморских плаваний (1405–1433) доставил в Китай зарубежных мастеров-стеклодувов, что позволило начать здесь изготовление стеклянных изделий [159, 776].

На рубеже XIV–XV вв. в Китае строились корабли самых разнообразных предназначений и типов. Здесь можно назвать речные корабли, корабли для перевозок по каналам, морские каботажные суда, корабли для дальних плаваний и военные суда. Каждый из этих разрядов имел много разновидностей: большие и малые, парусные и весельные, купеческие и казенные и пр. Различия зависели и от места постройки: фуцзяньские корабли отличались от гуандунских и т. д.

В начале XV в. Китай обладал значительным речным и морским флотом. Только на Великом канале после его реконструкции в 1410–1411 гг. постоянно курсировало около 10 тыс. судов [130, 40]. На отдельных участках канала практиковалась постоянная приписка кораблей: к одному из таких участков было прикреплено 3 тыс. судов, к другому — 2 тыс. [16, цз. 16, 1116]. В описываемое время продолжалось строительство флота. Первое распоряжение правительства Чжу Ди на этот счет датировано 17 октября 1402 г. Оно предписывало построить в Фэнъяне 38 речных кораблей [23, цз. 12 (II), 221]. Строительство речных судов продолжалось и в дальнейшем: только в 1415 г. их было построено 3 тыс. [130, 40].

Не менее интенсивно строились и морские корабли. Казенные и частные верфи были разбросаны по всему обширному морскому побережью страны. Особенно крупными были в рассматриваемый период верфи в Лунцзяне и Тайцане, в нижнем течении р. Янцзы. В Лунцзяне было специальное Управление по строительству кораблей (*Тицзюйсы*). В октябре 1420 г. было открыто еще одно такое управление в Датунгуане [23, цз. 229, 2226].

В распоряжениях о строительстве морских судов приводятся сведения и об их количестве. В 1403 г. было построено 885 судов, в 1404 г. — 55, в 1405 г. — 1273, в 1406 г. — 88, в 1407 г. — 362 и т. д. [23, цз. 20 (I), 356, цз. 22, 411–412, цз. 23, 428, цз. 24, 442, цз. 27, 498–499, цз. 43, 686, цз. 47, 722, цз. 48, 731, цз. 60, 866, цз. 71, 988, цз. 72, 1007, цз. 73, 1014–1015], После 1413 г. сведений о строительстве морских судов становится меньше. Это было связано с перенесением после ремонта Великого канала основных грузовых перевозок на внутренние водные артерии страны.

На казенных судоверфях применялся труд мастеров-кораблестроителей, отбывавших свою повинность раз в два года. Вместе с тем отмеченные выше распоряжения свидетельствуют, что в начале XV в. строительство морских кораблей часто возлагалось на прибрежные воинские гарнизоны, т. е. осуществлялось силами военных мастеров и солдат. Частное кораблестроение было наиболее распространено в провинции Фуцзянь, в частности на верфях в Тайпине и Ухумэне [157, 51].

Но развитию судостроения, особенно частного, не мог не мешать так называемый морской запрет — запрещение частным лицам выходить в море без специального разрешения властей. Его введение относится еще к XIV в. (подробнее об этом см. стр. 260–261 настоящей работы). Правительство Чжу Ди не только признало этот запрет, но указом от 29 февраля 1404 г. запретило простолюдинам иметь частные морские корабли [23, цз. 27, 498]. Казенное судостроение также сдерживалось властями. Например, в мае 1421 г. было приказано временно приостановить постройку кораблей для заморских посольств [23, цз. 236, 2268]. Заказы на строительство судов, как показывают приводимые выше цифры, были весьма неравномерны, а после 1413 г. потребность правительства в морских кораблях заметно падает.

На примере рассмотренного выше положения в разных отраслях ремесла и промыслов можно попытаться оценить политику правительства Чжу Ди в этой области. Первое, что бросается в глаза, — это определенная непоследовательность, противоречивость позиции центральных властей в данном вопросе.

С одной стороны, они развивали производство почти во всех перечисленных отраслях на казенной основе, а в ряде их, например в ткачестве, производстве фарфора, выплавке железа и частично в

добыче соли, цветных металлов и кораблестроении допускали существование частного промысла. В этой же связи следует упомянуть, что правительство ценило ремесленников. Недаром при переносе столицы в Пекин туда были переселены из Нанкина 27 тыс. ремесленных дворов [128, 11]. Мастерские ввозились даже из-за границы. Выше уже упоминалось о том, что они доставлялись в Китай кораблями Чжэн Хэ. Кроме того, усилиями командующего китайскими войсками во Вьетнаме Чжан Фу в октябре 1407 г. здесь были собраны и отправлены в столицу империи 7700 ремесленников различных специальностей [23, цз. 71, 997].

Однако, с другой стороны, центральная власть оказывала сдерживающее, ограничивающее влияние на целый ряд отраслей ремесленной промышленности. Причем это касалось не только частного сектора в таких областях, как строительство, производство оружия, кораблестроение и добыча соли, но иногда и казенного производства, например в выплавке цветных металлов, производстве фарфора и кораблестроении. Сдерживающее воздействие сказывалось как в прямых запретах и сокращениях производства, так и в тщательной регламентации властями всевозможных видов продукции. Правительство Чжу Ди в полной мере соблюдало этот характерный для всего периода феодализма в Китае метод регулирования развития ремесла. Например, указ от 6 мая 1409 г. гласил: «Уже 50 лет как установлены законы [нашей] династии. Во всем установлены определенные образцы — в одежде, посуде и т. д. За последнее время среди сановников и народа много случаев нарушения этикета... [Приказываю] немедленно переписать красками в свитки установленные в прежнее [время] правила [ношения] чиновниками и народом головных уборов и одежды, использования посуды и объявить о том в столице и провинции, чтобы все мастера знали и соблюдали [установленные образцы]» [23, цз. 90, 1190–1191].

В затронутом плане следует сказать и о воздействии таких мероприятий, как упоминавшиеся в предшествующей главе указы о прекращении «всех не срочных дел». Они вызывались к жизни намерением правительства несколько облегчить бремя государственных повинностей и сократить промысловый налог. Эти цели декларировались в самих документах [23, цз. 236, 2264]. И в данном качестве такие указы должны были иметь определенное положительное

значение. Но вместе с тем они подразумевали существенное свертывание производства различных видов «не срочных вещей», т. е. прежде всего ремесленной продукции. Это нагляднее всего видно на примере февральского распоряжения 1415 г., которое гласило: «Остановить все не срочные категории производства, за исключением тех, которые потребны для армии и [прочих] срочных нужд» [23, цз. 160, 1819]. Указ 1421 г. в этом отношении еще более конкретен. Он предписывал сократить добычу драгоценных металлов и строительство кораблей [23, цз. 236, 2266–2268].

Таким образом, в указах о прекращении «не срочных дел» забота об облегчении положения рабочего люда сочеталась с целенаправленным сокращением производства ремесленной промышленности, прежде всего казенной.

В отмеченной противоречивости позиции центрального правительства в области ремесла и промыслов отразилось стремление феодальной власти насколько возможно не допускать чрезмерного, по ее мнению, развития товарного хозяйства, которое неизбежно подтачивало извечную опору этой власти — патриархально-феодальные отношения в городе и деревне. Императорский двор чувствовал здесь опасность и пытался предотвратить ее. Отсюда постоянные намерения перелить силы народа из «побочных» занятий (ремесла и торговли) в «основное» (земледелие), удерживать эти «побочные» занятия в минимально необходимых рамках и тем приблизить осуществление идеального, по понятиям конфуцианской морали, общества. Иными словами, здесь отражалось желание упростить всю систему производственных, а посредством этого и социальных отношений в стране.

Стремление ограничить ремесла и промыслы уровнем, при котором удовлетворялся бы спрос лишь на изделия первой необходимости, приводило к отсутствию у государства заинтересованности в прибыльности данных отраслей производства. В первую очередь это касалось казенной промышленности. По справедливому замечанию Э. П. Стужиной, казенное производство в период Мин руководствовалось не целями извлечения прибылей, а получением потребительских ценностей [116, 162]. Позиция правительства Чжу Ди в данном вопросе полностью подтверждает этот вывод. Например, в своем ответе на предложение о расширении

горнорудных промыслов, сулившее дополнительные прибыли казне, двор писал: «Тот, кто гонится за прибылью в расчете на успех, — низкий человек. Главное для государства — это спокойствие народа, а не прибыль» [23, цз. 128, 1592–1593].

Характерно, что здесь весьма явственно проступает причина беспокойности центральной власти развитием промышленности, которое ведет к более быстрому имущественному расслоению, а следовательно к обострению социальных конфликтов, нарушению «спокойствия народа».

Результатом незаинтересованности правительства в прибыльности ремесленного производства были такие явления, как ограничение выработки определенными нормами, скачкообразное снижение или расширение производства, отрицательная реакция на многие предложения с мест об увеличении деловой активности.

Поскольку такое отношение властей было характерно для состояния казенного ремесла, то тем более отмеченная незаинтересованность должна была отрицательно сказаться на частном предпринимательстве. Последнее усугублялось конкуренцией казенной промышленности, не дававшей достаточного простора для развития частного сектора во многих отраслях. Само существование казенного производства, позволявшего императорскому двору, центральной казне и высшим слоям правящего класса удовлетворять основные потребности в изделиях ремесла, приводило к тому, что правительство не было заинтересовано в развитии и поощрении частного промысла.

Однако потребности развитого феодального общества, каковое существовало в Китае в конце XIV — начале XV в., не позволяли успешно поддерживать на «идеально низком» уровне все виды ремесел и промыслов. Центральной власти приходилось это учитывать. Выход из противоречий, порождаемых намерениями следовать теории «земледелие — основа, ремесла и торговля — побочное» для достижения социального идеала и несоответствием этой теории реальным потребностям общества, правительство Чжу Ди видело в неодинаковом подходе к различным видам ремесленного производства. Поэтому ущемление его заметно далеко не всегда. Как показано выше, отдельные отрасли ремесла и промыслов развивались правительством, а ограничение частной сферы отнюдь не имело абсолютизированного характера. Дань теории преимущественно отдавалась лишь в тех

областях, которые расценивались властями как несущественные. В этом плане весьма примечательно упоминавшееся деление всех работ на «срочные» и «не срочные». Такие жизненно необходимые виды производства, как ткачество, выплавка железа и многие другие, не ущемлялись и получали возможность для развития и совершенствования. Но в то же время правительство не оставляло попыток как можно более ограничить круг даже этих необходимых «побочных» промыслов и тем опять-таки упростить всю структуру общества.

Все отмеченное выше и делало политику правительства Чжу Ди в отношении ремесленной промышленности столь непоследовательной.

Если же говорить об общем уровне развития китайского ремесла в начале XV в., то прежде всего придется отметить прискорбную недостаточность фактических данных в источниках, для того чтобы со всей определенностью решить этот вопрос. Нет сомнения, что богатые традиции китайского ремесла получили в конце XIV — начале XV в. дальнейшее совершенствование и развитие. Но привели ли происходившие поступательные изменения (даже в передовых в экономическом отношении районах) к качественным сдвигам в экономике, остается неясным. В ходе дискуссии о зарождении капиталистических отношений в Китае, проходившей среди китайских ученых в 50-х годах XX в., высказывались мнения, что зачатки капитализма здесь появились именно с конца XIV — начала XV в. ^[54]

Однако те наблюдения, которые относятся к казенному ремеслу начала XV в., позволяют, на наш взгляд, солидаризироваться с юценкой, данной Э. П. Стужиной применительно ко всему периоду Мин. Она считает, что казенное производство оставалось по своему характеру феодальным и что казенная мануфактура, являвшаяся естественным дополнением натуральной экономики, препятствовала разложению цеховой системы и развитию частного предпринимательства, выступала как один из факторов, тормозивших разложение феодальных отношений [116, 162]. Что же касается частного ремесла, то данные о нем, относящиеся к началу XV в., настолько ограничены и разрозненны, что вряд ли могут позволить сделать определенные выводы. Тем не менее стоит прислушаться к мнению Э. П. Стужиной, которая, анализируя материал более позднего времени, приходит к заключению, что даже в XVI–XVII вв. процессы, протекавшие в

китайском частном ремесленном производстве, не привели к радикальному преобразованию феодальных производительных сил и производственных отношений [116, 194]. Думается, что к рассматриваемому здесь периоду это относится в еще большей степени.

Политика имперских властей в области внутренней и внешней торговли

Наряду с развитием ремесла в Китае росла и торговля. Это обуславливалось весьма характерным для средневековья вообще, и китайского феодального общества в частности, явлением — соединением ремесла — и торговли. Ремесленник и торговец часто выступали в одном лице. Свою продукцию, за исключением шедшей в виде налога в казну, мастера-ремесленники реализовывали на рынке: либо прямо на месте производства (в пристроенных к мастерским лавкам), либо через посредство цеховой организации. Это было характерно для всего периода Мин. В частности, в 1410 г. чиновник из службы проверки Тао Хань обвинял ремесленников одной из волостей в том, что «ни один из них не отрабатывает общественные повинности, а на стороне [они] занимаются частной торговлей» [23, цз. 104, 1555]. Как справедливо отмечает Э. П. Стужина, соединение ремесла и торговли тормозило процесс выделения чисто купеческого капитала [116, 200]. Однако к началу XV в. (как, впрочем, и раньше) такой капитал существовал и играл немалую роль в экономической жизни Китая.

Выше уже перечислялись некоторые из 33 крупных торговых центров. Торговля концентрировалась также в обеих столицах империи — Нанкине и Пекине. После переноса резиденции императора в Пекин и ремонта Великого канала стала быстро возрастать торговая роль городов, расположенных вдоль этой основной артерии, связывавшей Юг и Север страны. В феврале 1423 г. цензор Чэнь Цзи докладывал: «Хуайань, Цзинин, Дун-чан, Линьцин, Дэчжоу и Чжигу — это места, где собираются проезжие торговцы. Ныне с переносом столицы в Пекин [через эти города] еще больше стало провозиться всевозможных товаров со всех сторон света» [23, цз. 225, 2365]. Процветала и морская торговля в таких портах, как Гуанчжоу, Цюаньчжоу, Фу-чжоу, Нинбо и др. На севере и северо-западе в пограничных районах поддерживался торговый обмен с чжурчжэньскими (маньчжурскими) и монгольскими племенами.

Наряду с торгово-экономическими центрами, процветавшими еще в XI — середине XIV в., в стране с конца XIV-начала XV в. появились и новые рынки. В Нанкине, Ханчжоу, Сучжоу, Янчжоу торговали тканями, в Цзинани, Кайфыне, Сунцзяне, Чанчжоу, Цзинчжоу, Наньчане и Чэнду — зерном; в Шэчжоу, Хуйчжоу, Чичжоу, Хучжоу и Сюйчжоу — изделиями полиграфического дела [131, 44].

Государство централизованным порядком осуществляло казенную торговлю. В продажу могли пускаться изделия казенного ремесла и различные товары, поступавшие в казну в виде налога, так же как зерно, ткани и пр. Существовали как государственные, так и частные торговые посредники, обращение к услугам которых давало право на некоторое сокращение налогового сбора с товаров [33, цз. 81, 1684]. Посредники могли быть и крупными оптовиками, и исполнять роль бродячих торговцев. Торговля вразнос становится во времена Мин одним из характерных для Китая явлений [116, 198]. Частная торговая деятельность в феодальном Китае теоретически подвергалась такой же, как и ремесло, дискриминации со стороны властей. Теория «земледелие — основа, торговля и ремесло? — побочное» сама по себе создавала неблагоприятные условия для развития в стране коммерческой деятельности. Способы дискриминации были различны: запрещалось торговать отдельными видами товаров, строго ограничивалась торговля с иностранцами, купцы и торговцы должны были получать специальные разрешения на торговлю, ограничивалось, место и время торговли, власти присваивали себе право регулировать уровень цен, производились «принудительные закупки» товаров по заниженным ценам (что одинаково ударяло по земледелию, ремеслу и торговле), ограничивалось пользование платежными средствами и, наконец, существовали различные налоги и поборы. Неприкосновенность, личности купца и его имущества не была надежно гарантирована. Официальные ограничительные меры дополнялись простым произволом. Все это общеизвестные факты.

В определенной мере это относилось и к политике минского правительства в отношении торговли в конце XIV — начале XV в. В этом плане весьма характерно следующее суждение двора о торговых налогах, помещенное в одном из высочайших решений: «Торговые налоги берутся государством для ущемления людей, занимающихся побочными [занятиями]. Разве эти [налоги] берутся ради прибыли?»

[29, цз. 81, 7270 (3)]. Естественно, что здесь отдана некоторая дань «высокоморальной» позе. Но официальное подтверждение центральной властью необходимости «ущемлять» торговых людей говорит само за себя.

Вместе с тем феодальная государственная власть видела необходимость торговой деятельности и допускала ее. Профессиональные торговцы составляли одно из сословий в официальном социальном делении китайского общества. Если же обратиться к конкретным шагам правительства Чжу Ди в области торговой политики, то, несмотря на нехватку материала в источниках по данному вопросу, можно усмотреть определенный разрыв между теорией, предписывавшей сугубо негативное отношение ко всякой торговой деятельности, и практикой.

Прежде всего это касается налоговой политики. Известно, что при Чжу Юань-чжане наблюдался рост числа таможен, собиравших торговые пошлины. Их было тогда примерно 400 [29, цз. 81, 7269 (4)]. Кроме того, на рынках и в пределах воинских гарнизонов существовали свои, особые налогосборочные пункты. Были установлены налоги за въезд в город и за торговлю отдельными видами товаров (зерном, скотом, рыбой, фруктами и др.). Торговые налоги принимались как натурой, так и деньгами. Они поступали либо прямо в дворцовую казну, либо на поддержание обороны границ [33, цз. 83, 1684]. Однако уже в конце XIV в. намечается тенденция к некоторому смягчению торговых налогов. Первоначально в империи Мин не было единого торгового налога. Это, как сказано в «Мин шу», давало возможность «лукавцам притеснять народ». Далее источник продолжает: «И тогда издали приказ по всей Поднебесной: налоговым управлениям брать торговый налог в 1/30 часть товара» [33, цз. 83, 1684]. Попытки введения единообразного торгового налога по всей стране, несомненно, должны были отвечать интересам купечества, тем более что норма отчисления не была высокой. Но таможенные власти не были склонны соблюдать ее. В 1377 г. Ведомство налогов докладывало, что 178 таможен завышают налоги [29, цз. 81, 7269 (4)]. Можно предположить, что одной из реакций правительства на это была отмена в 1380 г. торговых сборов с риса, свадебных, похоронных и жертвенно-ритуальных принадлежностей, шелка, дерева, бамбука, сельскохозяйственных орудий, книг и бумаги [29, цз. 81, 7269 (4); 33, цз. 83, 1684].

Правительство Чжу Ди сделало еще один шаг в этом направлении. В «Мин ши» по этому поводу записано: «В начале годов правления Юнлэ был установлен порядок не облагать налогами предметы ритуала, необходимые на свадьбах, похоронах или праздниках, самотканые ткани, сельскохозяйственные орудия, продукты питания, с которых при покупке уже был [взят] налог, не [предназначенные] для продажи на рынках собственные товары, груженые на повозки и корабли, [а также] рыбу, овощи и различные фрукты» [29, цз. 81, 7269 (4)]. Фань Вэнь-лань дополняет этот список предметами повседневного обихода, медной и оловянной посудой и продуктами каждодневного питания [159, 781–782].

Правительство пыталось бороться с таможенниками, завышавшими нормы налоговых сборов. В 1409 г. для ревизии различных таможен был послан цензор Лань Шэн [29, цз. 81, 7269 (4)]. Но искоренить подобные злоупотребления было отнюдь не легко. Об этом свидетельствует предложение цензора Чэнь Цзи установить постоянную норму торгового сбора, поданное в феврале 1423 г. Поскольку вновь возникла такая надобность, можно полагать, что установленная в 70-х годах XIV в. единая норма, равная 1/30 стоимости товара, уже практически не соблюдалась. Характерно, что Чэнь Цзи не предлагал вернуться к старой норме, а хотел установить новую ставку торгового налога, учитывая новую конъюнктуру. Он писал: «Следует посылать людей наблюдать за заставами, где собираются торговые налоги, и по истечении одного года установить, [по рекомендациям наблюдателей], постоянный [налоговый сбор]. [Тогда] не будет таких злодеяний, как грабеж и обман [при налогообложении]» [23, цз. 255, 2365].

Одобрение этого предложения правительством свидетельствует, что оно, так или иначе, стремилось к наведению порядка в налогообложении торговли. А последнее, так же как и отмена торгового налога с ряда товаров, отвечало интересам торговцев. Все это показывает, что на практике правительство Чжу Ди не было склонно злоупотреблять налоговым прессом и оказывать чрезмерное давление на торговцев, как это предписывалось теорией и декларировалось в некоторых официальных высказываниях. Такое отношение императорского двора к торговле в начале XV в. еще более оттеняется повышением торговых налогов после прихода к власти нового

правительства Чжу Чжань-цзи в конце 20-х годов [130, 41]. Исходя из этого Ли Сюнь считает возможным говорить даже о протекционизме правительства Чжу Ди по отношению к торговле [131, 44].

Подобное суждение, на наш взгляд, несколько гиперболично. Но в свете практического отношения правительства Чжу Ди к коммерческой деятельности и торговцам можно констатировать, что оно не прибегало к целенаправленному ограничению внутренней торговли. В рамках устоявшихся порядков оно не только признавало права торговцев на существование, но и брало их права под защиту. Об этом свидетельствует ряд отрывочных, но красноречивых инцидентов.

В декабре 1403 г. Ведомство налогов доложило, что во многих городах купцы приобретают казенную соль в обмен на рис без должного разрешения центральных властей. Предлагалось прекратить выдачу соли по свидетельствам об уплате риса, выданным местными властями. Император дал в связи с этим следующее распоряжение: «Поскольку торговцы внесли в казну рис, то должны получить вознаграждение солью. Не [дать] вознаграждения — значит [учинить] несправедливость [по отношению] к людям и обобрать их. Основной капитал торговца не обязательно является его собственностью. Есть такие [торговцы], которые продают [то, что служит] им средством к существованию. Есть [и] такие, кто терпит убыток, [отдавая] многократную прибыль сильным домам, [у которых] они брали займы [деньги]. Все свои старания [они] вкладывают в [закупку] риса. Их надежды [на прибыль] — не малое [дело]. Как же можно отбирать у них свидетельства на [получение соли]? Не отбирать. Полученную соль целиком вернуть им» [23, цз. 25, 464].

Это решение знаменательно во многих отношениях. Во-первых, император заботится не только о том, чтобы купцов не обирали, но и об их прибылях. А ведь именно торговая прибыль, ее непроизводительный характер и подвергалась более всего осуждению официальной доктриной. Во-вторых, императорский двор выступает здесь защитником интересов прежде всего мелких торговцев, противопоставляя их «сильным домам» с их «многократной», т. е. чрезмерной, по его мнению, прибылью. В-третьих, характерно, что император, а скорее, правительственные чины, подкалавшие это решение, довольно хорошо разбирались в положении различных слоев купечества и в ситуации, складывавшейся в коммерческих операциях

того времени. И, наконец, в-четвертых, приводимое дело свидетельствует, что местные власти выдавали лицензии на торговлю без разрешения свыше. Правительство же оставило это безнаказанным.

Другой пример, помогающий определить истинное отношение центральной власти к торговле, — ее реакция на приводимый выше доклад Тао Ханя о коммерческой активности ремесленников. Судебное ведомство, которому поручили расследование дела, оправдало ремесленников, а Тао Хань по распоряжению двора был брошен в тюрьму [23, цз. 104, 1555]. Тем самым и на этот раз правительство совершенно определенно брало под защиту право вести мелкую торговлю.

В том же плане не менее характерно и решение дела о нарушении запрета на использование в торговле драгоценных металлов. В мае 1411 г. начальник караула у городских ворот столицы при осмотре товаров, которые торговцы везли для продажи в город, обнаружил золотые изделия и серебро в слитках. Он конфисковал эти вещи и доложил об этом по инстанции. Император запросил начальника Судебного ведомства, на основании какого закона это сделано, и узнал, что существует вышеозначенный запрет. Но это не помешало Чжу Ди наложить следующую резолюцию: «Разве можно запрещать народу накапливать [средства], запретив ему торговать тем, что ему потребно? Приказываю все [отобранное золото и серебро] вернуть их [владельцам]» [23, цз. 115, 1465–1466]. Тем самым практически нарушался запрет, введенный Чжу Юань-чжаном и подтвержденный при Чжу Ди правительством. Правда, отмены запрета в целом не последовало. Решение осталось прецедентным, т. е. касающимся лишь данного частного случая, что, как отмечалось в предшествующих главах, было весьма характерной чертой деятельности правительства Китая в начале XV в. вообще. Однако важно подчеркнуть, что Чжу Ди недвусмысленно высказался здесь за разрешение «накопительства» и попутно за свободу торговли. Интересно также, что упомянутый начальник караула получил от императора выговор, где говорилось о неправомерности караульных следить за «нарушением законов мелким людом» [23, цз. 115, 1466]. Таким образом, центральное правительство могло выступать защитником интересов мелкой торговли, даже если в каких-то частностях эти интересы расходились с законом. Это, как представляется, весьма примечательный факт.

В том же плане снисходительного отношения к мелкой торговле можно расценивать и резолюцию двора от 14 октября 1413 г. о деятельности такой категории коммерсантов, как бродячие торговцы. Она гласила: «Что касается бродячих торговцев, [действующих] на внутренних территориях (в Китае, а не за его пределами. — *А. Б.*), то тем, кто имеет свидетельство о своей профессии, разрешается [торговать]» [23, цз. 143, 1706]. Отсюда следует, что правительство заботилось лишь о том, чтобы соблюдали принятые порядки — все купцы должны иметь свидетельства на право занятия торговлей и не выезжать за пределы страны, а о самом же существовании бродячей торговли вопрос не ставился.

Чем же можно объяснить столь явственно проступающее на примере приведенных фактов внимание правительства Чжу Ди к интересам в первую очередь мелких торговцев? Думается, что отмеченное отношение к мелкой торговле находится в прямой связи с описанной в предшествующей главе политикой «заботы о народе». Как свидетельствует приведенный выше ответ императора по поводу инцидента, имевшего место в декабре 1403 г., жизненный уровень мелких торговцев был отнюдь не высок. Им приходилось иногда вкладывать в операции все свое имущество, включая необходимые жизненные средства. Они вынуждены были идти в кабалу, к «сильным домам». Подтверждением этому могут служить и относящиеся к более позднему времени записи источников. Например, Э. П. Стужина, приводит следующую запись: «В домах у бродячих торговцев и местных оседлых торговцев обстановка очень простая. Они не одеваются в пестрые шелка и не едят сладкой и жирной пищи, очень осторожно и осмотрительно ведут дела» [116, 204]. То же самое можно сказать и о положении ремесленника, продавшего свои изделия.

Поскольку правительство Чжу Ди, как следует из упомянутого ответа, довольно четко представляло себе уровень жизни мелких торговцев, оно считало, что идти на дальнейшее их притеснение, значило бы обречь значительную их часть на разорение. Лишенные средств к существованию, они пополнили бы пауперизированные слои и умножили бы число недовольных правительством в народе, который и без того подвергался тяжелой эксплуатации. Это никак не отвечало интересам двора, пытавшегося по возможности достичь «успокоения» народа. В этом контексте снисходительное отношение к деятельности

мелких торговцев не представляется удивительным. Политические интересы, вкупе с реальным пониманием необходимости допущения коммерции, брали в данном случае верх над догматической теорией, осуждавшей торговлю, как таковую, как «низкий» способ получения средств к существованию.

Мелкая торговля также не вызывала опасений, связанных с усилением имущественного расслоения, нежелательного для имперской политики. В этом отношении можно было бы ожидать негативной позиции скорее к крупному купеческому капиталу. Однако и по отношению к нему в первой четверти XV в. не высказывалось прямого осуждения. Правда, можно предположить, что, говоря о чрезмерных прибылях в декабре 1403 г., император имеет в виду именно это. Но говорит он не столько о крупных купцах, сколько о «сильных домах», т. е. об аристократии и крупных феодалах, занимающихся помимо прочего посреднической торговлей. В данной связи следует учитывать, что снисходительное отношение правительства к мелким торговцам, несомненно, отвечало интересам всего купечества. Каких-либо практических мер по нарочитому ущемлению одного лишь крупного купеческого капитала в начале XV в. не наблюдается.

Вместе с тем в источниках исследуемого периода можно найти ряд свидетельств терпимого отношения двора к торговле в целом, а не только к мелкой. Например, в июне 1404 г. Управление по сбору налогов в уезде Ляньцин (пров. Шаньдун) докладывало, что среди прочих причин, приведших к недостатке налоговых поступлений, имеет место сокращение притока купцов, вызванное войной и разорением. В ответ на это Чжу Ди указал, что следует добиться восстановления хозяйства и, в частности, того, чтоб туда снова стали приходить торговцы [23, цз. 31, 560]. В приказе же об основании нового города Фоти в пограничной полосе, датированном 1 октября 1414 г., среди прочего отмечалось: «Купцам из различных мест, которые пожелают прибыть туда и поселиться там, также разрешить [заниматься торговлей]» [23, цз. 155, 1789]. Как видим, вопрос об ущемлении «побочных» занятий в данных случаях не поднимался, равно как не делалось различия между мелкими и крупными купцами.

Практическое признание правительством Чжу Ди необходимости и полезности купеческого капитала ярко проявилось на примере торговли солью. Хотя, как отмечалось выше, существовала легальная частная

добыча соли, но основная ее масса сосредоточивалась в руках казны, так как соль считалась товаром, монопольно принадлежавшим ей. В ограниченных, строго нормированных количествах соль распределялась среди населения из расчета на душу населения. Но, помимо того, уже при Чжу Юань-чжане началась широкая распродажа соли купцам в обмен на зерно. В начале XV в. этот порядок закрепился и получил дальнейшее развитие.

Распродажа государственных соляных запасов при Чжу Ди использовалась главным образом как средство быстрого и мобильного создания продовольственных резервов в нужных районах. Потребность в этом возникала прежде всего в армии. Из гарнизона Пуань в Гуйчжоу, например, докладывали: «В этой местности много гор, а [пахотной] земли мало, не хватает для [организации] военных поселений. На кораблях и повозках также трудно добраться [сюда], и подвоза продовольствия из других [мест] нет. Ныне призвали купцов вносить зерно в обмен на соль для снабжения солдат» [23, цз. 216, 2159]. Военское начальство из Датун писал двор: «Продовольствие, выдаваемое [в виде рациона] и выплачиваемое [офицерам] в Датунском... гарнизоне из казенных амбаров, скоро иссякнет. Надо вербовать купцов и открывать обмен соли на зерно» [23, цз. 227, 2221]. Подобных докладов в начале XV в. можно найти в источниках довольно много. С помощью привлечения купеческого капитала создавались и запасы продовольствия для армии, отправлявшейся во вьетнамский поход в 1406 г. [23, цз. 58, 851–852].

Особую необходимость в постоянном подвозе провианта испытывали пограничные районы, где было много войск и мало земледельческого населения. Поэтому распродажа соли при условии доставки туда продовольствия постоянно практиковалась властями. В «Мин шу» по этому поводу записано: «Во времена Юнлэ потребности пограничных [районов] полностью обеспечивались [за счет зерна], полученного [от распродажи] соли. За каждый инь [соли] (208 л. — *А. Б.*) здесь брали по 2 доу 5 шэн (26 л. — *А. Б.*) зерна. Поэтому богатые торговцы [вели] большую торговлю, и все устремлялись в пограничные районы» [33, цз. 81, 1653].

Использовался обмен зерна на соль и для снабжения продовольствием новой столицы — Пекина — и ее округа [23, цз. 124, 1557; 29, цз. 80, 7265 (4)]. Наконец, эта мера практиковалась казной и

просто для получения средств при скоплении излишних запасов соли [23, цз. 33, 588]. При этом иногда плата за соль принималась ассигнациями [23, цз. 33, 588].

Государство прибегало к услугам купеческого капитала и для транспортировки соли, рассчитываясь при этом определенной долей перевозимых запасов. В 1404 г. в аппарате шести ведомств были даже разработаны нормы такой оплаты [23, цз. 28, 507].

Приобретаемая купцами соль с выгодой перепродавалась населению, так как казенные подушные нормы были недостаточны. Если бы такая торговля не давала прибыли, то государству было бы трудно привлекать купцов везти зерно в отдаленные и труднодоступные районы. Однако в источниках зафиксированы случаи, когда эквиваленты обмена не устраивали купцов. В этих случаях местные власти предлагали идти на существенное снижение расценок соли (иногда даже вдвое), делая зерновой взнос «удобным для купцов», и двор одобрял такие действия [23, цз. 139, 1676, цз. 216, 2159]. Озабоченность тем, что в некоторых местах купцы «мало выигрывают», высказывалась в специальном докладе, поданном двору Ся Юань-цзи в 1403 г. [23, цз. 15, 280].

В этой связи нужно сказать, что распродажа казенной соли торговцам велась не повсеместно и без определенной регулярности. Инициаторами здесь могли, выступать местные власти, но во всех случаях требовалась виза центрального правительства. Из-за отмеченной нерегулярности цены на соль в разных местах и в разное время могли быть различными. Как показывает сопоставление многочисленных конкретных данных, в первой четверти XV в. они колебались от 15 до 52 л зерна за 1 инь соли. Если соотношение цен в каком-либо районе становилось слишком невыгодным для казны, власти могли поднимать их [23, цз. 28, 508, цз. 36, 622–623, цз. 196, 2058]. Иначе говоря, правительство пыталось сохранять контроль за торговлей солью, ограничивая ее местом, временем и иногда регулированием цен. Но, сопоставив отдельные сообщения о распродаже соли, можно убедиться, что в рассматриваемый период эта мера практиковалась весьма часто и подчас одновременно в нескольких провинциях страны [23, цз. 15, 280, цз. 28, 508, цз. 33, 588, цз. 58, 851–852, цз. 102, 1332–1333, цз. 139, 1675–1676, цз. 154, 1784, цз. 196, 2058, цз. 216, 2159, цз. 227, 2221, цз. 244, 2299].

В целом важно подчеркнуть, что правительство было вынуждено прибегать к услугам купца в солеторговле. От этого выигрывали все заинтересованные стороны: казна быстро получала нужные ей средства, соль доставлялась нуждающемуся потребителю, торговцы обогащались. Как признавалось современниками, это было «удобно обеим [сторонам] — и казне, и народу» [23, цз. 216, 2159]. Практические выгоды перевешивали здесь негативное отношение феодальной власти к торговле, как таковой. При этом характерно, что центральная власть не останавливала участие в перекупке соли крупного торгового капитала, о чем прямо говорится в приводимой цитате из «Мин шу» по поводу пограничных районов.

Если в отношении купеческой торговли правительство Чжу Ди проявляло в целом терпимость и иногда снисходительность, то этого нельзя сказать о коммерческой деятельности феодального класса: представителей аристократии, сановников, военных чинов. Документы свидетельствуют, что их торговая инициатива осуждалась морально и пресекалась административно, вне зависимости от того, нарушали ли они установленные торговые нормативы или нет. Императорский двор руководствовался при этом неписаным правилом — «старыми государственными порядками», как гласит один из документов, — согласно чему чиновникам 4-го ранга и выше возбранялось «оспаривать прибыль у простолюдинов» [23, цз. 125, 1566]. Это подразумевало запрет на торговую, ростовщическую и промышленно-предпринимательскую деятельность. Но прибыли, приносимые этими видами деятельности, в сочетании с достатком средств и высоким социальным положением, позволявшим чинить произвол, неизбежно привлекали к этим «низким» занятиям и определенную часть феодалов. Весьма красноречиво свидетельствует об этом доклад цензора Ли Цина о состоянии дел в торговле солью, датированный 29 декабря 1410 г.: «Гуны, хоу, дуду часто приказывают своим домашним — сыновьям и внукам — торговать казенной солью. [Они] принуждают власти, транспортирующие соль, и чиновников, [управляющих] различными солеразработками, отпускать [им соль] в двойном против положенного количестве...» [23, цз. 109, 1403].

Во всех подобных случаях правительство Чжу Ди неизменно старалось действовать в соответствии с теорией, осуждавшей торговлю.

В ноябре 1405 г. Чжоу-ван получил отказ двора в ответ на просьбу организовать свою собственную торговлю лошадьми с монголами [23, цз. 59, 860–861]. В апреле 1409 г. было предписано предпринять расследование по делу советника Провинциального правления Гуанси Чэнь Шаня, обвиненного в том, что он «силой скупал людей и товары по заниженным для того времени ценам» [23, цз. 90, 1185]. В мае 1412 г. отдали под суд советника Провинциального правления Хугуана Пань Мян за то, что он «купил корабль и подряжался [перевозить] налоги, [сдаваемые] населением подведомственных [ему] волостей, чтобы любой ценой получить прибыль» [23, цз. 126, 1580–1581]. Когда в марте 1410 г. стало известно, что генерал Го И «использует для ведения частной торговли солдат из подчиненных ему учреждений», наследник престола, правивший в столице пока Чжу Ди находился в походе, приказал отобрать этих солдат из подчинения Го И и вернуть к прежним служебным обязанностям [23, цз. 101, 1319]. В феврале 1411 г. генерал Цай Фу был сослан солдатом на границу за частную торговлю казенными лошадьми [23, цз. 112, 1435]. Наконец, в июле 1416 г. по приказу двора было начато расследование по делу офицера Го Дая и цензора Ван Линь-чжуна, которые через посредников покупали поступавших для двора лошадей, а также «поддерживали [торговые] связи и вместе лукавым путем [получали] прибыль» [23, цз. 177, 1935].

Этот список можно было бы продолжить. Кроме того, в 1410 г. был обнародован манифест, официально запрещающий чиновникам 4-го ранга и выше заниматься торговлей [23, цз. 109, 1403]. Но главное здесь не в количестве имен и не в методах, а в том, что правительство неизменно отрицательно реагировало на торговую деятельность представителей феодального класса. Это являет разительный контраст с реакцией двора на спорные дела по поводу коммерческой деятельности торгового сословия, перечисленные выше. Отсюда следует, что правительство Чжу Ди в своей торговой политике пыталось четко соблюсти рамки сословности. Ущемление финансовых интересов феодалов в этой области диктовалось соображениями дальнего прицела: не допустить размывания феодальных слоев в результате обращения к торгово-предпринимательской деятельности и удержать высокий социальный престиж правящего класса, поскольку торговля теоретически относилась к «низким» занятиям.

Внутренняя торговая политика правительства Чжу Ди своеобразно преломлялась в его отношении к внешней торговле. Императорский двор проявлял определенную заинтересованность в развитии внешнеторговых связей. Одно из высказываний Чжу Ди, относящееся к марту 1405 г., свидетельствует о понимании им тех выгод, которые приносила внешняя торговля: «У пограничных застав устраивают рынки для обоюдной торговли [с иностранцами], чтобы получать от нее средства, [расходуемые] на нужды государства, [за счет] приезжающих издалека людей. Следует разрешить это» [23, цз. 39, 658]. Средства от торговли с материковыми соседними народами использовались, Например, для содержания пограничных войск. В «Мин ши» записано: «В начале [династии] Мин на востоке [страны] были рынки, [где торговали] лошадьми, на западе — [где торговали] чаем. Эти [рынки] использовались для покрытия расходов на [содержание] военных гарнизонов в пограничных провинциях» [29, цз. 81, 7270 (2)]. В данном случае подразумевается практиковавшийся в Китае обмен чая на зарубежных коней. Ведение торговли в заморских странах и поощрение прибытия в Китай купцов из далеких стран составляло одну из целей многократных экспедиций китайского флота под руководством Чжэн Хэ, начатых в 1405 г. (см. подробнее: [45, 64, 175}).

Однако, развивая внешнюю торговлю, центральная власть стремилась монополизировать ее, направить в русло государственной торговли, осуществлявшейся представителями властей на казенные средства. Для контроля над ней были созданы специальные учреждения. В августе 1403 г. в Нинбо (Чжэцзян), Фучжоу (Фуцзянь) и Гуанчжоу (Гуандун) были организованы управления торговых кораблей (*шибосы*) [23, цз. 13, 909; 29, цз. 81, 7270 (3)]. Несколько позже аналогичные управления были учреждены в оккупированном китайцами Вьетнаме и в Юньнани (хотя последняя не имела выхода к морю, она служила одним из путей сухопутной торговли с Индией и другими странами Южной Азии) [23, цз. 81, 7270 (3)]. В 1404 г. было декретировано открытие первого рынка по продаже лошадей в Ляодуне [33, цз. 5, 64]. В 1406 г. здесь был открыт второй такой же рынок. Несколько позже появился и третий, ибо «Мин ши» говорит о существовании в первой четверти XV в. трех рынков по продаже лошадей [29, цз. 81, 7270 (3)]. В 1412 г. в Шэньси организовали две таможни для торговли с иностранцами, именовавшиеся весьма

своеобразно, принимая в расчет континентальное расположение этой провинции, — таможнями Восточного и Западного океанов [23, цз. 124, 1558]. Чайные рынки, о которых упоминается в «Мин ши», находились в Сычуани.

Управления торговых кораблей занимались посреднической торговлей с приезжими иноземцами от имени казны, следили за сбором торгового налога и выдавали лицензии на торговлю иноземцев в Китае^[55]. Но конные торги и чайные рынки занимались главным образом приобретением лошадей, дефицитных в Китае (см. подробнее: [87]). Заинтересованное в привлечении иноземцев в страну, как из-за торговых выгод, так и главным образом из-за приобретения политического престижа, ибо их прибытие в Китай официально трактовалось здесь как выражение покорности и уважения китайскому трону, правительство Чжу Ди в порядке стимула допускало их частную торговлю на своей территории^[56]. В «Мин ши» по этому поводу записано: «Все заморским странам, присылавшим дань^[57], разрешалось кроме этого привозить местные товары и торговать ими в Китае» [29, цз. 81, 7270 (2) — (3)]. Иноземные послы, сопровождавшие их члены миссий и купцы широко пользовались предоставленной им возможностью.

Стремясь привлечь иноземцев в Китай, императорский двор был склонен смотреть сквозь пальцы на различные нарушения китайских законоположений о торговле, совершавшиеся прибывавшими иноземцами во время их частных коммерческих операций. Например, в январе 1404 г. двору доложили, что некоторые из них ведут недозволенную торговлю до входа в морские порты, т. е. избегая всякого контроля. Но император ответил, что применение наказаний за это может породить недоверие у иноземцев. «Поскольку будет недоверие, — продолжал он, — то впоследствии дороги [для торговцев] к нам могут [оказаться] заказанными» [23, цз. 26, 478]. И дело было оставлено без последствий. Сходные инциденты неоднократно возникали в первой четверти XV в., и правительство чаще всего проявляло здесь терпимость.

В этом же плане можно расценивать нежелание двора ограничивать иноземную торговлю в Китае излишним налогообложением. Император отмечал: «Ныне иноземцы, следуя хорошему примеру, прибывают к нам издалека. Что мы получим,

посягая на их прибыли? А убыток и ущерб великому престижу большой» [29, цз. 81, 7270 (3)]. Отмеченное попустительство интересам иноземцев в Китае привело к тому, что к лету 1412 г. создалось положение, обрисованное в источниках следующим образом: «Ныне даже иностранцам, едущим на аудиенцию ко двору, не запрещается торговать с народом» [23, цз. 129, 1597]. С точки зрения ортодоксальной идеологии это должно было выглядеть как нечто близкое к падению.

Однако, идя навстречу интересам иноземной торговли в Китае, правительство Чжу Ди пыталось всячески ограничить торговое предпринимательство своих подданных за рубежом. В начале XV в. существовал запрет на частный выезд китайцев за границы империи. Начало этой политики было положено еще при Чжу Юань-чжане. Она вошла в историю под названием политики «морского запрета», однако распространялась и на сухопутные границы. В «Да Мин люй» была включена статья «Об уходе за границу частным образом и запрете выходить в море», грозившая китайским торговцам, покидающим пределы империи, конфискацией их товаров, транспортных средств и наказанием батогами [18, 206–21а; 45, 171–172]. С 1371 г. шесть раз издавались указы, в той или иной форме запрещавшие уход китайцев в море для ведения частной внешней торговли [см. подробнее: 45, 168–173]. Запрет был в 1401 г. подтвержден и правительством Чжу Юнь-вэня [232, 52]. Правительство Чжу Ди также подтвердило его в первые же дни после своего прихода к власти — 30 июля 1402 г. [23, цз. 10 (I), 149]. Однако в еще более резкой форме он был выражен 29 февраля 1404 г.: «Последовал приказ запретить народу [иметь] морские корабли. Все имеющиеся [у него] морские корабли переделать в «тупоносые». Местным властям принять предупредительные [меры против] выхода [людей в море] и прихода [их обратно]» [23, цз. 27, 498].

В то же время еще 16 ноября 1402 г. было передано распоряжение в северо-западные пограничные районы: «По-прежнему соблюдать строгий запрет на выход [наших людей] за границу» [23, цз. 13, 242–243]. Особым распоряжением от 11 июня 1403 г. запрещалась частная торговля чаем в Сычуани, что опять-таки было направлено на ограничение здесь внешней торговли [23, цз. 20 (II), 372]. Запретительные распоряжения на выход за рубеж касались и Ляодуна [23, цз. 143, 1706].

Негативное отношение к выходу китайцев за рубеж и частной китайской зарубежной торговле составляло весьма существенную сторону внешнеторговой политики правительства Чжу Ди. При этом оно руководствовалось, во-первых, соображениями, что за границу могут уйти недовольные властями и, войдя в сговор с иностранцами, угрожать империи. Во-вторых, экономическими интересами, исходившими из стремления к монополизации внешней торговли казной.

Было бы ошибкой считать, что правительству Чжу Ди (так же как и Чжу Юань-чжана) удавалось полностью прекратить частную деятельность китайского купечества за рубежом. Различными путями торговцы добивались разрешений на выезд за границу, а еще чаще нарушали запрет, уходя без разрешения. Недаром в конце XIV в. пришлось многократно повторять запрет. То же самое наблюдалось и в начале XV в. Запрет был подтвержден в 1402 г., а в начале 1404 г. двору сообщалось: «Народ, живущий на морском побережье Фуцзяни, частным образом грузит морские корабли и вступает в связи с зарубежными странами» [23, цз. 27, 498]. В равной мере не достигло цели и новое строгое подтверждение запрета в 1404 г. Уже в январе 1406 г. Цензорат докладывал о самовольной покупке простонародьем кораблей и использовании их для морских перевозок товаров [23, цз. 49, 742]. Аналогичной была ситуация и на сухопутных границах. В марте 1408 г. главнокомандующий войсками в Ганьсу Хэ Фу докладывал: «Многие солдаты из различных гарнизонов... частным образом уходят за границу и покупают там лошадей» [23, цз. 76, 1035].

В общем и целом, несмотря на сдерживание торговой инициативы китайского купеческого капитала за рубежом, внешняя торговля страны в начале XV в. получила дальнейшее развитие по сравнению с предшествующим столетием. Особенно активизировалась морская торговля, в которой, однако, в рассматриваемый период преобладало казенное, централизованное начало. В 1406 г. из Гуандуна докладывали, что заморских товаров поступает столько, что не хватает средств для доставки их в столицу [17, цз. 89, 49a]. В мае 1407 г. все чиновники империи получили от двора подарки зарубежными тканями [23, цз. 65, 924]. А в октябре того же года различным гражданским и военным чинам даровали привозной черный перец [23, цз. 71, 995]. Сохранилась запись, могущая в общем характеризовать внешнюю

торговлю начала XV в.: «Удивительные товары и огромные драгоценности, прежде мало встречавшиеся в Китае, переполнили казну и рынки. Бедный люд получил распоряжение (читай: «разрешение». — *А. Б.*) покупать их, и многие разбогатели на этом. А нужды государства также с избытком удовлетворялись [благодаря этому]» [172, 101].

Итак, если говорить об общей ситуации в торговой политике китайского правительства в начале XV в., то следует констатировать, что практически она была не столь непримирима, как этого можно было бы ожидать исходя из теоретического осуждения торговли. Несмотря на существование различных ограничений (характерных для всего феодального периода в Китае), торговля встречала легальное признание и даже снисходительно-благожелательное отношение правительства Чжу Ди. Строго пресекалась лишь коммерческая деятельность высших слоев господствующего феодального класса, а также частная торговля китайцев за пределами империи. В то же время центральная власть не была намерена выпускать торговлю из-под общего контроля, что заметно проявилось на примере перепродажи соли и особенно внешней торговли. Тем не менее отмеченная терпимость в политике правительства Чжу Ди по отношению к торговле, несомненно сыграла свою положительную роль для ее дальнейшего развития.

Финансовое положение в империи в начале XV в.

Картина регулирования правительством Чжу Ди ремесла и торговли будет не полной, если не сказать несколько слов о финансовой системе рассматриваемого времени. Последняя в общих чертах сохраняла образцы и нормы, введенные в конце XIV в. Основным в финансовой системе Китая конца XIV — начала XV в. было параллельное употребление ассигнаций и медной монеты. Медные (меньше железные или оловянные) деньги издревле являлись основным платежным средством и средством обращения. Ассигнации появились в XI–XIV вв. В 1374 г. было приказано приступить к печатанию минских ассигнаций, которые в следующем году были выпущены в обращение [29, цз. 81, 7268 (2)]^[58].

Одновременно был издан запрет на использование частными лицами золота и серебра в качестве платежного средства [160, 3]. Правительство предполагало сделать ассигнации основой финансовой системы. С этой целью во второй половине царствования Чжу Юаньчжана литье медной монеты было сокращено [139, 425]. Однако, несмотря на все старания внедрить в обращение ассигнации, их курс начал падать вскоре же после выпуска. Ся Се по этому поводу отмечает: «С момента введения закона об ассигнациях установился порядок, что в торговле народом принимаются равно и монета, и ассигнации. Однако большинство торговцев ценили монету и пренебрегали ассигнациями» [24, цз. 14, 626]. Ко времени воцарения Чжу Ди ассигнации были сильно обесценены [176, 79]. Они постепенно выходили из обращения. Создавалась ситуация, весьма лаконично определяемая источниками: «Закон об ассигнациях не действовал» [33, цз. 81, 1643]. Поэтому правительство Чжу Ди с первых лет начинает предпринимать меры к насильственному внедрению ассигнаций в обращение. 10 мая 1403 г. был подтвержден запрет на использование в торговле золота и серебра и запрещено частным образом менять ассигнации на драгоценные металлы [23, цз. 13, 901; 33, цз. 81, 1643]. Императорский двор так объяснял данную меру: «Это связано с тем, что при одновременном использовании в народе и серебра, и

ассигнаций, как правило, высоко ценится серебро и низко ценятся ассигнации. Поэтому запрещено обменивать их» [23, цз. 29,518]. Однако это подрывало возможность установления серебряного стандарта ассигнаций, что могло бы предотвратить дальнейшее их падение в цене. Правительство Чжу Ди, как видно, не могло предугадать этого и избрало другой путь поддержания курса ассигнаций.

Актом от 10 мая вводился порядок обмена ассигнаций: все истертые и порванные банкноты разрешалось обменивать в казне на новые [24, цз. 14, 627]. В этой связи нужно отметить, что еще раньше, в декабре 1402 г., Чжу Ди отклонил предложение Ся Юань-цзи изменить тип ассигнаций и проставлять на них новый девиз правления Юнлэ. Чжу Ди мотивировал это тем, что он намерен во всем следовать политике своего отца и поэтому менять девиз Хунъю на ассигнациях не обязательно [23, цз. 14, 260]. Однако на деле этот шаг преследовал более практические цели. Сохранение старого типа ассигнаций позволило оставить в обращении всю массу выпущенных банкнот и одновременно не давало возможности определить, сколько банкнот напечатано новым правительством.

В соответствии со стремлением правительства Чжу Ди наладить обращение ассигнаций находится и то, что в первые годы после его прихода к власти не отливалась медная монета.

Но усилия властей в отмеченном направлении по-прежнему во многом оставались тщетными. Изгнать драгоценные металлы из торговли не удавалось. Источники фиксируют случаи нарушения запрета на пересчет ассигнаций в серебро и на использование серебра в торговле [23, цз. 23, 424, цз. 27, 497, цз. 29, 518]. 22 мая 1419 г. правительство вновь подтвердило упомянутый запрет [23, цз. 211, 2134]. Однако драгоценные металлы, и в особенности серебро, занимали в описываемое время уже довольно прочное место в торговле, и остановить этот процесс было невозможно. Ко второй половине 20-х годов XV в. они вновь практически оттеснили ассигнации, а после 1436 г. запрет на использование в торговле золота и серебра был отменен [139, 429).

Не удалось правительству и наладить обмен негодных ассигнаций на новые. Ся Се писал по этому поводу: «Получить годные [к употреблению} ассигнации было трудно. Поэтому, хотя

[подтвержденный] старый закон и был строг, но запрет не действовал» [24, цз. 14, 627]. Уже с 1404 г. ассигнации начали вновь, как и в конце XIV в., падать в цене [176, 79].

Некоторые представители правящих кругов довольно четко представляли себе причины этого явления. Цензор Чэнь Инь, например, докладывал двору 25 сентября 1404 г.: «В последние годы порядок [выпуска] ассигнаций не соблюдается. Это связано с тем, что императорский двор выпускает слишком много ассигнаций и закупает [на них] урожаи. Отсутствие порядка приводит к тому, что вещи дорожают, а ассигнации обесцениваются» [23, цз. 33, 589]. В связи с этим Чэнь Инь предлагал приступить к изъятию лишнего количества ассигнаций путем распродажи населению казенной соли. Это предложение также было одобрено, но при его осуществлении стали брать с народа цену в ассигнациях гораздо большую, чем предписывалось [34, цз. 20, 2960]. Поэтому данное мероприятие успеха не имело.

Правительство Чжу Ди само было вынуждено считаться с обесцениванием ассигнаций, фактически признавать его и тем способствовать его закреплению. Например, еще в 1402 г. оно перешло на выплату определенной части жалованья чиновников в ассигнациях. По предложению Ведомства налогов в октябре этого же года тем, кто ранее получал все жалованье рисом, стали половину выплачивать ассигнациями, а тем, кто получал рисом лишь половину, — целиком платить ассигнациями [23, цз. 12 (I), 210]. В декабре были установлены новые правила: жалованье рисом полагалось выплачивать лишь титулованной аристократии, чиновникам 1-го и 2-го ранга платить ассигнациями $\frac{2}{5}$ жалованья, 3-го и 4-го ранга — $\frac{1}{2}$, 5-го и 6-го — $\frac{3}{5}$, 7-го и 8-го — $\frac{4}{5}$, 9-го ранга — целиком ассигнациями из общего расчета 10 гуаней вместо 1 дани риса [23, цз. 15, 271]. Тем самым увеличивалась масса обращающихся ассигнаций и уменьшалась товарная продукция. Но казне эта операция была выгодна именно благодаря обесцениванию ассигнаций.

В главе о политике в деревне уже отмечалось, что замена натурального налога выплатой ассигнациями официально расценивалась как поощрение населению и применялась в случае стихийных и прочих бедствий. В отношении признания правительством! реального обесценивания ассигнаций показательна

следующая реляция Военного ведомства по поводу одной из просьб о выплате недоимок в ассигнациях: «Если дать приказание полностью возместить задолженность ассигнациями, то боимся как бы народ не обленился» [23, цз. 185, 1986]. Иначе говоря, ассигнации не представляли собой достаточно реальную ценность для самих выпускавших их властей.

Известным отступлением правительства Чжу Ди от всемерного внедрения ассигнаций можно считать начало литья медной монеты в августе 1412 г. [23, цз. 130, 1608]. (По другим данным это относится к 1408 г. [139, 425].)

Но тем не менее вплоть до самого конца царствования Чжу Ди властям удавалось сохранить ассигнации в обращении. Правда, в 20-е годы XV в. их хождение было уже сильно ограничено. В сентябре 1422 г. сам император признавал: «Ныне на рынках берут лишь новые ассигнации. [Если] бумага чуть обмякла — не берут» [23, цз. 251, 2350]. И хотя власти пытались под страхом смертной казни заставить принимать все ассигнации и только ассигнации, это не могло остановить общую тенденцию к их обесцениванию и замене драгоценными металлами.

Налоговые поступления ассигнациями, несмотря на временные спады, в целом обнаруживали в первой четверти XV в. довольно четкую тенденцию к возрастанию. С 4,6 млн. динов в 1402 г. они поднялись до 51 млн. динов к 1421 г. Это отражало отмеченную выше тенденцию к увеличению массы обращающихся ассигнаций и их обесцениванию.

Одновременно росли и налоговые поступления драгоценными металлами. Сумма серебра с 80 тыс. лянов в 1403 г. поднялась до 200 тыс. лянов к 1406 г. и затем держалась на уровне 200–300 тыс. лянов. Золото же в течение 1403–1413 гг. приобретает казной в виде фиксированной суммы в 50 лянов. Но с 1416 г. происходит резкий скачок — до 1210 лянов, а в 1417 г. — до 3660 лянов. В дальнейшем вплоть до 1424 г. цифра его поступлений уже не опускалась ниже 1 тыс. лянов, а в 1423 г. достигла 5340 лянов (сост. по: [23]). Это свидетельствует о пробуждении интереса казны к приобретению золота с середины 10-х годов XV в., что вполне согласуется с отмеченной выше тенденцией укрепления роли драгоценных металлов в торговле в ущерб ассигнациям.

В заключение надо сказать, что в первой четверти XV в. в денежном обращении значительная роль еще принадлежала таким товарным эквивалентам, как рис и ткани. Очевидно, именно это не давало отмеченному выше процессу обесценивания ассигнаций привести финансовую систему к полному краху.

Глава IX

Подавление народных движений и национальная политика в первой четверти XV в.

Основные методы борьбы правительства Чжу Ди с социальным протестом народных масс

Среди китайских историков нет единого мнения в оценке социальных движений народных масс в Китае в начале XV в. Лян Фанчжун отмечает, что «в начале периода Мин социальное положение было сравнительно спокойным» [135, 102]. Напротив, авторы труда под редакцией Шан Юэ пишут: «Уже со времен царствования Чэн-цзу непрерывно вспыхивают довольно крупные крестьянские восстания» [98, 466]. К последнему мнению присоединяется и Ч. О. Хакер, который считает, что восстания в течение всего периода Мин шли непрерывно, даже в самые «спокойные» периоды [213, 74]. В связи с этим) встает вопрос, насколько значительны были народные движения в стране в первой четверти XV в. и какое отражение они имели в социальной политике правительства Чжу Ди.

Известно, что время правления Чжу Юань-чжана не было годами классового мира. По подсчетам исследователей, за эти 30 лет произошло 110 крестьянских выступлений против властей [165]. Правда, как отмечает Н. П. Свистунова, ни одно из них не переросло в крупное восстание [105, 46]. В этом, несомненно, сказалось некоторое облегчение положения широких масс населения страны после мощного народного движения середины XIV в. Сам же факт крестьянских волнений в конце столетия можно считать реакцией на восстановление и закрепление жестоких форм феодальной эксплуатации победившей группировкой Чжу Юань-чжана.

Не прекращались народные движения и в годы нахождения у власти правительства Чжу Юнь-взя (в частности, в районе современных провинций Цзянсу, Аньхой, Цзянси, Фуцзянь и Гуанси-Чжуанского автономного района, а также Шэньси) [23, цз. 94, 1253, цз. 112, 1429]. Но они также не переросли в крупные восстания. Даже война «Цзиннань», непосредственно ложившаяся тяжким бременем на плечи народа в половине провинций империи Мин и косвенно отражавшаяся на положении населения всей страны, не привела к новой вспышке сколько-нибудь широкого движения социальных низов. В использованных в данной работе источниках удалось обнаружить

лишь один случай, который можно истолковать как активный протест народа, порожденный войной. В августе 1401 г. в районе Баодина-Ичжоу, когда здесь развернули действия правительственные войска под командованием Фан Чжао, отдельные представители местных жителей попытались создать нечто вроде отрядов самообороны. Официальный источник сообщает, что местные «темные» люди, самочинно называясь генералами и офицерами, призывали народ уходить в горы, строить там укрепления и «угрожать» оттуда [23, цз. 8, 101]. О социальной сущности этого движения говорит тот факт, что источник, составленный с позиций, отвечавших интересам Чжу Ди — противника Фан Чжао в этой войне, называет инициаторов сопротивления «темными», плохими людьми. Следовательно, они «угрожали» не только правительственной армии, но и существующему порядку в стране в самом широком смысле.

Однако отмеченное движение не получило дальнейшего распространения [23, цз. 8, 101]. Причины этого надо искать в упомянутой общей пассивности народных масс во время войны «Цзиннань», не затрагивавшей их коренные интересы, а также в том, что вплоть до рубежа XIV и XV вв. все еще продолжали сказываться результаты народного движения середины XIV в., в известной мере снявшего, хотя и на время, остроту классовых противоречий в стране.

Сразу же после окончания войны, когда ее разрушительные последствия сказались в полной мере, а в положении народа со сменой правящей верхушки не произошло никаких коренных изменений, социальное движение низов начинает усиливаться. Одной из форм социального протеста было бегство крестьян с земли, солдат из гарнизонов и военных поселений, ремесленников с места принудительных работ. Этот вопрос уже освещался в предшествующих главах. Поэтому нет надобности останавливаться на нем подробно. Здесь важно отметить лишь следующее: несмотря на пассивность этой формы социального протеста, данное явление вызывало постоянную тревогу правительства не только с экономической точки зрения (ибо бегство приводило к сокращению доходов казны), но и как один из возможных каналов роста активного сопротивления властям.

Действительно, среди беглых были не только те, кто просто переселился, уходя из-под контроля властей, но и те, кто пытался объединиться в отряды и отстаивать себя и свои права. В источниках

есть немало свидетельств этому. Летом 1403 г. в связи с донесением о поимке беглецов, ушедших на острова близ берегов Китая и занимавшихся там «разбоем»^[59], император спросил, много ли вообще беглых, которые «организовали банды и не вернулись под покровительство властей». Ему ответили, что таких много [23, цз. 21, 390]. В начале 1412 г. начальники ведомств докладывали, что из беглого люда собираются шайки, занимающиеся «недобрым» делом [23, цз. 123, 1546]. Наконец, в марте 1418 г. из Хугуана поступили сведения, что среди скрывающихся в уезде Жуян беглецов есть такие, которые «имели разногласия с властями, подрывали власть и вредили народу, шли плохим путем и сеяли смуту в народе, бесчинствовали и грабили» [23, цз. 197, 2067].

Императорский двор старался не делать различий между беглыми «разбойниками» и прочими беглецами. Их неизменно стремились вернуть на прежнее местожительство, к прежним занятиям. При этом не только гарантировалось прощение, но и оправдывалась избранная беглыми «разбойниками» форма протеста. Возьмем для примера императорский манифест, обращенный к людям, бежавшим за море, от 15 апреля 1406 г. Он гласил: «Все вы — хорошие люди. Из-за того, что [вы] не смогли вынести грабеж и притеснения местных властей, [вы] бежали на острова за море и кое-как существуете за счет разбоя. [Вы] бежали далеко, потеряли [свое] хозяйство... [Но вы] думаете о возвращении в [свои] деревни, однако, боясь наказания, не осмеливаетесь... Все совершенные вами прежде преступления прощаются... [Вы] должны вернуться [в свои] деревни и заняться хозяйством. Не питайте в душе подозрений. Обдумайте это, чтобы потом не раскаиваться» [23, цз. 52, 787]. Примерно по той же схеме строились и другие документы подобного рода.

Однако власти, очевидно, не всегда соблюдали свои обещания. Например, после того как, получив «высочайшее прощение», бунтари из Хугуана в марте 1418 г. пришли с повинной, все «подрывавшие власть» получили «наказание по закону» [23, цз. 197, 2062].

Иногда социальный протест мог выражаться в «ропоте и злословии». Об этом упоминается, в частности, в связи с развертыванием строительных работ в Пекине в конце 1408 г. [23, цз. 86, 1140]. Весьма характерно, что официальные инстанции были склонны оправдывать такое явление. Они писали императору, что люди

«смутянятся», так как попадают в «трудное положение» [23, цз. 86, 1148]. Выход из этого как центральные, так и местные власти видели в некотором облегчении их положения.

Самой распространенной формой социального протеста в начале XV в., как и прежде, оставались народные восстания. Они прослеживаются с первых и до последних лет правления Чжу Ди. В августе 1402 г. зафиксированы волнения в Хэнани, в сентябре и октябре — в Цзянси, в октябре 1403 г. — на северо-востоке провинции Бэйцзин, в 1403–1404 гг. — в Цзянси, в январе 1405 г. — в Чжэцзяне, в марте того же года — в Гуанси и в Фуцзяни, в августе — в Шаньси, в январе-феврале 1406 г. — в Хэнани, в 1406–1407 гг. и в апреле 1408 г. — в Цзянси, в сентябре 1409 г. — в Шэньси, в октябре того же года — в Хугуане и Цзянси, в апреле 1410 г. — в Шаньси, в январе 1411 г. — в районе нижнего течения Янцзы, в Фуцзяни и Гуанси, в 1415–1417 гг. — в Чжэцзяне, в феврале-мае 1416 г. — в Шаньси, в июне-октябре 1417 г. — в Фуцзяни, в июне 1418 г. — в Бэйцзине, в феврале 1419 г. — в Цзянси, в апреле 1420 г. — в Шаньдуне, в январе 1421 г. — в Бэйцзине, в марте 1424 г. — в Чжэцзяне, в июне того же года — в Чжэцзяне и Фуцзяни. Самыми крупными среди них были движения 1403–1404 гг. в Цзянси, 1417 г. — в Фуцзяни и 1420 г. — в Шаньдуне.

Эти почти непрерывные волнения не могли не беспокоить правительство Чжу Ди. Если присовокупить к ним другие, вышеназванные формы протеста, то вряд ли можно считать социальную обстановку описываемого времени спокойной, как полагает Лян Фан-чжун^[60]. Недаром выше отмечалось, что в своей политике по отношению к бюрократическим слоям господствующего класса и политике в деревне Чжу Ди и его окружение учитывали постоянную опасность народного возмущения. Правда, социальное положение в начале XV в. характеризовалось несколько меньшей остротой, чем в конце XIV в. Это следует даже из простого количественного сопоставления числа восстаний (за 23 года правления Чжу Ди их было 29, а за 30 лет царствования Чжу Юань-чжана — 110). В связи с этим, а также благодаря тому, что события середины XIV в. постепенно отодвигались все дальше в глубь времен, должен был несколько утихнуть страх императорского правительства перед возможностью повторения такого же, как тогда, широкого народного

движения. Но утихнуть — это не значило исчезнуть совсем. Отзвуки этих опасений, несомненно, сохранялись и при Чжу Ди.

Какой тактики придерживалось императорское правительство в начале XV в., стремясь совладать с народным движением?

Во-первых, центральная власть старалась по мере возможности предотвратить выступления низов. Это сказывалось в отмечавшейся выше политике «заботы о народе»: частичной отмене налогов, переселении на свободные земли, попытках пресекать злоупотребления местных властей, возвращении беглых к хозяйствованию. Но наряду с этим спокойствие народных масс поддерживалось и строгим контролем. За лояльность населения отвечала общинная верхушка и местные власти. За этим же должны были следить цензоры и прочие эмиссары двора, направляемые в различные уголки страны с инспекционными смотрами. Покорность народа должна была обеспечиваться и армией через упоминавшихся «военных наместников». Наконец, среди прочих профилактических мер против народных волнений интересен приказ от 19 февраля 1404 г., предписывавший населению всей страны «сдать в казну все оружие, разбросанное и утерянное солдатами за последние годы и спрятанное населением» [23, цз. 27, 494].

Правительство стремилось к тому, чтобы все накопившееся в народе недовольство направить в русло официальных жалоб по служебным инстанциям. Весьма важным свидетельством в этом отношении является высказывание Чжу Ди от 26 января 1411 г., обращенное к начальнику Военного ведомства Фан Би-ню. В этом высказывании рисуется целая программа борьбы с народными движениями. В плане же предотвращения волнений император предлагал довести до сведения населения следующее: «Если местные власти [будут] раскладывать дополнительные налоги, незаконно [причиняя народу] бедствия, или же если сильные дома, опираясь на [свое] могущество, [будут] обирать слабых, то разрешается идти в местные государственные учреждения и подавать подробные жалобы на всех — и высших и низших. Если же [ничего] не будет исправлено, то разрешается подавать великий рескрипт (*дагао*) — идти в столицу и [подавать] подобную жалобу [на имя императора]. Если в деревенской общине появятся люди, упорствующие во зле, которым нельзя доверять и которые занимаются подстрекательством, то доброму и хорошему

местному [люду] разрешается хватать их и передавать властям. Императорский двор будет соответственно дополнительно награждать за это. Разве не преодолеем [мы таким путем] тех, кто из-за бед поневоле идет на злые дела? [Если все] окажутся в состоянии блюсти мои наставления, [то] установится вечное спокойствие. При нарушении же их произойдут беды, которые не наверстать последующим раскаянием!» [23, цз. 112, 1429–1430].

Как видим, легальный путь преодоления недовольства, предлагаемый императором, отнюдь не исключал расправы с непокорными зачинщиками бунтов. Обращает также внимание выраженное здесь стремление правительства не только разрешать конфликты между населением и местной властью, но и выступать посредником в преодолении противоречий между «слабым народом» и «сильными домами», т. е. классовых противоречий в их самом чистом виде. Но, естественно, предлагаемый путь легальных жалоб не мог дать ожидаемых результатов и привести к «становлению вечного спокойствия». Парадокс заключался хотя бы в том, что первая жалоба — в нижние инстанции — попадала практически в руки обидчиков (в случае виновности местных властей — непосредственно, а виновности «сильных домов» — опосредованно, ибо последние были многими нитями связаны с местной властью). Имея такое предупреждение, местные инстанции вполне могли позаботиться, чтобы жалоба не пошла выше. Поэтому нарисованный идеал преодоления народного недовольства выглядит довольно утопичным.

Во-вторых, если не удавалось предупредить возникновение волнений, то императорское правительство стремилось использовать метод уговоров. Он сводился к предложению прекратить сопротивление при условии «прощения» восставших властями. Такого рода увещевание производилось через специальных парламентариев, снабжаемых соответствующими императорскими указами. «Прощение» даровалось на тех условиях, что повстанцам «отныне следует быть послушными [установленным] двором законам и правилам и все налоги и повинности нести в полной мере наравне с [остальным] народом» [23, цз. 112, 1429].

О том, какими соображениями руководствовались власти, прибегая к тактике уговоров повстанцев, дает довольно четкое представление доклад ближайших советников Чжу Ди — Ян Жу-на и Цзинь Ю-му от

17 июня 1424 г. Этот доклад, защищавший метод увещевания, гласил: «Это все темный народ, который либо по своему неразумию, либо из-за притеснений местных властей, либо ввиду нехватки пищи и одежды не смог вытерпеть и бежал, укрывшись в лесах и горах, лишь кое-как влача свое существование с утра до вечера. Если обойтись с ним милостиво и успокоить его, он должен разойтись [по домам]» [23, цз. 271, 2454–2455].

Надо сказать, что этот метод, как правило применявшийся наряду с угрозой военного подавления восставших, подкрепляемой реальным стягиванием к месту бунта карательных отрядов, зачастую давал нужные правительству результаты, и повстанцы сдавались. Но так было далеко не всегда. К тому же метод уговоров применялся отнюдь не при каждом восстании. Для посылки парламентаров с увещеваниями требовалось заручиться разрешением из центра, а местные власти часто не были склонны докладывать в столицу о восстаниях, пока не пытались своими силами справиться с ними. Да и правительство действовало по обстоятельствам и не всегда настаивало на предварительных уговорах. Но все же, по крайней мере официально (чтобы не терять лица), оно предпочитало прибегать к подобной тактике.

В связи с последним из отмеченных аспектов характерно, что почти все распоряжения правительства Чжу Ди местным властям и генералам, подавлявшим восстания, содержат определенное оправдание повстанцев. Указ от 27 января 1406 г. для войск, выступавших против повстанцев в Хэнани, например, гласил: «Разбойники по существу хорошие люди, однако местные власти не смогли [их] умиротворить. Из-за чрезмерной жестокости и бед [простые] люди становятся разбойниками. Разве сами они не жалеют своей собственной жизни? Ведь [они] становятся [разбойниками] из-за невыносимых [условий жизни]» [23, цз. 50, 748]. Эта мысль развивается императором и в упомянутом высказывании от 26 января 1411 г. Здесь, однако, общие причины народного недовольства связываются непосредственно с конкретной исторической обстановкой. Чжу Ди говорил: «Во времена [эры правления] Цзиньвэнь налоги и повинности были многочисленны и тяжелы. В Лянцзяне (район современных провинций Цзянсу, Аньхой и Цзянси. — А. Б.), Гуанси и Фуцзяни было много разбойничьих шаек, которые чинили мятежи и наносили ущерб сельским общинам. Как

только я вступил на престол, [я] не [мог более] терпеть [методы] вылавливания и уничтожения, а послал чиновников с призывными императорскими манифестами, [гласившими, что] все они, если послушаются, могут вернуться к [своему] хозяйству. Ныне Поднебесная успокоена. Императорский двор уже укрепил устои государственного, установил законы и правила. Все еще беспокоюсь, что [некоторые] темные люди, не зная радости от того, чтобы быть хорошими, или же из-за жестокого обращения местных властей или обираний и притеснений со стороны богатей, не могут больше терпеть, уходят в леса и горы, собираются в разбойные шайки и грабят. Согласно законам, [они] непременно должны быть искоренены. Однако... разве у этих [разбойников] нет хорошего в душе? Надо заблаговременно вразумлять [их]» [23, цз. 112, 1429].

В реляциях двора в сентябре и октябре 1402 г. по поводу восстаний в Цзянси социальный протест населения также оправдывается вполне конкретными причинами: утяжелением налогового бремени во время войны «Цзиннань» [23, цз. 11, 183–184, цз. 12 (I), 209]. Одна из реляций, в частности, гласила: «На протяжении нескольких лет народ страдал от дополнительных военных налогов, нищал и угнетался чрезмерными поборами [по каждому] малейшему [поводу]» [23, цз. 12 (I), 209].

Однако понимая причины, толкавшие народ к восстаниям, императорская власть была не в состоянии устранить их. Для этого потребовалось бы изменить всю систему феодальной эксплуатации. Поэтому правительство стремилось переложить вину за тяготы населения на местные власти, изобразить причины возмущений в виде отдельных, как мы бы сказали, перегибов местных властей и богатей. Само существование установленной структуры управления и наличие «сильных домов» отнюдь не ставилось под сомнение. Суть проблемы виделась правительству в том, чтобы сделать отношения между народом и местными властями и богачами «правильными». Отсюда во многих документах, касающихся народных движений, содержится укор в адрес местных властей за неумение хорошо обращаться с народом, а повстанцам предлагается вернуться к своему хозяйству на прежних условиях и начать жизнь с нуля без какого-либо облегчения их прошлого положения. Все это ослабляло позиции правительства при использовании им метода уговора повстанцев.

В-третьих, используя тактику увещевания, центральная власть ни в коей мере не отказывалась и от применения военной силы для умирения восстаний. Ч. О. Хакер писал по этому поводу: «Если это было необходимо для сохранения власти правительства, то оно без малейших колебаний прибегало к военной силе» [213, 74–75]. Это положение он высказывает применительно ко всему периоду Мин. В полной мере оно может быть отнесено и к началу XV в. В ноябре 1411 г. чиновник службы проверки Ни Цзюнь обвинил одного из тысячников в том, что тот двинул войска против восставших без запроса разрешения на это из столицы. Император ответил: «Государство возвращает военных начальников, чтобы выкорчевывать лукавцев. Когда в народе появляются разбойники в пределах [контроля] военного гарнизона, тысячники могут повести войска и изловить их, чтобы избавить народ от грабежа и гнета. Тем самым они поистине полностью выполняют свои обязанности. Если же обязательно дожидаться ответа на доклад [двору], а лишь затем посылать войска, то, [послав] малые [силы], потеряем их, [послав] большие, затратим много усилий и это принесет большие беды народу...» [23, цз. 120, 1517]. В результате Ни Цзюнь был смещен с должности «за проявление боязни».

Мысль о том, что народные движения лучше подавить в зачатке, так как это потребует гораздо меньше жертв и усилий, чем впоследствии, развивалась императором перед сановниками Военного ведомства и в январе 1406 г. [23, цз. 50, 746–747]. Естественно, что при описанном подходе к применению военной силы против восставших подавление весьма часто предпринималось без предварительного увещевания. Использовали войска и в случае неудачи уговоров повстанцев сдаться и разойтись. В этом случае правительство настаивало на самых решительных действиях. Инструкция командующему войсками, действовавшими против повстанцев в Цзянси в марте 1404 г., например, гласила: «Ты можешь отобрать 3 тыс. отборных солдат и нанести прямой удар по разбойничьему логову, чтобы захватить и уничтожить находящихся там. Нельзя проявлять мягкосердечия, чтобы остальной народ боялся» [23, цз. 28, 503].

В итоге военная сила применялась для подавления большинства восстаний, зафиксированных источниками в первой четверти XV в.

В-четвертых, разворачивая военные действия против внутреннего врага, правительство Чжу Ди стремилось локализовать их лишь

местопребыванием повстанцев и не допускать распространения карательных мероприятий на окрестное население. Такого рода опасность существовала в связи с произволом, чинимым солдатами того времени при любых военных действиях. В условиях карательной экспедиции она еще более усиливалась. Примером пристального внимания центральных властей к этому вопросу служит дополнение к цитированной выше инструкции войскам в Цзянси в марте 1404 г. Оно предписывало: «Ныне направлены войска захватить и искоренить [разбойников]. Беспокоюсь, что командиры и солдаты, [пытаясь] разыскать [их] всех, не будут проверять, где истина, а где ложь. [Будут] злоупотребления и несчастья. Настоятельно следует предостеречь [солдат]. Если кто ошибочно нанесет ущерб хоть одной семье доброго и хорошего [люда], а также безрассудно захватит хоть одну жену или наложницу, [хоть] одного ребенка, то таковых приказано рассматривать как разбойников и всех осуждать как серьезных преступников... Должно [издать] строгий и настоятельный предупредительный приказ, запрещающий наносить вред доброму и хорошему [люду]» [23, цз. 28, 503–504].

Другой аналогичный по смыслу указ, направленный в апреле 1420 г. Лю Шэну, посылаемому командовать карателями в Шаньдуне, позволяет судить о типичных для Китая того времени бесчинствах солдат. Указ гласил: «Ныне тебе приказано командовать войсками при искоренении разбойников. [Я] действительно хочу искоренить зло, чтобы доброму и хорошему [народу] было спокойно. Следует строго ограничить солдат приказами, запрещающими вырубать тутовые деревья, разбирать и сжигать дома и жилища, разрывать могильные курганы, убивать и причинять вред одиноким и слабым, грабить имущество и скот, притесняя тем самым простой народ» [23, цз. 223, 2197].

Эта забота о «хорошем и добром» народе отнюдь не была вызвана филантропическими чувствами двора. За ней скрывалось вполне реальное опасение, что вмешательство армии с неизбежным при этом произволом может вместе с тем подлить масло в огонь народного возмущения и вместо подавления привести к расширению масштабов восстания. Этот мотив хорошо прослеживается на примере уже упоминавшегося указа от 27 января 1406 г. для карательной экспедиции в Хэнани. Указ предостерегал: «Прибытие [к месту бунта]

правительственных войск непременно [вызовет там новые] тяготы для безвинных [людей]. Все вы в ваших действиях должны прежде всего оберегать народ. Не усугубляйте его трудностей!» [23, цз. 50, 748]. Как отмечали Ян Жун и Цзинь Ю-му в цитированном выше докладе, «применение оружия влечет за собой неизбежное распространение несправедливости на хороших и добрых» [23, цз. 271, 2455]. Правительство Чжу Ди, используя войска против повстанцев, вместе с тем стремилось ограничить до минимума названный нежелательный побочный эффект карательных экспедиций.

В-пятых, после усмирения восстаний правительство Чжу Ди старалось не прибегать к массовым наказаниям. Соблюдались различия между «главарями» и прочими «разбойниками», а также между повстанцами и «примкнувшим» к ним народом. Руководителей движения, как правило, ждала казнь, рядовых повстанцев — легкие наказания либо снисхождение, а «примкнувших» обычно прощали. Требования соблюдать градации в обращении, с усмирёнными и схвачёнными повстанцами содержатся в целом ряде документов. В инструкции для карателей в Цзянси в марте 1404 г. они сформулированы так: «Если схватите разбойников [живьем], должно особенно тщательно расследовать: если они действительно в прошлом творили злодеяния, то отправлять [их] под конвоем в столицу, если же [это] попавший вместе [с ними] мирный люд, то отпускать [его] с миром по домам» [23, цз. 28, 503]. При расправе с участниками восстания в Хэнани в 1406 г. руководствовались указаниями императора: главарей бросали в тюрьму, не наказывали тех, кто «не упорствовал и осознал великий долг», объявляли прощение всем разбежавшимся [23, цз. 50, 755–756]. Наконец, приказ командиру карателей в Чжэцзяне Се Лу в марте 1424 г. гласил: «Злостных главарей разбойников только лишь несколько человек, непременно казни их. Среди остальных примкнувших и последовавших [за ними] следует делать различия» [23, цз. 268, 2428].

Главарей казнили в назидание остальным. Об этом прямо говорится в приказе командующему подавлением восстания в Шаньси в 1416 г. Цзинь Юю: «Можно осудить лишь их предводителя, чтобы показать, что зло [будет] наказываться» [23, цз. 176, 1923]. К большинству же «разбойников», зная причины, толкавшие народ к восстанию, правительство было склонно подходить, как к людям,

которых можно превратить в «хороших» [23, цз. 58, 846]. Надо полагать, что подобная тактика в целом должна была способствовать успешной борьбе властей с народными восстаниями.

Однако это не значит, что правительство Чжу Ди вообще не применяло крутых мер против поверженных повстанцев. Все зависело от степени опасности, которую представляло для него то или иное восстание. Так как большинство восстаний начала XV в. не были значительными, власти подходили к их участникам снисходительно. С повстанцами же наиболее крупного восстания того времени — в Шаньдуне в 1420 г. — правительство расправилось довольно решительно: «главарей» и около 4 тыс. повстанцев казнили, а прочих участников выслали в солдаты на границу [23, цз. 223, 2200–2201].

Надо также учитывать, что предписания центра не всегда соблюдались теми, кто руководил подавлением восстаний на местах. В азарте борьбы они не только жестоко расправлялись с повстанцами, но не щадили и население близлежащих районов. В этом отношении показательны действия чиновника Службы проверки Чжу Чжао, подавлявшего восстание в Цзянси в начале 1407 г. Для осады лагеря восставших он согнал 1500 окрестных жителей. Когда же окружение было прорвано повстанцами, Чжу Чжао обвинил пригнанных в попустительстве «разбойникам» и учинил расправу над ними. По его приказу многих из них и других окрестных жителей казнили либо бросили в тюрьмы, где погибло около 3300 человек [23, цз. 77, 1049–1050].

О характере народных движений в первой четверти XV в.

Источники весьма скупо освещают вопрос о характере восстаний начала XV в., об их социальной программе. Зачастую говорится о «разбойных шайках», которые «грабили». Нет сомнения, что элемент разбойной вольницы присутствовал во многих из них. В условиях того времени, а также в связи с локальностью большинства движений, это также можно считать одной из форм проявления протеста против существующих порядков. Но надо учитывать и то, что формулой «грабеж» средневековые источники покрывали и прямой социальный протест. О социальной направленности движений говорят сами их причины, запечатленные в приводимых выше распоряжениях и высказываниях императора. Конкретные же причины восстаний, помогающие определить их характер, приводятся лишь однажды: относительно движения Ли Лян-фа в Хугуане и Цзянси в сентябре — октябре 1409 г. Виновником называется начальник Ведомства чинов Ши Куй, направленный в Хугуан для надзора за работами по заготовке древесины. Он, как отмечается, «жестoko обращался с народом» и «строгими порядками и [чрезмерным] надзором довел добрый народ до возмущения и мятежа» [23, цз. 99, 1298].

В некоторых случаях социальную направленность можно уловить и по весьма скурым замечаниям источников о деятельности восставших. Например, о восстании Ван Чжуна и Ван Ци-эра в уезде Уян в Хэнани в августе 1402 г. говорится, что бунтовщики «убили уездных чиновников, собрали толпу... и [стали] опасными» [23, цз. 10 (II), 172]. Восставшие в Цзянси в 1403–1404 гг. обвиняются правительством в том, что они «наносят ущерб солдатам, деревенским старостам, а также перехватывают на дорогах правительственных инспекторов» [23, цз. 28, 503]. В нападении на правительственных солдат, военные поселения и крепости обвиняются повстанцы Вэй У-ляна в уездах Аньфу и Лунцюань провинции Цзянси (январь 1407 г.), Цзинь Ган-ну в уезде Мяньсянь провинции Шэньси (сентябрь 1409 г.) и Лю Цзы-цзиня в уезде Гуанмин провинции Шаньси (февраль 1416 г.) [23, цз. 77, 1049–1050, цз. 94, 1253, цз. 172, 1911], Последние, как

отмечается, подняли борьбу под лозунгом «черно-белого флага» — символа борьбы добра со злом [23, цз. 172, 1911].

Яркую социальную окраску имели восстания в Фуцзяни в июле-октябре 1417 г. Вожди движения Лю Шэн и Сунь Чжоу приняли титул «полководцев великого спокойствия» (*тайпин цзяньцзюнь*). Их приверженцы атаковали уездные центры Цинсянь и Люсянь. Отряд под начальством Чэнь Ци-бао захватил серебряные рудники в Лунси, а затем снова атаковал названные уездные центры, расправившись с одним из дворцовых евнухов и перебив около 30 чиновников и солдат [23, цз. 189, 2008, цз. 192, 2024].

Самое крупное из народных движений начала XV в., развернувшееся в апреле 1420 г. в Шаньдуне, представляется как целая цепь различных повстанческих очагов, имевших характер социального протеста. Оно началось с захвата крепости Сеши-пэн отрядом под предводительством «вещей женщины» Тан Сай-эр. Против нее были посланы войска под командованием Лю Шэна, которые осадили крепость. Но в середине месяца другой отряд повстанцев во главе с Бинь Хуном атаковал и осадил уездный центр Аньцю. Одновременно некто Дун Ян-гао под лозунгом «красно-белого флага» поднял 2 тыс. повстанцев в округе Цзюйчжоу и захватил окружной центр. Местные шаньдунские войска были разбиты Дун Ян-гао. Отряд последнего, увеличившись в числе, взял уездный центр Цзимосянь. Восставшие сожгли местные административные учреждения, захватили продовольственные склады и казну, лошадей, скот и другое имущество. Затем повстанцы Бинь Хуна и Дун Ян-гао объединились, составив около 10 тыс. человек. Положение осажденного Аньцю стало критическим.

Лю Шэну пришлось выделить часть войск для борьбы с Бинь Хуном и Дун Ян-гао. Совместно с шаньдунскими провинциальными войсками и гарнизоном Аньцю им удалось разбить повстанцев. Одновременно в конце апреля пала и крепость Се-шипэн, защитники которой, испытывая голод и нехватку воды, предприняли вылазку и потерпели неудачу. Последний очаг движения в г. Чжучэне был погашен в конце апреля [23, цз. 222, 2195, цз. 223, 2197, 2199, 2200].

Обращает внимание тот факт, что в большинстве случаев социальный протест в начале XV в. был обращен против правительственной администрации и войск. Это не удивительно, если

учесть, что чиновная бюрократия являлась одной из прослоек господствующего класса, прослойка, занимавших в средневековом Китае преимущественное положение в феодальной иерархии. Местная администрация выступала зримым проводником эксплуатации народных масс. Войска же гарантировали и защищали сложившиеся порядки, служили орудием власти. Весьма характерно, что в движении в Цзянси в начале 1407 г. мы имеем прямое свидетельство о поддержке воевавших местной зажиточной верхушкой в борьбе против административных властей. «Многие богатые дома», как указано в источнике, подкупая подставных лиц, ходатайствовали о прекращении репрессивных мер властей против восставших [23, цз. 77, 1050]. Это говорит о том, что интересы народных масс в их борьбе с правительственной администрацией могли временами совпадать с устремлениями нечиновных слоев господствующего класса.

Но в других случаях можно проследить, что недовольство восставших обращалось и против администрации, и против местных богатеев. Так, в уже приводимом высказывании Чжу Ди от 26 января 1411 г. угнетение народа «сильными домами» называется одной из причин восстаний. Характерно и указание о погроме «деревенских старост» во время движения в Цзянси в 1403–1404 гг. или же сообщение о том, что повстанцы в Чжэцзяне в 1415–1417 гг. «наносили несчетные беды чиновникам, простолюдинам и купцам» [23, цз. 192, 2024]. Надо полагать, что столь часто упоминаемый источниками «грабеж», чинимый повстанцами, отражал борьбу беднейших и угнетенных слоев населения против феодалов.

Движущей силой восстаний в начале XV в. выступало главным образом крестьянство. Исключением, как можно понять из источников, являлись лишь два случая. Первый — это подготовка восстания в воинских гарнизонах близ г. Тайюаня в августе 1405 г. знаменосцем Мэн Цюанем [23, цз. 44, 701]. Бунт был разгромлен в самом начале. Он показывает, что недовольство существующими порядками в какой-то мере распространялось и на низы военного сословия. И второй случай, когда вождем восстания в уезде Синьгань провинции Цзянси в начале 1419 г. был беглый мастерской Лэй Цзянь-нянь [23, цз. 208, 2120]. Однако его последователи называются в источнике просто «шайкой», и поэтому трудно судить, насколько активно было участие в этом движении ремесленно-городских слоев.

Заслуживает внимания тот факт, что некоторые движения в начале XV в. имели религиозно-мистическую окраску. Сектантское движение отмечалось в уезде Мяньсянь провинции Шэнь-си. Оно было подавлено властями в сентябре 1409 г., но прослеживается еще со второй половины XIV в. Во главе его стоял Цзинь Ган-ну, принявший титул сытянь-вана (князя четвертого неба). Его последователи называются в источниках «разбойниками-волшебниками». Они жили по буддийским канонам, нападая на правительственные войска и укрепления [23, цз. 94, 1253]. Летом 1418 г. вождь восстания в уезде Синьчэн (близ Баодина) простолюдин Лю Хуа объявил себя «помазанником Будды». «Вводимый им в соблазн темный народ» из многих окрестных уездов примыкал к мятежникам, принимая монашеский постриг [23, цз. 200, 2082]. Элементы сектантства были присущи движению в Шаньдуне в апреле 1420 г. Тан Сай-эр не зря именуется источниками «вещей женщиной». Есть данные, что при падении крепости Сешипэн ей удалось спастись и укрыться в даоском монастыре. Приняв монашеский сан, она продолжала «подстрекать к мятежу» население, читая ему религиозные каноны [23, цз. 223, 2199, цз. 225, 2211–2212]. Ее деятельность настолько беспокоила правительство, что 12 мая 1420 г. императорский двор отдал приказание судебным властям провинций Шаньдун и Бэйцзин хватать и отправлять в столицу для дознания всех женщин-даосок [23, цз. 223, 2203].

Наконец, в отмеченном плане весьма характерно движение в конце 1420 — начале 1421 г. в районе Цзинчжоу. Вождь повстанцев Ян Дэ-чунь и его единомышленники отказывались нести повинности в пользу государства. Когда же местные власти собирались найти на них управу, последние скрылись в буддийских монастырях и занялись ворожбой, «сеющей смуту среди людей». Они называли себя «рыцарями доброго управления». Сформированный отряд повстанцев именовался «500 архатов». Это движение также было подавлено [23, цз. 231, 2239–2240].

Присутствие элементов религиозного сектантства и мистики в социальных движениях в Китае — весьма характерное явление, наблюдаемое как во времена до исследуемой эпохи, так и после. Однако заметная религиозная (главным образом буддийская) окраска восстаний начала XV в. имела, на наш взгляд, и вполне конкретные политические причины. Они заключались в отношении первых минских императоров, и в частности Чжу Ди, к буддизму и даосизму.

Буддизм, утратив положение ведущей идеологии в Китае в XI–XII вв., стал снова насаждаться и поощряться монгольскими властителями из династии Юань [49, 23–25]. С приходом к власти Чжу Юань-чжана положение резко изменилось. Несмотря на то что он сам был одно время буддийским монахом, в качестве идеологической основы для построения власти в империи Мин было принято конфуцианство (в чжусианской, т. е. неоконфуцианской трактовке). Это вполне согласовывалось с. противопоставлением идеологической политики новосозданных властей ориентации свергнутого правительства. Более того, уже при Чжу Юань-чжане были установлены эффективные ограничительные меры против политического влияния буддизма и даосизма [213, 28–29]. Политика ограничения этих религий еще ярче проявилась в деятельности правительства Чжу Юнь-вэня.

Однако оппозиционные настроения церковников не получили удовлетворения после переворота 1402 г. Правительство Чжу Ди в религиозно-идеологической области выступило прямым продолжателем своих предшественников. Единственной господствующей идеологией провозглашалось конфуцианство. «Как наставника государей я [чту] лишь Кун-цзы (Конфуция. — А. Б.). Государя правят народом, а Кун-цзы установил путь для народа... Великие каноны и великие законы управления Поднебесной — все были открыты Кун-цзы, чтобы воспитывать [на них] мириады поколений», — провозглашалось в императорском манифесте от 20 марта 1406 г. [23, цз. 52, 771]. Устно Чжу Ди также подчеркивал: «Я управляю Поднебесной, идя конфуцианским путем...» [23, цз. 57, 841]. Буддизм и даосизм продолжали подвергаться различным ограничениям.

Правительство Чжу Ди старалось всемерно ограничить число буддийских и даосских монахов. Запрет на «самовольное» пострижение, т. е. на уход в монастыри без ведома властей, был зафиксирован еще в «Да Мин люй» [14, 95]. За нарушение его в феврале 1407 г. было сослано солдатами в пограничные гарнизоны 1800 человек, ставших монахами «самовольно» [23, цз. 63, 904]. На просьбу буддийской администрации столичной провинции в октябре 1407 г. об отмене этого запрета в связи с сокращением числа монахов Чжу Ди ответил категорическим отказом [23, цз. 71, 996]. Запрет был снова подтвержден 27 июня 1408 г. [23, цз. 80, 1066]. Специальным указом от

2 июля 1417 г. буддистам запрещалось строить отшельнические скиты [23, цз. 189, 2008]. Наконец, 24 ноября 1418 г. были утверждены новые правила ухода в монахи. Согласно им, число даоских и буддийских монахов в пределах одной области не должно было превышать 40 человек, округа — 30, уезда — 20 человек. Подтверждались возрастные ограничения для лиц, уходящих в монахи. Уход должен был сопровождаться разрешением родителей, местных властей и сельской общины. Для получения сана нужно было выдержать экзамены. Все монахи должны были иметь удостоверения на свой сан [23, цз. 205, 2109].

Мотивы, побуждавшие правительство идти на такое ограничение, лаконично сформулированы в императорском указе от 20 октября 1407 г.: «Народ в государстве трудится на полях, собирает урожай для пропитания своих отцов и матерей, вносит налоги для обеспечения государственных нужд. Буддийские [же] монахи бездельничают, питаясь за счет народа. Как же можно, чтобы государство поощряло людей получать сан и становиться буддийскими монахами?» [23, цз. 71, 996–997]. В этом свете становится понятным такой шаг, как высылка летом 1409 г. 5600 буддийских монахов на сельскохозяйственные работы в военные поселения [23, цз. 91, 1198].

Правда, столь откровенные мотивировки политики в отношении буддийской церкви встречаются далеко не всегда. Чаше она прикрывалась борьбой правительства против нарушения церковниками своих собственных законов и канонов: монахи обвинялись, и очевидно не без основания, в стяжательстве, разврате, невежестве и прочих грехах [23, цз. 128, 1592, цз. 205, 2109, цз. 198, 2008]. Правительство Чжу Ди отнюдь не желало выступать открытым гонителем буддизма и даосизма как определенных вероучений, имевших влияние в народе. В результате наряду с описанными ограничительными мерами центральная власть шла на такие жесты, как официальное одобрение некоторых буддийских книг, одаривание пользующихся популярностью буддийских и даоских храмов землей с прикрепленными тяглыми, почитание отдельных даоских и буддийских святых [23, цз. 184, 1977, цз. 207, 2113]. Но эти уступки были единичны и отнюдь не меняли общей линии на преднамеренное ущемление буддийских и даоских монастырей и всемерное поощрение конфуцианства^[61].

Поэтому не удивительно, что в буддийских и даоских монастырях накапливалось недовольство правительством Чжу Ди. В какой-то мере оно могло сливаться с социальным протестом народных масс, и восставшие могли находить поддержку в монастырях, а религиозные лозунги — в среде повстанцев.

Частые волнения вспыхивали в начале XV в. и среди некитайских народов, которые жили на территории империи Мин. Однако, для того чтобы уяснить побудительные мотивы и характер этих восстаний, необходимо коснуться всей политики правительства Чжу Ди в отношении своих подданных некитайского происхождения.

Общие принципы китайской национальной политики в начале XV в.

Данная проблема тесно сопрягается с традиционной китайской внешнеполитической доктриной, т. е. отношением к иноземцам вообще. Китайские термины — «лу», «мань», «и» и др. употреблявшиеся в источниках для собирательного обозначения иных народов, могли относиться как к иноземцам вообще, так и к некитайскому населению, жившему в пределах империи. Тем не менее можно попытаться проследить, какие положения общей доктрины отношения к некитайским народам использовались правительством Чжу Ди при его обращении с инонациональным населением страны.

Согласно отмеченной доктрине, все некитайские народы рассматривались в Китае как «варвары», не знакомые с единственно правильными нормами жизни — китайской цивилизацией. В связи с этим перед политиками и дипломатами империи издавна выдвигалась задача посильного приобщения иноземцев к китайской культуре и образу жизни. Однако многолетний опыт общения с иноземцами показывал, что политика «привлечения их к цивилизации» далеко не всегда давала желаемые для Китая результаты. Поэтому еще в древности проявились два противоположных подхода к иноземцам. Один предполагал покорение их силой, другой — отказ от попыток установления над ними реальной власти.

Какой подход оказался предпочтительнее для Чжу Ди и его окружения? Относительно второго подхода император высказывался так: «Иноплеменные [люди] добывают средства к существованию грабежами и убийствами. Разве подозревают они о существовании этикета и долга? Поэтому [некоторые] мудрецы считали, что этими людьми не стоит управлять» [23, цз. 60, 875]. Однако, отдавая долг пренебрежительного отношения к иноземцам, Чжу Ди в конечном итоге не соглашался с «мудрецами» и приходил к выводу, что управлять «иноплеменными людьми» можно и нужно, но с применением гибкой тактики [23, цз. 60, 875]. В первую очередь это относилось к некитайскому населению, живущему в пределах империи.

Принципы, которыми правительство Чжу Ди намеревалось руководствоваться в своих отношениях с этой категорией населения, в самом обобщенном виде отразились, пожалуй, лучше всего в инструкции для китайской администрации в Юньнани от 12 марта 1403 г.: «Путь к удержанию иноплеменников в повиновении заключается в том, чтобы они знали о своем подчинении императорскому двору и не утрачивали способности оставаться в рамках подданных» [23, цз. 17, 311].

Методы, предлагаемые центральными властями для поддержания отмеченного «знания» и «способности» среди некитайского населения, не были однородны. С одной стороны, военные наместники в отдаленных провинциях получали приказания «держатъ иноплеменников в страхе и покорности» [23, цз. 15, 277, цз. 103, 1340]. С другой — двор настойчиво рекомендовал не злоупотреблять прямым насилием. В этом плане весьма характерна инструкция от 4 мая 1409 г.: «Издrevле велось у нас убивать врагов-иноплеменников. Однако ставить непременно задачей убивать их — это не путь к умиротворению далеких [краев]. Хотя они упорны и жестоки и с трудом обращаются к цивилизации, однако натура у них не звериная и их можно приручить и заставить успокоиться до глубины души» [23, цз. 90, 1189–1190].

Отмеченные рекомендации диктовались совсем не гуманными или филантропическими соображениями. Просто правительство Чжу Ди отдавало себе отчет, что метод неприкрытого давления не всегда приносит успех, а иногда даже может вызывать прямо противоположный желаемому результат. Свидетельством тому может служить инструкция двора генералу Хань Гуаню, направленному в Гуандун и Гуанси для «умиротворения» края в октябре 1402 г.: «Иноплеменники... легко поднимают бунты. За ними трудно усмотреть. Чем больше их убивают, тем труднее ими управлять» [23, цз. 12 (II), 216]. К тому же следует учитывать, что отмеченное предпочтение «мягких» методов отнюдь не исключало применения самых жестоких и крутых мер в случаях, когда местные китайские власти сочтут это необходимым. В той же инструкции Хань Гуаню говорилось: «Прибыв на место [назначения], вам надлежит усмирять их [иноплеменников]. Опирайтесь на тех из них, кто добровольно исполняет свой долг, тех же, кто не предан единственному долгу, — убивайте» [23, цз. 12 (II), 216].

Таким образом, методы, к которым стремился прибегать Чжу Ди в своей национальной политике, представляются синтетическим сплавом прямого давления и задабривания («привлечения сердец добрым отношением», как говорится в источниках). Преимущественный уклон в ту или иную сторону определялся конкретной ситуацией в различных национальных районах. В этом и заключалась упомянутая выше гибкая тактика в управлении некитайскими народами, за которую ратовал Чжу Ди.

В национальной политике китайского правительства в начале XV в. можно заметить некоторые различия при подходе к северным и северо-западным пограничным районам империи, где жило определенное число монголов, чжурчжэней, ойратов, уйгуров, и юго-западным провинциям, где значительные пространства были заселены племенами и народами чжуан, мяо, ицзу, яо, ли и пр. Эти различия определялись стратегическими расчетами китайцев и факторами этнического порядка.

С военно-стратегической точки зрения китайцы издавна считали наиболее опасными и важными северо-западные рубежи. Здесь в течение веков были сосредоточены основные военные силы империи. Поэтому на этом направлении прослеживается непосредственная связь национальной политики с внешнеполитическими целями. Юго-западные окраины страны внушали меньшие опасения и вызывали меньшие заботы в военно-стратегическом отношении. В этом плане показательно письмо военного наместника в Гуйчжоу Гу Чэна двору от 2 октября 1403 г.: «Я полагаю, что, когда в Юньнани и Лянгуане, лежащих на далеких рубежах, иноплеменные разбойники время от времени поднимают воровские мятежи, то это не больше, чем яд от пчелиных укусов, и не стоит обращать на это внимания... Только лишь новое поколение северных иноземцев, чьи номады сильны и воинственны, таит в душе коварные намерения и исподволь подкарауливает удобный момент для нападения на наши границы. Строя дальние государственные планы, следует глубоко побеспокоиться о северных иноземцах» [23, цз. 23,422]. Хотя здесь есть доля бравады в отношении некитайского населения на юго-западе империи, общее настроение китайских политиков передано Гу Чэном довольно точно. Связь с внешнеполитической доктриной на юго-западном направлении прослеживается гораздо слабее.

В то же время нужно учитывать, что границы империи Мин на севере не выходили за пределы современной провинции Ляо-нин, а на северо-западе шли южнее монгольских степей. Поэтому под контролем китайских властей здесь находилось еще сравнительно не много некитайского населения и национальный вопрос не стоял со всей остротой. В то же время в юго-западных районах страны некитайское население составляло значительную часть местных жителей. В XV в. здесь продолжалась внутренняя китайская колонизация и национальный вопрос требовал разрешения.

Политика китайского правительства в северо-западных окраинных районах империи

Китайские власти охотно принимали желающих поселиться на подконтрольной им территории монголов, уйгур, чжурчжэней и людей из прочих народностей. Это имело прямую связь с военно-стратегическими расчетами. Во-первых, китайцы считали, что, чем интенсивнее будет отток иноземцев, тем слабее станут их силы. Во-вторых, все «перешедшие и присоединившиеся» зачислялись на воинскую службу и должны были участвовать в боевых действиях китайской армии. Таким образом, правительство Чжу Ди использовало феодальную раздробленность своих северных и северо-западных соседей и пыталось создать, как отмечает Г. В. Мелихов, определенную буферную зону на этих рубежах [92, 258].

Представители военно-феодальной знати монголов, чжурчжэней и прочих национальностей, добровольно или же в силу вынужденных обстоятельств попадавшие на подведомственную китайским властям территорию, должны были сообщить императору о своем желании «обратиться к цивилизации». Иногда для этого кто-либо из их подчиненных отправлялся ко двору, иногда же сообщение передавалось самими китайскими властями. Затем следовало «милостивое» разрешение двора. Вождям перешедших присваивались китайские чины и звания. Они получали соответствующие регалии и одежды, что часто сопровождалось подарками. Им поручалось командование пришедшими вместе с ними людьми, число которых, как свидетельствуют источники, могло колебаться от десятка до нескольких тысяч человек. Формируемые из них отряды должны были располагаться в определенных китайскими властями местах и вливались в состав местных китайских военно-административных единиц — вэев.

В «Мин Тай-цзун ши лу» встречаются многократные упоминания об инонациональных воинских отрядах на китайской службе близ северо-западных рубежей. В частности, в императорском указе от 31 октября 1403 г. говорится о многочисленности монгольских кавалеристов в империи [23, цз. 24, 442].

Китайские власти предпочитали не вмешиваться во внутренние порядки «перешедших и присоединившихся» на северо-западе, оставляя их племенную и клановую структуру и сложившиеся формы господства и подчинения. Отношениям представителей социальной верхушки некитайского населения с императором придавалась характерная для феодализма личностная окраска: император выступал сюзереном, берущим их на службу. В связи с этим им разрешалось, в отличие от китайских генералов и офицеров, посылать двору «дань» и получать ответные подарки. В данном случае можно усмотреть близкую связь с тактикой, применявшейся китайцами на внешнеполитической арене^[62].

Особое положение, предоставлявшееся некитайскому населению на северо-западе страны, преследовало цель более прочного «единения» с ними в борьбе с их зарубежными собратьями. В одной из инструкций командующему войсками в Ганьсу Сун Шэну говорилось: «Единение с пришедшими и присоединившимися является особой [заботой] императорского двора. Отсутствие единения вызывает стыд и огорчения, а также ведет к несоблюдению пути покорности сдавшимся и присоединившимися к нашим пределам» [23, цз. 43, 681]. Однако отмеченное «единение» мыслилось не только как укрепление союза. Оно предполагало в конечном итоге постепенное приобщение инонационального населения к китайским нормам и обычаям. Предпринимаемые в этом направлении шаги в начале XV в. не были систематическими. Но все же их можно обнаружить в политике правительства Чжу Ди.

Людям различных национальностей «даровали» китайские фамилии. Первый указ, изданный Чжу Ди по этому поводу, относится к октябрю 1403 г. и касается монгольских воинов, служащих в Китае [23, цз. 23, 427–428]. Подобная практика наблюдалась и впоследствии. Причем «дарование» фамилий могло производиться как в виде награды за заслуги, так и без особого повода [23, цз. 44, 692, цз. 107, 1380–1381]. Инонациональным «главам» и «вождям» предоставляли китайские военные чины и звания. На них был также распространен существовавший в китайской армии порядок передачи офицерских чинов по наследству [23, цз. 77, 1041]. Интересно отметить и попытку привлекать солдат некитайского происхождения к земледельческому труду, т. е. приобщать их к системе военных поселений [23, цз. 130,

1610]. Расположение китайских властей к «пришедшим и присоединившимся» проявлялось в выдаче им из казны продовольствия, скота и ссуд, что сопровождалось призывами двора к местной администрации с повышенным вниманием относиться к их нуждам [23, цз. 43, 681, цз. 44, 695, цз. 129, 1598–1599]. Политике «единения» должно было служить и привлечение инонациональных отрядов к походам китайских войск за рубеж [23, цз. 107, 1380–1381, 1386–1389, 1391].

Наконец, заслуживает внимания создание в 1407 г. в Яньтуне (пров. Шаньси) Управления старшего чиновника (*Чжан-гуаньсы*), т. е. не военной, а гражданской административной единицы, не характерной для методов китайской национальной политики в северо-западных районах в начале XV в. Управление состояло из 47 укрепленных поселков, где насчитывалось 1100 дворов. Старшим чиновником был назначен «глава» одного из этих поселков. В связи с курсом на «единение» важно подчеркнуть, что подведомственное Управлению население должно было платить налоги и выполнять повинности в пользу китайского вэя Укай [23, цз. 66, 933].

Однако, несмотря на проведение отмеченного курса, в китайской политике в северо-западных районах в начале XV в. отразилось недоверие к «пришедшим и присоединившимся» и чувствовалась постоянная подозрительность в отношении них. Предостережения местным властям против них и приказы быть начеку содержатся во многих предписаниях двора. Например, один из указов командованию в Ганьсу гласил: «Военные люди из местных монголов в Ганьсу в глубине души таят мятежные [чувства]» [23, цз. 130, 1610]. Другой аналогичный указ сообщал: «Местные монгольские правительственные (служащие Китаю. — *А. Б.*) войска подстрекаются к смуте людскими речами. Боюсь, [что они] дезертируют или восстанут» [23, цз. 119, 1504–1505].

В качестве предосторожности китайцы прибегали к такой мере, как расположение близ поселений «пришедших и присоединившихся» китайских воинских соединений, чтобы «контролировать иноплеменников и быть наготове [выступить] против них», т. е. в случае малейшего сопротивления подавлять оружием [23, цз. 119, 1504–1505, цз. 130, 1610]. В целях предосторожности практиковалось также принудительное переселение некитайского населения на новые

места, туда где они были более уязвимы для ударов китайских войск [23, цз. 102, 1324].

Такие меры усиливали недовольство инонационального населения северо-западных районов империи и без того страдавшего от «мягкого» контроля со стороны китайских властей. Это недовольство порой выливалось в вооруженную борьбу. Вспышка освободительной борьбы в отмеченных районах произошла в 1410–1413 гг. Возможно, что она была связана не только с притеснениями со стороны местных китайских властей, но и с началом в 1409–1410 гг. серии походов китайцев в Монголию, пробуждавших национальные чувства у служивших в империи монголов.

В апреле 1410 г. вспыхнуло восстание монголов, служивших в вэях Ланьчжоу и Юнчан в Шэньси. В августе 1411 г. отмечено движение монголов в Нинся, продолжавшееся до марта следующего года. В марте 1412 г. начался мятеж некитайского населения под предводительством Коточи в Ганьсу, затянувшийся до лета следующего года. Наряду с ними в Ганьсу зафиксирован еще один очаг восстания некитайского населения в апреле 1412 г. В августе того же года вспыхнуло новое восстание монголов в Нинся, а в сентябре вновь взбунтовались инонациональные войска в вэях Ланьчжоу и Юнчан. Подавление последнего из перечисленных восстаний стоило китайцам немалых усилий и продолжалось до лета 1413 г. [23, цз. 102, 1324–1325, цз. 110, 1413, цз. 117, 1492, цз. 124, 1559, цз. 125, 1567, цз. 126, 1575, цз. 128, 1593, цз. 130, 1612, цз. 131, 1619, 1621, цз. 136, 1657–1658, цз. 140, 1682].

Дважды, в июне 1410 и мае 1412 г., на вооруженную борьбу поднималось мусульманское (уйгурское) население в Ганьсу [23, цз. 104, 1352–1354, цз. 127, 1534].

Все упомянутые движения подавлялись силой оружия без каких-либо попыток вступить с восставшими в переговоры. Тактику уговоров, как отмечалось выше, правительство обычно применяло в отношении восставших китайцев. Использовалась она и в юго-западных окраинах империи. Здесь же, на северо-западе, позиция властей была бескомпромиссной. Инструкции двора предписывали подавлять военной силой малейшее противодействие. Рекомендовалось даже «уничтожать на месте» всех людей некитайского происхождения, которые, так или иначе, оказывают содействие восставшим [23, цз. 103,

1342–1343, цз. 119, 1504–1505]. Это лишний раз иллюстрирует обратную сторону «мягкого» курса китайских феодальных властей в обращении с инонациональным населением.

Национальная политика в южных и юго-западных провинциях страны

К началу XV в. значительные пространства современного южного и юго-западного Китая фактически оставались вне контроля китайских властей. Это относится к обширным горным районам в современных провинциях Гуйчжоу и Хунань, а также ко многим заселенным некитайским населением районам в Сычуани, Юньнани, бывшей провинции Гуанси и на о. Хай-нань. Жившие здесь народы находились на различных стадиях социального развития — от разложения родоплеменной организации до консолидации классов. К описываемому времени у них не было сколько-нибудь прочных государственных образований, которые могли бы противостоять китайской колонизации. Это облегчало задачу освоения китайцами территорий этих народов, прочного включения их в пределы империи. Надо сказать, что подобная задача ставилась китайскими правящими кругами еще задолго до описываемого времени. Однако, несмотря на отмеченное облегчающее ее исполнение обстоятельство, колониальная политика наталкивалась здесь на упорное сопротивление.

Так, например, неоднократные попытки императоров из династий Сун и Юань (X–XIV вв.), а также Чжу Юань-чжана установить свое господство над горными районами в Гуйчжоу и западной Хунани не имели успеха [73, 268, 275].

Правительство Чжу Ди в своей национальной политике в юго-западных провинциях продолжало решать отмеченную задачу: всемерно укрепить здесь китайскую власть и расширить сферу ее влияния. Для этого применялись методы, основанные на вышеизложенных принципах подхода к инонациональному населению вообще. Наиболее ярко здесь проявилась тактика сочетания военного давления, дипломатии и «привлечения сердец» некитайского населения. Китайские военные и гражданские власти добивались того, чтобы местное население признало свое подданство императору и тем самым «обратилось к цивилизации». В эти районы направлялись специальные манифесты и послания от имени имперского правительства, где содержались уговоры пойти на такой шаг и завуалированные угрозы на

случай неподчинения. Подобная активность китайских властей всячески поощрялась из центра [23, цз. 41, 673]. Характерно, что в некоторых случаях отправка «привлекающих» манифестов сопровождалась стягиванием китайских войск в близлежащие районы для возможного подавления непокорных силой [23, цз. 141, 1693]. В случае отрицательной реакции на посылаемое предложение в ход пускались войска. В случае согласия наблюдалась процедура, аналогичная нормам, существовавшим на северо-западе страны: в столицу направлялся представитель подчинившихся либо доклад об их желании покориться, причем чаще наблюдалось последнее. В ответ приходило высочайшее разрешение, и «местные главы» получали китайские чины, титулы и регалии. Число подчинившихся могло колебаться от нескольких десятков до десятков тысяч человек. Подобная картина в общих чертах прослеживается в начале XV в. на примере самых разных народностей юго-запада империи [23, цз. 43, 688, цз. 44, 701, цз. 52, 777, цз. 55, 816–818, цз. 73, 1015–1016, цз. 101, 1318, цз. 122, 1540, цз. 139, 1676, цз. 141, 1692].

Описанный путь отнюдь не исключал прямого завоевания остававшегося здесь вне сферы китайской власти населения. Однако в полном соответствии с разработанной гибкой тактикой инструкции из центра призывали по возможности реже прибегать к вооруженному насилию. Например, в октябре 1403 г. Му Шэну предписывалось: «Если возможно, берите за образец привлечение сердец иноплеменников к цивилизации [мирным путем], а не обязательно посылайте войска» [23, цз. 23, 425]. Как уже отмечалось, причиной подобных рекомендаций было приобретенное на опыте понимание, что открытое давление не всегда приводит к успеху. Положение на юго-западе давало этому хорошее подтверждение. Как писал в докладе двору в конце 1403 г. один из членов Военного ведомства, в Гуанси, например, наблюдалась следующая картина: «Сначала все они (иноплеменники) обращаются к цивилизации, а затем снова становятся разбойниками; правительственным войскам трудно их искоренить» [23, цз. 25, 460]. Но кроме отмеченных соображений стремление ограничить сферу применения армии в юго-западных районах можно объяснить также намерением китайцев прочно освоить их и в хозяйственном, а не только в административном отношении. В этой связи характерна инструкция военным властям в Сычуани от 12 мая 1409 г.: «Такое положение, что

иноплеменники бунтуют, существовало издавна. Если поспешно посылать [против них] войска, то беды обрушатся на население всего края» [23, цз. 90, 1191].

Выказывая предпочтение мирному пути, правительство Чжу Ди, опять-таки в согласии с общими принципами своей политики в отношении некитайского населения, в случае надобности прибегало к вооруженному вмешательству в самых широких масштабах. Примером тому может служить покорение мяо в Гуйчжоу в 1413–1414 гг., к чему подробнее вернемся ниже. Здесь же отметим, что мирный и военный пути приведения инациональных народов в покорность тесно переплетались. Уговоры сопровождались угрозами и концентрацией войск, а военное наступление, наоборот, могло прерываться в обмен на обещание изъявить покорность [23, цз. 51, 767].

Административное устройство «присоединившихся» на юго-западе империи существенно отличалось от военизированных образцов северо-запада своим гражданским характером. Вместе с тем оно не было единообразным. В некоторых случаях некитайское население включали в число жителей китайских уездов и областей, уравнивая в обязанностях с китайским населением [23, цз. 55, 816–818, цз. 122, 1540]. Но чаще из некитайских подданных формировались особые административные единицы, где местная знать получала определенную автономную власть. Это во многом диктовалось реальной обстановкой в указанных районах. Китайская колонизация, хотя и шла сюда в течение нескольких столетий, все еще не была к началу XV в. столь глубока и широка, чтобы послужить достаточной базой для быстрого и повсеместного внедрения чисто китайских порядков. Исследователи отмечают, что даже через сто лет — к началу XVI в. — процесс колонизации здесь еще не завершился [197, 203]. Поэтому, стремясь освоить и удержать юго-западные провинции, китайцы нуждались в определенном союзе с социальной верхушкой местных племен и народов. Отражением этого и явилось сохранение некоторых ее прерогатив.

В этой связи становится понятным, почему на первых порах китайское правительство могло довольствоваться лишь самым фактом признания инациональным населением своего подчиненного положения, не ломая основ сложившихся у него порядков... Такой подход был санкционирован императором, который в конце 1406 г.

сказал: «Путь управления иноплеменниками таков: как только они подчинятся, их можно оставлять [в покое]» [23, цз. 60, 875]. Становится понятной и та осторожность, которую двор предписывал соблюдать местным китайским властям в обращении с покорившимися: «Поскольку иноплеменники обращаются к культуре, их следует действенным образом поддерживать [в этом]. При малейшем посягательстве на их интересы [они] перестанут быть искренними [по отношению] к императорскому двору» [23, цз. 38, 647].

Автономные права социальной верхушки некитайского населения реализовались в системе так называемых местных управлений (*тусы*). Организация этой системы уходит корнями в древний период. Оставление во главе покоряемого некитайского населения местных вождей и князьков практиковалось, по данным источников, уже в конце II — начале I в. до н. э. [29, цз. 310, 7867 (4)]. Подобный метод был использован и первым императором династии Мин: «Со [времен] Хуньбу для управления теми юго-западными иноплеменниками, которые приходили в подчинение, использовались их собственные прежние чиновники» [29, цз. 310, 7867 (4)]^[63]. Однако следует подчеркнуть, что именно в конце XIV — начале XV в. система «местных управлений» детализируется и расширяется. Создается иерархическая градация некитайских властей.

Наиболее низкой административной единицей было уже упомянутое Управление старшего чиновника (*Чжангуаньсы*), затем по восходящей градации шли Управление умиротворения (*Ань-фусы*), Управление привлечения и возмездия (*Чжаотаосы*), Управление полного умиротворения (*Сюаньфусы*) и, наконец, Управление полного успокоения (*Сюаньвэйсы*). Во главе перечисленных управлений ставились «местные чиновники», получавшие китайскую ранги от шестого полного до третьего вспомогательного.

Однако четкость и стройность нарисованной системы была во многом лишь кажущейся. Образование той или иной из перечисленных единиц не имело под собой четких критериев и диктовалось стечением обстоятельств. Единого порядка подчинения управлений также не существовало. Нижестоящие могли быть подчинены вышестоящим, не обязательно в перечисленном порядке. Но некоторые управления подчинялись военному командованию провинции или же командованию расположенного поблизости китайского военного

гарнизона [23, цз. 44, 689, цз. 60, 874, цз. 63, 907, цз. 67, 938, цз. 75, 1033]. Китайские власти могли произвольно менять не только адрес подчинения, но и статус автономных единиц, например преобразовать Управление полного успокоения в Управление старшего чиновника и т. д. [23, цз. 52, 792–793, цз. 78, 1053]. Эти управления в любой момент могли быть вообще ликвидированы, а входившее в них население — быть передано под непосредственный контроль китайской администрации [23, цз. 145, 1717, цз. 147, 1729]. Наконец, «местные управления» могли ликвидироваться совсем, когда население их разбегалось [23, цз. 64, 912, цз. 66, 932, цз. 175, 1920–1921].

Кроме того, при административном устройстве иномационального населения китайцы могли вообще не пользоваться перечисленными управлениями, а образовывали уезды, округа и области, т. е. переносили на районы, заселенные не китайцами, китайское административное деление [23, цз. 52, 177, цз. 30, 551, цз. 31, 560, цз. 76, 1039].

Весьма интересен вопрос, как широко распространялась самостоятельность «местных чиновников». Существует мнение, что упомянутая система автономии служила лишь формой прикрытия племенной организации не китайских народностей и что она механически переносила китайское районирование, чины и прочее на местную почву. В целом же племенные порядки не подвергались существенным изменениям, а представители местной верхушки сохраняли всю полноту власти в своих районах и единственное, что от них требовалось, — это сохранять мир [213, 21–22]. Такая точка зрения не лишена оснований, особенно в той части, что предоставлявшаяся автономия сохраняла и прикрывала существовавшую племенную структуру. Однако вопрос о полновластии местной верхушки требует уточнений.

Действительно, в некоторых случаях «местные главы» могли ограничиться лишь формальным признанием верховной власти императора. Например, о положении в Сычуани в источниках говорится: «Сообщают, что они (не китайские народы) сами имеют своих тиранов, и хотя принимают звания и титулы от императорского двора, но на деле сами являются правителями тех земель» [29, цз. 311, 7870 (1)]. Такой факт, как ограбление и арест, китайского посла, ехавшего за рубеж, начальником одного из «местных округов», также

свидетельствует, что некоторые «местные чиновники» продолжали чувствовать себя самостоятельными в рамках китайской автономной системы [23, цз. 114, 1454].

Особое положение «местных чиновников» в юго-западных провинциях (по сравнению с китайскими) проявлялось и в том, что императорский двор поддерживал с ними «даннические отношения», принимая их посланцев с «данью» и посылая ответные подарки. Это, как отмечалось на примере северо-западного региона, сближало положение некитайской администрации с иноземцами и, следовательно, может свидетельствовать в пользу ее большой самостоятельности.

Однако вместе с тем во многих конкретных случаях выражение покорности некитайским населением могло сопровождаться ограничением власти прежних вождей. В этом отношении весьма важным представляется предписание двора от 5 ноября 1404 г. поставить при всех «местных главах» в Юньнани китайских помощников, которые были бы «искушены в делах» управления [23, цз. 35, 610]. Официально это мотивировалось тем, что «местные чиновники» не знают китайского языка и китайских норм делопроизводства. Но, по существу, этот шаг означал разделение власти на местах и непосредственное подключение китайской администрации к управлению инонациональным населением. Можно предположить, что подобная практика впоследствии не ограничивалась лишь пределами Юньнани.

Следует отметить, что сами китайцы отнюдь не были склонны рассматривать учреждение «местных управлений» как чистую формальность, а пытались использовать их в своих интересах. В «Мин ши», например, записано: «Учреждали... различные военные и гражданские чины, [назначали] начальников Управления полного успокоения и [создавали] такие Управления для того, чтобы связать силы иноплеменников» [29, цз. 316, 7888 (4)]. Характерно также, что китайцев не устраивала та самостоятельность «местных тиранов» в Сычуани, о которой говорилось выше. Сообщая об этой самостоятельности, источник продолжал: «Поэтому вплоть до конца [правления династии] Мин приходилось часто утруждать себя карательными походами против них» [29, цз. 311, 7870 (1)]. Иначе

говоря, китайские власти были намерены добиваться реального подчинения «местной» администрации.

Наконец, определенную роль, связывающую самостоятельность «местных чиновников», была призвана играть налоговая политика в населенных некитайцами районах. Наряду с порядком представления дани двору (что в некоторых случаях могло приобретать и некоторые экономические функции)^[64], уже с 1403 г. в источниках прослеживаются сведения о включении людей некитайского происхождения в налоговые реестры. Этот порядок в начале XV в. распространяется на многие районы юго-западных провинций [23, цз. 20, 364, цз. 55, 816–817, цз. 81, 1089, цз. 149, 1743, цз. 150, 1745, цз. 161, 1825]. Данные сведения позволяют определить, что на некитайское население стали накладывать основные и дополнительные налоги, т. е. был принят такой же порядок, как в Собственно Китае. Одновременно начинают встречаться записи о недоимках в налогах с инонационального населения [23, цз. 17, 311]. После подчинения Гуйчжоу здесь стали создаваться специальные налоговые управления (*шуйкэсы*) [23, цз. 154, 1776]. Правда, желая приспособить китайскую систему налогообложения к местным условиям юго-западных районов, китайцы практиковали здесь изъятие налогов не только преимущественно зерновыми (как в Собственно Китае), но и другими видами продукции: золотом, серебром, киноварью, чаем, лошадьми, продуктами моря и др. [23, цз. 17, 311, цз. 56, 829, цз. 116, 1479, цз. 125, 1568, цз. 155, 1788]. Но сути дела это не меняло: распространение налогообложения некитайского населения в пользу китайской казны не только отнимало у местной верхушки часть ее дохода, но и делало «местных чиновников» ответственными перед китайской администрацией за поступление налогов. Постепенное привязывание инонациональных народов к китайскому налоговому прессу должно было сказаться не только на положении местной верхушки, но и на самом строе жизни этих народов и племен в юго-западных провинциях.

Нельзя также забывать, что признание покорности местными вождями могло сопровождаться расположением китайских гарнизонов на подведомственной этим вождям или близлежащей территории. Последнее не могло не влиять на их самостоятельность.

Учитывая все изложенное, вряд ли можно согласиться с мнением, что китайская система управления инонациональным населением

полностью оставляла без вмешательства извне существовавшие здесь порядки [213, 21–22]. Согласно приведенным данным, в начале XV в. наблюдается следующая картина. Автономная система «местных управлений» в одних случаях могла иметь реальный смысл, а в других — быть сильно ограниченной. Различие зависело от конкретных обстоятельств: соотношения сил в том или ином районе, географических условий (например, труднодоступности для войск), местных традиций, силы освободительного движения, стратегических расчетов китайцев и т. д. Немало значил и адрес подчинения автономных административных единиц. Если они подчинялись другим «местным чиновникам», то автономия могла сохраняться в большей степени. Если же они попадали под контроль китайских военных властей, то в меньшей.

При всем сказанном надо учитывать, что, даже оставляя (и в немалой степени вынужденно) определенную свободу действий местной социальной верхушки, китайское правительство не переставало стремиться к тому, чтобы его власть на национальных окраинах империи была вполне реальной. Наглядным подтверждением этому может служить образование в 1413–1414 гг. новой китайской провинции Гуйчжоу на территориях, издавна заселенных народом мяо. Этот шаг показывает, что императорское правительство в своей национальной политике на юго-западе страны не намеревалось ограничиться описанной системой автономии и стремилось к дальнейшей китаизации данных районов.

Организация провинции Гуйчжоу явилась кульминационным моментом упомянутой национальной политики в начале XV в. Здесь отразились многие характерные для нее черты и методы. Поэтому остановимся на этом событии подробнее.

Гуйчжоу — страна мяо, как ее называют этнографы, — долгое время сопротивлялась установлению китайской власти. Попытка ее покорения в конце XIV в. была, как отмечалось, неудачной. К рубежу следующего столетия из-под китайского контроля освободились даже те районы Гуйчжоу, которые ранее считались подчиненными империи. Но весной 1403 г. правительство Чжу Ди вновь подчиняет их и учреждает здесь 14 управлений старшего чиновника [23, цз. 16, 298]. Для дальнейшего захвата всей страны мяо китайцы воспользовались междоусобной борьбой мяоских племен. В 1413 г. сюда вторглась 50-

тысячная китайская армия [29, цз. 316, 7888 (4)]. В марте того же года Гуйчжоу получила «вспомогательный» (т. е. неординарный) статус провинции империи, а через год, в марте 1414 г., этот статус был окончательно утвержден [23, цз. 137, 1661, цз. 149, 1735]. Это сопровождалось установлением здесь обычных для Китая органов провинциальной власти — общеадминистративных, военных и судебных, а также новым территориальным районированием. В последнем случае наблюдается сочетание традиционных китайских административных единиц и отмеченных выше автономных образований.

Первоначально Гуйчжоу разделили на восемь областей (*фу*) и четыре округа (*чжоу*), сохранив в их подчинении 75 управлений старшего чиновника. Характерно, что все эти единицы были подведомственны имперскому Ведомству налогов, т. е. приобщены к китайской системе налогообложения [29, цз. 316, 7888 (4)]. Кроме этих «гражданских» территориальных делений в новой провинции были организованы 18 воинских вез (гарнизонов), подчинявшихся центральному Военному ведомству. Оно же распоряжалось еще семью управлениями старшего чиновника в Гуйчжоу, имевшими, как из этого следует, военизированный характер (т. е. население которых было приписано к военному сословию) [29, цз. 316, 7888 (4)].

В дальнейшем чиновные учреждения и посты, а также административное деление в Гуйчжоу неоднократно менялось. В общем и целом пытались придерживаться порядка, чтобы в каждой области было по шесть округов и по четыре управления старшего чиновника. Но, согласно источнику, эти единицы «то разделяли, то соединяли и реформировали по-разному» [29, цз. 316, 7888 (4)].

К управлению местными делами на уровне ниже областного могли привлекаться и «местные чиновники» [29, цз. 316, 7888 (4)]. Это облегчалось тем, что к описываемому времени у мяо уже достаточно четко выделилась социальная верхушка, приобретшая определенные административные функции [73, 271]. За «местными чиновниками» сохранялось «право» посылать «дань» императору. Но контроль за их назначениями на должность и преемственность их функций был передан в руки столичного Ведомства чинов [29, цз. 316, 7888 (4)]. Высшее командование над всеми «местными войсками», т. е. отрядами,

состоявшими из воинов мяо, поручалось центральному Военному ведомству [29, цз. 316, 7888 (4)].

Таким образом, в системе организации управления и районирования новообразованной провинции были использованы некоторые черты автономии, оставлявшиеся за местной некитайской социальной верхушкой. Но они тесно переплетались с ординарными китайскими порядками и осуществлялись при сохранении высшего контроля в руках китайской администрации. Отсюда можно заключить, что отмеченная автономия играла вспомогательную роль и использовалась имперскими властями в качестве орудия для закрепления своего господства.

Как явствует из сказанного выше, покорение Гуйчжоу и организация здесь провинции были осуществлены с помощью прямого военного давления. Это лишний раз подтверждает высказанный тезис о том, что китайское правительство в начале XV в. при всей рекомендуемой им осторожности в подходе к некитайским народам и стремлении «привлекать сердца добрым отношением» отнюдь не ограничивалось подобными методами и при возможности действовало открытой силой.

Образование провинции Гуйчжоу и связанное с этим еще большее закрепление китайского господства на юго-западе империи знаменует собой окончательное установление китайского господства на территориях к югу от р. Янцзы, заселенных иномациональными народами [73, 244, 277]. Но это совсем не означает, что местное некитайское население прекратило сопротивление китайскому владычеству. Вся первая четверть XV в., как до, так и после 1413–1414 гг., наполнена героическими страницами освободительной борьбы коренных жителей юго-западных провинций империи против установления китайского господства.

Уже в январе 1403 г. правительство Чжу Ди было вынуждено признать, что «различные иноплеменники юго-запада с трудом покоряются и легко поднимают мятежи» [23, цз. 15, 277]. Это, естественно, не было новостью для китайцев. Указ, посланный военным властям в Сычуань в мае 1409 г., констатировал: «Такое положение, что иноплеменники бунтуют, тянется издавна» [23, цз. 90, 1191]. Важно отметить, что рассматриваемый период в этом плане нисколько не являлся исключением. В комментариях китайских

хронистов к одному из указов императора по поводу национальной политики дана следующая обобщенная характеристика описываемого момента: «В те времена иноплеменники восставали и не подчинялись, иногда приходя в ярость» [23, цз. 90, 1190].

Официальная китайская идеология относилась к упомянутой ярости за счет естественных дурных качеств всех «варваров», т. е. некитайцев. «В сердце у иноплеменников измена», — писал военный из Гуанси в уже цитированном¹ докладе двору в конце 1403 г. [23, цз. 25, 460]. Наделе же такая «измена» имела вполне реальные основания. В этой связи следует вспомнить приведенные раньше слова доклада из Гуанси о том, что люди некитайского происхождения сначала приобщаются к «цивилизации», а затем снова бунтуют. Здесь заключен глубокий смысл: первоначально, выражая номинальную покорность далекому императорскому двору, некитайское население еще не сталкивалось с реальным гнетом китайских властей. Позже, испытав на себе этот гнет, оно поднималось на борьбу. Возможно, конечно, и другое объяснение: пока китайские войска действовали или угрожали «присоединяемым», последние подчинялись, но после ухода войск дальше и ослабления давления вновь стремились обрести независимость.

Так или иначе, правительству Чжу Ди уже с первых месяцев своего существования пришлось столкнуться с сопротивлением некитайских народов в юго-западных провинциях. В сентябре 1402 г. началось движение среди инонационального населения в Гуанси. Повстанцы «оказывали сопротивление, убивали китайских чиновников и солдат». Для подавления применялись и дипломатические, и военные средства. В декабре 1403 г., истребив около 1200 человек, китайцам удалось подавить движение [23, цз. 11, 191, цз. 15, 274–275, цз. 25, 457]. В мае 1405 г. из Гуанси поступил доклад о подавлении нового восстания, а буквально через несколько дней — о начале следующего [23, цз. 41, 671–673].

Аналогичная картина наблюдалась здесь два года спустя: в феврале 1407 г. пришло донесение об усмирении «иноплеменных разбойников», а в марте началось новое движение [23, цз. 62, 896, цз. 64, 910]. Последнее быстро разрасталось, так как в это время значительная часть китайских войск из Гуанси была переброшена для похода во Вьетнам. В результате имперским властям пришлось срочно стягивать войска из Хугуана, Юньнани, Гуйчжоу и даже отозвать часть

солдат из Вьетнама [23, цз. 70, 982, цз. 72, 1011–1012]. Это восстание было подавлено к ноябрю 1407 г. Освободительное движение народов яо и мяо в Гуанси вновь вспыхнуло в октябре 1412 г. Его непосредственной причиной послужило утяжеление налогов. Китайским властям удалось справиться с ним только в конце года [23, цз. 132, 1624, цз. 135, 1845]. Восстания некитайских народов в Гуанси отмечены также в 1415 и 1423 гг. [23, цз. 162, 1387, цз. 256, 2370, цз. 263, 2403].

Вооруженные выступления некитайского населения Юньнани зафиксированы в 1405 и 1423 гг. [23, цз. 49, 737–738, цз. 254, 2362]. Установление китайского господства в Гуйчжоу сопровождалось вспышками сопротивления народа мяо в 1404 г., дважды в 1408 г. и еще раз в 1410 г. [23, цз. 80, 1075, цз. 84, 1120, цз. 151, 1760]. Вооруженной борьбой сопровождалось и провозглашение Гуйчжоу провинцией в 1413–1414 гг. О том, что сопротивление не прекратилось и после этого, свидетельствует начало здесь нового восстания в декабре 1415 г. [23, цз. 170, 1899].

Наряду с этим в 1413–1414 гг. развернулось движение народа мяо в Сычуани. Для его подавления туда были переброшены войска из Хугуана и Гуйчжоу [23, цз. 138, 1671, цз. 142, 1699, 1707, цз. 144, 1710, цз. 147, 1727]. А в середине следующего, 1415 г. в Сычуани вспыхнуло восстание народа жун [23, цз. 166, 1859–1860]. Волнения некитайских народов в Хугуане отмечены в 1405, 1410, дважды в 1414 и еще раз в 1420 гг. [23, цз. 38, 647, цз. 105, 1360–1361, цз. 155, 1789, цз. 157, 1800, цз. 225, 2212].

Все отмеченные движения можно рассматривать как закономерную реакцию на усиление китайской власти в национальных районах на юго-западе империи. Но в целом правительству Чжу Ди удалось справиться с сопротивлением. И дело здесь не только в перевесе сил и превосходстве китайской армии, но и в известной заинтересованности социальной верхушки некитайских народов в союзе с китайскими феодалами. Такой союз помогал местной знати закрепить свое господствующее положение и приобщиться к новым, несомым с собой китайцами способам эксплуатации основной массы населения. Немалую пользу для закрепления китайского влияния приносила также племенная и национальная разобщенность народов, населявших юго-

западные провинции. Источники свидетельствуют, что китайцы умело пользовались подобной рознью.

При возникновении междоусобных конфликтов среди своих некитайских подданных правительство Чжу Ди предпочитало воздерживаться от непосредственного вмешательства. Несмотря на просьбы враждующих сторон о помощи, императорский двор ограничивался лишь манифестами с общетеоретическими рассуждениями о благодати мира [23, цз. 44, 698–699]. Такая позиция объясняется тем, что взаимные распри ослабляли возможность эффективного сопротивления китайскому господству. Официально же данная тактика объяснялась двором следующим образом. — «Южные иноплеменники нападают друг на друга издавна. Схватить одного-двух из них и наказать, этого недостаточно для преобразования их грубых нравов... А если торопиться с наказанием... то это лишь помешает обращению сердец людей из далеких краев к Китаю» [23, цз. 30, 545].

Главное, на что местным китайским властям предписывалось обращать внимание при описываемых конфликтах, — это повиновение всех враждующих сторон имперской администрации. Например, на запрос Му Шэна относительно позиции во время междоусобиц в Юньнани в 1403 г. последовал ответ двора: «И нападающие, и пострадавшие уже платят налоги в имперскую казну, что свидетельствует об отсутствии зла в их сердцах» [23, цз. 23, 424–425]. Единственное, что заботило правительство, — это возможность перерастания мелких распрей в массовые конфликты, грозившие поддержанию китайской власти. Поэтому местным китайским войскам предписывалось быть в постоянной готовности при междоусобных столкновениях инонациональных племен [23, цз. 44, 699–700].

Касаясь вопроса об использовании китайцами межплеменной и национальной розни некитайских народов, следует отметить и такой метод, как использование так называемых местных войск (*ту цзюнь*) для подавления антикитайских движений. Эти войска формировались из местного некитайского населения и привлекались китайским командованием для участия в карательных операциях против соседних им племен и народов [23, цз. 57, 838, цз. 162, 1837, цз. 80, 1075]. В декабре 1403 г. из Военного ведомства поступил ко двору специальный доклад, где проводилась мысль, что из-за трудных климатических условий и партизанских методов борьбы, применяемых

инонациональным населением, китайским войскам на юго-западе «трудно добиться успеха и поэтому нужно шире использовать местные войска» [23, цз. 25, 460–461]. Военный наместник в Гуйчжоу Гу Чэн организовал даже обучение местных войск по китайскому образцу для использования их при подавлении волнений местного населения [23, цз. 18, 330].

Говоря о закреплении китайского влияния в национальных районах юго-западных провинций, следует отметить, что наряду с подавлением! силой, распространением китайской администрации и системы налогообложения правительство Чжу Ди предпринимало отдельные шаги в сторону культурной ассимиляции некитайского населения. Это проявлялось прежде всего в насаждении китайской системы образования. В начале XV в. конфуцианские училища для людей инонационального происхождения были открыты в различных административных центрах Гуйчжоу, Сычуани, Юньнани и Хугуана [23, цз. 67, 935, цз. 157, 1797, цз. 191, 2017]. Кроме того, в Гуйчжоу в 1421 г. были учреждены шесть медицинских и десять философских училищ [23, цз. 235, 2261, цз. 240, 2285–2286]. Сыновья представителей некитайской социальной верхушки могли приниматься и в столичные учебные заведения, например Государственную школу [23, цз. 53, 793–794]. Начальник округа Шуньчжоу в Юньнани сообщал в 1417 г. двору, что подведомственное ему инонациональное население постепенно «пропитывается священной культурой» — усваивает китайский язык, наставления, преподающиеся в школах, готовит по китайскому образцу местные управленческие кадры [23, цз. 185, 1982]. Все это вполне созвучно с отмеченным выше стремлением китайцев «приручить» некитайские народы и с тяготением некоторой части их социальных верхов к китайским порядкам.

Таковыми были основные направления и методы национальной политики правительства Китая в первой четверти XV в. Как видим, они были весьма неоднородными. В зависимости от обстоятельств мог применяться целый ряд средств: от номинального провозглашения верховенства императора, предоставления своеобразной автономии и культурного проникновения до прямого воздействия силой и военного подавления. Но все эти методы преследовали одну общую цель — всемерное закрепление китайской власти и влияния на национальных окраинах империи.

Заключение

Рассмотрев комплекс вопросов, связанных с внутренним положением в Китае в 1398–1424 гг., можно попытаться определить общее значение данного периода в политической истории страны. В целом основным его историческим содержанием было преодоление той внутривластной неустойчивости, которая наблюдалась в первое время после воцарения династии Мин.

Корни отмеченной неустойчивости в конечном итоге следует искать в необычных обстоятельствах прихода к власти новой династии. Взойдя на престол после долго бушевавших в стране народных движений и после упорной борьбы за власть с соперниками, Чжу Юань-чжан старался всемерно укрепить свое положение. Стремясь усилить императорскую власть, он предпринял ряд шагов, вызвавших обострение внутривластной обстановки (изменение структуры управления, введение системы уделов, широкие террористические кампании). Противоречия сосредоточивались главным образом в правящих кругах господствующего класса новой империи. Это вылилось наружу сразу же после смерти основателя династии, добившегося значительного усиления своей личной, единодержавной власти.

В деятельности правительства Чжу Юнь-вэня, пришедшего ему на смену в 1398 г., можно обнаружить прямые попытки изменить некоторые порядки, наметившиеся при первом минском монархе. Здесь отразилось намерение найти пути к стабилизации внутреннего положения в стране. Однако упомянутые попытки, выразившиеся в смене руководящих кадров, административных реформах, начале ликвидации удельных владений и проектах преобразования системы землепользования, вызвали дальнейшее обострение обстановки и в конечном итоге привели к междоусобной войне. В этой связи войну 1399–1402 гг. следует рассматривать не только как борьбу за престол между Чжу Юнь-вэнем и Чжу Ди, но и как результат внутривластной борьбы в правящих кругах господствующего класса страны.

Победа группировки Чжу Ди в 1402 г. сама по себе не сняла всех накопившихся внутренних противоречий. Поэтому перед новым

правительством встала все та же проблема стабилизации Власти. Официально было провозглашено возвращение к прежним порядкам, существовавшим до 1398 г. Этот лозунг нашел подкрепление в некоторых практических акциях победителей в момент переворота 1402 г. и в их последствиях. Однако уже в ходе отмеченного переворота стали проявляться моменты, позволяющие считать, что новый императорский двор не намеревался идти по пути механического возвращения к политическим методам основателя династии. Дальнейшая деятельность правительства Чжу Ди подтверждает, что при сохранении многих институтов и направлений, характерных для времен Чжу Юань-чжана, в первой четверти XV в. намечается ряд новых явлений, которые свидетельствуют о существенных изменениях во внутриполитическом курсе.

Первое, что бросается здесь в глаза, — это окончательный отход правительства Чжу Ди от поисков опоры в лице удельных властителей. Продолжение конфликта между двором и уделами, завершившегося подавлением мятежа Хань-вана в 1426 г., показывает, что война «Цзиннань» отнюдь не привела к разрешению вопроса о сепаратизме ванов. И в этой области правительство Чжу Ди не только не следовало курсу Чжу Юань-чжана, но практически было вынуждено вернуться к линии свергнутой во время войны группировки. Существо этого не меняется от того, что методы разрешения конфликта между уделами и двором при Чжу Ди были несколько мягче, чем в 1398–1399 гг.

Вполне самостоятельной, отличной от предшествующего времени выглядит и линия, избранная в первой четверти XV в. императорским двором для укрепления своей власти в стране. Новое правительство, прекратив поиски опоры в уделах, отказавшись от широких исполнительных кампаний и попыток административного и социального реформаторства, пошло по пути дублирования управленческого аппарата и создания политического, военного и хозяйственного оплота на севере страны. Усиление внутридворцовых служб и соответствующее ослабление нормальных, традиционных каналов управления, параллельное существование двух правительственных аппаратов и, наконец, перенесение основной столицы в Пекин — все это находится в непосредственной связи со спецификой того положения, в котором оказалась группировка Чжу Ди после захвата власти. В этих шагах отразилось стремление нового императорского двора компенсировать

сохранявшуюся от предшествующего времени внутривнутриполитическую неустойчивость, не оказывая доверия титулованной знати и не полагаясь всецело на бюрократический аппарат.

В то же время Чжу Ди, получивший престол в результате военного переворота, не пошел на сколько-нибудь существенное усиление политической роли армии в стране. Частичное использование войск для укрепления трона заметно лишь в течение первых лет его царствования.

Существенным моментом в политическом курсе правительства в первой четверти XV в. является намерение следовать некоторым идеальным социальным и политическим образцам, предписываемым конфуцианскими и легистскими доктринами. В данном случае можно обнаружить определенное сходство с деятельностью Чжу Юань-чжана. В более широком смысле здесь отразилось влияние традиционных, издавна формировавшихся в Китае методов и средств управления. Практически это прослеживается и в социальной, и в экономической политике правительства Чжу Ди.

Центральная власть методами угроз, поощрений, увещеваний и проверок пыталась добиться идеальной работы чиновно-бюрократического аппарата, заставить его быть послушным проводником воли императора и уздой для народных масс. Правительство стремилось достичь некоего идеала и в социальной области, обеспечив полное спокойствие народа. Для этого делались попытки поддерживать определенный сносный уровень жизни крестьянских масс. Этой цели отвечал целый комплекс мероприятий, который можно определить общим термином — политика «заботы о народе». Стремление достичь идеальных образцов государственного и социального устройства можно обнаружить и в максимальном переводе армии на самообеспечение, определенном ограничении промыслово-торговой деятельности в стране, желании добиваться по возможности мирного урегулирования проявлений народного гнева.

Во всем этом нетрудно усмотреть общую целенаправленность к сохранению в стране существующих феодальных порядков, системы феодальной эксплуатации масс, классового мира. Тем самым традиционные политические методы, используемые правительством Чжу Ди, отвечали все той же общей задаче стабилизации внутривнутриполитического положения в стране. Другой вопрос, насколько

перечисленные шаги оказывались действенными, а идеал осуществимым.

В то же время в хозяйственной политике императорского двора в первой четверти XV в. прослеживается ряд характерных черт, выходящих за рамки традиционности. В аграрной политике — это отказ от каких-либо прямых попыток ограничения крупной феодальной земельной собственности, практиковавшихся при Чжу Юань-чжане. В области ремесленной промышленности — некоторая непоследовательность, сказавшаяся в одновременном и расширении, и сдерживании этой сферы производства. В отношении торговли — в целом снисходительное отношение (за исключением внешней торговли и торговой деятельности верхушки правящего класса), несмотря на теоретическое неодобрение и ущемление.

Какие же результаты имел принятый правительством Чжу Ди курс в административной и экономической политике? Сохранение сильных позиций императорской властью, обеспечение ее прочного господства в стране в условиях первоначально далеко не стабильного положения, преимущественное преодоление сил сепаратизма в уделах, поддержание определенного уровня в сельском хозяйстве страны, успешное в целом подавление возмущения народных масс, осуществление дальнейшей внутренней колонизации и, наконец, проведение активной внешней политики (что специально не рассматривалось, так как это предмет особого исследования) — все это говорит за успех избранной линии. Поэтому можно говорить о сравнительной стабилизации внутривластного положения после предшествующих коллизий.

Вместе с тем рассматриваемое время вряд ли можно назвать периодом «процветания». Почти во всех областях политической активности правительства дела были далеки от преследуемого идеала. Чиновный аппарат вызывал постоянное недовольство двора своим неподчинением и инерцией. Основу экономики страны — сельское хозяйство — удавалось «удерживать от развала» с большим трудом, налоговое бремя и другие тяготы основной массы населения постоянно возрастали, система военных поселений разлагалась, боеспособность армии падала, финансовая система шла к кризису, некитайское население продолжало оказывать сопротивление китайским властям, предотвратить народные восстания не удавалось.

Симптоматичны и те последствия, к которым повели некоторые явления, обозначившиеся в политической практике начала XV в. Усиление внутридворцовых служб приводило к повышению роли государственных секретарей, на плечи которых ложились многие дела управления. Отсюда вскоре после смерти Чжу Ди происходит известное ослабление императорской власти за счет расширения компетенции этих секретарей. У Ци-хуа в связи с этим считает, что в 1425–1435 гг. институт государственных секретарей практически заменил собой упраздненных в 1380 г. канцлеров [153, 7]. Впоследствии же оттеснение минских императоров от власти всесильными временщиками (чаще всего из среды евнухов) наблюдалось неоднократно.

Дублирование управленческого аппарата со временем вело к прогрессирующей инертности многих его звеньев. Усиление позиций евнухов, которые постепенно забирали в свои руки контроль над внутридворцовыми службами, вело к нарастающей некомпетентности носителей власти, росту бесконтрольности в государственных делах, коррупции и т. д.

В свою очередь, перенесение столицы в Пекин, сосредоточение здесь значительного количества войск, материальных средств, переселение сюда крестьянского населения и ремесленников, перевод сюда значительного числа управленческих кадров, учено-творческой элиты сопровождалось соответственным ослаблением политического и экономического влияния Нанкина и тяготевших к нему провинций центрально-южного Китая. По существу, правительство Чжу Ди оказало предпочтение северо-китайским феодалам в ущерб представителям господствующих слоев отмеченных южных провинций. Это не имело бы большого значения, если не учесть того факта, что центрально-южные провинции (бассейн нижнего течения р. Янцзы) являлись в то время передовыми в экономическом развитии страны.

Именно в этих районах, более чем в других, процветали арендные отношения в земледелии, городская экономика, ремесленное производство и торговля. Перемещение политического центра страны на север и ослабление влияния южнокитайских феодалов неминуемо должно было отрицательно сказаться на дальнейшем прогрессивном росте этих районов. В свою очередь, северные районы страны, где феодальное хозяйство, сильнее всего испытывшее влияние монгольского завоевания, продолжало оставаться отсталым, не могли

стать хорошей базой для быстрого экономического роста страны. Положение усугубилось тем, что после перенесения столицы в Пекин началось систематическое ограбление центрально-южных провинций: переброска значительной части товарного зерна на север.

Все отмеченное позволяет прийти к заключению, что достигнутая в первой четверти XV в. стабилизация внутривластного положения в Китае не повела затем к заметному прогрессу политической и экономической жизни страны. Уже со второй половины отмеченного столетия империя Мин начинает постепенно входить в полосу затяжного социально-политического кризиса, который в конечном итоге привел к новой грандиозной крестьянской войне, падению династии и установлению в стране власти маньчжурских завоевателей.

Библиография

Труды основоположников марксизма-ленинизма^[65]

1. Маркс К. Британское владычество в Индии, т. 9.
2. Маркс К. Революционная Испания, разд. 1, т. 10.
3. Маркс К. Капитал, т. 23, 25.
4. Маркс К. Формы, предшествовавшие капиталистическому производству, т. 46.
5. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии, т. 7.
6. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств, т. 21.
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, т. 21.
8. Энгельс Ф. К. Марксу, 6 июня 1863 г., т. 28.
9. Ленин В. И. Развитие капитализма в России, т. 3.
10. Ленин В. И. Демократия и народничество в Китае, т. 21.
11. Ленин В. И. О государстве, т. 29.
12. Ленин В. И. Государство и революция, т. 33.

Источники

На русском языке

13. Китайская история. Поколения Дай-Минских императоров, [б. м.], [б. г.] (Титульный лист отсутствует).
14. Свистунова Н. П. Материалы из «Свода законов династии Мин» о социально-экономических отношениях в Китае в XIV–XVII веках, — «Народы Азии и Африки», 1962, № 3.
15. Хрестоматия по истории Китая в Средние века, под ред. Л. В. Симоновской и К. В. Лепешинского, М., 1960.

На китайском языке

16. Го цюе (Краткое изложение сведений о государстве), сост. Тань Цянь, Пекин, 1958.

17. Гу цзинь ту шу цзи чэн (Полное описание древних и новых карт и книг), сост. Чэнь Мэн-лэй, Шанхай, 1934.

18. Да мин люй (Законы великой Минской империи), Токио, 1723.

19. Мин да чжэн цзуань яо (Краткие сведения о великой политике династии Мин), сост. Тань Си-сы, [б. м.], [б. г.].

20. Мин Жэнь-цзун ши лу (Записи о свершившемся при Минском Жэнь-цзуне), Сянган, 1964–1966.

21. Мин Сюань-цзун ши лу (Записи о свершившемся при Минском Сюань-цзуне), Сянган, 1964–1966.

22. Мин Тай-цзу ши лу (Записки о свершившемся при Минском Тай-цзу), Сянган, 1964–1966.

23. Мин Тай-цзун ши лу (Записи о свершившемся при Минском Тай-цзуне), Сянган, 1964–1966.

24. Мин тун цзянь (Полное отображение истории династии Мин), сост. Ся Се, Пекин-Шанхай, 1959.

25. Мин хуй яо (Краткие сведения о династии Мин), сост. Лун Вэнь-бинь, Пекин-Шанхай, 1956.

26. Мин цзи (Записки о династии Мин), сост. Чэнь Хао, Шанхай, [б. г.]

27. Мин цзянь ган му (Подробный конспект отображения истории династии Мин), сост. Инь Луань-чжан, Шанхай, 1936.

28. Мин ци цин као люе (Краткое исследование о семи сановниках периода Мин), сост. Хуан Да-хуа, — «Эр ши у ши бу бянь» («Дополнения к двадцати пяти династийным историям»), Пекин, 1956, т. 6.

29. Мин ши (История династии Мин), сост. Чжан Тин-юй и др., — «Эр ши у ши» («Двадцать пять династийных историй»), Шанхай, 1934, т. 9.

30. Мин ши гао (Проект истории династии Мин), сост. Ван Хун-сюй, [б. м.], [б. г.].

31. Мин ши лу цзяо кань цзи (Записки о сличении текста «Записей о свершившемся при династии Мин»), сост. Хуан Чжан-цзянь, Тайбэй, 1964–1968.

32. Мин ши цзи ши бэнь мо (Записки о событиях истории династии Мин от начала и до конца), сост. Гу Ин-тай, Шанхай, 1934.

33. Мин шу (Книга истории династии Мин), сост. Фу Вэй-линь, Шанхай, 1937.

34. Сюй вэнь сянь тун као (Продолжение полного исследования письменных памятников), сост. Ван Ци, Шанхай, 1936.

35. Хуан Мин чжао лин (Указы и распоряжения императоров династии Мин), сост. Фу Фэн-сян, Тайбэй, 1967.

36. Хуан Мин чжи шу (Книга о порядках при императорах династии Мин), сост. Чжан Лу, Тайбэй, 1969.

37. Цзяньвэнь сунь го чжи цзи юэ бяо (Хронологические таблицы жизни императора Цзяньвэнь после того, как он уступил престол), сост. Лю Тин-луань, — «Эр ши у ши бу бянь» («Дополнения к двадцати пяти династийным историям»), Пекин, 1956, т. 6.

На западноевропейских языках

38. Delamarre (trad.). Histoire de la dynastie des Ming, compose par l'emperor Khian-Loung, Paris, 1865.

Литература

На русском языке

39. Авенариус Г. Г. Краткий очерк истории Китая в связи с учением Конфуция о существе государственной власти, Харбин, 1914.

40. Антология китайской поэзии, т. 3, М., 1957.

41. Барк М. А. Буржуазная историография о социальной структуре средневекового общества, — «Вопросы истории», 1966, № 12.

42. Березный Л. А. Американская буржуазная историография о характере китайского средневекового общества, — «Исследования по истории стран Востока», Л., 1964.

43. Бичурин Н. Я. Очерк истории Китая, — «Сын отечества», 1840, т. V.

44. Бокщанин А. А. К истории управлений торговых кораблей в Китае, — «Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии», М., 1967.

45. Бокщанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV–XVI вв., М., 1968.

46. Бокщанин А. А. О социальной базе войны Цзиннань, — сб. «История и культура Китая», М., 1974.

47. Бокщанин А. А. Об усилении деспотической власти в Китае в конце XIV века, — «Народы Азии и Африки», 1969, № 1.

48. Бокщанин А. А. О средневековой китайской стратегии и тактике на примере войны Цзиннань (1399–1402 гг.), — сб. «Китай: общество и государство», М., 1973.

49. Боровкова Л. А. Восстание «Красных войск» в Китае, М., 1971.

50. Боровкова Л. А. Восстание «Красных войск» и возвышение Чжу Юань-чжана, — «Народы Азии и Африки», 1961, № 3.

51. Боровкова Л. А. Группировка Го Цзы-сина-Чжу Юань-чжана на первом этапе восстания «Красных войск», — «Краткие сообщения ИНА АН СССР», 1963, № 66.

52. Боровкова Л. А. Китайская историография восстания «Красных войск» в Китае (середина XIV в.), — сб. «Историография и источниковедение стран зарубежного Востока», М., 1967.

53. Боровкова Л. А. - [Рец. на кн.:] Н. П. Свистунов а. Аграрная политика династии Мин. XIV век, — сб. «Современная историография стран зарубежного Востока», вып. 2, М., 1969.

54. Боровкова Л. А. О борьбе китайского народа против монгольских завоевателей в середине XIV в., — сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе», М» 1970.

55. Боровкова Л. А. О некоторых аспектах аграрной политики Чжу Юань-чжана, — «Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае», М., 1974.

56. Бруннерт И. М., Гагельстром В. В. Современная политическая организация Китая, Пекин, 1910.

57. Ван Су, Син Линь. Из истории китайской металлургии, — «Дружба», 1959, № 11.

58. Васильев Л. С. Государство и бюрократия в истории Китая, — сб. «Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы», М., 1970.

59. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае, М., 1970.

60. Васильев Л. С. Политическая власть и социальный контроль в традиционном Китае, — сб. «Научная конференция «Общество и

государство в Китае». Доклады и тезисы», М., 1971.

61. Васильев Л. С. Реформы в Китае: цели и объективные результаты, — сб. «Четвертичная научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады», М., 1973.

62. Васильев Л. С. Роль конфуцианства в формировании некоторых традиций и стереотипов в Китае, — сб. «Симпозиум «Роль традиций в истории Китая» (Тезисы докладов)», М., 1968.

63. Васильев Л. С. Традиция и проблемы социального прогресса в истории Китая, — «Роль традиций в истории и культуре Китая», М., 1972.

64. Вяткин Р. В., Тихвинский С. Л. О некоторых вопросах исторической науки в КНР, — «Вопросы истории», 1963, № 10.

65. Гриневич П. А. К вопросам истории китайского феодализма, — «Проблемы Китая», 1935, № 4.

66. Думан Л. И. Китай в XVI–XVII веках, — «Всемирная история», т. 4, М» 1958.

67. Думан Л. И. Некоторые проблемы социально-экономической политики монгольских ханов в Китае в XIII–XIV вв., — сб. «Татаро-монголы в Азии и Европе», М., 1970.

68. Думан Л. И. О социально-экономическом строе Китая в III в. до н. э. – I в. н. э., — «Вопросы истории», 1957, № 2.

69. Думан Л. И. Очерк истории Китая, — «Китай», М.-Л., 1940.

70. Иванов А. А. Бумажное обращение в Китае до XV в., СПб., 1914.

71. Илюшечкин В. П. Аренда в системе частнособственнической эксплуатации древнего и средневекового Китая, — «Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае», М., 1974.

72. История Китая с древнейших времен до наших дней, под ред. Л. В. Симоновской, М. Ф. Юрьева, М., 1974.

73. Итс Р. Ф. Этническая история юга Восточной Азии, Л., 1972.

74. Итс Р. Ф., Смолин Г. Я. Очерки истории Китая, Л., 1961.

75. Кара-Мурза Г. С. Лекции по истории Китая в средние века, вып. 2, М» 1940.

76. Ключевский В. О. Курс русской истории, ч. 1, М., 1956.

77. Конрад Н. И. Народы Китая, Кореи, Японии и Индии в борьбе с монгольскими завоевателями. Восточная и Юго-Восточная Азия в XV в., — «Всемирная история», т. 3, М., 1957 (гл. 36, разд. 1).

78. Короткова А. И. Из истории политической борьбы в Китае в конце XVI и начале XVII в., — «Сборник статей по истории стран Дальнего Востока», М., 1952.

79. Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев, М., 1967.

80. Лапина З. Г. К вопросу о традиции в экономических учениях китайского средневековья (Теория «земледелие — основное, торговля и ремесло — второстепенное» в книге Ли Гоу, XI в.), — «Народы Азии и Африки», 1969, № 4.

81. Лапина З. Г. Об одной концепции западной историографии в освещении реформаторского движения в Китае в XI в., — сб. «Историография стран Востока», М., 1969.

82. Лапина З. Г. Политическая борьба в средневековом Китае, М., 1970.

83. Лапина З. Г. Проблемы бюрократии в политических учениях XI в., — сб. «Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы», М., 1970.

84. Лапина З. Г. Проект реформ Фань Чжун-яня. 1043–1044 гг., — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», вып. 66, 1963.

85. Лапина З. Г. Феодалные концепции китайских средневековых и буржуазных историков в освещении реформаторского движения в Китае XI в., — «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки», вып. 2, Л., 1968.

86. Мартынов А. С. Конфуцианство, буддизм и двор в эпоху Мин, — «История и культура Китая», М., 1974.

87. Мартынов А. С. О некоторых особенностях торговли чаем и лошадьми в эпоху Мин, — «Китай и соседи», М., 1970.

88. Мартынов А. С. О «персонализме» традиционных китайских воззрений на государство и государственный аппарат, — сб. «Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы», М., 1970.

89. Мартынов А. С. Об одной специфической черте восточного государства, — сб. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», М., 1966.

90. Мартынов А. С. Образ государства в официальных документах династии Сун (960–1279), — сб. «Третья научная конференция

«Общество и государство в Китае»», М., 1972.

91. Меликсето в А. В. О традиционности государственного регулирования экономической жизни в Китае, — сб. «Роль традиций в истории и культуре Китая», М., 1972.

92. Мелихов Г. В. Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402–1413 гг.), — сб. «Китай и соседи», М., 1970.

93. Мировицкая Г. А. Обсуждение китайскими учеными проблемы генезиса капитализма в Китае, — «Вопросы истории», 1957, № 6.

94. Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах, М., 1965.

95. Мункуев Н. Ц. О двух тенденциях в политике первых монгольских ханов в Китае в первой половине XIII века, — «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения АН СССР», вып. 8, Улан-Удэ, 1962.

96. Непомнин О. Е. Социальная сущность аграрной политики династии Мин (вторая половина XIV в.), — «Народы Азии и Африки», 1969, № 4.

97. Никифоров В. Н. Специфика господствующего класса в старом Китае (сословие шэньпи), — сб. «Роль традиций в истории и культуре Китая», М., 1972.

98. Очерки истории Китая, под ред. Шан Юэ, М., 1959.

99. Парфионович Ю. М. Китайские историки о зарождении капитализма в Китае, — «Советское востоковедение», 1957, № 4.

100. Переломов Л. С. Вклад легизма в формирование традиционных институтов китайской государственности, — сб. «Роль традиций в истории и культуре Китая», М., 1972.

101. Переломов Л. С. Империя Цинь, М., 1962.

102. Переломов Л. С. Легистские концепции «равенства перед законом» и ханьская бюрократия, — сб. «Китай: общество и государство», М., 1973.

103. Переломов Л. С. О роли идеологии и становлении деспотического государства в Китае, — «Народы Азии и Африки», 1967, № 3.

104. Покотилов Д. История восточных монголов в период династии Мин, 1368–1644, СПб., 1893.

105. Свистунова Н. П. Аграрная политика Минского правительства во второй половине XIV в., М., 1966.

106. Свистунова Н. П. О свободной крестьянской собственности в начале правления минской династии, — «Народы Азии и Африки», 1961, № 3.

107. Свистунова Н. П. Организация пограничной службы на севере Китая в эпоху Мин, — сб. «Китай и соседи», М., 1970.

108. Свистунова Н. П. Пожалования государственных земель в годы правления Чжу Юань-чжана (1368–1398), — сб. «Китай, Япония», М., 1961.

109. Свистунова Н. П. Установления о соли и чае, М., 1975.

110. Симоновская Л. В. Антифеодалная борьба китайских крестьян в XVII в., М» 1966.

111. Симоновская Л. В. Две тенденции в феодальном обществе Китая позднего периода. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедения, М., 1960.

112. Симоновская Л. В. Основные черты истории средневекового Китая, — «Преподавание истории в школе», 1961, № 4.

113. Симоновская Л. В. Эренбург Г. Б., Юрьев М. Ф. Очерк истории Китая, М., 1956.

114. Смолин Г. Я. Антифеодалные восстания в Китае, М., 1974.

115. Стужина Э. П. Вопрос о зарождении капиталистических отношений в Китае в работах современных китайских историков, — сб. «Средние века», XII, 1958.

116. Стужина Э. П. Китайское ремесло в XVI–XVIII вв., М» 1970.

117. Стужина Э. П. Современная китайская историческая наука о проблемах социально-экономической истории Китая в позднее средневековье (XVI–XVIII вв.), — сб. «Современная историография стран зарубежного Востока. Китай», М., 1963.

118. Харнский К. А. Китай с древнейших времен |до наших дней, Хабаровск-Владивосток, 1927.

На китайском языке

119. Ван Дэ-чжао. Мин цзи чжи чжэнчжи юй шэхуй (Политика и общество в период Мин), Шанхай, 1942.

120. Ван Чун-у. Лунь Юань мо нунминь тии ды шэхуй бэйцзин (О социальном фоне крестьянских восстаний в конце династии Юань), —

«Лиши яньцзю», 1954, № 1.

121. Ван Юй-цюань. Мин дай цзюньтун чжиду ды лиши цюаньюань цзи ци тэдянь (Исторические истоки и особенности системы военных поселений в эпоху Мин), — «Лиши яньцзю», 1959, № 6.

122. Ван Юй-цюань. Мин дай цзюнь ху (Военные дворы в эпоху Мин), — «Лиши яньцзю», 1959, № 8.

123. Ван Я-нань. Чжунго гуньяло чжэнчжи яньцзю (Исследование бюрократического правления в Китае), Шанхай, 1948.

124. Ван Я-нань. Чжунго дичжу цзинцзи фынцзянь чжиду лунган (Рассуждения о помещичье-феодальном строе в Китае), Шанхай, 1955.

125. Дин И. Мин тэу чжэндзэ (Политика специальной службы в эпоху Мин), Пекин, 1950.

126. Дэн Сы-юй. «Мин да гао» юй Мин чу чжи чжэнчжи шэхуй («Минские высшие распоряжения» и социальная политика в начале эпохи Мин), — «Яньцзин сюэбао», 1936, № 20.

127. Дэн Чжи-чэн. Чжунхуа эр цянъ нянь ши (История Китая за две тысячи лет), Пекин, 1955.

128. Лай Цзя-ду. Мин дай Юнь-Ян нунминь тии (Крестьянское восстание в области Юнь и Ян в период Мин), Ухань, 1958.

129. Ли Гуан-би. Мин дай юй во чжаньчжэн (Война с японскими пиратами в период Мин), Шанхай, 1957.

130. Ли Гуан-би. Мин чао ши люе (Краткая история династии Мин), Ухань, 1957.

131. Ли Сюнь. Мин Цин ши (История периода Мин и Цин), Пекин, 1956.

132. Ли Цзинь-хуа. Мин Чэнцзу шэнму вэньти хуйчжэн (Некоторые свидетельства по вопросу о том, кто был матерью минского Чэнцзу), — «Голи чжунъян яньцзююань ли ши юйянь яньцзюсо цзикань», 1936, т. 6, № 1.

133. Ли Цзянь-н у н. Сун, Юань, Мин цзинцзи шигао (Очерки экономической истории в эпоху Сун, Юань и Мин), Пекин, 1957.

134. Люй Чжэнь-юй. Цзяньмин Чжунго тунши (Краткая всеобщая история Китая), Пекин, 1959.

135. Лян Фаи-чжун. Мин дай лянчжан чжиду (Система налоговых старост в эпоху Мин), Шанхай, 1957.

136. Мэн Сэнь. Вань Цзи-е «Мин ши гао» банью (Разъяснение ошибок в «Мин ши гао» Вань Цзи-е), — «Мин Цин ши луньчжу цзикань» («Сборник статей и сочинений по истории Китая в период Мин и Цин»), Пекин, 1959.

137. Мэн Сэнь. Мин кайго ихоу чжи чжиду (Строй империи Мин после ее образования)-«Мин дай чжэнчжи» («Политика династии Мин»), Тайбэй, 1968. Сер. «Мин ши луньцун», чжи сы («Сборник статей по истории периода Мин», № 4).

138. Мэн Сэнь. Цзяньвэнь суньго ши као (Исследования обстоятельств отречения императора Цзяньвэня), — «Мин Цин ши лунь чжу цзикань» («Сборник статей и сочинений по истории Китая в период Мин и Цин»), т. 1, Пекин, 1959.

139. Пэн Синь-вэй. Чжунго хоби ши (История денег в Китае), т. 2, Шанхай, 1954.

140. У Хань. Лиши шан цзюньцюань ды сяньчжи (Ограничение власти монарха в различные периоды истории), — «Юньнань жибао синти лунь-вэнь», 1943.

141. У Хань. Мин дай ды кэцзюй цинкуан хэ шэньши тэцюань (О положении с выдвижением на экзаменах и особых правах шэньши в эпоху Мин), — «Дэн ся цзи» (Сборник сочиненного при свете лампы), Пекин, 1961.

142. У Хань. Мин дай ды Цзиньивэй хэ Дунсигуан (Цзиньивэй и Дунси-гуан периода Мин), — «Дэн ся цзи» («Сборник сочиненного при свете лампы»), Пекин, 1961.

143. У Хань. Мин дай Цзиннань чжи и юй году бэй цянь (Сражения войны Цзиннань и перенесение государственной столицы на север в эпоху Мин), — «Цинхуа сюэбао», 1935, т. 10, № 4.

144. У Хань. Мин дай чжи цзюньбин (Армия в эпоху Мин), — «Ду ши чжацзи» («Записи при чтении истории»), Пекин, 1956.

145. У Хань. Мин чу шэнчаньли ды фачжань (Развитие производительных сил в раннем минском обществе), — «Лиши яньцзю», 1955, № 3.

146. У Хань. Мин Чэнцзу шэн му као (Исследование о родной матери минского Чэнцзу), — отд. оттиск из «Голи цинхуа дасюэ Цинхуа сюэбао», 1935.

147. У Хань. Сун Мин цзянь тунчжи цзецзи ды нэйбу маодунь (Противоречия внутри господствующего класса в период династий Сун

Мин), — «Синь цзянынэ», 1959, № 3.

148. У Хань. Тань Цянь хэ «Го цюе» (Тань Цянь и его книга «Го цюе»), — «Дэн ся цзи» («Сборник сочиненного при свете лампы»), Пекин, 1961.

149. У Хань. Ху Вэй-юн дан ань као (Исследование дела партии Ху Вэй-юна), — «Яньцзин сюэбао», 1934, № 15.

150. У Хань. Цзи Да Мин тун син баочао (Описание минских ассигнаций), — «Ду ши чжацзи» («Записки при чтении истории»), Пекин, 1956.

151. У Хань. Цзи «Мин ши лу» (Записки о «Мин ши лу»), — «Ду ши чжацзи» («Записки при чтении истории»), Пекин, 1956.

152. У Хань. Чжу Юань-чжан чжуань (Биография Чжу Юань-чжана), [б. м.], 1949.

153. У Ци-хуа. Лунь Мин дай фэй сян юй сянцюань чжи чжуань (Об упразднении канцлеров и перемещении их власти в эпоху Мин), — «Мин дай Цин дай ши яньцзю луньцзи» («Сборник исследовательских статей по истории периодов Мин и Цин»), [б. м.], [б. г.]. Сер. «Далу цзачжи шисюэ цуншу», ди сань цзи, ди сы цэ («Собрание трудов по истории из журнала «Далу цзачжи»», вып. 3, т. 4).

154. У Ци-хуа. Лунь Мин дай фэн фань юй цзюньши чжицюань чжи чжуань (О раздаче уделов и перемещении военной власти в эпоху Мин), — «Мин дай Цин дай ши яньцзю луньцзи» («Сборник исследовательских статей по истории периодов Мин и Цин»), [б. м.], [б. г.]. Сер. «Далу цзачжи ши сюэ цуншу», ди сань цзи, ди сы цэ («Собрание трудов по истории из журнала, «Далу цзачжи»», вып. 3, т. 4).

155. У Ци-хуа. Мин дай хуанши чжун хэхэ юй дуйли (Согласие и противоречия в императорском доме в эпоху Мин), — «Чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо цзикань», 1967, т. 1, № 37.

156. У Ци-хуа. Мин дай цзинянь вэньти (Вопросы хронологии эпохи Мин), — «Мин Цин яньцзю луньцзи» («Сборник исследовательских статей по истории периодов Мин и Цин»), [б. м.], [б. г.]. Сер. «Далу цзачжи шисюэ цуншу», ди эр цзи, ди сы цэ («Собрание трудов по истории из журнала «Далу цзачжи»», вып. 2, т. 4).

157. Фан Цзи. Мин дай ды хайюнь хэ цзаочуань гунье (Морские перевозки и строительство кораблей в эпоху Мин), — «Вэнь ши чжэ», 1957, № 5.

158. Фан Цзи. Мин чао ды цзюнь тунь (Военные поселения при династии Мин), — «Лиши цзяосюэ», 1956, № 6.

159. Фань Вэнь-лань. Чжунго тунши цзяньбянь (Очерки всеобщей истории Китая), Шанхай, 1950.

160. Фу И-лин. Мин дай Цзяннань ши-минь цзинцзи шитань (Опыт изучения городской экономики в Цзяннань в эпоху Мин), Шанхай, 1957.

161. Фу И-лин. Мин — Цин шидай шанжэнь цзи шанье цзыбэнь (Торговцы и торговый капитал в период Мин — Цин), Пекин, 1956.

162. Хоу Куа. Мин Чэнцзу Юнлэ шици гайсю Бэйцзин ды шиши жу хэ? (Как практически был перестроен Пекин в годы Юнлэ при минском Чэнцзу?), — «Лиши цзяосюэ», 1956, № 4.

163. Ху Жу-лэй. Гуаньюй Чжунго фэнцзянь шэхуй синтай ды исе тэ-дянь (О некоторых особенностях феодального общества в Китае), — «Лиши яньцзю», 1962, № 1.

164. Ху Ши. Цзяньвэнь суньго чжуаныно ды яньбянь (Изменение и развитие предания об отречении от престола императора Цзяньвэня), — «Голи Чжунъян яньцзююань лиши юйянь яньцзюсо цзикань», 1928, т. 1, № 1

165. Хун Чао. Чэди чаньюй У Хань ды «Чжу Юань-чжан чжуань» чжэ чжуда дуцао (С корнем вырвем большое ядовитое растение — «Биография Чжу Юань-чжана» У Ханя), — «Гуанмин жибао», 15.VI.1966

166. Цзе Юй-цай. Мин дай вэй со чжиду синшуай као (Исследование о расцвете и разложении системы военных гарнизонов в эпоху Мин), — «Мин дай чжэнчжи» («Политика династии Мин»), Тайбэй, 1968. Сер. «Мин ши луньцун», чжи сы («Сборник статей по истории периода Мин», № 4).

167. Цзянь Бо-цзань. Лунь Мин ды яньчэнь цзи яньдан чжэнцэ (О евнухах в политике клик евнухов в эпоху Мин), — «Чжунго ши луньцзи» («Сборник статей по истории Китая»), Чунцин, 1943.

168. Цзянь Бо-цзань, Шао Сюнь-чжэн, Ху Хуа. Чжунго лиши ганьяо (Очерки истории Китая), Пекин, 1956.

169. Чжан Вэй-хуа. Мин дай хайвай маои цзяньлунь (Краткий очерк заморской торговли в эпоху Мин), Шанхай, 1955.

170. Чжоу Гу-чэн. Чжунго тунши (Всеобщая история Китая), Шанхай, 1956.

171. Чжунго цзыбэньчжуи мэнья вэньти таолунь цзи (Сборник статей по вопросу о зарождении капитализма в Китае), Пекин, 1957.

172. Чжэн Хао-шэн. Шиу шицзи чун Чжунго юй Я — Фэй гоцзя цзянь цзай чжэнчжи цзинцзи хэ вэньхуа шан гуаньси (Политические, экономические и культурные связи Китая со странами Азии и Африки в начале XV в.), — «Шаньдун дасюэ сюэбао», 1957, т. 3, № 1.

173. Чэнь Лунь-сюй. Цзи Мин Тяньпунь-Чэнхуа цзянь дачэнь нань бэй чжи чжэн (Записки о борьбе между крупными сановниками Юга и Севера страны в годы Тяньпунь-Чэнхуа), — «Мин дай чжэнчжи» («Политика династии Мин»), Тайбэй, 1968. Сер. «Мин ши луньцун», чжи сы («Сборник статей по истории периода Мин», № 4).

174. Чэнь Мин-чжун. Люе лунь Хуньу нянь цзянь ды чжуанъян цзи-цюань чжэнцэ (Коротко о политике централизации власти в годы Хуньу), — «Шисюэ юэкань», 1957, № 9.

175. Чэнь Мин-чжун. Ши лунь Мин цзяньго чунянь тутянь хуоу фуи чжи чжиду (Относительно земельной системы, народонаселения и системы налогов и повинностей в первые годы после создания империи Мин), — «Шисюэ юэкань», 1957, № 3.

176. Чэнь Ши-ци. Мин дай гуань шоугунье ды яньцзю (Развитие казенной ремесленной промышленности в эпоху Мин), Ухань, 1958.

177. Шу Ши-чжэн. Чжунго ды фэнцзянь шэхуй цзи ци фэн ци (Китайское феодальное общество и его периодизация), — Шанхай, 1957.

178. Шэнь Ган-бо. Фан Сяо-жу ды чжэнчжи сюэшо (Политическое учение Фан Сяо-жу), — «Мин Цин ши яньцзю луньцзи» («Сборник исследовательских статей по истории периодов Мин и Цин»), [б. м.], [б. г.]. Сер. «Далу цзачжи шисюэ цуншу, ди эр цзи, ди сы нэ» («Собрание трудов по истории из журнала «Далу цзачжи»»), вып. 2, т. 4).

179. Юй Дэнь. Мин дай Гоцзыцзянь ча чжиду каолюэ (Коротко о системе проверки Государственной школы в период Мин), — «Мин дай чжэнчжи» («Политика династии Мин»), Тэйбэй, 1968, Сер. «Мин ши луньцун», чжи сы («Сборник статей по истории периода Мин», № 4).

180. Юй Дэнь. Мин Дай цзяньча чжиду гайшу (Очерк цензурского режима в эпоху Мин), — «Мин дай чжэнчжи» («Политика династии Мин»), Тайбэй, 1968. Сер. «Мин ши луньцун», чжи сы («Сборник статей по истории периода Мин», № 4).

181. Ян Го-чжэнь. Лунь Мин чу тунчжи цзецзи ды нэйбу доучжэн (О внутренних противоречиях в господствующем классе в начале эпохи Мин), — «Гуанмин жибао», 23.11.1966.

182. Ян Си-ши. Чжунго чжэнчжи чжиду ши (История политического строя Китая), Шанхай, 1947.

<i>На западноевропейских языках</i>
----

183. Balazs E. La bureaucratie celeste. Recherches sur l'economie et la so-ciete de la Chine traditionnelle, Paris, 1968.

184. Balazs E. Chinese Civilisation and Bureaucracy, New Haven — London, 1964.

185. Balazs E. Political Theory and Administrative Reality in Traditional China, London, 1965.

186. Bary W. T. de. Chinese Despotism and the Confucian Ideal: a Seventeen Century View, — «Chinese Thought and Institutions» ed. by J. K. Fairbank, Chicago, 1957.

187. Bary W. T. de and others. Self and Society in Ming Thought, New York — London, 1970.

188. Castonnet des Fosses H. La Chine sous les Ming, — «Annales de l'Extreme Orient et de l'Afrique», 1886, vol. IX.

189. Chan D. B. The Problem of the Princes as Faced by the Ming Emperor Hui (1399–1402), — «Oriens», 1958, № 11.

190. Chan D. B. The Role of the Monk Tao-Yen in the Usurpation of the Prince Yen (1398–1402), — «Sinologica», 1959, vol. 6, № 2.

191. Chang Chung-li. The Chinese Gentry. Studies in their Role in 19th Century Chinese Society, Seattle, 1955.

192. Chang Chung-li. Income of the Chinese Gentry, Seattle, 1962.

193. Ch'ien Tuan-sheng. The Government and Politics of China, Cambridge Mass., 1950.

194. Crawford R. B. Eunuch Power in the Ming Dynasty, — «Toung Pao», 1961, vol. 49.

195. Eberhard W. Conquerors and Rulers. Social Forces in Medieval China, Leiden, Brill, 1952.

196. Eberhard W. A History of China, Berkeley — Los Angeles, 1950.

197. Eberhard W. Social Mobility in Traditional China, Leiden, Brill, 1962.
198. Eisenstadt S. N. The Political System of Empires: the Rise and Fall of the Historical Bureaucratic Societies, Glencoe, 1963.
199. Fairbank J. K. and Reishauer E. East Asia. The Great Tradition, Boston, 1960.
200. Farmer E. L. The Princes and the Regional Military Power in Early Ming, — A paper presented at the 22 Annual Meeting of the Association for Asian Studies, San Francisco, 1970.
201. Fitzgerald C. P. The Southern Expansion of the Chinese People, Canberra, 1972.
202. Franke W. An Introduction to the Sources of the Ming History, Kuala-Lumpur-Singapore, 1968.
203. Friese H. Das Dienstleistungs — System der Ming-Zeit, Hamburg, 1959.
204. Goodrich L. C. A Short History of the Chinese People, New York, 1959.
205. Grimm T. Erziehung und Politik im Konfuzianischen China der Ming-Zeit, Hamburg, 1960.
206. Ho Ping-ti. The Ladder of Success in Imperial China. Aspects of Social Mobility 1368–1911, New York — London, 1962.
207. Ho Ping-ti. Studies on the Population of China, 1368–1953, Cambridge, Mass., 1959.
208. Hsiao K. C. Rural Control in Nineteenth Century China, — «Far East Quarterly», 1952–1953, vol. XII.
209. Huang R. Fiscal Administration During the Ming Dynasty, — «Chinese Government in Ming Times» ed by Ch. O. Hucker, New York — London, 1969.
210. Hucker Ch. O. The Censorial System of Ming China, Stanford, 1966.
211. Hucker Ch. O. (ed.) Chinese Government in Ming Times, New York, 1969.
212. Hucker Ch. O. Governmental Organisation of the Ming Dynasty, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1958, vol. XXLI.
213. Hucker Ch. O. The Traditional Chinese State in Ming Times (1368–1644), Tucson, 1961.

214. Kracke E. A. The Chinese and Art of Government, — «The Legacy of China», ed. by R. Dawson, Oxford, 1964.

215. Lattimore O. Studies in Frontier History, Paris — La Haye, Mouton, 1962.

216. Lee Ping-hua M. The Economic History of China, New York. 1921.

217. Liu Ts'un-yan. Taoist Self-Cultivation in Ming Thought, — in «Self and Society in Ming Thought», New York — London, 1970.

218. Lo Jung-pang. Policy Formulation and Decision-Making on Issues Respecting Peace and War, — «Chinese Government in Ming Times», ed. by Ch. O. Hucker, New York — London, 1969.

219. Marsh R. M. The Mandarines: Circulation of Elites in China, Glencoe, 1961.

220. Meskill J. Academies and Politics in the Ming Dynasty, — in «Chinese Government in Ming Times» ed. by Ch. O. Hucker, New York — London, 1969.

221. Mote F. W. The Growth of Chinese Despotism, — «Orient Extremus», 1961, vol. 8.

222. Parsons J. B. The Ming Dynasty Bureaucracy: Aspects of Background Forces, — «Chinese Government in Ming Times», ed. by Ch. O. Hucker, New York — London, 1969.

223. Serruys H. Sino-Jurced Relation during the Yung-lo Period, Wiesbaden, 1955.

224. Siedel A. A Taoist Immortal of the Ming Dynasty: Chang San-feng, — «Self and Society in Ming Thought», New York — London, 1970.

225. Sprenkel O. B. van der. The Cronological Tables of Lei Li. (An Important Source of the Ming Bureaucracy), — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1952, vol. XIV, pt. 2.

226. Sprenkel O. B. van der. The Geographical Background of the Ming Service, Leiden, 1961.

227. Sprenkel O. B. van der. High Officials of the Ming, — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1952, vol. XIV, pt. 1.

228. Sprenkel O. B. van der. Population Statistics in Ming China, — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1953, vol. XV, pt. 2.

229. Taylor R. Yuan Origing of the Wei-So System, — «Chinese Government in Ming Times», ed. by Ch. O. Hucker, New York — London,

1969.

230. Teng Ssu-yu. Ming Tai-tsu's Destructive and Constructive Work, — «Chinese Culture», 1968, vol. VIII, № 3.

231. Wang Gung-wu. China and Southeast Asia, 1402–1424, —«Studies in the Social History of China and Southeast Asia» ed. by J. Ch'en and N. Tarling, Cambridge, 1970.

232. Wiethoff B. Die chinesische Seeverbotspolitik und der private Über- seehandel von 1368 bis 1567, Hamburg, 1963.

233. Wittfogel K. A. New Light of Chinese Society, New York, 1938.

234. Wittfogel K. A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power, New Haven, 1957.

235. Yang Lien-sheng. Ming Local Administration, — «Chinese Government in Ming Times», ed. by Ch. O. Hucker, New York, London, 1969.

236. Yang Lien-sheng. Towards a Study of Dynastic Configuration in Chinese History, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1954, vol. 17, № 3–4.

---

notes

Примечания

В работе использовано издание, выпущенное в Сянгане (Гонконге) в 1964–1966 гг. фотолитографическим способом с рукописного экземпляра, хранившегося в Государственной пекинской библиотеке. При этом была сверена и уточнена нумерация цзюаней (глав). В результате события, размещавшиеся ранее в 130 цзюанях, были подразделены на 274 цзюаня (кроме того, 4 цзюаня имеют по 2 части, поэтому практически труд состоит из 278 цзюаней).

Более подробную характеристику «Мин ши лу» как исторического источника см. в работе У Ханя «Цзи Мин ши лу» [151]. Однако самостоятельной характеристике «Мин Тай-цзун ши лу» здесь почти не уделяется места [151, 197–199].

Чжу Юань-чжан (21 октября 1328 — 24 июня 1398) — первый император китайской Империи Мин с 23 января 1368 по 24 июня 1398.

Традиционное написание 朱元璋, упрощённое написание 朱元璋, посмертное краткое имя — Гаоди (高帝), посмертное полное имя — Кай Тянь Синдао Чжао Цзи Ли Цзида Шэн Чжи Шэнь Жэнь Вэньи Уцзюнь Дэ Чэнгун Гао Хуанди (開天行道肇紀立極大聖至神仁文義武俊德成功高皇帝), храмовое имя — Тайцзу (太祖)

Девиз правления: Хуньу (洪武, Разлив Воинственности).

Цзянь-вэнь (建文, 5 декабря 1377 — 13 июля 1403) — второй император Китая династии Мин с 24 июня 1398 до своей смерти в 1403 году. Личное имя Чжу Юнь-вэнь (朱 允炆), храмовое имя не было присвоено, посмертное имя Хуэй-ди (惠帝), полное имя Гун-мин Хуэй-ди (恭閔惠皇帝).

Титул «*ван*» носили древнекитайские властители до образования империи (III в. до н. э.). Позже он присваивался людям, стоявшим рангом ниже императора, чаще всего императорским родичам. Ванами в китайских источниках именуются также правители зарубежных стран. Этот титул принимали многие вожди повстанческих движений в Китае. Значение этого титула в описываемое время близко по смыслу к слову «князь».

В свою очередь, ван, получавший удел, именовался в источниках в соответствии с названием своего удела, например Янь-ван (т. е. ван удела Янь), Чжоу-ван (ван удела Чжоу) и т. д. Поэтому мы сочли возможным включить подобные наименования ванов в именной указатель.

По степени родства ваны подразделялись на цинь-ванов (сыновей императора) и цзюнь-ванов (его внуков).

Сост. по: [29; 127, 20–22; 105, 147, табл. 11].

При этом, однако, нужно учитывать, что в своей аграрной политике правительство Чжу Юань-чжана далеко не всегда было последовательно. В ней прослеживаются определенные зигзаги и некоторая эволюция (подробнее см.: [105, 71–72]).

Академия Ханьлинь исполняла как научные, так и политические функции. В обязанность ее членов входило составление анналов царствующей династии, а также династийных историй и других сочинений, исполнявшихся по «высочайшему» повелению. Из ханьлиньцев, как правило, подбирались наставники для членов императорской семьи. Члены академии были в свите императора, участвовали во дворцовом церемониале. Кроме того, ханьлиньцы составляли многие государственные акты, в частности тексты императорских манифестов.

Чиновники в Китае делились по старшинству на 9 рангов (высшим был 1-й). Чиновники каждого ранга, в свою очередь, подразделялись на «действительных» и «приравненных».

Указанное мероприятие не следует путать с амнистией для уголовных преступников. Последняя также осуществлялась правительством Чжу Юнь-вэня, но другими актами и в иные сроки.

Датировка событий, связанных с шагами против удельных воевод в 1399 г., дается в различных источниках по-разному и колеблется в пределах февраля — июля.

По другим данным, Минь-ван был сослан в Юньнань [16, цз. 11, 800].

Не следует, однако, упрощая картину, думать, что позиция тех или иных группировок и лиц во внутривнутриполитической борьбе в 1398–1401 гг. определялась только политическими мотивами. Здесь, несомненно, сказывался и целый ряд конъюнктурных и тактических соображений: клановые, имущественные и карьеристские интересы, сугубо личные привязанности и т. д.

Кайпин находился близ современного г. Сюаньхуа, в провинции Хэ-бэй (не путать с г. Кайпин близ Бохайского залива, в той же провинции).

У Хань, специально исследовавший данный вопрос, приходит к заключению, что подлинные документы о рождении пятерых старших сыновей Чжу Юань-чжана, а также о рождении Чжу Юнь-вэня были уничтожены по приказу Чжу Ди после прихода последнего к власти. Поэтому сказать что-либо определенное о происхождении Чжу Ди трудно. Но даже по сохранившимся данным можно определить, что его матерью была не та императрица, которая ею официально провозглашалась [146, 9–16]. Не углубляясь в данную проблему, отметим, что само по себе уничтожение документов и фальсификация версии о матери Чжу Ди в источниках — факт весьма важный, доказывающий, что, по его собственному мнению, не все в его происхождении было «чисто».

Подробнее описание битвы см. [48, 119–120].

Чжу Ди (朱棣, 2 мая 1360 — 12 августа 1424) третий император династии Мин с 17 июля 1402 до его смерти в 1424 году. Чжу Ди называют вторым основателем династии. Храмовое имя — Чэн-цзу (成祖), посмертное имя — Вэнь-хуанди (文皇帝, буквально «культурный император»).

Девиз правления: Юнлэ (традиционное написание 永樂, упрощённое написание 永乐, буквально: «Вечное счастье»).

Нужно иметь в виду, что элементы спора о престолонаследии или же борьбы за престол присутствуют почти во всех крупных междоусобных войнах средних веков в разных странах мира. Это отнюдь не значит, что династийная борьба была основной сутью таких войн. Рамки династийных распрей часто служили лишь формой или же предлогом для конфликтов, имевших большую социальную и историческую значимость. Роль споров вокруг престола в данных случаях и на отдельных этапах внутренних войн могла быть весьма различной. Но общая динамика борьбы вела к тому, что вокруг враждующих претендентов на высшую власть создавались группировки их сторонников. Последних связывали не только общие интересы в вопросе о престолонаследии, но, прежде всего, общность социального положения, политических устремлений, материальной выгоды. Учитывая средневековую психологию, можно сказать, что отсутствие примеси династийных споров лишь затрудняло развитие внутренних конфликтов.

1 *дин* в ассигнациях формально равнялся 10 тыс. медных монет (*вэней, чохов*). Фактически же это соотношение было иным ввиду обесценивания ассигнаций.

Чжу Гао-ч'и (朱高熾, 16 августа 1378 — 29 мая 1425) — 4-й император Китая из династии Мин, правил с 7 сентября 1424 года по 29 мая 1425 года. Старший сын и преемник императора Чжу Ди. Его девиз правления Хунси (洪熙) можно перевести как «Великое сияние». Посмертное храмовое имя — Император Жэнь-цзун династии Мин (明仁宗).

Основным воинским соединением в XIV–XVII вв. в Китае был *вэй* (гарнизон). Юридически каждый такой гарнизон должен был насчитывать 5600 человек. Они делились на тысячные караулы (*цянъ ху со*) по 1120 человек, которые, в свою очередь, состояли из десяти сотенных караулов (*бай ху со*) по 112 человек. Последние делились на полусотни и десятки. Практически же число солдат и офицеров в гарнизонах могло быть весьма различно, и больше установленной нормы и меньше. Примеры этому приведены Н. П. Свистуновой [107, 218, 222, 226, 228].

Вопрос об обороне границ империи Мин тесным образом связан с внешней политикой Китая того времени. Поэтому в данной работе, посвященной внутриполитической истории, он затронут лишь конспективно. Более подробно об этом см.: [92; 104; 107; 129; 215; 223].

25

1 *дань* равен 103,5 л.

1 *цин* равен 100 *му* (6,144 га).

Таблица составлена по данным «Мин Тай-цзун ши лу». Насколько достоверны данные официальной китайской средневековой статистики, проверить невозможно. Однако именно налоговая статистика с большей или меньшей приближенностью могла отражать реальное положение вещей.

В конце XIV в. предполагалось в среднем 3/10 солдат оставлять для гарнизонной службы, а 7/10 — отправлять возделывать землю. Но практически, в зависимости от конкретных обстоятельств и условий, соотношение строевых солдат и военнопоселенцев было весьма разным и выражалось как 2:8, 4: 6 и даже 1:9 [158,5].

Исследователи отмечали, что в самом широком смысле слова опорой деспотического режима императорской власти в средневековом Китае служило сословие *шэньши* — людей, так или иначе связанных с учено-бюрократической карьерой и низовой административной властью на местах и вместе с тем обладавших определенным имущественным достатком (чаще всего доходами от земельной собственности). Влияние шэньши, сгруппированных в широкие клановые организации, в конечном итоге определяло всю социально-политическую структуру империи. Они являлись основным ядром господствующего класса развитого и позднего феодального общества в Китае [подробнее об этом см.: 97; 191; 192]. Роль блюстителя незыблемости деспотической власти они начинают играть еще в X–XI вв. [114, 175]. Это сословие в широком плане служило опорой и минским императорам... Однако в данной главе речь идет не об общих основах режима императорской власти, а о конкретных политических силах, на которые могло рассчитывать правительство Чжу Ди, чтобы удержаться у власти.

Попутно обратим внимание на приравнивание народа к быдлу, что лишний раз говорит отнюдь не о филантропических истоках «заботы» Чжу Ди о народе.

Еще одной столицей при династии Мин считался г. Фэнъян, связанный с происхождением Чжу Юань-чжана. Но это была чисто номинальная столица, не имевшая никакого политического значения [210, 50].

В строительстве новой столицы можно выделить несколько этапов. Подготовительные работы (заготовка строительных материалов, вербовка мастеров строительного дела и рабочей силы) начались в 1406 г. Их намечалось закончить к июню 1407 г. После этого началось возведение нового дворцового комплекса. Он был примерно на 600 м сдвинут к востоку от прежних дворцов монгольских императоров Китая. За образец был взят дворцовый комплекс в Нанкине, но размах новых палат должен был превзойти нанкинские. В 10-х годах интенсивность строительства несколько снизилась, что было связано, очевидно, с походами в Монголию в 1409–1410 и в последующие годы, отвлекавшими средства и участвовавших в стройке солдат. В декабре 1416 г. при дворе даже обсуждался вопрос, следует ли продолжать строительство в Пекине. С одобрения высших сановников оно все же было продолжено. На этой завершающей фазе было в основном закончено сооружение не только дворцового комплекса, но и многих «внешних» объектов (в частности, знаменитого Храма Неба), а также расширена и перестроена пекинская крепость [23, цз. 57, 835–836, цз. 182, 1964, цз. 218, 2169].

Понятия «Север» и «Юг» в отмеченном смысле весьма условны. Следует учитывать, что южные провинции империи Мин-Гуандун, Гуанси, Юньнань и Гуйчжоу даже к 1500 г. еще не были достаточно колонизованы китайцами [197, 203]. Поэтому они рассматривались как южные окраины. Фактическим политическим и экономическим центром юга страны были районы в бассейне нижнего течения р. Янцзы. Под Севером, в свою очередь, обычно подразумевались территории, лежавшие в бассейне среднего и нижнего течений р. Хуанхэ.

Л. А. Боровкова, основываясь на предоставлении северянам более широкого доступа к кормилу правления в 1397 г., а также отмечая отдельные переселения Чжу Юань-чжаном «богатых домов» и крестьян из южных районов, высказывает предположение, что север страны постепенно становился главной опорой деспотической императорской власти уже в конце XIV в. [55, 169]. Однако каких-либо решающих сдвигов в этом направлении тогда еще не произошло. Возможно, что в условиях внутривластной борьбы Чжу Юань-чжан не пренебрегал надеждой найти опору среди северокитайских феодалов. Но подобные планы могли относиться лишь к последним годам его царствования, и подтверждение их существования нуждается в дальнейших доказательствах. Как показано в исследованиях Л. А. Боровковой, Чжу Юань-чжан пришел к власти, опираясь на южнокитайских феодалов [50, 34, 175–176]. Ориентация на них сохранялась при первом императоре династии Мин и впоследствии.

Перемещение политического центра в Пекин сопровождалось сосредоточением в его округе значительного количества войск. Передислокация сюда войск и расширение местных воинских гарнизонов за счет пополнений начались еще в 1402–1403 гг. [23, цз. 12(11), 215, 223, цз. 22, 415]. При первом переезде императора в Пекин в 1409 г. его сопровождали 50 тыс. солдат и офицеров из нанкинского гарнизона, значительные армейские контингента из различных провинций страны и войска Цзиньивэя [23, цз. 82, 1095–1096]. Дальнейшей концентрации войск на севере способствовали походы в Монголию.

Например, еще при Чжу Юань-чжане был случай, когда за 10 дней к императору поступило 1660 докладов, представлявших на его усмотрение 3391 дело [213, 48]. Нечто подобное должно было происходить и при Чжу Ди.

В данном случае мы абстрагируемся от того факта, что свобода монарха в принятии решений была в императорском Китае (возможно, за исключением лишь начального периода существования империи) в известной мере ограничена. Ло Юн-бан, специально изучавший механизм принятия таких решений в период Мин, приходит к выводу, что даже при характерном для этого времени усилении императорской власти здесь продолжало в конечном итоге сказываться влияние многих причастных к власти инстанций [218, 70–72].

Приведенные методы практиковались в Китае и ранее. Как отмечает Г. Я. Смолин, стремление правительства утилизировать земельные ресурсы и пополнить фонды «казенных полей» ярко прослеживается уже в конце X–XI вв. и отражает традиционную для Китая линию на развитие производительных сил главным образом вширь, путем раздвижения границ ареала земледельческой культуры [114, 101–102]. В этом плане Чжу Юань-чжан не вносил чего-либо принципиально нового.

В этой связи Л. А. Боровкова говорит о полном провале политики Чжу Юань-чжана, направленной на возрождение мелкого крестьянского землевладения, в ее исторической перспективе [55, 170].

В этой связи нужно вернуться к вопросу о переселении крестьян, которое практиковалось при Чжу Ди, так же как и при Чжу Юаньчжане, и которое Л. А. Боровкова, как отмечалось выше, считает одним из действенных средств к ограничению интересов феодалов. Доступные материалы не дают возможности с точностью определить, кого и по какому принципу переселяли. Следовательно, вопрос о влиянии такого переселения на частнофеодальное хозяйство может ставиться лишь теоретически, в гипотетическом плане. Указанное переселение, согласно имеющимся данным источников, шло из районов, где был избыток рабочих рук и нехватка земли. Переселялись безземельные и малоземельные крестьяне. Эти категории не обязательно идентичны крестьянам-арендаторам частных полей. Отсюда поставленный вопрос еще нуждается в исследовании. Кроме того, переселение крестьян при Чжу Ди сопровождалось, как будет показано ниже, и чисто политическими, а не только экономическими мотивами.

Уверенность, которую выражает докладчик в том, что опустелые поля не останутся необработанными, лишний раз свидетельствует отнюдь не об абсолютном значении переселения крестьян как фактора, подрывавшего частнофеодальное хозяйство.

Начатки такой идеи заложены в труде Гуань-цзы. Затем ее подхватили и превратили в стройную теорию легисты. Позже она вошла в конфуцианское учение средневекового Китая. (Подробнее см.: [91; 100].)

Ответить на вопрос, куда бежали крестьяне, бросавшие свое хозяйство, весьма трудно, так как в источниках чаще всего встречается формула «бегут и скрываются». Однако отдельные данные позволяют предположить, где они скрывались в начале XV в. Во-первых, они просто переселялись в другие районы, где налоговый гнет был меньше, или же вовсе скрывались от налогообложения [23, цз. 151, 1755, цз. 25, 469]. Во-вторых, беглые крестьяне становились бродягами [23, цз. 70, 981]. Это подразумевало как случайные заработки и нищенство, так и уход в «разбойные шайки». В-третьих, беглецы находили пристанище у «сильных домов», т. е. помещиков и аристократов, нанимаясь к ним в работники и слуги [23, цз. 116, 1476, цз. 131, 1618]. В-четвертых, некоторые бежали «на острова в море», т. е. уходили за рубеж [23, цз. 32, 566, цз. 52, 787]. Наконец, какая-то их часть бежала в города, пополняя армию городской бедноты. Но документальных подтверждений последнему в источниках применительно к рассматриваемому времени обнаружить не удалось.

Система налогов, существовавшая в империи Мин, описана во многих общих и специальных работах [см.: 66; 105; 135; 203; 209]. Поэтому здесь отметим лишь самые основные ее черты. Налоги собирались дважды в год и назывались «летними» и «осенними». Размер взимаемых налогов определялся числом внесенных в реестры тягловцев, количеством обрабатываемой земли и ее урожайностью. Официально считалось, что средняя норма основного налога должна равняться 1/10 части урожая. Налоги с казенных земель были тяжелее, чем с частных. В конце XIV в. средняя установленная норма налога с каждого му (1/16 га) казенных земель составляла 5 *шэн* 3 *гэ* 5 *шао* зерна (около 5,5 л) в год. Данных об изменении этой средней нормы в начале XV в. нет. На практике система налогов в стране не была единообразной. Для казенных земель существовало 11 градаций налоговых ставок, для частных – 10 градаций. Кроме «основного» налога было много «дополнительных». Простолюдины были также обязаны нести целый ряд обременительных повинностей (трудовая, извозная и др.). Налоги исчислялись главным образом в зерне. Но в различных областях страны они могли собираться самыми различными продуктами местного производства. Исчислялись они и в деньгах. В связи со всем этим существовала так называемая кеременная сетка налогов. За сбор налогов отвечала местная администрация. Однако практически их собирание перекладывалось на общинную верхушку. В частности, в 1371 г. был введен институт специальных налоговых старшин (*лян чжан*). Деревенские общины были связаны в уплате налогов круговой порукой.

Например, поскольку продажа людей начала принимать угрожающие масштабы, правительство запретило ее в 1410 г., а в 1413 г. стало выкупать проданных на казенные средства [23, 106, 1371, цз. 140, 1688].

Составлено по: [23; 20].

Составлено по: [23].

Есть данные, что в 1403–1424 гг. категория домашне-оседлых ремесленников насчитывала 27 тыс. дворов [176, 105]. Но так как это число совпадает с числом переселенных при Чжу Ди из Нанкина в Пекин мастеровых, то к данной категории, очевидно, следует отнести всех столичных ремесленников. Следовательно, к ней надо отнести и 14 800 ремесленных дворов, оставленных в Нанкине [128, 11]. Сменно-перемещаемых ремесленников в конце XIV в. насчитывалось 230 289 человек [206, 56]. Что же касается военных ремесленников, то в начале XV в. на учет Военного ведомства их было около 3 тыс. [116, 108]. Однако вся приводимая статистика весьма условна.

В задачу данного исследования не входит более подробное освещение вопросов, связанных с общей организацией ремесла в период Мин, ибо они достаточно полно отражены в работах Э. П. Стужиной и Чэнь Ши-ци [116; 176].

При всей условности приводимой статистики, зная объем казенного и частного производства железа, можно установить, что в начале XV в. он приблизительно достигал уровня 15–16 тыс. т в год. В этой связи цифра 45 тыс. т, принимаемая за среднегодовую выработку железа в стране в 1403–1424 гг. китайскими авторами Ван Су и Син Линем, представляется преувеличенной [57, 16].

Можно предположить, что попытка ввести фиксированный налог коснулась и железа. Но здесь твердый уровень налоговых поступлений продержался лишь в 1419–1420 гг., т. е. два года.

В «Мин шу» записано, что со вступлением Чжу Ди на престол им были закрыты 95 соляных шахт в Сычуани [33, цз. 81, 1648]. Однако «Мин Тай-цзун ши лу» свидетельствует, что закрытие этих шахт относится к 1392 г., т. е. не являлось акцией правительства Чжу Ди. Наоборот, последнее вновь начало их разработку в 1416 г. [23, цз. 172, 1911].

Составлено по:[23].

Отрез, или кусок (*nu*), — китайская мера ткани 70 см в ширину и 12,8 м в длину.

Указанной точки зрения придерживались, в частности, Шан Юэ и Цянь Хун, а ряд других ученых были склонны относить зачатки капитализма в Китае к еще более раннему времени. Подробнее об этом см.: [93: 99].

см. подробнее: [44, 6]

см. подробнее: [45, 139–181]

Подношения императору, доставлявшиеся иноземными посольскими миссиями, именовались в Китае «данью».

Бумажные деньги конца XIV — начала XV в. имели разные номиналы — от 100 *вэней* (медных мелких монет) до 1 *гуаня* (связки медных монет). Ассигнация в 1 *гуань* приравнивалась к 1000 *вэней* или же 1 *ляну* серебра, 4 *гуаня* ассигнациями приравнились к 1 *ляну* золота [33, цз. 81, 1643].

В китайских источниках все выступавшие против установленного порядка именовались разбойниками. За этим чаще всего скрывалось обозначение именно социального протеста.

При всем этом мы нарочито абстрагируемся от сложной социальной борьбы в среде господствующего класса, чему посвящены первые главы работы, а также от волнений среди некитайских национальностей страны, о чем будет сказано ниже.

В этой связи нельзя согласиться с мнением Лю Цзун-юаня и А. Сиеделя о роли даосизма в Китае в начале XV в. Первый из них считает, что глубокое влияние даосизма на политику прослеживается в течение всего периода Мин, начиная с царствования Чжу Ди [217, 291–292]. Второй отмечает начало XV в. как время поощрения даосизма правительством [224, 492–495]. Гораздо больше оснований согласиться с Ч. Хакером, который пишет, что минское правительство применяло против даосизма и буддизма репрессивный контроль, приводивший еще со времени Чжу Юань-чжана к религиозным волнениям [213, 28–29]. Истинное отношение Чжу Ди к даосизму хорошо характеризует следующий случай. Когда в начале его царствования, в феврале 1404 г., идеологи даосизма поднесли двору даосские каноны, он приказал отвергнуть подношение и прогнать их [23, цз. 13, 923; 33, цз. 5, 63].

Дарение китайских чинов и регалий практиковалось китайцами и для иноземных вождей, находившихся за пределами империи. Однако в данном случае их титуловали начальниками собственных *взев*, а не вливали в китайские *вэй* как «присоединившихся». Естественно, что, находясь вне контроля китайских властей, эти зарубежные *вэй* практически не были подчинены Китаю. Чтобы не путать их с настоящими *вэями*, китайцы называли их *цзими вэй* (*вэй*, связывающий силы иноземцев) [подробнее см.: 92, 252–274].

Слово «чиновники» здесь употреблено в расчете на китайского читателя. Подразумевает оно некитайскую знать.

Например, при образовании Управления полного умиротворения Пуань в феврале 1403 г. было оговорено, что местный начальник будет ежегодно выплачивать в качестве «дани» 3 тыс. даней зерна и возьмет на себя расходы по доставке этого зерна в казенные хранилища [23, цз. 16, 298].

Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по второму изданию Сочинений, произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.